Р18Ср II 19.1
Р18Ср II 19.2
И II 440

Книга
5ma

Пр. [illegible]

[illegible] Кушеник

[illegible]

Ex Libris 858.

Pavel [illegible]

[illegible]

Alostan Grojetaj

Anno 1659

ЖИВОТЪ
И
ЧРЕЗВЫЧАЙНА ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ
ОТЪ
ІОРКА
СОБСТВЕННОМЪ РУКОМЪ
НѢГОВОМЪ СПИСАННА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



Изъ Нѣмецкаго Н. Лазаревичемъ преведенна.

ВЪ БУДИМѢ
Печатана писмены Кралевск. Веучилища
1799.

Инв. бр. 209914

Андрия Декулића

Полно увѣренъ, што ты благоразсудни Читателю отвеличине Книге ове уплашитисе нећешъ; таковую до конца прочитати, кое воистинну и труда заслужава. Сви Европейски Народи и данасъ Книгу ову съ великимъ услажденїемъ читаютъ, и обще разширена похвала нѣйзина преходитъ отъ отца на сына, отъ сына на унука и тако отъ рода въ родъ.

Овде хоћешъ наћи све сами порядокъ чудесъ провидѣнїя Небесногъ, кои не само штоће тебе отмѣнно увеселити, и благоразумно сердце твое рѣкомъ сладости, него їоштъ и самому вѣчному существу тебе ближе привести. —

Видећешъ далѣ, тко съ случаи свѣта овога управля, кое э тебе истина и досадъ познато было, али можетъ быти,

не овако ясно, како штоћешь у дивнои повѣсти овой читати.

Знамь добро, како штосе отъ благоразсудности твое и очекивати можетъ; да ты прехвалнога *Робїнзона* перво: аки страдалца; второ: аки истинаго Пустиника разсмотравати будешъ. Писатели Нѣмецки нису до то доба престали, докле годъ нису прави нѣговомъ собственомъ рукомъ списани *Оригїналъ* у кралѣвской *Англїйской* Бібліотеки изнашли, и неотложнимъ трудомъ у чистоћу свога Языка довели.

Я отъ стране мое несматраюћи нато нимало, штоће преводъ Книжице ове, као што є обыкновено, общой Крітїки подложанъ быти; труда отнюдь щадїо нисамъ народни Языкъ мой съ едномъ странномъ и воистинну примѣчанїя достойномъ повѣсти аки криномъ украсити: и желїобы и унапредакъ, и башъ до конца жизни мое у дѣлу оваковому себе упражнявати, и коликобы годъ крѣпости Разума и сила мнѣнїя мога досегнути могла, изъ найкраснїихъ *Аутороваъ* и писа-

телей

телей Нѣмецкихъ, отъ годъ до годъ баремъ съ двема новима Книгама Матерни Языкъ мой украсити. Истина да вѣкъ садашни, тако да рекнемъ: доволно съ просвѣщеномъ разними Языцы украшеномъ Юности, као какова лепа башча съ разними цвѣти украшена есть; али тога ради неваля опетъ ову нашу истину, и многихъ иныхъ Языковъ Матеръ тако презырати; него валя да нїойзи опетъ нове халине скроимо, и примѣру другихъ просвѣщеныхъ Народовъ слѣдуемо, све учити, али Народню свѣщу свою угасити недопустити. И то мыслити неваля, да я преводъ овай не бы у состоянїю бїо, и како мыслимъ, їоштъ лакше вышимъ штїлусомъ сочинити, алисамъ отъ племенитодушнаго Книге ове Фунтора произволенїю ню просто, дабы сватко све ясно разумѣвати могао, къ тому обвязанъ бїо, овако просто составити, кое како што мыслимъ, и више обще похвале заслужити можетъ. Желити бы было, дабы башча Славено-Сербска съ выше оваковыхъ Народолюбцевъ насаждена была,

кои

кои бы примѣру нѣговому подражавали и языкъ свой съ красними моралъ и увеселеніе простирающими Книгами украшавати непрестали.

Преводчикъ.

БЛАГОРОДНОМУ

ГОСПОДИНУ

ПЕТРУ

ОТЪ

АСІМАРКОВИЧЬ

ЖИТЕЛЮ БУДИМСКОМУ,

МОЕМУ

ВЫСОКОПОЧИТАЕМОМУ

БЛАГОДѢТЕЛЮ.

БЛАГОРОДНЫЙ

ГОСПОДИНЕ,

МНѢ

ВЫСОКОПОЧИТАЕМЫЙ БЛАГОДѢТЕЛЮ!

Ево данасъ найблагощастный и найрадостный данъ, когасамъ я текаръ еданъ кратъ у цѢлому самомъ бѢдомъ, и разними противными случаи обтереѣеномъ животу моему доживїо, и кадъ небы мене чрезъ овыхъ полныхъ 7^мъ лѢтъ Ваша свудъ простирающа помощь, и благодѢтелна десница непрерывно защищавала, и овако великодушно у свакому пропивному случаю укрѢплявала, я бы воисппинну на овой пучини страшнаго Океана вѣкъ давно нѢговими яростними таласми погруженъ быо! Разсмотраваюѣи *РОБІНЗОНА* аки великаго страдалца купно и пустинника, и

видеѣи

видећи да їошть и већи страдалцевъ на свѣту есть него штосамъ я; имаосамъ велику волю нѣга, да бы съ тимъ и моимъ упѣсненіямъ облегчаніе учиніо, на Славено-Сербскій языкъ превести, и великодушному имени Вашему посвятити; ербое рѣдко наћи было, кто бы 1500 форінтовъ на общу ползу ову тако радостно жертвовао; како штосте Вы племенитодушный благодѣтелю! кадсамъ Вамъ первый предлогъ за книгу ову учиніо, драговолно жертвовали мени овако говорећи: „ Могу-
„ ли я ползу, или поне увеселеніе
„ каково любимому роду моему
„ учини-

„ учинити, ако я преводъ книге
„ такове собственнымъ трошкомъ
„ моимъ на свѣтъ издадемъ; на
„ мой Вамъ познани отговоръ ве-
„ ликодушно рекли: не само 1500
„ форінтовъ, него їошть и све
„ имѣнїе мое у свакому случаю за
„ ползу рода Сербскаго жертвова-
„ ти готовъ есмь.“ О похвали вѣч-
ныя достойный примѣре! О драго-
цѣнна рѣдкости вѣка сего! И ско-
робысамъ было, кадсамъ вѣть испи-
ну ову исполнену видѣо, чувствомъ
радости преобладанъ у обморокъ
пао, кадсте Вы къ мени дошли, и
у самой златной монети 1500
форінтовъ аки чистую жертву

народу

народу нашему принели, и мени за трудъ мой 300 готовыхъ форїнтовъ отъ тихъ отброили; съ тимъ прилогомъ патрїотїческомъ любовїю упалѣни мени говорили: їошттъ и то хоћу да буде, да Вы изъ старога Оригїнала оныхъ 7^мъ образцовъ овога пустинника изсѣћи дадете, да їошттъ и съ тимъ Славено-Сербскїй *РОБІНЗОНЪ* аки невѣста вѣнцемъ украшенъ будетъ.

Гдѣ э то право Сербско сердце, кое овде не бы чувствомъ сладости упоено бисеръ радости изъ очїю испустило? слушаюћи овакове племенитодушне рѣчи, кое самаго Демокрита Аѳинскаго застыдяваю!

Овде

Овде свакому ревнителному патрїоту перси отъ радости валя да играю; и я Васъ великодушный благодѣтелю! полно увѣрити могу: да Вы отъ цѣлаго нашего славнаго народа Вашему племенитому духу умѣренную похвалу задобити будете. Высте у свима мени и обще познанымъ явнымъ способамъ, гдѣ э обще добро помощь какову изискивало, первый къ жертвованїю готови были. Я воистинну онаго великодушнаго и рѣдкаго благодѣтелства, коесте Вы кромѣ другихъ способовъ како своей единовѣрнѣй нищей учащейся юности, тако исто и Римо-каѳолїческой, не само

къ

къ науки изискуемымъ вещма, него їошть и разнымъ потребнымъ одѣянїемъ радостно чинили, и таковую снабдѣвали, аки чувствителна душа безъ пролитїя слезъ опоменутисе не могу!

Овосу драгоцѣннїи и свѣтлїи, овосу великодушнїи поступцы, коису Ваше древле кровїю заслуженое благородство на ново осведочили, и таковое отъ самыхъ лорберовъ исплетенимъ вѣнцемъ предъ Богомъ и человѣки украсили! и мыслимъ да овакове сїятелне добродѣтели, као шшосу ове Ваше, нећеду безъ краснаго награжденїя остати, и Ваша Мати Фортуна, коя

э доса-

э досадъ точїю съ едномъ Факлїомъ предъ Вами свѣтлила, бытиће сада принуждена две упалити и у напредакъ Вашему прехвалному, и до самыхъ облаковъ превознесенному духу їошт ясніе свѣтлити! а я истину да рекнемъ, да э праведно и достойно, да она десять а не само две упалитъ; ербо какова э полза свѣту и человѣчеству, ако бы Мїдасъ *) нечувственный, како што явни примѣра доволно предъ очима видимо, и мїллїоне имао, а отъ ныхъ ни новчића просяку прегорети не можетъ, а камоли дабы онъ за об-

ще

*) Нѣкїй древный сребролюбацъ кои э отъ Боговъ за свою глупость магареће уши добіо.

ще добро и славу народа свога што-
годъ жертвовао! али нека Мїдасъ
съ онымъ цвећемъ, съ коимсу нѣга
Богови мудрости и добродѣтели
нѣгове ради накитили, свагда као
Мїдасъ украшенъ останетъ, доброе
познато, кудаће онъ съ Наслѣдницы
своими поћи, и предъ ныма съ зла-
тномъ сикиромъ путъ къ Плуто-
ну крчити! али садъ дасе већь ма-
немъ овога славнога мужа — него
да уведемъ истинно слово языковъ
учителя Павла Апостола, кои ясно
говоритъ: Да звѣзда отъ звѣзды,
како што и явно на тверди небес-
нѣй видимо, во славѣ разнствуетъ;
онъ истина овде о воскресенїю

мер-

мертвыхъ бесѣди, а я ово нѣгово слово безъ сумнѣ и у примѣръ живыхъ узепи могу; ербосу они разнспвене звѣзде на земли, кои между человѣчествомъ добродѣтелію сїяютъ, и судећи нравно, да сви они, коису овога свѣта добро чинити могли, али хотѣли нису, нећe воистинну ни онога звѣзда нына сїяти, него їошпъ и оно мало свѣтлости, што э имала, быпиће отъ нѣ отузето и она вѣчно помрачена остати!

Немыслите великодушный Господине! да овде искренный обитатель персѣхъ моихъ, кога више на овомъ суетномъ свѣту,

ни-

ништо ни опечалити, нити развеселити можетъ, изъ каковаго ласкателнаго намѢренїя говори, него башъ све саму и чисту истину исповѢда.

А што э Вашему племенитому сердцу найкраснїю и вѢчную честь учинило, есть то, што э и мой духъ чувствомъ сладости упоило, и истину да рекнемъ: криломъ любкости башъ до верха аѳмосфере восхитило; да Вы нисте на книгу ову изъ страха, да небысте штогодъ штетовали напредъ пренумерантовъ тражили, него башъ изъ саме чисте любови къ народу нашему таковую собственнымъ трошком

комъ Вашимъ, коесамъ већь горе сказао, на тмпъ издали. Далѣ Васъ полно увѣрити могу, даѣдусе сви ревнителнїи народолюбцы самномъ заедно о издатку книге ове душевно радовати, и на славу и честь племенитаго духа Вашего пѣснь Амфїонову согласити. А найпослѣ да искренне мысли сердца мога овако говорећи цѣлому свѣту явимъ, дасе неће знати Кедръ на Лувану тако поносити, нити Апполо тако гордо у струнѣ лире свое ударати, као штоћусе я имаюћи таковаго великаго духа за благодѣтеля своего величати, коему я и све прочее зрѣлаго разума человѣчество, кое

онъ

онъ тако испо све вообще искренно какогодъ и мене любитъ, на общу ползу народа лѣта Несторова доживити желитъ; и сожалуемъ што далѣ вечь писати немогу, ербо э башъ у овому часу шумъ нагле радости перо изъ руке мое испоргао, и сердце мое рѣкомъ сладкихъ чувствованїй пловити почело.

ВАШЕГО БЛАГОРОДІЯ

покорный слуга
Н. ЛАЗАРЕВИЧЬ.

ПРЕД-

Ова Кнѣйга

Принадлежи

Андрій Секулића

Куплена одъ Пае Фемића за 30 кр.

Кнѣпчи

Андріе Лекунїѣа



Робїнзонъ у одѣянїю.



Андріе Lекулића

ЖИВОТЪ
И
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ
СЛАВНАГО АНГЛЕЗА
РОБІНЗОНА
КРУССЕ.

Я самъ лѣта 1632-го у Граду *Іорку* *) отъ добре фамілїе рожденъ, башъ ако и не изъ оне землѣ, ербо э Отацъ мой пришелацъ изъ *Бремена* **) быо, коисе найпре у *Уллу* ***)

А оку-

*) Англїйскаго Прінца Іорка Градъ и Варошъ у Англїи.

**) Такожде Градъ и Варошъ Кралѣвства Англїйскаго.

***) Тако исто Хановеру принадлежащъ.

окуħїо. Онъ э съ терговиномъ себи приличанъ Капїталъ стекао, и после їоштъ болѣ терговати почео; и у вышереченный Градъ *Іорхъ* аки мое матере мѣсто рожденїя после преселїосе, коея сродницы све славнїи и храбрїи мужи име *Робїнзоново* водише, отъ когасамъ и я послѣ *Робїнзонъ Крайцнеръ* названъ быо. Садъ обаче обыкновенымъ превраħанѣмъ Англїйски речи именую, и пишу другїи, а такожде и мы сами наше име *Круссе*. И такосу исто послѣ и мои содружницы мене звали.

Отъ моихъ двоице старїе браħе бяше еданъ Обрїст-Лайтїнантъ кодъ едногъ Англїйскогъ пешачкогъ полка, кога э преħе славный Обрїстъ Локхартъ управляо (командїрао) овай э у сраженїю съ Шпанїери подъ Градомъ *Дїнкїрхенъ* животъ свой изгубїо; а штосе съ другимъ случило, нисамъ о нѣму никадъ ништа разумео, као што и родители мои о мени ништа чули нису, гдисамъ я доспео, или гдисамъ умрео.

А будуħи да мене аки треħега и послѣднѣга сына къ никаковой терговини учити дали нису, тосе глава моя їошть верло рано съ различними раскошними мнѣнїями напунила, Отацъ мой, кои э веħь старость

глубо-



принадлежи

Андрі Lekyniła

купило за 30х Lреба



Совѣтъ отъ Отца Робинзону.

глубоку достигао быо, дао э мене доволно учити, коликосе годъ чрезъ пространо у дому воспитаніе и отъ части у явноме училищу доћи могло; и хотяше отъ мене Адвоката (Ходатая) учинити. Мени обаче у цѣлому свѣту ништа недопадесе тако сладко, као Мореплаванія животъ; и ово излишнѣ пожеланіе ополчаваше мене противо волѣ, а такожде и противо заповѣсти и зактеванія Отца мога, и противо свега отговараня Матере моє и другихъ пріятеля, да рекнемъ: тако силно, да ова природна склоностъ и жеља моя, коя э мене у слѣдующу предсрѣтшу бѣду и несрећу башъ аки за власи вукла, нѣчто особно ужасно видится.

Отацъ мой аки постояный и мудрый мужъ дао э мени многократно зрѣлій и изрядный совѣтъ на противъ мога већь нѣму напредъ познатаго намѣренія. Онъ э зовнуо мене еданъ кратъ рано у ютру у свою собу и мене ради мога намѣренія остро изобличіо. Онъ э запитао мене, какове узроке имамъ далѣ нежели скитатисе, да я домъ Отца мога, и Отечество моє оставлямъ, у коме я уживанѣ моє верло лако наћи; и надежду предъ собомъ имамъ, трудомъ и прилѣжаніемъ щастіе моє у малотрудномъ и у доволному живота провожденію снискати?

Онъ ѳ представїо мени, да нитко нежели люди крайнѣга отчаянїя, или такови, коибы далеко отъ другихъ дочи ради, есусе усудили далеко у свѣтъ поћи, да бы чрезъ предпрїятїя, коя отъ обыкновени пупова други люди далеко отступаю, къ великимъ богатствамъ, къ особной каковой славы достигнути могли.

Све ове вещи есу за мене верло велике, или верло малене; я среднѣму чину или стаю люди принадлежимъ, о коемъ онъ изъ долгога искусства добро знаде, да есть найболѣ станѣ на свѣту, и у коемусе ѳ найболѣга человѣческаго благополучїя надати, и што ѳ їошть болѣ, нити у бѣдному тешкому дѣлу, и труда полному животу занатлїе и надничара, нити пакъ отъ высокоумїя, неистовства, честолюбїя и ненависти више Классе люди узнемирено есть. Я такле благополучїе таковыхъ само изъ тога да разсудимъ, да ѳ ово еданъ начинъ уживания, коему многїи завидили есу, за коимсу и сами Кралѣви многократно узданули, и желили, дабысу средный путь, или стазу међу малимъ сиромашнымъ Народомъ и вышомъ Классомъ людей имати могли; и да ѳ Соломонъ овай чинъ или станѣ; аки истинное щастїе чрезъ то описао: ербо кадсе ѳ

се э онъ Богу молїо овако говорећи: Боже! недайми нити сиромашства нити богатства!

Я само добро да разсудимъ; рекао э онъ далѣ: тоћу свагда наћи, да трудности овога свѣта и живота по међу вышомъ и нижомъ Классомъ людей раздѣлене есу; на противъ тога средня Класса или станѣ людей ни найманѣга неспокойства нейма; нити таковымъ многимъ премѣнамъ, као выше и ниже станѣ или Класса люди подложно есть, нити пакъ многимъ душевнымъ и тѣлеснымъ недостаткомъ подвержено; ербо вышїй чинъ отъ раскошнога живота, неспокойства и неумѣренности на едной; нижїй обаче изъ недостатка разныхъ потребностехъ, тешкога и трудога дѣла, и слабаго и недовольнаго препитанїя на другой страни, себе наравнимъ слѣдствомъ нынога живота у болесть и бѣду бацаю; да средня Класса людей или станѣ за све начине добродѣтелей и удоволствїяхъ способна есть; да среднѣму щастїю миръ и изобилїе на руку долази, да умѣренность, удоволствїе, здравїе, и доброе содружество; найдражайшее времена провожденїе, и найжелателнѣйшее увеселенїе овому среднѣму щастїю у стопе стае. Да на оваковый начинъ люди цѣлый

свѣтъ

свѣтъ мирно прећу, и изъ нѣга опетъ лако изићу; и тако нитисе тешкимъ рукодѣліемъ, нитъ їошт што э горе, главоболіомъ муче; нити пакъ за насущный хлѣбъ себе у робство продаю; или отъ несносныхъ обстоятелствъ, коя душу мира и тѣло покоя лишаваю, утруждени, нити дѣйствителномъ завистїю, или тайно горящимъ честолюбїемъ за већимъ станѣмъ и вещма упалѣни бываю, но много выше са свимъ мирно угодно свѣтъ прећу, сладость живота безъ свакога еда уживаю, и дасу сасвимъ благополучни доволно чувствую, и повседневнымъ искусствомъ їошт пространіе познавати научаваю.

За тимъ почео э онъ мени живо и безъ шале говорити, да я небы ума лишеный ветрогоня быо, нити себе своеволно у различне бѣде бацао; отъ коихъ мене самое естество и станѣ, у коемусамсе родіо, доволно сохраняваю. Да я никакове нужде неймамъ хлѣбъ мой далѣ тражити. Онћесе за мене старати, и къ овому начину уживаня мога руку помоћи драговолно дати, и ако я после у свѣту и странствованію несрећанъ будемъ, тоће сами случаи, или собствена погрѣшка моя проузроковати, и да онъ за то нигди отговора дати нейма, напослѣдокъ

онъ

онъ рече: да э излишнымъ отговаранѣмъ своимъ за отвратити мене отъ онаковаго намѣренія, о коемъ знаде, даће оно мени зѣло убиточно и погибелно быти, већь отеческимъ должностемъ своимъ доволно удовлетворіо. Кратко: како годъ што онъ о свему доброму ништа изоставити хотяше, кадбы я кодъ куће остао и по нѣговомъ мнѣнію и заповѣсти себе управляо; тако исто нехотѣвъ спроћу шога къ моему нещастію и отшествію ни у найманѣму чему што помоћи.

Напослѣдокъ э онъ мени мога старіега брата примѣръ предъ очи ставіо, кога э онъ тако исто отъ военне службе у Нідерланду отвраћао, али спроћу нѣгове младости и жестоке желѣ на войску ићи; гди э онъ после и живота лишенъ біо, ништа распрaвити ніе могао (еще къ тому придао э) нехотећи престати мене молити; и рекао э: да онъ ређи може, да ако я овай безпутный поступокъ учинимъ, мене Богъ икадъ благословити буде, и даћу я кадгодъ доволно приораня имати о презрѣнію нѣговогъ совѣта плачевно размышляваши, и то кадъ већь къ спасенію и избавленію моему никакове помоћи человѣческе не буде.

При

При овой послѣднѣй части нѣговогѣ слова, кое э воистину нѣчто пророческое было, несматраюћи да мой Отацъ тако мыслїо нїе, примѣтїосамъ я, да нѣму грозне сузе една за другомъ преко лица полетише, а особито кадъ э онъ о моему у сраженїю подъ *Дїнкїрхномъ* погибшему брату проговорїо; и како э онъ на то дошао; и даћу нужде и времена къ раскаянїю доволно имати; нѣга э таково сожалѣнїе неспокоя напало; да э онъ слово свое сасвимъ пресѣкао и мени рекао: да се э сердце нѣгово тако жалости напунило, да онъ више самномъ ништа говорити не можетъ.

Ово э слово мени како стрѣла крозъ сердце прошло; ербо кога овде небы возбудила и заболела душа! заключїосамъ дакле, ни-накаково путешествїе далѣ мыслити, него по желанїю Отца мога у моему Отечеству заостати. Али све забадава, у нѣколико дана изчезнуло э то све.

И кратко: да небы Отацъ мой съ нѣговимъ мени досаднимъ совѣтованїемъ їошть еданъ кратъ на вратъ дошао; то намыслїосамъ болѣ преће неколико недѣля отъ нѣга побећи. Али я нисамъ више тако напрасно къ намѣренїю моему спѣшїо, као што э мене перва наглость къ тому побуждава-

ждавала, него узеосамъ Матерь мою, кадсамъ ю већь видѣо, да э она съ прочу мене милостивія нежели прече на страну, и ей обявіо, дасу мнѣнія моя на томъ твердо основана свѣтъ и люде видѣти, и ако я десетъ коекакви вещи предузмемъ никодъ какве постоянъ остати нећу; и Отацъ мой хоће много болѣ учинити, ако онъ путешествіе мое позволи, нежели да мене принуди и безъ таковаго отити. Ясамъ већь 18. година старъ, слѣдователно, нитисамъ већь за терговачкогъ служителя, нити пакъ за Адвокатскогъ ученика способанъ.

И ако башъ то учинимъ, то я доиста време мое одержати нећу; негоћу іошть прече истеченія времене отъ Майстера побећи, и на море отићи. Замоліосамъ ю: да ако она хоће съ Отцемъ моимъ о томъ говорити, да онъ мени путешествіе у стране землѣ позволи, хоћеми дакле особну матерню любовь указати, — и акосе мени тамо недопадне, и несвикне, то кадъ я натрагъ дођемъ, више никаковаго странствованія зактевати нећу, него оно изгубљено време са сугубимъ трудомъ попунити истинно обѣцавамъ.

Моя Мати чувшій ово пала э абіе у велико душевно неспокойство, и рекла э мени:

да

да она вѣчь све добро знаде, и да нитоѣе годѣ она о томѣ отцу моме говорити, ништа друго быти неѣе, него само еданѣ суетный трудѣ, отацѣ мой естьвѣчь о свему тому доволно увѣренѣ, да намѣреніе мое ништа друго нїе него самая погибель моя, кѣ чему онѣ мога собственнаго добра и благостоянїя ради никада позволити неможе, и чудиласе, да я сѣ Отцемѣ моимѣ, кое э и ей добро познато, доволни и острый разговорѣ о томѣ имао есамь, и кои э мене сѣ таковима умилителнима речма отѣ тога отговарао, икадѣ на таково штогодѣ помислити могу. Кратко: ако хоѣу я самѣ себе у погибель опровергнути, да заме вѣчь на свѣту никакова совѣта нейма, и я преко свега увѣренѣ да будемѣ, да я кѣ пупешествїю моему отѣ ныхѣ обадвоице дозволенїя никада добити неѣу. И она отѣ нѣзине стране ни найманѣ што, штобы на погибель мою было, учинити неѣе, и да я никадѣ доживити неѣу, даѣесе она у штогодѣ найманѣ упустити, штобы Отцу моему неповолно было.

Несматраюѣи на то што э она прошенїе мое сасвимѣ отбацила сѣ Отцемѣ моимѣ о томѣ ништа говорити, то э она опетѣ, како штосамѣ послѣ разумео, нѣму

савѣ

савъ нашъ разговоръ исказала, и Отацъ мой съ великомъ жалостїю, и глубокимъ воздыханїемъ ове речи изговорїо: Юноша тай могао бы срећанъ быти, кадбы онъ кодъ куће остао; поскиталисе онъ у странне землѣ, то воистину мора онъ найнесрећнїи человѣкъ подъ Небомъ быти. Я дакле соизволенїе мое къ тому никадъ дати немогу!

Тако дакле прошло э цѣло лѣто докле самсе я опетъ на ново узбунїо, и несматраюћи на савъ совѣтъ на занатъ каковъ поћи; уши мое сасвимъ затворїо, и съ родителї о томъ честосе инатїо, коису наравну склонность мою знали, да я ни къ чему другому никадъ склонитисе нећу. Него онамо кудсамъ намѣрїо противо свїю случая поћисамъ морао.

Кадсамъ я дакле еданъ кратъ у *Уллу* было, заиста случайно и безъ свакога намѣренїя онда побећи, сусрео э мене еданъ отъ моихъ содружниковъ, кои на нѣговога Отца Лаћи у Лондонъ поћи намѣраваше, и мени съ обыкновенима ласкателныма речма Морепловцевъ говорити почео; да ако я хоћу съ нимъ на Лаћи поћи, мене ово путешествїе ништа стаяти неће, пошаосамъ дакле непитаюћи ни Отца ни Матере, далѣ башъ нитисамъ ныма што о томъ на знанѣ дао,

нити-

нитисамъ я браніо есули они што о томъ чули или какоѣду чути? нисамъ я нити за Небесный, нити за Отчинскій благословъ више браніо, нисамъ ни найманѣ моя обстоятелства, и злая слѣдства промотріо, и отишаосамъ у нещастному часу перваго Септемвріа лѣта 1651. на ону вечь къ плаванію у Лондонъ готово стоящую лађу. Никада по моему разсужденію едногъ безразсуднаго юноше несреће ніесе раніе започела, нитіе дуже траяла нежели моя. Како э дакле Лађа изъ рѣке *Хумбера* на море изишла, то э силный вѣтарь абіе дыхати, и море страшно шумѣти почело. А будући да я преће тога на мору никада быо нисамъ, то самсе дакле абіе съ почетка и разболіо; и притомъ іошть и сердечну нѣку ужасну болесть добіо. Садъ дакле стаосамъ башъ заиста размышлявати, штосамъ учиніо, и како праведно судбина Божія мене казни, зато штосамъ изъ дома Отца мога побѣгао, и мою дѣтску покорность погазіо. Сви они добріи совѣти мои любезни родителя, слези Отца мога и мое любезне Матере сердечно и подвизателно увѣщаніе доћошеми скоро на паметь, и моя совѣсть, коя онда іошть ніе угаснула была, као штосе после случило; мени презрѣніе оногъ доброгъ совѣта и пренебре-

небреженїе моихъ должностей спроћу родителей моихъ чувствително предъ очи ставила!

Мало помало дижесе буря їоштъ већа, и море, на коемсе я преће никадъ возїо нисамъ, нарасло э верло высоко; ако башъ и не онако како штосамъ я послѣ у мало дана доживїо. Но то э выше него доволно было мене аки младога морепловца у страхъ и трепетъ метнути, помыслїосамъ даће насъ сваки таласъ абїе прогутати, колико годъ крати Лаћа по моему мнѣнїю себе у просѣлину моря ниспуцаваше, и мыслїосамъ дасе неће никада више у высину дигнути. У овому сердечному страху учинїосамъ я полный завѣтъ; да ако Богъ на овому точїю единому мореплаванїю животъ мой сохрани, и я ногу мою кадъ годъ їоштъ еданъ кратъ на суво метнемъ, я управо дома ко отцу моему, и никада више на Лаћу ићи нећу, совѣтъ нѣговъ примити, и себе никада више у овакову бѣду упустити нећу. Ясамъ садъ текаръ ясно и добро видїо, како э онъ мудро и истиннито средный чинъ, или состоянїе людей хвалїо! Како э онъ мирно и спокойно дневе живота свога провео, и да онъ себе нити на морю бурнимъ погодамъ, нити

на

на суву каковомъ тешкомъ рукодѣлїю подложити дао; заключїосамъ дакле у себи, аки изгублѣни али садъ вечь къ покаянїю склонни сынъ себе исправити и къ моему Отцу паки прибѣгнути!

Овай разумный помыслъ траяше толико дуго, колико годъ и буря на морю или да рекнемъ: нѣчто мало дуже, слѣдующїй данъ престала э буря и вѣтаръ, и ясамъ започео море и бурю привикавати. Несматраюћи на све то содержаваосамсе цѣлъ и миранъ, и у размышлѣнїю; али iошть свагда воденомъ болестїю одержимъ.

Навече исчистїосе воздухъ, престала э буря и вѣтаръ; и за тимъ было э верло свѣтлый и славный Вечеръ. Солнце свѣтлости полно, и чисто сѣло э у море, и сутра данъ уютру тако исто опетъ изъ нѣга изишло. Мы тадай слаби или башъ никакови вѣтаръ имадосмо, него чисто и равно море како огледало, на кое Солнце ясно и свѣтло сіяше; чиняшемисе лице моря тако нѣчто увеселително, што очи мое iошть никада невидѣша!

Настоящу ноћь верлосамъ добро спавао, и више нисамъ болешливъ него весео было; и разсмотраваосамъ со особнимъ увеселенїемъ море, кое э iочеръ тако бурно

и

и страшно было, и тако у кратко време овако кротко и увеселително постаде. Да небы дакле мое прежнѣ заключеніе и обѣтъ мѣста уфатити могло; дошао э онай истїй содружникъ мой къ мени, кои э мене на мореплаваніе навео; куцнуме порамену говорећи: како э, како э, ты плашливїй зече! Ябысе обкладїо; даси ты прећашню ноћь у великоме страху био! гди э само една пуна капа вѣтра дыхала, шта само една пуна капа вѣтра запитаосамга я? та то э была една страшна буря? то э буря ты глупоглаве? рекао э онъ: зовешъ ты оно бурю, што ни труда бурѣю назвати незаслужава!

Дай намъ само дебелу и тверду Лађу, пакъ іоштъ къ тому чисто и пространо море, то мы за свиранѣ оваковога вѣтрића ни задлаку запитати нећемо; я видимъ брате! даси ты наученъ само у чуну по малима рѣкама, и коекакови потоцы возитисе. Оди да сготовимо, и да пїемо едну чашу пунча; пакъ и друго у тому да попїемо, и погледай какое лепо време! Дакле да ову тешку часть повѣсити мое кратко скажемъ; мысмо учинили дакле онако како штосу морепловцы већь чинити навикли; пунчъ бяше готовъ, и ясамъ отъ кѣга

довол-

доволно пïо, и попïосамъ такожде у раскошеству ове едне ноћи све мое раскаяніе, и размышлѣніе о моему пређашнѣму животу, и сва добра расположенія ради мога будущега живота. Да рекнемъ кратко: да какогодъ море, кадъ э буря престала, у свою пређашню равнину и тихость дошло, тако э исто и непорядокъ моихъ мыслей прешао мое трепетанѣ и спрахъ у море погруженъ быти; заборавïосе, и волна мое пређашнѣ жестоке желѣ опетъ возбунилосе; ясамъ абïе мою бѣду, мой учинѣный обѣтъ, и сва моя обѣщанія, коясамъ учинïо, сасвимъ загладïо. Но преко свега поянилесусе кадъ кадъ опетъ нѣке мале мысли; а кадъ кадъ башъ и дѣйствителнїи помысли, хотѣлисусе у мою паметъ напрагъ повратити; но ясамъ ны абïе съ врата мога отресао, и чуваосе отъ тога аки отъ куге, держаосамсе крѣпко пића, и веселога дружства, и дочепаосамсе напрагъ пришедше топлоте (такосамъ я називао свагда добре мысли) опетъ верло фришко тако, дасамъ я у 5 или 6 дана надъ совѣсти моей совершену побѣду одержао; онако како младъ человѣкъ, кои э већь у паметъ узео, да себе ничимъ уплашити неда, желити може, алисамъ я морао їошть друго искушеніе

одер-

одержати. Провидѣнїе, како што оно у овакови случаи чинити обычествуетъ, заключило э мени отнюдъ никакова извиненїя далѣ изоставити.

Ербо ако їоштъ и ово за мое избавлѣнїе иѣговога провидѣнїя примитибы нехотѣлъ, то слѣдующее тако устроено быти мора, да такожде найупорнїи бездѣлникъ меѣу нама како годъ величину погибели, тако исто и величину Божїя милосердїя исповѣсти и признати бы морао.

Шестїй дань нашега мореплаванїя дошлисмо у пристанище отъ Ярмота; а будуѣи да намъ э вѣтаръ свагда противанъ и море тихо было, тосмо дакле послѣ бурѣ верло маленъ и кратакъ путь учинили. Овдесмо дакле на мачкахъ стаяти морали, и будуѣи да намъ э вѣтаръ їоштъ свагда противанъ быо, ербосмо їоштъ свагда югъ имали, дакле моралисмо овде до 7 или 8 дана стаяти, у коесу време їоштъ многе лађе отъ Нефкастела у ово пристанище аки общїй конакъ, гди лађе, кое у Темсу путую, на добаръ вѣтаръ чекаю, дошле.

Мы овде небысмо толико дуго заостали были, негобы насъ талась све

В пома-

БИБЛИОТЕКА

помало далѣ горе отерао быо, кадъ небы вѣтаръ тако яко дыхао, како штое послѣ 4 *ри* или 5 *тъ* дана нашега овде бытія верло упоранъ быо. Несматраюћи на то, ербо зашкулине овогъ брега былесу башъ свагда како добро и безбѣдно пристанище почитоваше, такоћеръ и за мачке добаръ темель имале; наша ужета отъ Мачака былесу верло яка, и наши Лаћары ни найманѣ погибели нисусе бояли, него по обычаю ныному у увеселенію и у спаваню време свое проводили. Али 8 *ми* данъ уютру почео э вѣтаръ силніе дыхати, и свисмо труда и посла доволно имали, доксмо платна и ужета съ Катарки свукли, и све у порядокъ довели, дабы Лаћу баремъ на Мачкахъ удержати могли. Около полдне нарастло э море верло высоко, и Лаћа наша покварилась на преднѣмъ краю, послѣ ударилису нѣколико пута верло страшніи таласи преко цѣле Лаће, и мыслилисмо, дасусе већь башъ и саме Мачке, коесу іоштъ Лаћу держале, съ темеля и мѣста свога кренуле. На кое э нашъ Лаће управитель главну Мачку извући дао тако, дасмо іоштъ на две Мачке напредъ стаяли, и ужета отъ Мачака на дуже спустили.

Садъ

Садъ доиста дигласе э страшна буря и я на лицу наши Лаћара шта него самый страхъ и ужасъ усмотри! А Лаће управителя колико э онъ у труду своме бодръ био Лаћу сохранити, кадъ э онъ у свою собу покрай мене ишао, нѣколико пути полагано у себи говорећи чуо: Боже и Господи буди намъ милостивъ, мыћемо сви погинути: мысмо већь прошли.

Кодъ перве ове буне и страха, ясамъ сасвимъ нечувственъ подъ фаромъ у моей собицы лежао, и самъ описати незнамъ какоми э было. Садъ э већь перво раскаяніе мое касно было, коесамъ я свакога часа ногама газїо, и на противъ нѣга сердце мое сасвимъ затворїо био. У моима мыслима была э већь перва горкость смерти претерплѣна и страхъ и бѣда ніе тако велика као преће была. Али ево жалости! Кадъ э Корманошъ таковимъ образомъ самъ къ мени дошао, и рекао: мысмо већь прошли! Нападао э на мене страхъ и трепетъ неописаный. Изишаосамъ изъ мое собице наполѣ, и погледаосамъ наоколо себе, али воистину овакови ужасни взоръ їошть у моме животу ніе се никада предъ очи мое ставїо! Море дизашесе како годъ брда высоко, и сваки треће че-

тверти минутъ бацило э оне страшне таласе свое преко наше Лађе.

Кадсамъ іоштъ еданъ кратъ у наоколо погледао очима моима, ништа друго, него сама бѣда и жалостъ представисе! Две отъ насъ не далеко стоюће Лађе, коесу яко натоварене быле, моралису главну капарку подсећи и на лађу положити, и наши Лађари повикаше, дасе една Лађа, кояе едну Англїйску мїлю предъ нама стаяла, већь потопила. Іоштъ две друге Лађе, кое э вѣтарь съ Мачака операо быо изъ пристанища, на срећу или на несрећу, и башъ безъ едне стоюће капарке моралесусе на пространно море пустити. Съ малима Лађама было э болѣ нежели съ онима, коесу тешко движенїе имале, али преко свега опетъ две или три такове допералесусе до насъ, и проћоше вѣтромъ гониме послѣ по край предиѣга края наше Лађе у пространность и пучину морскую.

Предъ вече замоліо э Корманошъ Лађе (*Коменданта*) повелителя, дабысу велику напредъ стоящу капарку подсећи смели; кое онъ отнюдъ дозволити нехотяше. Али преко свега кадсе напослѣдокъ Корманошъ заклео, да ако онъ то недопусти,

Лађа

Лађа рупу добыти и цѣло потопитисе хоће. Докле они съ предњіомъ капаркомъ готови быше, средня э велика тако зло и колеблемо спаяла, и сву цѣлу Лађу верло растресла, да ню такожде подсећи и на Лађу спустити морадоше. Сваки разсудити може, у каковомсамъ состоянію я овде аки младый мореплаваць быти морао, и да я скоро предъ тимъ овакови истый страхъ претерпіо есамь!

Но када бы я прећашнѣ мысли мое, коесе нису давно приключиле садъ исказати могао, то трепеташе сердце мое десятъ кратъ выше отъ страха, о моимъ прећашнима увѣреніяма, и о чемусамъ я къ моему первоуређеному безбожному заключенію ступіо, како предъ правомъ и извѣстномъ смерти самомъ; и башъ о томъ и ради страшне и нечувене бурѣ, паосамъ я у таково состояніе, кое никаквима речма описати немогу, Али што э іошть найгоре, ніе іошть овде было, него іошть буря непрерывно съ отмѣнномъ ярости дыхаше, и морепловцы самису сказали, да они цѣлаго живота нынога ништа горе претерпѣли нису. Мысмо истинна имали добру и тверду лађу, коя э тако верло наповарена была, дасе она верло дубоко у море углублявала и Лађары

(Матро-

(Матроси) нѣколико крати повыкаше; Лађасе мора пробити. Съ едне стране за мене э добро было, што я ову речь разумео нисамъ, докъ нисамъ ныхъ запитао. Буря непосредственно дыхаше и видiосамъ овде шпосе рѣдко видѣти даетъ, да Лађаръ, верховный Корманошъ и iошть нѣколико другiйхъ коихсе э ова стварь выше допицала неголи другiихъ, гди они у полной молитвы часъ онай очекиваше кадѣсе лађа утопити у море. Башъ у полноћи и у нашой найвећой нужды повикао э еданъ (Матросъ) Лађаръ ясно, кои э на дно Лађе сишао быо, дабы видѣо како стварь стои; Већь э лађа продерта; други э повыкао, да э на дну лађе већь вода 4 стопе высока, на кое сви на плюсканѣ лађе позвани бысмо. На ову речь такомисе учинило, да э сердце у перси мои отъ страха умерло, и опровергнуосамсе съ кревета мога, на коемсамъ седiо, у внутренность лађе. Несматраюћи на то (Матроси) Лађари мене изъ несвестице опетъ пробудише и рекоше: да будући я преће ни къ чему нисамъ потребовать быти могао, садъ баремъ како и други лађю плюскати могу. На коемсамсе я укрѣпiо и къ плюсканю поспѣшiо, гдисамъ изъ све крѣпости и пословао. По међу овимъ дѣ-

ломъ

ломъ заповедіо э главный Лађарь (Комендантъ) кадъ э нѣколико съ углѣмъ лако натоварени лађа усмотріо, кое такожде отъ бурѣ силне на мачкахъ нисусе одержати могле, но управо на пучину моря упустилесе, и къ нама близко дођису могле, топъ еданъ аки знакъ наше садашнѣ велике нужде опалити. Я кои ни знао нисамъ што то значаше, такосамсе уплашіо, дасамъ мыслїо, лађа э већь пропала, или што друго страшно моралосе э догодити. Кратко да рекнемъ: ясамсе тако уплашіо быо, дасамъ абіе у несвестицу пао. Садсе э сваки за свой собственный животъ узео у паметъ, а о мени ниедна душа неимаћаше попеченія; него еданъ Матросъ, кои э ишао да плюска, ударіо э мене ногомъ у бокъ, и оставїоме аки мертва лежаща, после коего э доста времена прошло, доксамъ опетъ къ себи дошао.

Мысмо плюскали са свомъ крѣпостїю, али све всуе, ербо э вода на противъ тога на дну Лађе све выше растла, и сваки э часъ очекивати было, дађесе Лађа погрузити; и ако э башъ море и мало тишїе бывати почело, то опетъ ніе могуће было съ таковомъ раздертомъ Лађомъ толико дуго на води удержатисе, докбы у каково пристанище приспѣти могли,

дакле

дакле *Комендантъ* за помоћь їоштъ свагда пуцати престао нїе, на кое э една лака Лађа, коя э већь бурю одержала была, ними еданъ морски чамацъ на помоћь послала. Чамацъ э съ великомъ погибели дошао къ нама, но опетъ нїе было могуће у нѣга ући, докле годъ нису Матроси съ труднимъ весланѣмъ, и съ погибелїю ныногъ собственогъ живота, за содержати нашъ, къ нами близу дошли и наши Лађари ныма отъ долнѣга края Лађе уже надугачко спущено добацили, коесу они послѣ едва трудно дочепали, и такосмо ны подъ фару наше Лађе довукли, пакъ онда сви у чамацъ ушли. Садъ и мы и они коисмо годъ у чамцу, нисмо ни мыслити могли, даћемо ныну собствену Лађу доспигнути моћи. Дакле намыслимо чамацъ терати и коликое могуће къ брегу управляти, при коемъ э ныма нашъ верховный Лађаръ, акосе чамацъ гдигодъ разбїе и на комаде отиде, таковый полно платити обѣщао. Овимъ э начиномъ дакле нашъ чамацъ ово весланѣмъ, ово управлянѣмъ, и теранѣмъ подъ сѣверну страну къ брегу кодъ тако называемаго мѣста *Вінтертоннесса* щастно приспѣо.

Само

Само после еднога ферталя сата какосмо изыщли изъ чамца, видѣлисмо дасе онь самъ и празанъ абїе потопїо. Право говоримъ, само шпосамъ очи онамо баџїо быо, када э Матросъ еданъ кь мени дошао, Лаћа на коейсмосе возили рекао э онъ: веће се э потопила. Ербо отъ онога часа кадсу мене у тай чамацъ выше бацили, него дабы казати могао, дасамъ у нѣга самъ ушао, сердце мое ово отъ страха, ово отъ душевнога неспокойства, и мысли ради будущега мога случая равно аки мертво было э.

У овоме нашему стаю, и гдису Лаћары трудомъ и весланѣмъ све возможно чинили, дабысмосе брега и суве землѣ дочепати могли, и кадъ э нашъ чамацъ на таласи засѣдао, видѣлисмо многе люде на брегъ изашкулине терчеће, дабы намъ, кадбысмосе болѣ приближили, руку помоћи дати могли. Но съ дѣломъ овимъ верло э трудно было, и нисмо могли преће брегу достигнути, докле годъ нисмо свѣтилну Кулу отъ *Вінтертона* прошли, ербосусе брегови кь южной страни спроћу тако называемаго мѣста *Громмера* окраћавали, и тако докъ высокость землѣ и жестокость вѣтра нїесе уполила. Овдесмо повезли

остро

остро, и у везлисмосе сви совокупно, али съ великомъ тягостїю но благощастно на суво, и пешке у *Ярмутъ* опишли, гди намъ э аки морестрадалцемъ како годъ отъ власти мѣста чрезъ уреженїе добрыхъ конаковъ, тако и отъ особни терговаца и Корабле-притяжателя много добра учинѣно было, и толико новаца дато, съ чимсмо могли путь нашъ по произволенїю или у *Лондонъ* или у *Уллъ* натрагъ предузети.

Я дасамъ паметъ имао у *Уллъ* и послѣ у мое отечество возвратитисе, тобы я щастанъ быо, и мойбы отацъ безсумнѣно по причти Евангелской мене ради телца упитаннаго заклати дао.

Башъ акое онъ послѣ первога извѣстїя, дае она Лаћа, на коїойсамъ я изъ *Улла* отишао, кодъ бреговъ отъ Ярмута потопиласе, дуго времена чекати морао, докъ э право извѣстїе добїо, дасе я удавїо нисамъ.

Али све забадава, несрећа э моя мене у овомъ часу къ таковой твердокорности и жестокосердїю развратила, коесе ничимъ отвратити нїе могло. Башъ акосамъ я и много яснога противорѣчїя у моей памети и зрѣлому разсужденїю осетїо, паки къ

дому

дому моему возвратитисе, то опетъ силе неимадо то учинити. Я незнамъ какоћу то назвати, а не закгевамъ башъ нидоказати, као дабы насъ нѣки самовластни дерзновени совѣтъ побуждавао, очевидно нашу собствену несрећу снискати. Доволно кадсу мысли мое мирне быле, совѣтовалесу мене, да э мени Богъ две явне науке дао кодъ первога мога искушенія. Но преко свега мораосамъ я у несрећу мою башъ слѣпо поћи.

Мой содружникъ Господара отъ Лаће сынъ, кои э мене преће къ тому развратіо, іоштъ э невеселій быо него я. Первый кратъ, кадъ э онъ у *Ярмуту* самномъ говоріо, (найманѣ послѣ два дана, какосмо у овой Вароши у различне конаке раздѣлени были) учинимисе дасе и нѣговъ величанія говоръ сасвимъ премѣнїо, читао э верло смутно книге, вртїо э главомъ, и запитао э мене какоми э? Онъ э казао отцу своме ткосамъ я, и какосамъ я само пробе ради ово путешествїе предузео быо, и съ тимъ намѣренїемъ іоштъ далѣ странствовање искусити, окренуосе нѣговъ отацъ са спостоянимъ и ужаснимъ лицемъ къ мени, и рекао: Юноше! немой више никада на море ићи, него то за ясни и очевидни

видни знакъ узми, да отъ тебе никада вредни Морепловацъ быти неможе. Зашто то? мой Господине, запитаосамъ я нѣга натрагъ; Да нећешели и вы више никадъ на море: тое штогодъ друго рекао э онъ: тое мое званіе, тосу мое должности.

А будући даси ты ово путешествіе аки за пробу или искушеніе учиніо, то видишъ дакле добро, каквоти э омерзѣніе Богъ отомъ дао, и шта очекивати имашъ, ако при томъ останешъ. Може быти, дае ова несрећа тебе ради на насъ дошла; као штое сбогъ Іоне на Лађу Ѳарсисъ дошла; кажими ктоси ты? предначео э онъ далѣ, каковси занаплія и изъ коихъ узрока пошаоси на море: на коесамъ я нѣму провожденіе мога живота исказао, прикоемъ окончениі онъ нѣкомъ особномъ страстію пробудіосе, уздануо и рекао э: штасамъ я согрѣшіо, да овакови неваляли бездѣлникъ на мою Лађу доће. Ябысамъ радіе нѣколико 1000 талира волео прегорети; неголи мою ногу выце съ тобомъ у Лађу метнупи. Но ово э нѣкимъ начиномъ была раскошность нѣговога духа, кь чему э нѣга чувство нѣговогъ изгубитка развратило, и спроћу мене тако грубо показатисе никакова причина ніе была.

Было

Было то какому драго, овако э говорїо онъ мени їошть еданъ краiъ башъ истинито, и дао э мени совѣтъ дасе я натрагъ куѣи и ко отцу моему повратимъ, и да далѣ Божїе провидѣнїе на мою собствену погибелъ нераздражавамъ. И вѣруйми Юноше испинито (заключїо э онъ на послѣдокъ) да ако ты натрагъ дома не отидешъ, можешъ поѣи куди драго, то хоѣети свагда бѣда и несреѣа башъ по стопамъ твоимъ слѣдовати, доксе годъ оно слово твога отца на теби неисполни. Мысмосе скоро дакле сви разышли, ербосамъ я отговорїо нѣму кратко, и послѣ ниписамга кадъ видїо, нити знамъ кудъ э онъ доспео. Я съ мое стране имаюѣи мало новаца у жепу предузеосамъ путъ мой сувимъ у *Лондонъ*, и путемъ идуѣи имаосамъ многу распрю у самъ себи, каковъ бы начинъ уживаня у напредакъ предузео, да илиѣу куѣи или опетъ на море иѣи.

Въ смотренїи дома возвращенїя стала э на противъ моима найболима движенїяма, коясусе у моима мыслима представила, срамота, и то э особито мени тешко было, какоѣу я отъ моихъ комшїя изсмеянъ быти, и съ каковимъ стыдомъ и поруганїемъ я не само родителѣмъ моимъ,

него

него и свакоме другоме мораћу себе предъ очи представляти? прикоемсамъ я отъ того времене много крати примѣтїо, како э гадно, и лудо показиванѣ Люди вообще, особито обаче Юности спроћу разума, коябы ныма у таковима случайма за управителницу служити имала, дасе стыде кадъ штогодъ погрѣше; дасе стыде кадсе раскаяваю, а дѣла самаго, коесу учинили, нестидесе отнюдъ, негосе само натрагъ враћаня сраме, кое ныма истинно име честны Люди снискати можетъ.

У оваковоме стаю изостаосамъ я дуго времена, и неизвѣстанъ штоћу започети, и каковићу начинъ уживаня себи избрати. Алисе э кодъ мене свагда силно противоволїе нашло, дасе кући невратимъ, и мало э затимъ траяло, паксамъ я опетъ сву ону претерплѣну бѣду и бывше страданїе на зной истерао, кадсамъ то заборавio, прошло э сотимъ и оно мало заоставше слабо-движенїе у памети моей о домувозвращенїю моему, докъ я нисамъ напослѣдокъ све такове мысли на страну бацїо, и гледао какоћу опетъ на море поћи.

Злое намѣренїе, кое э мене найпре изъ дома родителя мои истерало, и кое у мени дивїе и безумне мысли, дабы я щастїе

мое

мое у странствованю учинїо, насеяло, и кое э мени такожде сва чувства преобладало, дасамъ я спрочу свега доброга совѣта и отговараня, и башъ противо заповѣсти отца мога глувъ остао, то исто злое напоенїе или могло э што друго быти, представило э мени найблагополучнїе отъ свїю другїйхъ предвзятїяхъ дѣло, и я отишао-самъ на едну Лађу натоварену, коя э у *Афрїканске* стране пошла, или како наши морепловцы вообще зову, путешествїе у *Гвїнеу* учинити.

Моя э найвећа несрећа кодъ свїю ови чудовища была, да я себе ни за правога веслара на Лађи погодїо нисамъ, чрезъ коебы я, несматраюћи штобы я мало теже нежели иначе радити морао, должность и послуженїе едногъ нижнѣгъ Оффїцыра кодъ клупе научїо; слѣдователно съ временемъ за Корманоша или Лађе Хаднаћа, и башъ ако небы за верховногъ Повелителя отъ Лађе (*Коменданта*) способанъ быти могао. Али несрећа моя хотѣла э, да я свагда оно изберемъ, што э найгоре, како штосе э и овде случило; ербосамъ я новаца у жепу и лепе и красне Халине на себи имао, дакле-самъ я тако и на Лађу отишао, на коей и никакова посла нисамъ имао, слѣдова-

телно

телно нисамъ ништа ни пословати научїо.

Пре свїю други вещи была э моя срећа абїе съ почетка у *Лондону* у верло лепо содружество доћи; кое оваковога безобразнога разпущеннога и ветрогоню, како штосамъ я онда быо, свагда непресрета, и коимъ и безтога сатана прилѣжно свимъ вообще мрежу простире. Алисе э самномъ болѣ случило, ясамъ учинїо познанство съ *Капетаномъ* едне Лађе, коя э већъ на *Гвинейскихъ* брегахъ и пристанищахъ была, и будући даму э тамошня терговина срећно пошла, тосе онъ опетъ тамо оправляше. И будући дасе мое обхожденѣ, кое э у оно време їоштъ добро было, нѣму особито допало; и онъ э чуо отъ мене, дабы я радъ свѣта видѣпи; то рекао э онъ мени, ако я волю съ нымъ поћи имамъ, да мене путь ништа кошштовати неће. Я съ нимъ могу свагда ручати, у соби нѣговой спавати; и ако што Хеспапа понети хоћу, то дамїе свободно, и могу сопимъ себи штогодъ прибавити, и може быти, даће за мене тамо штогодъ добитка быти, на коћу я и выше крати волю имати онамо путовати.

Ясамъ

Ясамъ драговолно пріимїо ово понуѣенѣ, учиніосамъ велико и добро пріятелство съ овимъ морепловцемъ, кои э честный и искренный Мужъ быо, узеосамъ пакоѣерь и мой мали Капиталъ собомъ, коисе послѣ за мене пріятномъ искренности мога благодѣтеля отъ Лаѣе *Калетана* доволно умножїо. Ясамъ 40 фунти штерлинговъ (*една фунта штерлинга чини* 9 *фор.*) у коекакви Хеспанъ, кои тамо пролази, уложїо, кога э мени *Калетанъ* купити сказао.

Съ ови 40 фунти прибавїосамъ я съ помощїю нѣкоихъ моихъ сродниковъ, съ коимасамъ писмени разговорь водїо, и коису, како штосамъ мыслїо, Отца или Матерь мою къ тому принудили мени толико за почетакъ первога мога предвзятія изложити. Ово э было едно путешествїе, кое я отъ другихъ моихъ противностей срећно наређи могу, а наимено я честному, и искренному сердцу мога благодѣтеля *Калетана* благодарити морамъ, подъ коегосамъ надзыратељствомъ я доволно вѣжество у *Математїки*, у мореплаванїя правиламъ, како теченїе Лаѣе пописати, како высину солнца узети, съ едномъ речу вещи, кое еданъ морепловацъ необходимо знати мора, научїо. Ербо какогодъ онъ имаяше

дяше радость мене обучавати, тако исто я добіосамъ волю драговолно пріимати и учити, и овимъ начиномъ я на овомъ путешествію обое, и морепловацъ и терговацъ постадо, ербосамъ я 5 фунти и 9 драма чистога злата собомъ донео, закоесамъ я послѣ у *Лондону* 300 фунти штерлінговъ добіо. Али башъ то исто напунило э мени главу коекаквима высоко и далеко простираюћима мыслима, чегарадисамъ я послѣ и пао у крайню нужду.

На овомъ истомъ путешествію имаосамъ бѣду, ербосамъ свагда болестанъ быо, особито отъ жестоке грознице, и то ради велике топлоте ондашни предѣловъ, и странахъ, ербосе наша найважнія терговина при брегахъ и пристанищахъ отъ 15-*га* градуса сѣверне ширине башъ до саме Лініе проспирала.

Већь садъ постаосамъ я правимъ *Гвінейскимъ* терговцемъ, и да э на мою велику несрећу благодѣтель мой абіе послѣ нѣговога дому-пришествія умрео, то заключіосамъ я ово исто путешествіе іошть еданъ кратъ предузети, и отишаосамъ на ону исту пређашню Лаћу съ онимъ истимъ, кои э при первомъ нашемъ путешествію ани Корманошъ служіо, а садъ

прави-

правителство отъ целе Лађе добїо. Ово э было найнесрећнїе путешествїе, коеэ икадъ кои човекъ на свѣту имао. И несматраюћи да я отъ онога мога преће добитога Имѣнїя нисамъ выше него 100 фунти шперлинговъ са собомъ узо, а 200 кодъ удовице мога умершаго благодѣтеля стоеће оставїо, то падаосамъ я опетъ преко свега тога на овому путешествїю у неисказанну и страшну несрећу! а наимено ова э перва была: кадъ э Лађа наша теченїе пута свога измећу Канарїчески острова, или правїе казати, измећу ови острова и бреговъ *Афрїканскихъ* держала, у ютру у свануће усмотрилисмо мы едногъ турскогъ морскогъ пустаїю отъ тако называемаго мѣста *Салее*, кои сь полно натегнутимъ платнамъ на Катаркахъ за нама у потеру идяше. И мысмо абїе натегнули сва наша плапна, коликосу годъ мопке широке и Катарке яке быле поднети, дабысмо отъ лица пустаїе овога избѣгнути могли. Али мы примѣтисмо, даће пустаїя насъ предобити, и у николико сати безъ сумнѣ стигнути, мысе дакле сви на битку преправисмо, а Лађа наша нїе выше нежели 12 Топова имала, а турскога пустаїе 18 Топова собомъ водила. Около 3

сата послѣ полудне достигао э онъ къ нами, а може быти изъ невѣжества на мѣсто дабы онъ насъ обышао, управо на фару наше Лађе идяше, мысмо сь Лађомъ варахнули на страну, и кадсмо ватру изъ наши Топова повторили, онъ э покрай насъ измакнутисе принужденъ био, онъ э сь Людма своима, коихъ э число изъ 200 состояло, изъ пушака ватру на насъ дао, алису наши сви покрывени были, и ни еднога кугла потрефила нїе, на кое э онъ изъ нова на насъ напао, и мысмосе крѣпко бранили. А кадсу они послѣ тога подруги кратъ сь друге стране къ Лађи нашой приступили, скочилису абїе до бо пустаїя на кровъ Лађе наше, и тако све Катарке на Лађи нашой абїе подсекоше. Мысмо ны сь ватромъ изпушака дочекали, са сь дреколми, и разнимъ оружїемъ, и такосмо ихъ подруги кратъ сь крова наше лађе отерали. Но да жалостну часть повѣспи наше кратко искажемъ: кадсу већь садъ наше Катарке, платна, и сва ужета уничтожена была, три отъ нашихъ Люди убїени и 8 мъ ранѣни были, моралисмосе предати, и као робови у *Салуу* нѣкое Арапское пристанище отведени были.

Но

Но мени ни тамо нїе онако бѣдно было, као штосамъ я испочетка помыслїо. Самномсе нїе случило онако као съ другима, коису унутра у землю къ двору царевомъ отведени были, него э пустаиски *Калетанъ* мене за собствении добитакъ свой удержао, и као едногъ способна и фришка младића, кои э нѣму послугу чинити могао, за свога правилнога роба учинїо. Рѣдкое премѣненїе мога состоянїя, да я отъ терговца бѣднимъ робомъ постанемъ, мораосамъ сасвимъ аки убїенъ быти, и садми э пао на умъ мога отца пророчески разговоръ, дакъу я у найвећу бѣду и несрећу пасти, и никога за помощника имати нећу, коесе, како я помысли, садъ башъ дѣйствително совершило, да горе и бѣднїе быти нїе могло. Ахъ! али ово э їошть само предсказанѣ мое будуще їошть веће бѣде и неволѣ было, као шшоће далѣ предначинанїе ове повѣсти ясно казати.

А будући да э мой нови *Калетанъ* и Господинъ мене са собомъ дома повео, была э у сердцу моме надежда, да кадъ онъ опетъ на море пође, даће и мене собомъ узети, гди нѣга каква Шпанска или Порпугалска воена Лађа ухватити можетъ, и тако я себе опетъ освободити буду.

Но

Но ова ѳ надежда скоро исчезнула, ербо кадѣ ѳ онѣ у пустайлукѣ на море пошао, оставїо ѳ онѣ мене на суву у нѣговой бащи радити, и обыкновено дѣло робско у дому совершавати; а када ѳ изѣ пустайлука кући дошао, мораосамѣ я на Лаћи спавати и такову чувати.

Садѣ ни нашто друго нисамѣ мыслїо нежели какоћу побѣгнути. Но всуе, на каковѣ годѣ начинѣ я о овоме помысли, ни наймања искрица могућности непоявисе, башѣ и саме мысли о чему таковомѣ нису нимало памети сходне быле. Ербо я неимадо башѣ ни едне живе душе, коейбы я казао и сѣ коїомбы я на море поћи могао. У робству самномѣ нїе ни еданѣ Англезѣ ни еданѣ Шотлендерѣ нити Ирлендерѣ быо, него я само единѣ. Две пуне године пребываосамѣ я овако, и акосамѣ са сладкимѣ Воображенїемѣ себи о таковоме чему многократно радостѣ учинїо, но ни найманѣга пута таково штогодѣ у дѣйство довеспи предѣ собомѣ нисамѣ имао.

Текарѣ послѣ две године приключилосе нѣка рѣдка прилика, коя ѳ мени мое прећашнѣ мысли бежаня опетѣ у главу довела.

Буду-

Будући да мой Господинъ садъ дуже неголи обыкновенно, Лађу свою отиюдъ никчему преправляо нїе, кое э, као штосамъ чуо, недостатакъ новца проузроковао, кодъ куће заостао, то предузео э онъ у недели два, а при добромъ времену и при кратъ къ тому преправлѣни Чамацъ, и излазїо э у нѣму на приличне зашкулине рыбу ловити. Онъ э дакле мене, нѣкога малога тако называемаго Морешка (Moreſco) свагда са собомъ узео, да на Чамцу весламо, и мысмо нѣму сотимъ многа увеселенїя чинили, и я се у риболовитви добро извѣсти тако, да э онъ мене послѣ съ еднимъ сродникомъ своимъ Арапомъ, и съ Морешкомъ многократно на ловитву пошиляо, дабысмо за ело рыбе уватили.

Кадсмо дакле еданъ кратъ у нѣкоемъ зѣло тихомъ ютру на рыболовъ изишли, пала э такова велика магла, да мы, башъ ако нисмо выше нежели еданъ сатъ себе отъ брега удалили были, већсмо таковый изъ очїю изгубили, возилисмо дакле непрестано незнаюћи ели натрагъ или напредъ, возилисмо тай цели данъ, и целу слѣдующу ноћь, и текаръ у свануће у ютру видѣлисмо, да мы на мѣсто штобысмо

Чамацъ

Чамацъ къ брегу управляли, такови многовише у далность терали, и найманѣ две нѣмецке мїлѣ отъ брега удалѣни бысмо. Несматраюћи на то, мысмо напослѣдокъ опетъ благощастно, но съ великимъ трудомъ и съ особномъ погибели, и несматраюћи штое вѣтръ овогъ юпра нагло дыхати почео, къ брегу приспѣли. Али могу казати, дасмо башъ здраво огладнили были.

Нашъ Господинъ, кому э овай случай за науку служїо, заключїо э унапредакъ не выше себе оваковой погибели подвергавати, и будући да э онъ велики Чамацъ (*Шалупнъ*), кога э съ нашомъ Лаћомъ добїо, имао, такови на то употребити, пакъ безъ (*Компаса*) солнечнога Часа, и штогодъ ране выше на рыболовъ не исходити. Дакле заповѣдїо э онъ Лаће (*Дунћерину*) строителю, кои э такожде Англейски робъ быо, усредъ тога Чамца едну малену кућицу или колебицу на подобіе оне рыбарске начинити, за коїомъ еданъ на веслу стаяти, и главнимъ ужетомъ платна управляти можетъ, а напредъ мѣсто за два человѣка, коиђеду платна дизати и окрепати. Платно э овогъ Чамца было горе уско, а доле широко, или како Лаћари называю (Буч) висяше управо преко коле-

колебице, коя э доста уска и сниска была, тако да э онъ самъ съ двои робови унутра спаваши, и за еданъ Асталчићь, на коемъ э ручао, мѣста имао, іошть къ тому нѣколико мали Сандучића, у коима э онъ свой напитакъ поволни, особито хлѣбъ, пїрїнчъ и Кафу содержавао.

Мысмо дакле на Чамцу овоме прилѣжно на рыболовъ исходили, а будући дасамъ я у дѣлу овоме зѣло добро искусанъ быо, то э онъ мене свагда сасобомъ узео. Еданъ кратъ намыслїо э онъ съ двоицомъ знатнихъ изъ мѣста *Араловъ*, или увеселенїя или рыболова ради известисе, къ чему э онъ особну уредбу учинїо. Къ овому намѣренїя Концу онъ э навече средства къ препытанїю на Чамацъ послао, мени такожде заповѣдїо *3ри* пушке съ барутомъ и съ сачмомъ у приправности держати, дабы како съ рыболовомъ тако и съ пуцанѣмъ на птице себе увеселити могли.

Ясамъ на заповѣсть нѣгову све вещи у приправность поставїо, и ожидаваосамъ съ Чамцемъ, когасамъ лепо исплюскао, и на коме како бандїеръ тако платна и баракъ зѣло увеселително веяхуся, и све ко

уго-

угожденїю нѣговихъ гостей готово было, радостно на нѣга очекивао.

Али етоти нѣга сасвимъ сама на лаћу съ тимъ гласомъ, што гости нѣгови ради приключившихся дѣлъ съ нама поћи отказали есу, я да имамъ дакле съ Арапомъ и съ малимъ Морешкомъ, како штое обыкновенно, съ чамцемъ изыћи, и рыбе за нѣгове госте, коиђеду данасъ на вече кодъ нѣга быти, уфатити, и како што уфатимъ, абїе дасе имамъ кући вратити, къ чемусамъ я сей часъ сву уредбу учинїо и на море отишао. У овоме истоме часу дошлесу мени мое пређашнѣ мысли ради мога бѣгства на паметъ, ербосамъ я видѣо, да садъ едну малу лаћицу по моей воли имати могу: кадъ э Господинъ мой отишао, уредїосамъ све не къ рыболову, него къ путешествїю, несматраюћи што я нисамъ знао, нити помыслїо, камо пловити имамъ. Ербо э мени напослѣдокъ све едно было, кудъ пловїо да пловїо, почїю само дасе изъ овы предѣла удалити могу.

Овде э мой первый помыслъ быо, какоћу я Арапїну добрымъ начиномъ заповѣдити моћи, за наше содержаніе у чамцу шпогодъ изъ мѣста донети, ербо по моему мнѣнїю небяше упутно, да бы мы отъ нашега

Госпо-

Господина штогодь за рану искали. Нѣговь э отговорь быо, да я имамь право. Тоэ онь донео дакле едну велику Котарицу Симипа Арапски, и три бокала фришке воде на лађу. Ясамь знао, гдису мога Господина (шишета) стакла за пиће спаяла, и коя изь посла видећи мораласу отъ Англїйскаго добитка бышти, и метнуосамь бутеле, докь э Арапинь на полю быо, у сандучићь, како дабы оне башь за нашага Господара їоштъ найпре тамо поставлѣне быле. Тако исто унсосамь я велику груду воска отъ 50 фунти тешку на лађу, їоштъ съ еднимъ великимъ комадомъ платна за бандїере, жице или канапа за везанѣ, сикирицу, пилу, и чаканацъ, кое намъ после све зѣло полезне и потребне ствари быше, а особито восакъ за светленѣ.

Далѣ заврнуосамь я Арапїну носомь, какосамь годь хотео, и онь се э дао превариши. Нѣгово име бяше *Исмаилъ*, кое они *Мулей* зваху, проговорїосамь я дакле Мулею съ другољубнима речма, ербосу нашега Господина пушке већь на лађи быле, неможели онь мало баруша и сачме добиши, може быши дађеду на нась (Alcames) еданъ видъ великїй морски пшица налешиши, можемо убиши, и ясамь знао, да нашега Господина Матерїалъ за пуцанѣ у великой лађи стои.

Съ

Съ драге волѣ отговорїо э Арапїнъ; и онъ э абїе донео едну велику кожну кесу съ полъ другомъ фунтомъ барута и више, и другу съ 5 и 6 фунти сачме и їоштъ къ тому нѣколико танета, и сложїо све лепо у лађу. У то исто време нашаосамъ и я у мога Господина соби по доста барута. Съовимъ напуніосамъ я едну отъ найвећи флаша, коя э праздна была, изасуосамъ оно мало, што э у таковой было, у другу, и тако отисли-смосе мы, после какосмо са свима потребностми снабдѣни были, изъ пристанища на рыболовъ. При уходу отъ пристанища знаалису у Кастелю ткосмо мы, и тако насъ безъ задержанїя пловити пропустише. Кадсмо мы едну Англїиску мїлю далеко отъ пристанища были, дакле абїе спустилисмо платна и почелисмо ловити. Вѣтаръ почео э изъ подъ сѣверне стране башъ моему желанїю напротивъ дыхати, а кадбы онъ было изъ подъ юга дыхао, я бы Шпанске брегове или найманѣ пристанище отъ *Кадїхса* достигнути могао. Али э намѣреніе мое твердо было изъ овогъ безчеловѣчногъ и гнусногъ мѣста, могао э вѣтаръ дыхати башъ изъ коему драго рупе, са свимъ избѣгнути, а друго све самой судбыни у руке препоручити.

Послѣ

Послѣ нѣкоего времена, како мы ловисмо и ништа не уфатисмо (ербо кадсе э штогодь на мою удицу и заденуло, то я, да Арапїнь невиди, нисамь ни извуѣи хотео) рекаосамь я Арапїну: нейма прокопїе, неможемо ништа уфатити, а нашь Господинь хоѣе рыбе да има. Мысе морамо отъ брега далѣ отиснути нїе файде ништа. Онь ништа зло ни мыслїо нїе, ербо э онь напредь у Чамцу сѣдїо, и растегнуо э абїе платна, я коисамь на думену стаяо, управїосамь Чамаць едну добру нѣмецку мїлю болѣ на пространость и высину моря. Окренуосамь послѣ, аки дабы опетъ ловити хотео, даосамь оному младому думенъ у руку, и потерчаосамь напредь ко Арапїну; учинїосамь, као дабы изанѣга нѣчто усмотрїо бїо, уфатїосамга изь ненада изь подь руке и колена, и бацїосамга преко лаѣе у воду. Но онь э зачась опетъ наверхъ искочїо, ербо э онь као гнюрацъ пливати знао, повыкао э, и замолїо мене, дага опетъ прїимимъ, и рекао э, даѣе самномъ преко цѣлогъ свѣта иѣи. Онъ э доиста за Чамцемъ тако яко пливао, дабы мене башъ скоро стигао быо, ербо э вѣтрь верло слабъ быо. На то потерчаосамъ скоро у Колибу, узеосамь мою пушку, натегнуо-

тегнуосамъ на нѣга и рекаосамъ: чуешъ, яти досадъ никакова убитка нисамъ учинїо, и далѣ ако ты што незапочнешъ, ништа ти учинити нећу, и будући даси изрядни пловацъ, Море э тихо, моћићешъ къ брегу доспѣти, него садъ све крѣпости употреби и пливай къ сувоме, и у овомъ случаю отъ мене теби ни найманы вредъ причиниисе неће. Аколисе усудишъ за Чаключитисе неће. Аколисе усудишъ за Чамацъ уфатити, яћути главу абіе съ таманетомъ продрети: ербосамъ я сасвимъ заключїо освобожденіе мое добити. На коесе онъ окренуо и почео э живо пливати, а я знаюћи да э онъ отмѣнни пловацъ, то несумнямъ нимало да онъ башъ и безъ великога труда ніе на брегъ испливао.

Ябы доиста овога Арапїна са собомъ было узео, и на место нѣга младога утопити могао; но я нѣму никоимъ начиномъ повѣриписе немогохъ. Кадъ э овай већь отпливао, окренусе я къ младоме, коисе (Xurey) *Ксурей* называо, и рекаосамъ нѣму, да ако хоће онъ мени вѣранъ быти, тоће онъ чрезъ мене великимъ човекомъ постати, и акосе онъ неће по обычаю рукомъ по образу ударити, мени вѣрность завѣщати, съ Мухамедомъ и нѣговога отца брадомъ полио заклеписе, тоћу я нѣга онако исто како што-

штосамъ и онога, у море бацыти. Но юноша овай смѣяшеся дружески на мене, и тако э невинно самномъ говорїо, да я на вѣрность нѣгову ништа сумняти немогохъ. Дакле и заклеосе онъ мени благъ и вѣранъ быти, и самномъ преко цѣлогъ свѣта прећи.

Гледаюћи я за онымъ пловущимъ Арапомъ управїосамъ чамацъ управо на высину моря, и выше горе преко вѣтра дабысу мыслили я пливамъ управо къ концу пута међу Шпанїомъ и Афрїкомъ, коебы доиста и сваки други, коибы на мѣсто ны быо, мыслити морао. Ербо ктое вѣровати могао, даћемо мы подъ южну страну и управо къ варварскимъ брегомъ и странамъ доћи; гди насъ чипави народи (*Негровъ*) черни люди дивяцы съ ныовими чамцы обколити и убити хоћеду, и башъ гди мы ни на землю изићи неможемо, да небысмо у очевидну погибель дошли, отъ дивыхъ звѣровъ растергани, или отъ дивыхъ людей изѣдени быти.

Али какосе навече смеркнуло, премѣнїосамъ я абїе путь мой, и пловїосамъ управо юже-восточно, и выше къ востоку, дабы свагда кодъ землѣ отъ морске стране остао. А будући дасамъ я фришакъ вѣтръ, равно и тихо море имао, тосамъ тако

фриц-

фришко ишао, да я сутра послѣполдне около 3. сата, кудсамъ по други кратъ землю усмотрїо, више отъ 150 Англїискїй мїля на страну подъ югъ отъ *Салее* и тако отъ державъ Мароканскаго Цесаря или сосѣдныхъ другихъ земель и предѣлъ иныхъ Кралѣвъ много далѣ быти морао.

Мы нисмо видѣли никакови люди, а ясамъ таковы великїй страхъ отъ Арапа добїо, и такови э велики ужасъ у сердцу моме быо, да я ныма небы опетъ у руке пао, дасе нисамъ ниусудїо нигди чамацъ задержати или на суво изыћи и їоштъ манѣ мачку у море спустити. Вѣтръ э быо їоштъ свагда тихъ, и ясамъ на овай начинъ петъ пуны дана на мору возїосе. Алисе садъ средственнымъ начиномъ вѣтръ окренуо къ югу, ондасамъ я већъ знао, башъ акосу и послали были у потеру замномъ, да бы мене спићи могли, у овому часу моралису оставити! Садсамсе усудїо къ земли приближити, спустїосамъ мачку у заливу или у ходу едне рѣке незнаюћи ни каква э, незнаюћи такоћеръ подъ каквомъ ширином, земљомъ, Народомъ или рѣкомъ. Исто тако нисамъ видѣо никакови люди, и нисамъ зажелїо никакови ни видѣти. Найважнїя вещь была э, кое неймадо, фришка вода. У овай уходъ рѣке

дошли-

дошлисмо мы предъ вече, и наумилисмо какосе смркне на суво испливати, дабысмосе о овомъ предѣлу извѣстити могли. Али какосе нощь сасвимъ спустила, чулисмо сасви страна страшни звукъ Лаяня, урликаня, рыканя, дивїй нами незнани звѣрова, тако да э млади *Ксурей* отъ страха и ужаса скоро као мертавъ быо, и мене тужително замолїо до дана на суво неиѣи. Добро *Ксурей*, рекаосамъ я на то: неѣу дакле иѣи, али може быти кадъ сване, даѣемо видѣти Люди онакови, коиѣеду намъ выше шкодити него сви Лафови. Хе мыѣемо онда на ны, рекао э *Ксурей*: смѣюѣисе пуцати и свїю у бѣгство растерати. Ясамъ о томъ радость имао, гди э овай юноша тако весео быо, и дабы нѣга іошть болымъ юнакомъ учинїо, дадо нѣму изъ нашега Господина бывше чутуре ракїе напитисе. Али при свему тому совѣтъ *Ксурейевъ* быо э добаръ, когасамъ я и примїо. Мысмо спустили нашу малу мачку (*Ленѣеръ*) и лежалисмо цѣлу нощь мирно; говоримъ бѣдно мирно: ербо мы неспавасмо нимало, но послѣ 2 сата видѣлисмо, гди э множество великихъ и страшнихъ, дивїихъ звѣровъ, (*коихъ познавали нисмо*) и коису отъ различни видовъ были, съ брега

дошло, и скочило у воду, дабысе у води разладило и увеселявало, гдису они такови страшни рикъ, выку и урликанѣ дигли, да я што годъ таково їоштъ мога живота никада чуо нисамъ!

Ксурей быо э верло уплашенъ, а и я съ нимъ равно. Алисе мы їоштъ вѣма уплашисмо, кадсмо еднога ови звѣрова управо къ нашему Чамцу пловуща чули, мы нѣга видѣти нисмо могли, али отъ перскања и дуваня разумѣлисмо, да то нѣки страшни и яростни дивїи звѣръ быти мора. К*сурей* э рекао, да э Лафъ, а тако э и было, коликосамъ я примѣтїо. Овай сирома повикао э, да извучемо мачку, пакъ дасе отиснемо далѣ на воду. Не К*сурей* рекаосамъ я: мы можемо наше уже отъ мачке на дуже спустити, и далѣ на воду себе содержавати, и звѣри намъ толико далеко немогутъ слѣдовати. Само штосамъ я то изговорїо, видїосамъ, да звѣрь нїе далѣ него два весла далине отъ насъ далеко быо, на коесамъ я малко повезао, и къ колиби моей потерчао, узеосамъ пушку и бацїо ватру, на коесе звѣръ опетъ возвратїо и къ брегу отпливао.

Но могуће нїе описати, какову э ужасну буну и страшни шумъ урликаня, како

на-

напредъ на брегу тако и на суву далѣ овай отъ пушке гласъ проузроковао; ербо што годъ таково по моей мысли ови звѣрови їоштъ никада чули нису. Ово э увѣрило мене совершено, да ноћу на суво излазити за насъ есть погибелно, а можелимосе преко данъ усудити, то э было друго питанѣ. Ербо э еднако погибливо было, или међу Лафове и Тїгре, или међу дивїе Люде пасти, мысмосе отъ обадвога врло страшили.

Могло э то быти какому драго, мысмо принуждени были на коемъ годъ мѣсту ради фришке воде изићи, ербо у Лаћи већь ни едну Четвертъ бокала нисмо имали. Када игди отомъ э їоштъ питанѣ было. К*сурей* э рекао: ако я нѣга на суво пустимъ съ бокаломъ, тоће онъ наћи фришке воде и донети. Ясамга запитао, заштобы радъ онъ на суво изићи. Зашто я небы ишао, а онъ у Лаћи да остане. Но Юноша э овай мени тако юначки отговорїо: дасамъ я нѣга отсадъ їоштъ више любити морао. К*сурей*! рекаосамъ я: дакле да идемо обадва онамо, и акобы дивяцы дошли, мыћемо ны свїю потући, и они отъ насъ никаковога печеня правити нећеду. Даосамъ нѣму две симите, и еданъ

напиякъ ракіе изъ выше сказане Чутуре, и дошлисмо съ Чамцомъ врло близу къ брегу, колико э годъ намъ потребно было, и изышлисмо съ ничимъ другимъ, нежели съ нашимъ оружіемъ и съ двема бокали за воду на суво. Али ясе нисамъ усудіо нашъ Чамацъ изъ очію изгубити, ербосамъ мыслію, данебысу какови дивяцы на ныни Чамцы рѣкомъ доле сишли.

Ксурей э на нѣко усмотреніе едногъ нискогъ мѣста реци едну Англейску Мілю землѣ у нутра потрчао, а я идући усмотріосамга, да онъ опетъ къ мени трчи. Помыслiосамъ, дага какови дивякъ тера, или онъ бѣжи отъ страха предъ каковимъ яростнимъ звѣромъ, поспѣшiосамъ нѣму на помощь. Али кадсамъ я ближе къ нѣму дошао, видiосамъ, даму нѣчто низъ леѣа виси, то есть нѣко зверче, што э онъ убiо. У виду э было као зецъ, но друге фарбе (бое) и дуже у тѣлу и ногу. Былисмо дакле врло весели, ималисмо пештенъ ручакъ, а найвеѣа радость была э намъ о томъ, ербо э *Ксурей* фришке воде донео, и нигди дивяка нiе видiо.

Послѣ видѣлисмо, да нисмо за сладку воду таковаго великаго труда мы оппотребе имали, ербо мало горе кодъ ухода,

гди-

гдисмо стояли, кадъ э море натрагъ уступило, кое нïе высоко было ни изышло, сладке воде доволно добити э было. Мы дакле напунисмо наше бокале, ручалисмо добро нашъ Ловъ, приправилисмосе къ далшему путешествïю, послѣ како мы у овому предѣлу землѣ не само дасмо кога человѣка видѣли, него ни стопе человѣческе нисмо нигдѣ нашли.

А будуѣи дасамъ я на овыхъ брегахъ iошшъ еданъ кратъ преѣе быо, то знаосамъ добро, да *Канарïчески* Острови, а такожде и *Циландъ* отъ туду далеко не отстои. Али я нисамъ имао кодъ себе водени Iншпрумента, дабы высину моря знати могао, такожде нисамъ совершено ни знао, нитисамсе башъ право опоменупи могао, подъ коïомъ ширином ови Острови лежаху, то нисамъ знао дакле какоѣу я къ ныма поѣи, и каколиѣу Лаѣу къ ныма управляти знати; тобы я можетъ быти, съ малимъ трудомъ еданъ отъ ови Острова лако наѣи могао. Овде э една моя надежда была, да кадбы я покрай ови брегова и острова доле до страна, гди Англези тергую, пловити могао, може быти, дабы я какву отъ ныни Лаѣа на ныномъ обыкновенимъ

венимъ путешествїю потрефїо, и отъ ныхъ радостно прїимлѣнъ быо.

По моему опасному хесапу, морала э земля ова, гдисамъ я садъ быо, онай предѣлъ мећу державама Цесаря Мароканскога и мећу (*Негри*) црнимъ быти; коя э пуста (окромъ дивїихъ звѣровъ) и не обытана лежала, коюсу *Негри* отъ страха Арапскога изоставили, и далѣ къ Югу отвуклисе, и неплодїя ради за обытанїе неспособну держали, и ради множества звѣровъ Тїгровъ, Лафовъ, Леопардовъ, и прочихъ лютыхъ звѣровъ, коисусе тамо задержавали, сасвимъ изоставили, тако дасу ю Арапи само за Ловъ держали, на коису они съ полкомъ отъ 2 до 3 тисяще Люди на еданъ кратъ излазили. Послѣ какосмо выше отъ 100 Англїйски Мїля пловили, и ништа друго видѣли, него даньомъ пусту и не обытану землю, а ноћомъ ништа друго него само рыканѣ и урликанѣ дивїихъ звѣровъ чули.

Преко дана два три кратъ усмотрїосамъ я по моему мнѣнїю тако называемо высоко брдо, *Пїко отъ Тенерїффе*, како найвыши верхъ отъ планинъ Тенерїффе, на *Канарїческимъ* Островамъ, и имаосамъ у памети усудитисе тамо поћи, небыли

мо-

може быти, тамо доплити могао. Но кадсамъ други кратъ учиніо пробу, мораосамъ ради противногъ вѣтра, а и море э за мою малу Лађицу врло высоко было, опетъ при моемъ первомъ намѣренію; то есть по край бреговъ пловити, остати.

Послѣ какосамъ изъ ови страна изышао, мораосамъ їоштъ нѣколико кратъ ради фришке воде къ сувоме пристати. Еданъ кратъ у ютру рано сталисмо подъ еднимъ малимъ верхомъ землѣ, кои э доста высокъ быо, на Мачки, а будући да э море почело долазити, тосмо їошть кои часъ очекивати морали. Ксурей э очима болѣ и далѣ видіо, нежели я, прикучіосе полагано къ мени и рекао: мыбысмо найболѣ учинили, кадбысмо Лађицу далѣ отъ брега держали, и рекао э: погледай само каково гнусно страшилище подъ онимъ малимъ брдашцемъ спава! Ясамъ погледао, гдіе онъ мени прстомъ показао, и усмотріосамъ оно страшилище (звѣра) дѣйствително.

Али э то башъ и быо еданъ страшный великій Лафъ, кои э на брегу у сѣну (ладку) едногъ одронка, кои э башъ преко нѣга высіо, дубоко спаваюћи лежао. Ксурей рекаосамъ я: ты морашъ изыћи на суво, и оногъ пса убыти. Али э младићь показао страхъ

на

на лицу, и рекао: Я дага убїемъ? таѣеме онъ у еданъ пупъ прогутати; што мыслишъ. Дакле я у нѣга далѣ нисамъ дираонего рекао: само ты мирно стой, узеосамъ нашу найвећу пушку, коя э велико тане примала, набїосамъ ю добро барутомъ, и двѣма парчепи гвозћа, и метнуосамъ ю на мѣсто. У другу метнуосамъ два мушкепна танета, равнѣ и у трећу, ербосмо имали три, петъ танета. Натегнуосамъ пушку, и наперсїосамъ нѣму у право у главу, но онъ э лежећи ногу преко носа держао тако, да она парчета гвозћа нѣму костпи у куку распрскаше. У почетку дигаосе онъ букаюћи, а кадъ э осѣтїо, даму э кукъ расцопанъ, стровалїосе опетъ доле, дигнуосе опетъ на свое три ноге, и урликао э ужасно. Ясамсе забринуо малко, дага у главу трефїо нисамъ. Фришко дакле узеосамъ мою трећу пушку и бацїосамсе на нѣга, акое онъ башъ и бѣжати почео, їоштъ еданъ крашъ, и удаpїосамга башъ у главу, и имаосамъ радость о томъ, какосе онъ извали, и никакове ларме неучини, него душу пустити хотяше. На тосе мой Ксурей весма ободрїо, и быобы радъ, кадбы онъ на суву быо. А кадсамъ я то дозволїо, узео э онъ малу пушку у едну руку, скочїо э у воду, и другомъ рукомъ испливао на брегъ,

опи-

отишао э къ звѣру, наслоніому э уста отъ пушке на ухо, и пробїому э тако скрозъ главу, да э онъ сасвимъ мертавъ остао.

Садъ већь ималисмо дивячине, али што э файда, нисмо есши могли; и жаомїе было, дасамъ на овогъ неполезногъ звѣра два мертика баруша и олова потрошїо. Али э Ксурей хотѣво отъ нѣга штогодъ имати, того ради дошао э онъ на лађу, заискао отъ мене сатару, да звѣру главу отсѣче, звѣръ э доста тежакъ био; но онъ э нѣга опетъ къ мени довукао, и ясамсе о величини звѣра доволно чудити морао.

Преко свега помыслїосамъ, може быши, даће намъ кожа, ако не у едномъ, а оно у другомъ случаю кадгодъ потребна быши? И намѣрїосамъ ако доста якъ будемъ, такову съ нѣга свуѣи. Дакле засукалисмо и я и Ксурей рукаве, али э Ксурей болѣ овай посао разумѣвао него я, съ коимъ я никадъ готовъ быши небы могао. Мысмо доиста обадвоица читава два дана съ тимъ поела имали. Напослѣдокъ учинилисмо и то, свуклисмому кожу са свимъ, распелисмо ю на крову отъ Колибе, - - - - коя э у два дана сува была и мени послѣ за простирачь служила.

После нашега овде задержаня пловилисмо 10 и до 12 дана отъ юга на страну, чували-

смо

смо рану нашу опасно, коя э већь све маня бывати почела, неисходисмо често на суво, него кадсмо фришке воде потребовали. Мое намѣрење было э рѣку *Камлїю* или *Сенегалъ* (Campia Senegali) то есть страну и предѣле около *Като Верде* (Capo Verde) достигнути, гди я какову Европейску лађу трефити надаосамсе. Ако бы то несрећно было, то онда небы знао, штоћу започети далѣ, него Островъ тражити, или тамо отъ Негровъ погинути. Знаосамъ да све Европейске лађе, кое годъ или къ странамъ *Гвїнее* или *Бразїлїе*, или у восточну Індїю путую, ова мѣста и острове посѣщаваю. Съ едномъ речи ставїосамъ савъ мой случай на ову едну срећу. - - - Или я морамъ какову лађу наћи, или отъ глада умрети.

Кадсамъ я по овому моему намѣренїю выше реченномъ мѣромъ їоштъ 10 дана дуго слѣдовао, видїосамъ, да э она земля поселѣна и на нѣки мѣсти, кудсмо прошли, люде на брегу стояще, коису за нама гледали. Тосмо дакле и видѣти могли, дасу они са свимъ церни, наги и голи были. Ясамъ имао волю на суво изыћи, али э Ксурей мой добрый Совѣтникъ мене отъ тога отвратїо. Но несматраюћи на то, управїосамъ я чамацъ ближе къ брегу, дабы съ ныма говорити

ти

ти могао, и видїосамъ дасу они по край мене у нѣки бучакъ отъ брега потерчали доста по добро. Оружїя у рукахъ нису имали никакова, окромъ да э еданъ штапъ у руцы имао, кои, како што э Ксурей рекао, да э Копїе, съ коимъ они доста далеко и извѣстно у нишанъ трефити могу.

Дакле держаосамъ лађу на воду далѣ отъ брега, и съ ныма колико э годъ можно было, съ рукама, очима, и изображенїями знаковъ говорїо. Особито даосамъ ныма разумѣти, дабысамъ радъ штогодъ ести. Онису дали мени разумѣти съ показыванѣмъ рукама, да я съ лађомъ моїомъ станемъ, и такођедуми штогодъ за ело донети. На тосамъ я спустїо плашна моя сниже, и стаосамъ; двоица отъ ныхъ отерчалису скоро у нутра у землю, и за полъ сата дошлису опетъ натрагъ, донелису два комада сува меса и жита, како шпосу у ныной земли имали. Одашта и каково э ово сугубо ело было, мы знали нисмо, алисмога опетъ прїимили. Како дакле вещь ову примити отъ ныхъ, то э проузроковало другу бригу. Ербо я нисамъ смѣо на суво изыћи, а и ныма э кика отъ страха нашего растла. Но оны изнађоше найболѣ средство за обадве стране; ербосу они доле по штосу донели, на брегъ снели,

мет-

метнулису на землю, пакъ онда доста подалеко себе оттудъ удалили, доксмо мы то на лађу донели, пакъ онда опетъ близу съ нама дошли.

Мысмо благодарность нашу ныма знакама показали, ербо мы ны ничимъ обдарити нисмо имали. Алисе у овому истому магновенїю ока случїо способъ, ныма особну службу и поволность учинити. Ербо доксмо їошть кодъ брега стояли, дошласу два велика дивїя звѣра, коису еданъ другога са жестокомъ ярости, како штосмо мы мислили, терали изъ планинъ къ морю доле. Ели мушко было, кое э женско терало, или ели то изъ шале или гнѣва было, мы знали нисмо, тако исто, ели то штогодъ обыкновенно, или необыкновенно было, но то необыкновенно бяше, ербо овакови губящи, и похитителни звѣрови, никада другоячїе нежели ноћу себе видѣти даютъ, а друго люди, и особито жене отъ ныхъ неисказани страхъ и трепетъ имаду. Онай, кои э у руцы копїе держао, нїе побѣгао отъ ныхъ како други, какосу дакле къ брегу дошли, абїесу и у воду скочили, показалисусе аки да они Негромъ ништа жао учинити незакћеваю; него берчкашесе гнюраше и пливаше по води, башъ како дабысе увеселявати

хотѣ-

хотѣли. На послѣдокъ почео э еданъ къ лаћи моей пливати, пре него штосамъ я помыслїо. Но ясамъ добро позорствовао на нѣга, ербосамъ я скоро пушку набїо, и Ксурей рекао съ онима двѣма другима то исто учинити. А кадъ э онъ мени на око дошао, опалїосамъ я, и трефїосамга башъ у главу. Онъ се абїе у воду погрузїо, али э опетъ скоро на воду искочїо, гнюраосе э часъ горе, часъ доле, аки да небы манькати хотѣо, него само дасе ачи. Онсе доиспа упутїо къ брегу пливати, али смертоносна рана, и много прогутана морска вода нѣму пре него што э онъ на суво дошао, животъ окончаше.

Страхъ и удивленїе ови сироти и Люди о звуку или грмлявини моего ватренаго Оружїя небяше могуће описати. Нѣки мало нису отъ страха помрли, а нѣкису отъ ужаса башъ мертви къ земли пали. Кадсу они звѣра убїена и поражена а мене ныма знакъ дающа, дабысу доле на брегъ сишли, видѣли, ондасу они добили храбростъ и бодростъ, скочилису доле, и почелису звѣра тражити. Ясамъ нѣга нашао по крви, съ коїомъ э онъ воду офарбао, опасаосамга ужетомъ по тѣлу, и баџїосамъ уже *Негромъ*, дабыга са свимъ на брегъ извукли.

Садъ

Садъ видѣлисмо дакле, да э то отмѣнно красный *Леопардъ*, све самима чистима Шарами поцѣломъ тѣлу украшенъ быо; а *Негри* отъ тешкога чуда диглису руке къ Небу, чимсамъ я таковога Звѣра убити могао.

Другисе отъ мунѣ барутне и отъ звука пушке зѣло уплашїо, испливао на суво, и побѣгао э управо горе у планину, откудъ э и дошао, а я у такомъ великомъ одалѣнїю познати нисамъ могао, што э? и каковъ э звѣръ то быо. Я смотрїосамъ абїе, да *Негри* волю и склоность къ лову имаду. Даосамъ ныма знакъ, даимъ мой Ловъ покланямъ. Онису благодарно примили, предузелису дѣло абїе, и башъ ако ножа и нису имали, тосу знали они парчетомъ остра дрвета кожу тако лепо и скоро свуѣи, кое мы съ нашимъ ножемъ никадъ лепше учинити небы могли. Онису давали мени меса, но я узети нехотѣвъ, него нека они за себе задерже, даосамъ имъ обаче разумѣти, дабысамъ кожу радъ имао, коюсу они мени абїе съ драге волѣ дали, и къ тому їошть коекакви ствари за ело мени донели; ясамъ и незнаюћи каковесу опетъ ихъ примїо. Послѣ показаосамъ имъ извернутъ празанъ бокалъ, дабысу они мой

недо-

недостатокъ воде видѣти могли. На коесу они абіе зовнули нѣкое своихъ познатыхъ, и послѣ таки дошлесу две жене съ еднимъ землянимъ сосудомъ воде, кои э, какомисе учинило, на солнцу испеченъ быо; метнулису онако исто како и преће предаме, и ясамъ рекао Ксуреи, да наша три бокала напуни. И ове жене былесу онако исто голе наге, како годъ и мужеви!

Садсамъ дакле са средствами препитанія, съ различними корени ове землѣ, равнѣ и фришкомъ водомъ снабдѣнъ быо. Дакле оставіосамъ мое простодушне *Негре*, путоваосамъ 11 *тъ* дана далеко, гди небы прилике нигдѣ стати, нити на суво изыћи, докъ нисамъ видѣо, дасе земля до 4 или 5 Нѣмецки міля далеко предамномъ у море простираетъ, и будући да э море тихо и равно было, управіосамъ лаћу мою на пространость моря далѣ, да бы Уголъ овай мимоићи могао. Послѣ какосамъ я овай речени бужакъ 2 Нѣмецке мілѣ за собомъ оставіо, усмотріосамъ такожде и на другой страни моря врло близу землю, изъ чега и дознадо, како што э и безъ сумнѣ морало быти, да э оно *Капъ-Вердъ*, или зелено предгорѣ, ово э дакле тако называеми *Капъ-Фердіше Ціландъ* быо. Но обадве ове землѣ

дале-

далеко отъ мене отстояше, и мыслїосамъ штобы найболѣ чинити было, кадбы мене вѣпаръ ухватїо, да небы ни на едну овыхъ земль ударїо.

Кадсамъ у овой неизвѣстности пунъ различни мисли у колибицу нашу сишао, и само штосамъ сѣо, повыкао э *Ксурей*, когасамъ на думену оставїо, што э годъ могао, да онъ види едну лађу съ велико разширипимъ платномъ, и быо э отъ страха полакъ изванъ себе, мыслећи да то мора Лађа нашега бывшега Господина быти, коя занама у потеру иде; ясамъ знао, дасмо мы зѣло далеко оттуду, и они насъ стигнути немогу. На коесамъ я берзо изъ колибе изишао, и абїе не само лађу провидѣо, него йоштъ знао чїя э и каква э, то есть: Португалска, кою я ради купованя Негровъ у *Гвїнейска* пристанища опредѣленну быти мысліосамъ. Далѣ кадсамъ я путъ ове лађе добро разсмотрїо, и примѣтїо, да она на другу страну иде, то я нехотѣ на суво изыћи. На коесамъ я са свима крѣпостми лађу далѣ на море управїо, да акобы могуће было, съ людма отъ ове лађе говорити.

Видїосамъ обаче, да акобы я башъ сву силу мога платна употребїо, ны опетъ стигнути небы могао, и онибы преће отишли,

ишли, него штобы я ныма знаменїе дати могао. Но преко свега кадсамъ я вѣпаръ по воли уфатїо, и плапна, како годъ што э болѣ быти могло, полно управїо, али опетъ надежда моя при свему тому почеласе умаляваши, тосу они мене опетъ на пусулъ видѣти морали, и мыслили, да э моя лађица каковегодъ Европейске на мору разбїене и у несрећу падше Лађе была. Ондасу они попустили платна, и чекали на мене. Ово э дало мени бодрость, имаосамъ мога Господина отъ Лађе (*бандїеръ*) барякъ кодъ себе, когасамъ я за знакъ мое садашнѣ нужде на видѣнїе на Катарку заденуо и едну пушку избаціо, коесу они обадвое видѣли, али какосуми послѣ казали, да гласъ отъ пушке нису чули, него само димъ видѣли. На ово знаменїе нужде управилису они сожалително управо къ мени; и башъ мене ради Лађу на страну окренули, тако дасамъ я до три сата благощастно къ ныовой Лађи дошао.

Онису француски, португалски, и шпански мене запитали, ткосамъ я? Но я отъ сви трїю вопроса ниеднога нисамъ разумѣо. На послѣдокъ повыкао э еданъ Шотландскїй отъ лађе Матросъ къ мени. Ясамъ отговорїо нѣму, дасамъ я Англезъ, коисамъ изъ *Салеє*

изъ Арапскогъ робства тайно побѣгао. Дакле реклисуми, дасе на лађу попнемъ, и примилису мене и све мое добро дружески къ себи.

Мени э у овому магновенїю ока, како што сваки разумѣти може, была неописанна радость, оваковымъ начиномъ, по моему мнѣнїю, изъ мога ондашнѣга жалостнога и скоро изгублѣнога стања спасену быти; и рекаосамъ за благодарность мога избавленїя Капетану све добро мое примити.

Но онъ э великодушно рекао: онъ незакшева ништа, него све што э на лађу донешено, кадъ благополучно у *Бразилїю* дођемо, опетъ мое будетъ. Ербо нѣгове речи быше: я ни у каквоме другоме намѣренїю животъ вашъ нисамъ спасао; него да и я самъ у таковомъ случаю избавлѣнъ и спасенъ желити бы быо, и кадбымисе можетъ быти кои кратъ то случило, да бы и я равно прїимлѣнъ быти могао. Іоштъ къ тому рекао э онъ, кадбы я Васъ отъ Отечества тако далеко отвео, како што э *Бразилїа*, и то што имате отъ васъ покупїо, выбысте онде отъ глада умрети морали, и тимъ образомъ бы вамъ опетъ животъ вашъ, когасамъ спасао, узео! Не мой любезный! Ћу тебе за бадава онамо отвести, отъ

ови

ови ствари можешъ ты онде како содержанїе твое, тако и на твой путни трошакъ, кадсе дома вратишъ, прибавити штогодъ. Колико э онъ себе любезна у обѣту своме показао, толико э онъ у исполненїю истинъ было, ербо э онъ свимъ Матросомъ остро заповѣдїо, да у мое ствари ни еданъ ни найманѣ додирнутисе не усуди. Затимъ э онъ како велике тако и мале вещи мое све подъ свою руку узео; и даомїе точно описанїе отъ свега; даћу я све, башъ и она 3 земляна бокала опетъ натрагъ добити.

Штосе мога Чамца дотицало, онъ э было башъ добра Лаћица. То э онъ видѣо самъ добро, и запитаоме, нећулига нѣму продати? ясамъ отговорїо нѣму: кадъ э онъ племенитодушно, и любовно себе у свима случаи спроћу мене показао, то я Чамацъ мой ниушто хесапити немогу, него нѣму сасвимъ покланямъ. Нато э онъ мени писмено дао, кадъ у *Бразїлїю* дођемо, даће занѣга 80 Златицъ платити, съ тимъ придаткомъ, да акосе тко наће да за нѣга и выше што даде, іоштъ и оно што э отъ выше мени попунити хоће. Затимъ даваоми э за мога младога *Ксурею* 60 Златицъ, кое я узети немогохъ, не зато

шпо я нѣга *Калетану* дати небы прегорео, него што я мога сиромаха и доброга К*сурею* свободу, кои э онъ моей собствевной тако вѣрно и ревнително помогао, радо продати нехотѣвъ. И кадсамъ я К*алетану* узроке казао, то э онъ мнѣніе мое за честно почитавао, али э абіе средство предложіо моме К*сурею*, акога 10 година узслужи, и хрістіанинъ буде, совершену свободу дароватн; кое э онъ све писмено учинити обѣщао. На кои обѣтъ я К*сурею*, и видећи да онъ самъ къ тому волю имаде, нашему К*алетану* предадо.

Мысмо до Бразіліе врло благополучно путовали, и дошлисмо послѣ піри недељѣ кь мѣсту (Babia de Todoslos Santos) или у пристанище всѣхъ святыхъ срећно. Садъ я већь полно отъ найбѣдніега живота себе спасена видѣвъ, и садсамъ морао мыслити, што у напредакъ почети имамъ.

Я на векодушно спроћу насъ показиваиѣ оногъ доброгъ К*алетана* мыслити престао нисамъ. Онъ за путь мой ни новца узети нехотѣвъ, даоміе за кожу отъ Леопарда 20, а за ону отъ Лафа, коесамъ на Лаћи имао, 40 Златицъ, пакъ э затимъ све ствари, коесамъ на лаћи имао, комадъ по комадъ мени честно изручіо. Штосамъ

іошть

їоштъ продати у памети имао, као Флаше, две Пушке, комадъ отъ оне груде воска штоміе отъ свећа остало, то э све *Капетанъ* самъ за себе купїо. Кратко: ясамъ добїо отъ свега мога имѣнїя 220 шпански Талира, и дошаосамъ съ Капїталомъ овимъ у *Бразїлїю* на суво.

Мало затимъ препоручїо э мене *Капетанъ* у домъ едногъ тако исто честногъ Мужа, као што э и онъ самъ быо, кои э Шећерницу, (*фабрїку*) и ктому принадлежащу землю имао. Кодъ овога задержаосамсе я дуго времена, и чрезъ време ово мало помало научиосамъ я како Шећеръ садити и кувати валя: и видѣосамъ, како при томъ жители добро стое, то заключїосамъ и я, акобы дозволенїе добити могао, овде заостати, землѣ купити, и мое у *Лондону* изоставше новце приликомъ овамо принести дати; къ овому концу даосамъ я себе писмено овде окућити, купїосамъ толико землѣ, коликосу новцы мои досягнути могли; прохесапїосамъ, какоћу я садъ и домостроенїе ономе моме изъ *Англїе* ожидаемому Капиталу умѣренно предузети.

У комшилуку имаосамъ я нѣкогъ португїза изъ *Лїзабона*, кои э такожде отъ

Ан-

Англейски родителя бьо, именемъ *Веллсъ*, кои э толики исти Капïталъ имао, као и я, ясамга тога ради комшïомъ называо, ербосу нѣгове ныве поредъ моихъ лежале, и мысмо врло любовни содружницы были. Мой Капиталъ бьо э нѣговому равнъ, и доста маленъ, сеялисмо и радилисмо 2 године дуго, и то выше за собствену нашу рану, нежели штобысмосе штогодъ помоћи могли. Но преко свега почелисмо мы напредни бывати, и све у добро станѣ довести, тако дасмо мы већь у трећой години нѣчто мало дувана насадили, и свакы подобарь комадъ ныве за разсаћиваня Шећера на будущу годину прибавили. Алисмо мы помоћи лишени были, и ясамъ садъ искусïо выше него преће, какосамъ врло фалïо, штосамъ мога К*урею* отъ себе пустïо.

Ахъ! то нïе ни было никаково чудо, дасамъ я зло учинïо, ербо нисамъ никадъ ништа добро ни учинïо. И овде нïе помогло мени ништа друго, нежели любимо терпѣнïе, и прилѣжно дѣланïе. Ясамъ себе дакле на онакови посао дао, кои э сасвимъ нарави моей противанъ, о коемъ никадъ волѣ нисамъ имао, и когасамъ ради я домъ моихъ родителя изоставïо, и савъ нынъ

добрый

добрый совѣтъ у вѣтаръ бацїо. Равно садъ дошаосамъ я у оно среднѣ станѣ, или у найвыши степень раболѣпногъ живота, о чему э мене мой отацъ їоштъ прѣже совѣтовао, и кадбысе я быо къ тому склонїо, свагда лепо кодъ куѣе остапи могао, и себе не тога ради по свѣту тако бѣдно трпи и мучипи дао. Ясамъ у себи многократно рекао, дасамъ я то исто мѣу мои пріятели и сродницы у Англїи чинити могао, и не запо 5000 Англейски Мїля у странствованю мѣу дивяцы и пустиняхъ, и тако далеко отъ куѣе отишао, и да я о овима частпма землѣ ниписамъ каковога извѣстїя имао, нити икадъ штогодъ о ныма разумѣо.

Овакимъ образомъ навыкаосамъ я состояпіе мое съ крайнѣйшомъ досадомъ расмотравапи. И нискимъ нежели съ моимъ сосѣдомъ содружество имапи. Штосамъ годъ имапи хотѣо, моралое дѣломъ руку мои быти, и рекаосамъ често, да я као еданъ морестрадалацъ, кои э на какови пусти Островъ дошао, и кодъ себе никакове живе душе нейма, живити морамъ. Али како э праведно и достойно то было, и како небы сви прочи о томе расмотравали, да кадъ они садашнѣ свое станѣ съ ны-

нимъ

нимъ пређашнымъ їошть горимъ сравняваю, да Богъ съ ныма у овому случаю премѣну чини, и ны о нынимъ пређашнимъ али вѣчь изгубльѣнимъ щастїю увѣрити може. — И како праведно нїе рекаосамъ я: да самоѣни животъ, на каковомъ сасвимъ пустомъ Острову, кое э мени башъ у памети было, мени кадъ годъ за животъ опредѣленъ быти мора, когасамъ я многократно неправеднимъ начиномъ съ моимъ садашнимъ станѣмъ сравнявао, у коему, кадбы я при нѣму остао био, по свой прилицы отвыше благополучанъ, и доволно богатъ быти могао.

Ясамъ ныве мое отъ части по воли моей и на лепъ начинъ уредїо био, и пре нежели што э мой услужни благодѣтель Капетанъ, кои э мене на мору прїимїо и животъ отъ смерти избавїо, опетъ на путъ пошао. Ербо э съ товареньѣмъ лађе и къ путу справности выше отъ 3 месеца посла было.

Како штосамъ нѣму пре казао, дасамъ я у Лондону нѣки мали Капїталъ изоставїо; дао э онъ мени оваковый дружескїй и искреный Совѣтъ: ако я нѣму посланицу и точно полномоћїе съ писменымъ порядкомъ на притяжателницу моихъ новаца ради овамо донешеня у готову у *Лїзабонъ* на кога годъ,

или

или у онаковому хеспапу, кои у овой земли пролази, дадемъ, тоће онъ съ Божіомъ помоћи изъ тогъ примлѣни новацъ, кадъ напрагъ доће, мени изручити безъ сумнѣ, а будући да овога света све вещи человѣческе премѣнамъ и разнимъ нещастіямъ и неугодностемъ подложене есу: небыли болѣ было, да я само 100 штерлінговъ како полакъ Капітала донести дамъ. Дошели то щастно, то я свагда оставше оваковымъ истимъ начиномъ опетъ после донести дати могу. Аколисе какова несрећа случи, то свагда она друга половица за нуждный случай безбѣдна осіпае.

Ово э быо тако полезный, и по свой прилицы искренный Совѣтъ, да я не иначе него сасвимъ увѣренъ быти морадо, и ништа болѣ учинити немогу. Даклесамъ я посланицу на ону Госпожу, кодъ коесу мои новцы были, и полномощіе Португейскому пловцу дао.

Писаосамъ Англійскаго Капетана удовицы точно извѣстіе о свима рѣдкима моима приключеніяма, о моме робству, бѣгству, и какосамъ Португейскога морепловца на мору трефіо, нѣговъ человѣколюбны поступокъ, и у каковомъ станю садъ пребывамъ, и цѣлый нуждный порядокъ ради

овамо

овамо пренесеня мои новаца, и кадъ э овай честь любящій Капетанъ у *Лїсабонъ* дошао, нашао э онъ кодъ нѣкихъ тамо живущихъ Англїискихъ купцевъ прилику, не само уредбу ради новаца, него їоштъ и полно извѣстїе о моима случаи, на нѣкога извѣстнога купца у Лондонъ послати, кои э послѣ ей полно и совершено и све изручїо. На кое она не само што э честно новце изручила, него їоштъ отъ свога собствеиного добра Португалскому пловцу еданъ лепъ даръ за ону нѣгову мени указану любовь и услугу драговолно послала.

Лондонски купецъ уложїо э ови 100 штерлїнговъ у онакови Англїйскїй Хеспанъ, кога э нѣму Португалацъ казао, послао э хеспанъ овай управо у *Лїзабонъ* на нѣга, а онъ све читаво и благополучно къ мени у *Бразїлїю* донео, по међу коимъ э и кромѣ мога закптеваня (ербосамъ я їоштъ младъ было такове ствари дознати) различити потребни халатъ отъ гвожђа, и друго покућство, кое э домостроенїю и послу моме све потребно было.

Кадъ э овай хеспанъ дошао, помыслїосамъ я, да э щастїе мое полно учинѣно, и быосамъ пунъ радости, и мой добрый домостроитель Капетанъ они 5 фунти штерлїнговъ

лїнговъ, коему э моя пріятелица на даръ послала, къ тому приложїо и на то употребїо, да э онъ за ны мени на 6 година луго еднога слугу купїо, а за благодарность отъ мене башъ отнюдъ ништа узети нїе хотео, него едну малу балу дувана, коямусе забегенисала, отъ мога собственнаго сада.

Пакъ што э їошть выше; будући дасе Хеспанъ мой изъ сами Англїискїй рукодѣлїя, а наименно: Чоа, Штофова, за лаће ужета, и у такови ствarма состояо, коесу у овима земляма особито пролазиле и тражене быле, добїосамъ я способъ такове съ великомъ ползомъ продапи тако, дасамъ, рећи могу, изъ тога 4 кратъ толико, како што э мой первый товарь быо, прїимїо, и постаосамъ отъ мога нищега комшїе много ячи и богатїи; тосе разумева у саду и домостроенїю. Ербо э перво штосамъ я учинїо быо, дасамъ я едногъ Негрскогъ роба и їошть едногъ Европейскогъ слугу купїо о кромъ онога, когами э *Лїзабонскїй* Капетанъ купїо и довео.

Равно онако како што злоупотреблѣно благополучїе често къ средству наше највеће несреће быва, то исто случилосе, такожде и самномъ.

Имао-

Имаосамъ у слѣдующему лѣту верло велику ползу и приходъ отъ мога Сада. Скупiосамъ до 50 велики бала дувана на моме собственноме хатару или ныви, окромъ онога штосамъ моимъ комшiяма изъ разне нужде поклонiо. И ови 50 бала, коя э свака по 100 центи тешка была, было э аки Капиталъ уложено, докъ э Флота (Корабль) изъ Лiзабона напраг дошла. А кадсамъ я садъ трудомъ, рукодѣлiемъ и богатствомъ предуспѣвати почео, започеосамъ главу съ различними предлоги и предвзяшiями, коесу разумъ мой превосходиле, напуняваши, и коебы доиста често найразумнiе главе и кои штогодъ у руку имаду, у несрећу бацыти могле.

Кадбы я было свагда у садашнѣму стаю остао, то бы я и све мени припадшее щастiе уживати могао, о коемъ э мени Отецъ мой тихiи и мирнiи животъ тако верло препоручiо, и кое онъ за средни начинъ уживаня полно щастiе быти мени ясно описао.

Али све бадава, на менесу iошт други вещи очекивале, и свагда мораосамъ самоволни Ковачъ свое собствене несреће быти, и особито погрѣшке мое умножити, и такове мысли у глави, коесамъ я у будущему бѣдному состоянiю моему доволно при-

принужденія имао, усугубити. Сва ова несрећа изышла э изъ очевидне и тврдокорне прилѣпности о моей лудой склоности іошть свагда выше и далѣ по свѣту блудити, и овой злой и неваляной склоности далѣ слѣдовати, несматраюћи на ясно и очевидно противорѣчіе, коесамъ у самоме себи чиніо; кадбы я онай начинъ уживаня держао, кога э мени самое Естество и провидѣніе Божіе прописало, и должностемъ ныовимъ умѣрено служити имао.

Равно онако, као штосамъ еданъ кратъ, кадсамъ отъ родителей моихъ побѣгао, учиніо, тако исто нисамъ могао я ни садъ смиромъ сѣдити, него мораосамъ далѣ поћи, и истино щастіе богатъ и великоможанъ Человѣкъ отъ моихъ ныва и сада быти изъ сердца избаціо, дабы опакой и не умѣренной жели моей, и выше него што состояніе мое дозволява попетисе, слѣпо слѣдовати могао. И тако опровергаосамъ самъ себе опетъ у найдублю пропасть человѣческе несреће, коя никадъ ни еднога Человѣка ніе постигла, и при коей ни еданъ Человѣкъ на свѣту нитибы животъ нити здравіе свое удержати могао.

Дакле да садъ помало на особне вещи мога животъ описанія дођемъ, може бла-

госклон-

госклонни Читатель ласно видѣти, будући дасамъ я у *Бразїлїи* скоро две године живїо, и у моему саду све срећно и изрядно бывати започело, и я не само дасамъ Языкъ научїо, него и помежду жители, како годъ терговцы отъ (St: Salvatora) тако и нашега пристаниша многе познате пріятелѣ добіо, и ныма у разговору често казиваю, какосамъ двакратъ у *Гвїнейски* пристанищахъ био, и какосе тамо съ *Негри* (црнима) тргуе, и какое лако за багателне ствари, као стакла или лажне бисере, ножеве, маказе, сатаре, комаде стакла, и шимъ подобне не само прахъ златни, (руду) *Гвїнейско* жито, кости Елефантовъ, него їоштъ и робове *Негрске* за посао у *Бразїлїи* у множеству купити.

Особито кадсамъ о Негры споменуо, протреслису и диглису сви главе горе, а такожде и о други Матеріали или Хеспапу, коя терговина тадай їоштъ нїе дигнута была, него само толико, подъ полезнымъ управленїемъ Шпанскаго Краля, и то само на ползу Кралѣвске Кассе водима была; слѣдователно и оно мало Негровъ, што э овамо доводито, есть за скупу цѣну продавато было.

Кадсамъ я еданъ кратъ у дружству нѣколико мени познатыхъ терговаца и жителя,

ля о овима стварма стално разговорїосе, супра данъ дошлису отъ ныхъ троица къ мени съ тимъ гласомъ на посѣщенїе, дасу они прешедшу нощь о моему разговору прил[illegible]кно разсмотренїе имали, и затосу дошли мени еданъ предлогъ учинити. Послѣ какосамъ я ныма чисто и истинно обећати морао, рекоше они да имаду волю едну лађу у Гвінеу приправити. Они имаду, рекоше, сви такове исте саде и ныве како годъ и я, и ништа на свету тако потребно неймаду, како слуге и дѣлателе. А будући да то никакова терговина быти неће, да они Негре, ако кое добію и овамо донесу, явно продати могу, то желише они, само едно путешествїе учинити, и Негре тайно у землю донети и ны послѣ помежду своихъ собственныхъ садовъ и ныва раздѣлити.

Съ едномъ речи: вопросъ э быо, нећули я аки нынъ терговацъ у Лађи, и за управленїе ове терговине съ ныма у Гвінейска пристаница и стране поћи? И обећалисуми равну часть Негровъ дати, и то безъ свакога уложенїя Капїтала.

Истину да рекнемъ: ово э преизрядный предлогъ быо, кадбысе онога дотицао, кои никакова сада и ныве небы имао, коясе мало помало расплодила, и Капиталъ добаръ обѣ-

щавала

щавала, да болѣга очекивати ніе могао. Али за мене, коисамъ я свое собственно добро имао, и само дасамъ іоштъ 2 или 3 године тако терао, и такожде послѣдни 100 штерлінговъ изъ Англіе донети дао, кои бы я онда и съ овимъ малимъ прилогомъ свободно и безъ сумнѣ еданъ Капіталъ отъ 3. до 4000 Штерлінговъ и іоштъ выше предъ собомъ видѣти могао, за мене рекаосамъ: на таково какво путешествіе онда и помыслити штогодъ найгоре, коебы икадъ кои Человѣкъ мога станя учинити могао.

Али я коисамъ на собственну несрећу рожденъ, нисамъ могао овай предлогъ и понућенѣ равно тако отбити, као и мое прећашнѣ раскошне мысли, и поступке, кадае већь добры совѣтъ отца мога кодъ мене сасвимъ исчезнуо быо, кратко рекаосамъ я, даћу радостно тамо поћи, ако они само у отсутствію моему на мой садъ и ныве позоръ узимаду, и у случаю смерти мое, онога кога я поставимъ, у добро мое за наслѣдника уведу. Овосу они сви обећали, и обвезалисе къ тому писмено и заклетвомъ. Ясамъ учиніо дакле мою послѣдню волю полно, како на изслѣдующи смертни случай мой съ моимъ добромъ поступити валя, и поставіосамъ *Капетана*

аки

аки мога благодѣтеля, коими э животъ спасао, за главнога наслѣдника; но съ тимъ придаткомъ да онъ полакъ добра за себе удержи, а полакъ у Англїю да пошлѣ.

Кратко: ясамъ уредїо све возможно провидѣнїе, мое ствари, садъ и ныве у добромъ состоянїю удержати моѣи. Дасамъ было само полакъ памети употребїо, у мой собствении їнтересъ (користъ) погледати и разумно разсудїо што чинити, или изоставити имамъ, то я доиста отъ мога благополучнога предвзатїя никадъ небы отступїо было, я да нисамъ све оне истине знаке предстоящаго богатства изъ очїю ставїо, и мою ногу не выше къ новому Мореплаванїю у лаѣу метнуо, причемусамъ се я свїю обыкновени погибели страшити морао. А узроке да и неказуемъ, коесамъ имао себе самога у нещастїе бацыти.

Такосамъ я залуѣенъ было, и слѣдоваосамъ слѣпо моимъ собственнимъ умствованїю выше, нежели чистой памети, и кадъ э лаѣа по учинѣному уговору преправлѣна была, и товаръ на ню донешенъ, я сравненїемъ моихъ соучастниковъ овогъ путешествїя све вещи у преправность ставїо было, отишаосамъ

опетъ у несрећному часу первога Септемврїа 1569. на лађу, кое э исти онай данъ быо, у коемусамъ я пре 8. година отъ моихъ родителя изъ *Улла* побѣгао, и тако мене противо родителске власти како бунтовчикъ, а спроћу мога собственога добра како *Юродъ* показао! Лађа наша повезла э около 120. буради Хеспапа, 8. Топова, 14. люди лађара, нѣногъ Настойника и мене неброећи. Мы нисмо никаковога тешкога товара на лађи имали, о кромъ онакови лаки и багателни вещи, коесу за терговину съ Негры способне быле, како стаклене бисере или броянице, различне Школке, особито обаче мала огледалца, ножеве, маказице, сикирице, и тимъ подобная.

Ішитъ онай данъ, кадсамъ на лађу дошао, отишлисмо мы на путь, управилисмо лађу подъ сѣверъ кодъ нашихъ бреговъ, мыслећи послѣ тако до Африканскихъ бреговъ доспѣти. Кадъ ећь подъ 10. или 12. степеномъ сѣверне ширине будемо, кое онда нашъ путъ онамо быти чиняшесе. Верло э лепо али отъ выше топло време покрай свію нашихъ бреговъ было, докле годъ до высине или брега святаго *Аггустіна* дошли нисмо; откудсмо себе далѣ

били,

ка море упустили, и нѣга изъ лица изгубили, и тако исто путь предузели, како дабысмо управо ко Острову *Фернандо де Норона* Fernando de Noronha ишли свагда сѣверно-восточно держећи, и речени Островъ свагда на восточной спрани оставляюцъ: На овому теченія путу прошлисмо мы лінію у 12: дана, и былисмо по нашему послѣдньему примѣчанію подъ 7. степеномъ и 22. мінутовъ подъ сѣвернимъ ширином, гдѣ э насъ на едань путъ нагли (Орканъ) вѣтръ съ нашега пута са свимъ сбацію.

Онъ се дигао изъ юже востока и управіосе сѣверно-западнѣ, и ставіосе крѣпко сѣверно-восточнѣ, онъ э тако страшно дыхао, да мы полни 12. дана ништа друго чинити немогосмо, него возисмо свагда отъ нѣга нападаеми, и моралисмосе воли судбине, и ярости вѣтра у руке предати. У ови 12. дана мораосамъ свагда очекивати, дањеме море поглотити, и ни една душа на цѣлой лађи ніе помислила, дање отъ овогъ случая животъ свой спасти.

У овой бѣди умре намъ отъ страха и бурѣ еданъ галіашъ (Матросъ) отъ врућичине, а други съ настойникомъ страшними таласми съ лађе похићени быша.

При концу ови 12 *тѣ* дана, кадѣ э време и вѣтрь малко престао, предузео э лађе Управитель висину моря, колико э годѣ могао, и видѣо э, да э онѣ около 11 *тѣ* степени сѣверне ширине а 22 *ва* степена у дужину западнѣ отѣ тако называемаго *Калѣ С. Аугустїна* далеко отстоjао. Да э онѣ по нѣговоме исчисленїю лакле кѣ пристанищамѣ отѣ Гвинее, или сѣверной страни отѣ Бразїлїе, сѣ ону страну рѣке *Амазоне* спроћу *Оронохо*, коесе велика рѣка назива, отеранѣ быо, и самномѣ совѣтоватисе почео, кои путь предузети имамо, ербо э лађа пуна рупа, и зло растресена была, и садѣ управо доле опетѣ кѣ Бразїлскимѣ пристанищамѣ пловити хотияше.

Ясамѣ овомѣ нѣговомѣ намѣренїю со свимѣ противостао, међу коимѣ смо мы Карту отѣ Афрїканскихѣ пристанищѣ прогледали, и дознализмо, да предѣ нама ни гдѣ никакове землѣ обитане, гдибисмо прибѣжище добити могли, неима, докле годѣ мы у Кругѣ Карїбїческихѣ Острововѣ недођемо; заключилисмо дакле *кѣ Барбаду* поћи (пристанищу отѣ Барбада) когабысмо, кадбысмо ускоћу пристаница *Мексїканскогѣ* обышли, и на ширини Моря остали, по

нашой

нашой надежды у 15 *тѣ* дана достигнути могли, на противъ коего мы безъ сваке помоћи како за насъ, тако и за лаћу путешествіе наше къ пристаницамъ Афрїканскимъ никоимъ начиномъ учинити немогосмо.

У оваковому намѣренію премѣнилисмо мы нашъ путъ, и пошлисмо сѣверо-западнѣ къ западу, дабысмо кою отъ нашихъ Англїйскихъ поселенїяхъ (Collonien) докучити могли, гдисамсе якакове помоћи добыти надао. Али ево бѣде, садъ э напала на насъ на ново подъ 12 *тѣ* степеномъ и 18 *тѣ* мїнутомъ опетъ такова буря, коя э насъ съ онаковомъ истомъ силомъ отъ запада напраћъ терала, отъ нашегъ пута, и по входу чоловѣческому тако далеко отбацыла, да мы башъ, кадбысмо отъ Моря избавлѣни были, свагда їоштъ у погибели стаяли пре отъ дивихъ люди изѣдени быти, нежели кадгодъ выше у землю нашу доћи.

У овой бѣди и неволи, и їоштъ непрестано и люто грмящимъ вѣтромъ гоними повыкао э у ютру рано еданъ отъ нашихъ Матросовъ, ево суво, суво! и само штосмо мы изъ наше собе изышли, у той надежды дабысмо видѣли, у коейсе

части свѣта находимо, то насукалосе наша лађа на прудѣ тако яко, дасе ту абїе засвимѣ зауставила, и отрагу море тако силно бацыло таласе преко лађе, дасмо сви вообще сваки мінутѣ животѣ изгубити мыслили, и фришко у заклоне, и покрывене угле поспѣшили, дабысмосе отѣ пѣне и прскања воденога сакрыти могли. Нитко, него ткое кадгодѣ у оваковой нужды еданѣ кратѣ већь быо, неможе себи страхѣ, и ужасѣ люди у оваковому стаю нити вообразити нити описати. Мы незнадосмо ни гдѣ бысмо, ни на какову землю напе-рани бысмо? Ели островѣ или тверда земля бы? Ели поселѣна или пуста бяше? и ако ѳ башѣ ярость вѣтра їоштѣ свагда силна была; но нѣчто манѣ нежели преће, то мы опетѣ надежду имати нисмо могли, дађесе лађа їоштѣ нѣколико мінута держати моћи, и дасе у тисящу комада раздѣпати неће: и вѣтарѣ нѣкимѣ особнымѣ чудомѣ свакогѣ магновенїя ока около насѣ завеяваше. Съ еднимѣ словомѣ мисмо стоећи гледали еданѣ другога, и сваки часѣ самую смертѣ очекивали; къ чему ѳ себе сваки, ербосе вѣчности (смерти) тицало, по обычаю своему препра-вити морао; Ерѣ на овоме мало или башѣ ни-

никакове надежде за насъ небяше. Наша садашня и едина утѣха была э и то противо свакога чаянїя, да лађа їоштъ абїе со свимъ нїе пропала; и по сказаню лађара вѣтаръ мало престаяти започео.

Садъ акосмо башъ и примѣтили, дасе вѣтаръ мало примирїо, мы їоштъ свагда, ербо э лађа тако на песакъ насукана была, и тако твердо на нѣму стаяла, да мы никакове надежде имали нисмо ню оттудъ оттиснути, доиста у жалостноме станю были, и ништа намъ друго остало нїе, него како годъ што э можно, да животъ нашъ избавимо. Ималисмо еданъ чамацъ остругу за лађомъ, али онъ несамо штосе непрестанимъ лупанѣмъ о думенъ са свимъ изразбїяо негосе їоштъ послѣ и одрешїо, пакъ илисе удавїо или э таласомъ на ширину моря отеранъ бїо.

Дакле ни на нѣга никакве надежде имали нисмо. Истина да э быо їоштъ еданъ чамацъ на лађи, али э що была мука, какоћесе онъ на воду спустити. Ербосмо сваки часъ мыслили, ето садће лађа пропасти, а други рекоще, да э већь пропала.

У овой крайнѣй нужды счепао э нашъ Корманошъ чамацъ, и бацыога э

съ

сѣ помоћи нѣколико матроса преко лаће у воду, и мы у числу 11 *тѣ* у нѣга сиђосмо, почелисмо возити и шако предалисмосе милости Божїей и ярости моря у руке. Ербо якое вѣтарѣ већь и доста быо престао, то э море опетѣ страшно высоко таласе на брегѣ избацывало, и моглосе э, како што Холендери нѣга у оваковомѣ случаю називаю, праведно дивїе и неукротимо море назвати.

Али їоштѣ и садѣ сѣ нама свагда зло стаяше, ербосмо видѣли, да э море верло высоко излазити почело, кое нашѣ чамацѣ ни коимѣ начиномѣ одержати неможаше, и мы безсумнѣно утопитисе морамо. Штосе платна и катарке дотицало, тога неимадосмо, а кадбысмо имали, небысмо ни сѣ тимѣ ништа учинити могли. Дакле возилисмо сѣ веслама кѣ сувоме, али онако како люди, коису у желатови руку, и сѣ убїенимѣ сердцемѣ, ербосмо знали, да ако чамацѣ гдѣгодѣ кѣ брегу и доперамо, то нѣга таласѣ моря башѣ и онде на мѣсту у тысящу комада разлупати хоће. Но далѣ ништа овдесмо препоручили душе наше сви сердечно у руке милостивомѣ Богу, и снискалисмо, ербо э вѣтарѣ и безѣ тога насѣ кѣ брегу терао, наше изгу-

гублѣнїе сь нашими истими руками, ербосмо са своmь снагомь кь брегу веслали.

Ели брегь каменить, песковить, стрмь или равань быо, мы знати нисмо могли. Една едина надежда, коя намь э разумнимь начиномь последню сѣнку щастногь чаянїя дати могла, была э ова: да мы, можеть быти, гдигодь пристанище или уходь (устїе) какове рѣке потрефити (погодити) сь нашимь Чамцемь изненада унутра утератисе, подь высину землѣ подиѣи, и можеть быти равну и тиху воду наѣи. Но оть свега овога ништа небы, него коликосмо выше кь брегу долазили, толико выше гора и страшныя замля него само море бяше.

Послѣ какосмо по нашему мнѣнїю едно поль другу нѣмецку мїлю веслали, или сь Чамцемь много выше терани были, дошао э едань страшный како брдо высоки талась острагу занама ужасно шумящь, и предстао э аки дабы нама послѣдни удараць дати хотѣо. Кратко онь э ишао сь таковомь хитростїю и наглостїю на нась, да э онь Чамаць на едань кратъ извратїо, и мы коисмо у томь истомь Часу како опь Чамца тако и едань отъ другога растављени были, неимадосмо вре-

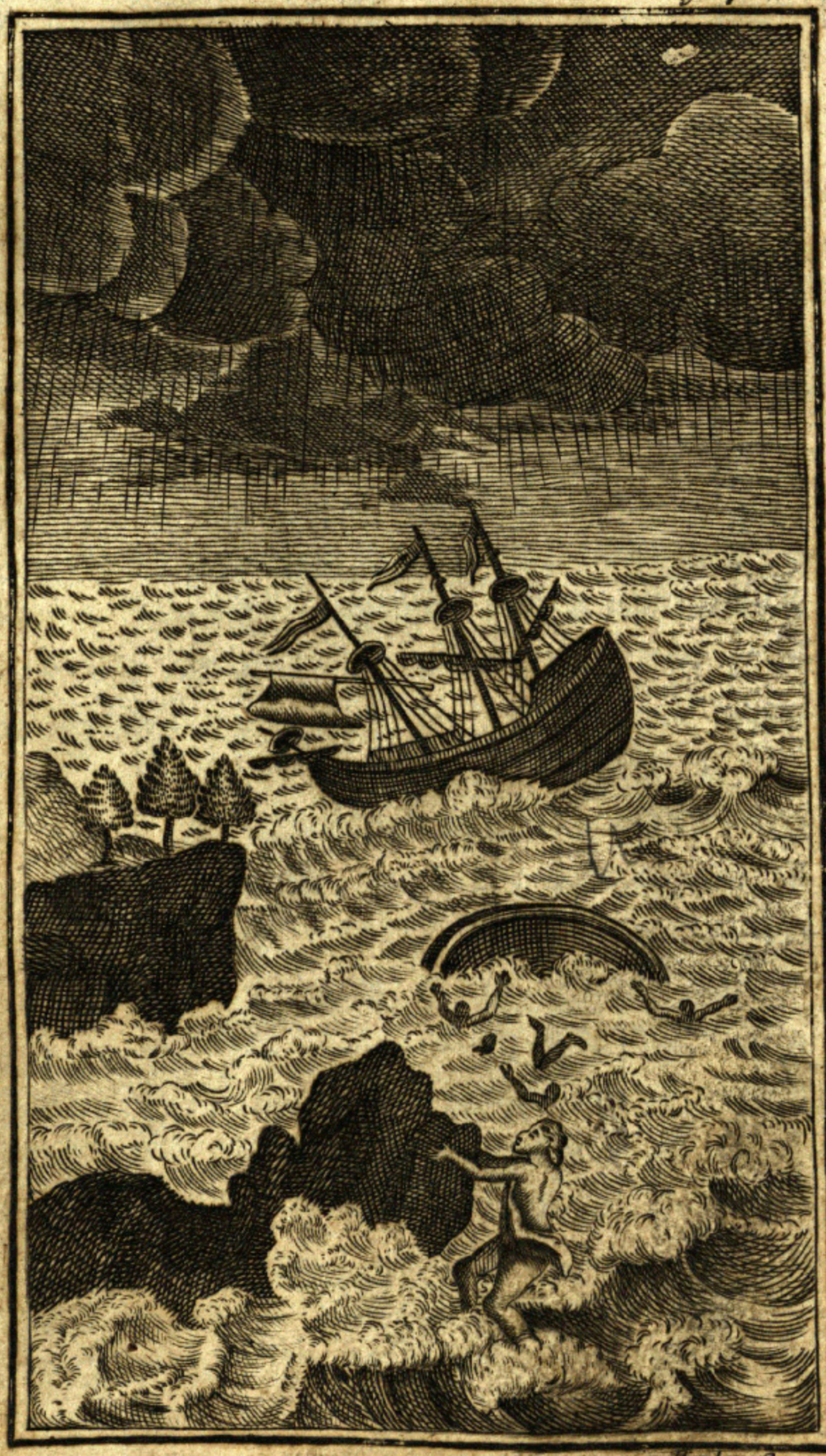
мена

мена ни милосердіе Божіе призвати, него у едномъ магновенію ока свію насъ море прогута.

Ништо ніе способно смущеніе моихъ мысли описати, кадсамъ я већь у воду пао! и башъ акосамъ и добро пливати знао, то я опетъ отъ толикихъ таласа бранитисе немого; дабы само пару у себе узети могао, докле годъ мене велики таласъ къ брегу ніе отерао, или много више бацїо, а кадсе э натрагъ вратїо, мене э сува на пруду лежаща оставїо. И коликосамъ я полакъ мртавъ отъ гутаня гадне морске воде быо, толикосамъ іоштъ разума и паре имао, да я къ сувому више, него штосамсе надао, прикучїосе есмь; и фришко, колико э годъ могуће было, суво дочепати трудїосамсе, то есть: преће него што други таласъ натрагъ доћи, и мене опетъ сасува похитити може. Али всуе ербосамъ я видѣо, дасе отъ тога никоимъ начиномъ ошаяти немогу. Ербосамъ смотрїо, да море како велико брдо и тако яростно аки раздражени непріятель, спроћу кога я нити крѣпости, нити средства имамъ бранитисе, замномъ иде. Садсамсе трудїо пару у себе увући, само кадсамъ могао изъ воде изыћи, послѣ съ пливанѣмъ колико э годъ

можно

Андріе Lekymiła



Binder Sc.

Кораблѣкрушенїе Робїнзоново.

можно кѣ сувоме спѣшити, ербосамъ я о томъ мыслїю, да море, кадъ оно мене кѣ брегу баци, у уступку своме натраѓъ мене опетъ сасобомъ не отвуче.

Талассъ, кои э опетъ на мене дошао, закопаоме на еданпутъ 20 и до 30 стопа у нѣдро свое, и я осети, дасамъ овомъ силомъ и хитростїю доста далеко кѣ брегу баченъ быо. Ясамъ пару у себи удержао, и помогаосамъ себи пливанѣмъ кѣ брегу изъ свїю крѣпостей. Кадсамъ вечь съ другимъ задржанѣмъ паре скоро скапати имао; осетїосамъ, да у высину идемъ, и кѣ моему великому укрѣплѣнїю главомъ и рукама по верху воде размануо. И ако я себе не выше него еданъ мїнутъ овако држати мого; то э ово мени опетъ чистъ воздухъ, изрядну помоћь, и нову бодрость дало. Запимсамъ опетъ нѣкои Часъ у води закопанъ быо, но ясамъ и то одержао, докъ проће, и натраѓъ уступити поче талассъ; ясамъ на противъ мени идущега таласа изъ свїю крѣпостей пливао, и опетъ подъ ногомъ дно осетїо. Стаосамъ 2, 3 мїнута, почерпа фришки воздухъ, оцедіосамъ съ тѣла гнусну морску воду, стаосамъ на ноге, и потекао, коликосамъ годъ могао, кѣ брегу. Али и ово мене отъ яро-

сти

сти злобнога мора ніе сохранило, кое э їоштъ свагда замномъ ишло, и таласъ э мене їоштъ 2 кратъ у высину дигао, а будући да э брегъ раванъ быо, то э онъ мене їоштъ далѣ напредъ бацїо.

Послѣдный кратъ былобими скоро смерть учинило. Ербо э море похитило и бацило мене онако далеко, како и прѣће, али на нѣки кеменити брегъ, и тако силно, дасамъ я безъ чувствивенъ быо, и самъ себи помоћи нисамъ могао. Оно э мени пиаковый лютый удараџъ у слабину и уперси дало, дами э сва пара на уста изишла, и кадбы затимъ абіе їоштъ еданъ кратъ дошло было, тобы я безъ сумнѣ у мору скапати морао. Алисамсе я мало подкрѣпїо, прѣће него што э таласъ натрагъ дошао, и кадсамъ видѣо, даћесе онъ морати опетъ на моей глави разлупати; намыслїосамъ за еданъ комадъ камена, докъ удараџъ проће, живо ухватитисе, и ако можно буде, пару у себи удержати. А будући да таласи ради блискоће землѣ недизашесе тако высоко како прѣће, држаосамсе я живо, докъ э ярость мора прошла, поступїосамъ їоштъ еданъ корачай, и съ тимъ прикучїосамсе тако близу къ брегу, да найближи таласъ, башъ ако э онъ и преко мене ударїо; мене

вы-

више, кадъ э натрагъ уступїо, сасобомъ похитити нїе могао, пакъ запимъ учинїосамъ послѣдный скокъ, и дочепаосамсе суве землѣ, попеосамсе съ великомъ радостїю на брегъ горе, сѣосамъ на траву, и садъ толико живота погибель, и ярость и неукротимость моря претрпїо.

Садъ вечь кадсамсе на суву у безбѣдности видїо, посмотрїосамъ около себе, и благодарїо Богу, кои э онъ животъ мой изъ онакове погибели, кое прече нѣколико мїнути ни надатисе нисамъ могао, тако милостиво избавїо. Описатисе неможе, какову радость и веселїе душа чувствуетъ, кадъ тѣло тако да рекнемъ: башъ изъ гроба натрагъ донесесе. И нечудимсе више о ономъ обычаю, да кадъ осуѣеникъ, коме вечь штранка на врату выси, на лотра стои, и башъ дасе вечь съ лотре тури, али изненада милость добїе, онда кадмусе освобожденїе живота докаже, абїе кровь пустити даду, даму страхъ и ужасъ одушевленїя отъ сердца растерао, и онъ отъ несвестице небы мртавъ остао.

Ербо нагло сбившаяся радость
Чини мятежъ како и наглая жалость.

Прохо-

Проходїосамъ предѣлъ ове землѣ горѣ и доле, дигаосамъ руке и тако рећи, цѣло суцеетво къ Небу отъ самыхъ мысли о моему избавленїю са тысящомъ внутрени побужденїя, кое описати немогу, почеосамъ разсмотравати о удавленїи мои содружника, и да окромъ мене, ни една жива душа тамо спасласе нїе: ербо я доиста нисамъ ни еднога ни видѣо, нити каковаго знаменія усмотрїо, окромъ 3 шешира, едну капу, и еданъ паръ различни (неравни) ципела по води пловуще. Кадсамъ я очи дигао, и погледао на нашу разбїену Лађу, ишао э вртлогъ и пѣна морска тако далеко и высоко преко нѣ, дасамъ я ню, ербо э далеко отстояла, едва усмотрити могао, и само чудитисамсе морао, какосамъ я овако далеко на овай брегъ доћи могао.

Послѣ какосе душа моя мало умирила была, почеосамъ свудъ у наоколо мотрити, на каковомъ мѣсту у свѣту я стоимъ, и што отъ садъ почети имамъ. Али э мужество мое опетъ скоро пало, и мое избавленїе небы у состоянїю мене особито развеселило. Ербосамъ я мокаръ было, неимадо никакови други халина, нити ела ни напитка за мое укрѣплѣнїе, и нисамъ ништа друго себи представити могао, него

или

или отъ глади умрети, или отъ дивїихъ Звѣровъ растерганъ быти; а што э мене особито тиштало, было э то: да я никаковога Оружїя, чимбы или за нужду мою дивячи убити, или акобысе гдигодъ штогодъ изъ злога намѣренїя на мене ополчило, бранитисе могао, у рукахъ неимадо. Съ едномъ речу ништа другогъ кодъ себе нисамъ имао, него еданъ ножъ, Лулу, и нѣчто мало дувана у бурмутицы. То э было цѣлое Имѣнїе мое, то исто ставило э духъ мой у такови страхъ и смущенїе, дасамъ я доста задуго аки бѣснуемъ тамо и овамо ходїо. Кадсе ноћь приближила, почеосамъ съ великомъ тяготомъ сердца разсмотравати, штоће самномъ быти, ако у предѣлу овомъ дивїихъ Звѣровъ будетъ, ербо они свагда ноћу на похищенїе исходе.

Никаково болѣ средство нїе пало мени на умъ, нежели на едно дебело чаму подобно али трновито дрво, кое э не далеко отъ мене стаяло, попетисе; цѣлую ноћь тамо пресѣдити, и сутра размыслити, каковомъ смертїю умрети имамъ, ербосе досадъ ништа появило нїе, даћу я бѣдни животъ мой продужити моћи. Рецы до едно 100 коракляи отъ брега прошетаосамсе, небыли гдигодъ фришке воде

На-

нашао, и нашаосамъ такове на мою велику радость доволно. Кадсамсе ове воде напїо, и сотимъ себе укрѣпїо, отишаосамъ къ дрвету и попеосамсе горе, препрaвїосамъ себи на нѣму аки столицу мѣсто, дасе небы у сну отъ озго строваліо, отсѣко еданъ кратакъ штапъ на подобїе батине, чимбысе бранити могао, сѣосамъ на мое препрaвлѣно мѣсто отпочиваня, садъ э напао санъ на мене, и заспаосамъ тако сладко, коебы тешко тко други мога станя учинити могао, и добїосамъ сотимъ отвыше ново укрѣплѣнїе.

Кадсамсе пробудїо, већь э быо свѣтли данъ, чисто и лепо време, буря престала, море већсе тако утолило, да оно выше нїе яростно было, нити растяше выше како прѣе. Ясамсе отвыше зачудїо, дае Лаћа ноћомъ съ прећашнѣга пруда, на кои э насѣла была, движенїемъ моря дигнуласе, и отъ болѣ части къ ономъ каменитомъ брегу, на коисамъ я, како штосамъ казао, онако немилосердно баченъ быо, доперана была. А будући да э она їоштъ само едну *Англійску* мїлю отъ мога брега далеко отстояла, и свагда їоштъ управо стояла, зажелїосамъ на Лаћу отићи, дабы баремъ

нуждне

нуждне ствари оттуду узети, и собомъ донети могао.

Кадсамъ изъ мое собе съ дрвета доле сишао, погледаосамъ на ново свудъ унаоколо, паомїе найпре Чамацъ, кога э вода и вѣтаръ две *Англїйске* мїлѣ съ десне стране на прудъ бацила была, у очи. Ишаосамъ по води тако близу до нѣга, колико-самъ могао, и нађо рецы: за едно полъ *Англїйске* мїлѣ међу мною и Чамцемъ едну шыроку рѣку. Вратїосамсе дакле за овай кратъ опетъ натрагъ, и садсамъ мыслїо іоштъ выше, какоћу на Лађу моћи доћи, дабысамъ штогодъ нуждно за содержанїе мое оттудъ узети могао.

Мало затимъ послѣ полудне трефїосамъ море сасвимъ тихо, и равно, и воду тако далеко отъ брега удалѣну (усохнуту) дасамъ само за еданъ четвертъ мїлѣ къ Лађи доћи могао. Овдесамъ добїо поводъ ко обновленїю мое жалости, ербосамъ абїе видѣо, да кадбысмо мы сви у Лађи остали были, дабысмосе сви спасли, и живи на суво изишли, а не у онаково неутѣшимо, и отъ свега свѣта изоставлѣно состоянїе пали были. Овай ужасный взоръ облїо э лице мое сузама. Кадъ то мени ништа помоћи ніе могло, заключїосамъ, акое мо-

гуће на Лаћу поћи. На овай конаць свукаосамъ халине сасебе, ербо э и онако врло топло было, и упливаосамъ на воду. Кадсамъ я већь башъ до Лаће допливао, то э іошть теже было на ню попетисе. Ербо э она тврдо на темелю лежала, и изъ воде высоко стаяла тако, дасе я рукомъ нигди ухватити немого. На послѣдокъ кадсамъ два кратъ около Лаће опливао, усмотріосамъ еданъ комадъ ужета, о чемусамсе зачудіо, дага ома первый кратъ видѣти нисамъ могао, напредъ наполю отъ лаће (кодъ тако называеме дебеле даске) доле висящъ, дасе я нѣга ако башъ и съ великимъ трудомъ дочепа, и средствомъ нѣга напредъ на клупу узпужасе. Садсамъ видѣо, дасе Лаћа са свимъ потопила, и да силну воду у долнѣмъ патмосу имаде, да она на тврдому пруду или многовыше на тврдому темелю лежи, и да стражня часть башъ отозго на пруду стои, а предня равна съ водомъ бяше. Овимъ начиномъ быо э дакле кровъ или горня часть Лаће свободна и свудъ унаоколо сува; ясамъ дакле найпре све вещи добро извидѣо, коесу отъ воде покварене, и коесу іошть добре быле. А наимено нашаосамъ найпре, да э сва отъ Лаће храна за ело сува и отъ морске воде са свимъ сохра-

хранѣна была, и будуѣи гладанъ отишаосамъ у хлѣбницу, узеосамъ симита, напуниосамъ съ нима жепове, негубеѣи времена еосамъ разгледаюѣи и друге ствари. Послѣ отишаосамъ у велику собу, нашаосамъ тамо мало сладке ракіе, нагнуосамъ чутуру и живо потегао, коеми э башъ и отъ врло велике нужде было, дабы себе сопимъ на предстояще вещи укрѣпіо. Садми выше ништа ніе нифалило, него еданъ чамацъ, дабы себе съ различнима нуждима вещма, коесамъ примѣпіо, снабдѣти могао.

Ніе дакле паметно было овде дуго сѣдити и кодъ саме желѣ остати, и башъ ова садашня моя нужда пробудила э мой попечителный трудъ. Мысмо имали различни мотака, отъ платновъ и Катарки доволно, и два три дебела балвана, іошъ къ тому еданъ парь велики Катарки у преправности на лаѣи, овесу мени требовале башъ како вала, и толикосамъ ихъ на воду спустіо, коликое годъ тегота допустила, али сваку свезаосамъ ужетомъ, да ихъ вода не отнесе. Кадсамъ то све учиніо, сишаосамъ съ Лаѣе доле, привукаосамъ ихъ къ себи, свезаосамъ ихъ четири на краеви, како штосамъ могао, добро заедно, и начиніосамъ аки нѣки сплавъ, метнуосамъ нѣколико дасака по-

преко, видѣосамъ, дасе на ныма може ходити, а будући дасу дрвета лака была, и немогоше теретъ на себи носити, препилїосамъ дакле съ тестеромъ нѣколико балвана, у три равне дужине, и донесао ихъ съ великимъ трудомъ и посломъ на мой сплавъ, при чему э мени надежда различне нуждности добити мужество у сердце дала оно чинити, што я у каковоме другоме станю и способу никадъ чинити небы хотѣо.

Мой э сплавъ већь способанъ быо доста тежакъ товаръ понети, садсамъ имао бригу, чимћуга натоварити, и какоћу оно, што на нѣга метнемъ, отъ заплюскиваня моря сачувати моћи? Но я о томъ дуго несовѣтовасе нити мысли. Наипре све даске, коесамъ годъ добити могао, метнуосамъ попреко на сплавъ, и разсмотрїосамъ добро, штомїе наипотребнїе узети, узеосамъ три галїашка сандука, коесамъ отворїо и испразднїо, и спустїосамъ ихъ на мой сплавъ доле. Перви отъ ови сандука напунїосамъ съ храномъ, то есть; съ хлѣбомъ, пиринчомъ, съ трима комадми Холлендскога сира, и съ петъ комади сувога козїега меса (пастрме) кое э главни нашъ ужитакъ было, и еданъ мали остатокъ Европеискогъ жита, коесмо ради живине на лаћи, коюсмо

собомъ

собомъ узели, чували, живина обаче была э сва удавлѣна. Было э ечамъ и жито заедно помешано, али послѣ на мою велику жалость видѣосамъ, дасу то парцови скоро све исчарвали и покварили. Отъ напитка нашаосамъ различне чутуре, и шишета, коесу нашега лаћара быле, међу коима николико шишета (Cordial) Шпанскога сладкога вїна и у свему 5. или до 6. сосудовъ *Арраха* было. Ове метнуосамъ особито, еръ ніе было можно ны у сандукъ метнути, и гдѣ они такожде мѣста неимадоше. Доксе я съ шимъ забаля, примѣтїосамъ, да волна, ако башъ и верло тихо, дизаписе и расти поче, и забринуосамсе мою халину, кошулю, и перслукъ, коесамъ на брегу на песку оставїо бїо, оппливаеме видѣти, чакшире мое, коесу само (прпене) платнене и отворене быле, а чарапе задержаосамъ на себи, и съ нымасамъ на лаћу допливао быо. Мораосамъ преће свїю други ствари на халине позоръ имати, коихъ я истина на лаћи доста нашао есамь, али отъ нихъ ништа узео нисамъ, него башъ штосамъ садашни кратъ нуждно и необходимо требовао. Ербосу їошъ и друге многе вещи быле, на коесамъ я очи бацыо быо, а наимено различни халатъ, чимъ землю радити валя.

Мо-

Мораосамъ дуго тражити, доксамъ дунѣерски сандукъ нашао; и овде э за мене отъ више нуждни и полезни добитакъ био, и за мене више вреднїе, него што бы онда пуна лађа самога злата натоварена была. Овесамъ тако, како шпосу быле, спустїо на сплавъ, да не бы съ отворанѣмъ времена губїо, ербо и безъ тога отъ прилике знаосамъ, што у ныма лежи.

Садсамъ за оружїе, барутъ, и олово имао бригу, у великой прегради былесу две лепе птичарице пушке, и два пиштоля, овосамъ найпре спремїо, и їоштъ къ тому нѣколико рогова за барутъ, едну кесу са сачмомъ, и две старе захерђане саблѣ. Знаосамъ такожде, дасу 3. буретa барута на лађи была, но знао нисамъ, гдѣ э ны нашъ Управитель метнуо био. Послѣ дугога траженя на послѣдокъ нашаосамъ и то. Два отъ ови буради быласу са свимъ сува, а треће э мокро было. Обадва сува буретa съ оружїемъ заедно донеосамъ на сплавъ, садсамъ помыслїо, да доста тежакъ товаръ имамъ, и стаосамъ мотрити, какоћу съ нимъ на брегъ доћи, ербо я нитисамъ платна, нити весла, нити думена имао, и само една пуна капа вѣтра моглае овоме цѣломе товару конацъ учинити.

Мећу

Међу тимъ су три вещи мене ободриле. Перво тихо и равно море, волна коя э къ брегу ишла, и наипослѣ оно мало вѣтра, што э дуало, мене э управо къ суву терало. Окромъ оногъ халата, кои э у сандуку био; имаосамъ две тестере, сикиру, еданъ чаканацъ, іоштъ къ тому два три сломлѣна весла отъ чамца, штосамъ на лађи нашао, и со овимъ товаромъ пустїосамсе дакле на воду, едну мїлю рецы: ишао э сплавъ мои преизрядно, него само да э, на штосамъ смотрїо, отъ онога первога мѣста, гдисамъ я стао био, ниже мало отеранъ био. Изъ тогасамъ заключїо, да онамо каковъ годъ водени потегъ быти мора, слѣдователно надаосамсе гдигодъ какову зашкулину онде наћи, коїомбысе аки пристанищемъ, дабы съ товаромъ къ земли дошао, послужити могао.

Како штосамъ себи вообразїо био, такое исто и было. Ясамъ предсобомъ усмотрїо отворену дверъ отъ землѣ, и видїосамъ, да волна у нѣку яку, и велику рѣку у ходяше. Ясамъ управїо мой сплавъ, како штосамъ найболѣ могао, дабысе свагда посредъ рѣке держати могао. Но преко свега я бы доиста и овде кораблѣкрушенїе терпѣти морао, о чемубысе био,

кад-

кадбымисе то случило было, до смерти разгнѣвао, и будући да я брегъ нисамъ знао, наишао э мой сплавъ съ еднимъ краемъ на плитки темель, а будући да на другоме твердо стаяо нїе, то башъ нїе нифалило много, да мой цѣли товаръ отъ оне стране, гдѣ э на темелю нестаяо, нїе страдао, и у воду опроверженъ быо. Упреосамсе съ лећма о брегъ и учинїосамъ послѣднѣ мое, дабы сплавъ на мѣсту нѣговомъ удержати могао; али за бадава, са свима крѣпостма, коесамъ употребїо, нисамъ я у состоянїю быо сплавъ отурити, а съ мога мѣста кренутисе башъ отнюдъ несмѣдо. На овому стаяосамъ я їоштъ свагда са свомъ силомъ у брегъ подупирући скоро пуно полъ сата стоящъ. Међу тимъ э мене приливъ мора на мало равни темель донео, и кадъ э їоштъ скоро затимъ вода више нарасла, то э мой сплавъ опетъ пливаню способанъ быо. Ясамга абїе съ весломъ, коесамъ имао, отиснуо у каналъ (рѣку) потераосамга выше горе, и нашаосамсе на послѣдокъ у уходу едне мале рѣке, коя э са землїомъ са обедве стране и съ крѣпко текущымъ приливомъ окружена была. Нисамъ радъ быо далеко горе у рѣку поћи, ербосамсе

време-

временомъ какову лађу на мору видѣти надао, тосамъ радъ био свагда кодъ бреговъ близу изостати, колико э годъ могуће. Погледаосамъ дакле на обедве стране, гдѣђу каково угодно мѣсто видѣти, да станемъ, и смотріосамъ на послѣдокъ едну малу зашкулину на десномъ брегу, кудасамъ мой сплавъ съ великимъ трудомъ и дѣломъ управіо, и већьсамъ тако близу био, дасамъ весломъ моимъ дно доватити, и съ сплавомъ управо унутра уђи могао: али и овдебы цѣли товаръ мой опетъ подруги кратъ у воду пао био. Ербо э брегъ отвише стрмъ; то есть, отдѣлено высящъ био, дакле ніесе могло нигдѣ стати. Предня часть сплава, коя э къ брегу ишла, былабы, кадбы я то био учиніо, верло высоко, а друга верло дубоко дошла тако, дабы мой товаръ опетъ на ново краинѣй погибели подверженъ быти морао.

Све штосамъ я чинити могао, было э очекивати, докъ приливъ моря (волна) найвише нарасте, ербосамъ я сплавъ мой весломъ равно аки мачкомъ къ брегу тверђо, а наимено кодъ наиравніе части землѣ, гдисамсе я надао, даће приливъ моря скоро излитисе, держао. И тосе тако случи-

ло.

ло. Какосамъ я добїо воду (ербо э сплавъ мой скоро едну стопу дубоко ишао) оттураосамга на овай равни темель, и утвердїосамга съ онима двѣма пребїенима весли, отъ коихсамъ едно на едномъ а друго на другомъ краю у землю ударіо, и тако стаяо, докъ э вода на трагъ уступила, и мой сплавъ съ цѣлимъ товаромъ на суву остао.

Перво штосамъ чинити имао, было э предѣлъ овай разсмотрити, и угодно мѣсто како за обитанїе мое, тако и добро мое у безбѣдность ставити, изабрати. Іоштъ свагда знао нисамъ, гдисамъ, ели на твердой земли или на каковомъ острову? ели у каковомъ обитаемомъ или необитаемомъ предѣлу? Ели у погибели дивихъ звѣровъ или не? Не выше отъ едне мїлѣ было э предамномъ едно брдо, кое э врло стрмо и высоко стаяло, и отъ нѣкихъ другихъ, коису еднако у едному реду отъ нѣга къ сѣвѣру лежали, высиномъ своїомъ отличествовало. На верхъ брда овога пошаосамъ я съ едномъ пушкомъ, пиштолѣмъ, и съ еднимъ барутнимъ рогомъ снабдѣнъ, дабы штогодъ смотрїо, и ту видѣосамъ, кадсамсе съ великомъ тягости и трудомъ горе попео, на мою велику жа-

лость

лость мою неумитну судбину, и ужасни случай; да я на едномъ отъ свїю страна моремъ окруженомъ острову стоимъ, и ништа друго отъ суве землѣ видѣти небяше, окромъ нѣкой далеко отъ овудъ отстоящи каменити пећина (гудура) и двїю мали острова, кой около 3. мїлѣ къ западу у морю лежаху.

Такожде извѣстїосамсе, да э островъ или Ада, на коей я стоимъ, са свимъ пусть и неплоданъ, и како штосамъ причину вѣровати имао, ни отъ кога другога него само отъ нѣкихъ дивихъ звѣровъ обитаемъ, истина отъ овихъ звѣровъ нисамъ видѣо ни еднога, него едно велико множество птицъ, кое я познавао нисамъ, нити знао, башъ акобы кою и убїо, есули за ело способне или не; кадсамсе повратїо натрагъ, бацыосамсе на едну велику птицу, коя э на едномъ древету близу едне велике шуме сѣдила. Ово э дойста отъ созданїя свѣта перви звукъ пушке у овои части землѣ быо. Само штосамъ избацїо пушку, алисе отъ свїю страна шуме неизброено множество птицъ са смущенимъ крикомъ и цвркутанѣмъ свака по своему обичаю дигло, изъ међу кой я ни едну отъ мени познате версте видѣо ни-

нисамъ. Ону, коюсамъ убїо, держаосамъ ю по нѣномъ клюну и фарби за нѣки видъ ястребовъ, но нѣзини и персти нису были већи, него и у други птица. Месо нїе за употреблѣнїе было.

Задоволянъ со овимъ извидѣнїемъ повратїосамсе я опетъ къ моему сплаву натрагъ, и почеосамъ мой товаръ и ствари на полѣ износити. И сотимъ я прошао прочи остатокъ дана. Али штоћу ноћомъ почети, или гдиће мѣсто отпочиванія наћи, я то знао нисамъ, ербо на саму землю лећи бояосамсе погибели отъ дивихъ звѣровъ разтерганъ быти, коликосамъ послѣ видѣо, дасе отъ тога нишше бояти нїе было.

Међу тимъ оградїосамъ себе, какосамъ болѣ могао, са сандуцы, и даскама, коесамъ на суво изнео быо, и начинїосамъ као нѣку колибицу за мой конакъ. Али знао нисамъ, гдиће што за ело добити, окромъ штосамъ два или тры зверчета, кои као зецови быше, изъ оне шуме, гдисамъ птицу убїо, исходяще видѣо.

Садсамъ почео размышлявати, какоћу и їоштъ многе мени полезне и потребне вещи изъ лаће добити моћи, особито ужета, платна (отъ парусовъ) и другихъ

выше

више штоми годѣ у руке доће, заключїосамѣ дакле, ако можно буде, їоштѣ едно путешествїе кѣ лађи предузети, и то пређе свїю други вещи, и пређе ништа друго непредузети, докѣ све, што годѣ на лађи наћи могу, на суво неизнесемѣ; ербосамѣ знао, да перва буря, коюћесе дигнути, лађу сву на комаде разбыти мора. Садсамсе самѣ у себи совѣтовао, хоћули опетѣ со овимѣ сплавомѣ напраѣ поћи, и томисе учинило, да неће добро быти, заключїосамѣ дакле сѣ отпливомѣ моря као и первы кратѣ онамо поћи. Тосамѣ и учинїо, точїю дасамѣ пређе халине мое у моей колибицы свукао, и ништа више на себи, нежели едну шарену кошулицу, едне гаће, и еданѣ парѣ цыпела безѣ пештахѣ удержао.

Дошаосамѣ на лађу као и пређе, и себи други сплавѣ приправїо, да я обаче, ербосамѣ искусство отѣ первога имао, ниписамѣ тако тяготно учинїо, нити онако верло сплавѣ претоварїо, и абїе различне мени верло полезне и потребне ствари на сплавѣ донесо. Међу дунђерскимѣ халатомѣ нашаосамѣ наипре три вреће пуне ексера и различна оштрлята гвожђа, еданѣ велики гвоздени клинѣ (ћускїю) и еданѣ

парѣ

парЪ тестета сатарица (сикирица) а отЪ прочи вещи, коесу наинуждніе быле — еданЪ тоцылЪ. Ово э све было за мене изрядни добитакЪ, їоштЪ сЪ нѣкима другима вещма, коесу нашега лаће Управителя быле, еданЪ парЪ шестаровЪ, два буренца танета пушчани, седамЪ пушака, едну птичарицу, нѣчто мало баруша, едну велику кессу са сачмомЪ, и едну велику балу танко искована олова, али э ова была тако тешка, да я ню нитисамЪ дигнути, нити преко лаће на сплавЪ спустити могао.

Окромъ ови вещи скупїосамЪ све халине за облаченѣ, коесамЪ годЪ наћи могао, едно што э у приправности стаяло (ядро) плаштно сЪ преднѣ капарке, шатру отЪ лаће, и спаваће халине. СотимЪ наповарїосамЪ мои други сплавЪ, и све ове вещи за мою велику ушѣху щастно на брегЪ изнесо.

Имаосамъ страхЪ, да моя храна у време мога отсутствія на суву изядена небуде; али кадсамЪ натрагЪ дошао, невидѣвЪ никакова знаменія отЪ каковога посѣщенія, окромЪ да едно зверче, кое э дивїой мачки подобно было, на едному отЪ сандука сѣдяше. Ово, кадсамсе я приближїо, побѣгло э мало натрагЪ, пакЪ э опетЪ сѣло, стаяло э са свимЪ мирно и безЪ бриге сѣдећи,

и

и гледало э управо у очи, башЪ аки дабы волю имало самномЪ познатисе. ЯсамЪ дигао пушку на нѣга, али оно при свему тому мирно и тихо стояше, и ни наиманы знакЪ показа, даћесе смѣста кренути. Бацыосамму еданЪ комадЪ симите, ако башЪ кодЪ мене онда и ни э было ништа за издаванѣ; ербо э храна моя и безЪ тога была слаба и малена: Но међу тимЪ како каза, бацыосамЪ нѣму опетЪ еданЪ комадићЪ, кои э онЪ узео, преломїо, и изѣо, паксе опетЪ невѣштЪ учинїо, ербому э то угодно было, и зактевало э їоштЪ выше. Али я захвали на томЪ, ербому выше дати немого, и тако оно своимЪ путемЪ опетЪ отиде.

СадсамЪ имао већь и мой други товарЪ на суву, и видѣосамЪ себе принуждена барутну бурадЪ отворити, и у манѣ части раздѣлити, ербосу то велка и тешка бурадЪ была. Садсамсе дао у посао средствомЪ платна и нѣколико мотки, коесамЪ на овай конацЪ приправїо, едну малу шатру начинити, и у овай шаторЪ донеосамЪ све мое вещи, о коихсамЪ знао, дабысе отЪ кише и солнца покварити могле, около ове шатре пометаосамЪ я све празне сан-

дуке

дуке и орманє, дабы себе отъ свакога наглога нападенія како люди тако и звѣровъ утвердіо.

Кадсамъ ово учиніо, затворіосамъ изъ нутра врата отъ шатре съ нѣколико дасака, а съ поля съ еднимъ празнимъ извраћенимъ сандукомъ. Затимъ положіосамъ едну даску на землю, метнуосамъ моя 2. пиштоля кодъ главе и покраи себе мой трость, и тако быосамъ перви кратъ на моме кревету, и спаваосамъ цѣлую ноћь зѣло мирно и спокоино. Али ни э чудо, ербосамъ и трудань и санливъ быо, зашто прошедшую ноћь, мало или башъ ништа спавао нисамъ, и преко цѣлога дана трудно радіо вещи мое изъ лаће узимати и на суво износити.

Садсамъ имао наивећи магазинъ различити ствари, кои никадъ за еднога человѣка ніе тако напунѣнъ быо; но я преко свега тога іошћъ никадъ доволянъ быо нисамъ, ербо докле э годъ лаћа на мѣсту своме управо стаяла, помисліосамъ све изъ лаће, штогодъ іошћъ наћи могу, изнести морамъ, и сваки данъ кадъ э вода уступила, ишаосамъ на ню и свагда са собомъ што было, да было, донео.

Осо-

Особито трећи кратъ кадсамъ на лађу отишао, донесаосамъ толико ужета и танки штранчица, коликосамъ годъ наћи могао, и еданъ комадъ конофоса чимбы у каковой прилицы платна (ядра) искрпити могли, и буренца мокрога барута съ тимъ сохранили, кратко ясамъ сва платна отъ найвећега до найманћга собомъ узео. Но жао ми э было, дасамъ ихъ у комаде изсећи морао, и никадъ на еданъ кратъ собомъ толико узети нисамъ могао, како штосамъ желїо. Я ихъ дакле нисамъ ни могао выше за танка платна него само за дебело платно употребити.

А штоми э найвећу радость учинило, было э то, дасамъ я башъ найпосле, кадсамъ већъ пето или шесто путешествїе таково учиніо, и већъ ништа на лађи наћи нисамъ надаосе, што бы вредно было, їоштъ велики пунъ сандукъ хлћба, три буретa сладке Англїйске водке (ракїе) едну кутїю фїнога шећера, и едно буренце брашна нашао. Овоми э пало сасвимъ изненада у руке, ербосамъ, како што каза, већъ сву надежду изгубїо їоштъ штогодъ хране, коя небы отъ воде покварена была, тамо наћи. Повадїосамъ дакле хлћбъ изъ сандука, и

 завїо-

завїосамъ све сомунъ по сомунъ у комаде отъ платна, коесамъ за то скроїо быо, и донеосамъ све на еданъ кратъ щастно на суво.

Слѣдующїй данъ учинїосамъ опетъ путешествїе онамо. Лаћусамъ отъ свега, штосе годъ дигнути и понести могло, сасвимъ опустїо; садсамъ предузео велико уже отъ мачке спремати, изсекаосамъ највеће у онакове комаде, како штосамъ понести могао, пакъ тако и она два танка едека отъ мачке, и едно мало уженце отъ Чамца са своимъ гвожћарїомъ, штосамъ годъ наћи могао, собомъ понесао. Затимъ подсекаосамъ средню велику Катарку, како годъ и мотке на стражнѣй, и све што э за мой велики сплавъ требовало, и натоварїосамга са свимъ овимъ тешкимъ добромъ, паксамсе опискао. Али ево бѣде, моя добра срећа почела э мене оставляти, ербо э сплавъ садашни кратъ сасвимъ неспомогателанъ, и тако врло натоваренъ быо, да я, кадсамъ већь у ону малу зашколину, гдисамъ и друге ствари принесао, ушао, нѣга онако лако како прће управляти нисамъ могао. Онсе э извратїо, и бацїо мене съ цѣлимъ товаромъ у воду. Мени за себе

нїе

нїе толико было; ербосамъ я доста близу брега быо; али съ моимъ товаромъ зло э было, отъ кога э боля часть пропала; особито гвожђарїя, отъ коесамсе я велике ползе надао. Но преко свега кадъ э вода уступила, изнеосамъ я многе комаде великога ужета отъ мачке, и такожде нѣчто мало гвожђарїе али съ великимъ трудомъ на суво; ербосамсе морао у воду загнюривати, кое э мене отвыше утрудило. Послѣ отходїосамъ сваки данъ на Лађу, и донеосамъ, штосамъ годъ нашао, на суво.

Кадсамъ већь 13 *тъ* дана на суву а 11 *тъ* крапи на Лађи быо, и међу тимъ свесамъ изнео, штосе годъ отъ двею руку икадъ очекивати могло, и мыслїосамъ, кадбы їоштъ свагда тихо време было, цѣлу Лађу комадъ по комадъ на суво изнети. Кадсамъ я већь 12 *ти* кратъ на Лађу поћи себе преправляо, тосе онда почео и вѣтаръ дизати. А будући да э море ниско спаяло, ясе сотимъ нисамъ уплашїо, него отишаосамъ на Лађу. И коликосамъ годъ тражећи вещи цѣлу собу преметнуо, и да небы могуће выше што тамо наћи, тосамъ я опетъ їоштъ еданъ Орманчићь съ Фїокама тамо нашао, у коима э три бритве, едне велике маказе, и до 12 *тъ*

пари добри ножева и вилюшака было. У другой фіочицы нашаосамъ до 36. фунти Штерлінговъ у новцу, отъ коихъ э полакъ *Европейскихъ* а полакъ *Бразїлскихъ* монетовъ было, и нѣколико комада *Шпански* талира, и другихъ златныхъ и сребреныхъ монетъ.

На смопренѣ ови новаца мораосамсе самъ у себи смѣяти. Неваљана ствари! повыкаосамъ я, на каковуси ползу? за мене ниси вредна, дапе са землѣ дигнемъ! само еданъ отъ ови ножева више э вреданъ него та цѣла хрпа. Къ ничему, али башъ отнюдъ къ ничему незнампе я употребити! Остани и пропадни ту како созданіе, кое незаслужава избавлѣно быти. Но ясамсе промыслїо опетъ и завїосамъ нѣколико комада у елно парче крпе. Садсамъ започео за други сплавъ мыслити, доксамсе я сопимъ забаляо, наоблачилосе небо, и вѣтаръ започеосе дизати, и за еданъ ферталь сата већь э отъ брега къ лађи доста яко дыхао. Мени э абїе у паметъ дошло, дађе суетно дѣло быти каковъ сплавъ правити, ербо э вѣтръ на противъ мене дыхао, и да самъ себе што преће шо болѣ оповудъ отправимъ и преће времена приплива (волне) ербо иначе нећу у состоянїю быти, къ брегу приплива-

ваши.

вати. Дакле спустїосамсе у воду и пливао-самъ каналомъ међу лађомъ и пескомъ упре-ко. Но мени э ово отъ теготе, коюсамъ съ собомъ носїо, ово движенїя моря до-волно зноя дало; ербосе вѣтаръ дигао нагло, и пређе него што э припливъ са-свимъ дошао, учинилосе совершена буря.

Али срећомъ ясамъ до то доба већь кодъ куће подъ моїомъ маломъ шатромъ быо, гдисамъ я сасвимъ моимъ богат-ствомъ окруженъ безбѣдно стаяо. Буря э цѣлу драгу ноћь жестоко дуала, и кад-самъ я уютру на море погледао, небы ништа выше отъ какове Лађе видѣти, о томсамсе я мало забринуо; алисамсе опетъ овимъ утѣшителнимъ разсмотренїемъ охра-брїо, да нисамъ нимало времена изгубїо, никакова прилѣжанїя щадїо све оно што э годъ за мене полезно было изнети; и да э доиста мало што у нутра было, што-бысамъ изнети могао, башъ акобы и выше времена къ тому имао. Ясамъ дакле Лађу, и све оно штобы їоштъ изъ нѣ добити могао, избаціо изъ главе сасвимъ. Окромъ акобы комади отъ разлупане лађе къ брегу припливомъ дотерани были, коеэ и доиста съ различними вещми было, кое э обаче за мене отъ мале ползе было.

Садъ

Садъ мое мысли ни нашто друго него само на то управлѣне быше, себе отъ дивяковъ, акобы кои дошли, или отъ дивїихъ звѣровъ, ако ихъ на овой Ади буде, у безбѣдность ставити. Мысліосамъ и мыслїо, какоћу то започети, и каквогћу вида обитаніе за себе начинити, ели яму какову у земли? или шатру на земли? Ясамсе склонїо на послѣдокъ за обадвое. Описаніе о виду и начину какосамъ я то начинїо; можетъ быти, даће теби любезни Читателю угодно быти. Видѣосамъ абїе, да мѣсто, гдисамсе до садъ задержавао, низакаково постояно обитаніе способно нїе; и то отъ части тога ради, ербо э оно на блатномъ мѣсту близу моря, слѣдователно, какосамъ я мыслїо, нездраво было, особито обаче, ербо нигдѣ на близу фришке воде добити небяше. Предузеосамъ дакле гдигодъ здравїе и угодніе парче землѣ потражити.

Притомсамъ я многе вещи у разсмотреніе довео, на коесамъ, као штосамъ мыслїо, у моему состоянїю добро смотрити морао. Као перво здрави воздухъ и фришку воду, друго, щитъ и обрану спроћу солнечне жеге, треће, безбѣдность отъ похитителнихъ вещей, Человѣковъ и

звѣ-

звѣровъ; иайпослѣ незатворени видъ (изгледъ) къ морю, да я, акобыми Богъ Лаћу какову усмотрити дао, никакови способъ за мое освобожденіе, за кое я сву надежду изгубити їошт волѣ имао нисамъ, изъ руке испустїса небы.

Међу тимъ тражећи я къ тому каково способно мѣсто, нашаосамъ едну малу равнину, кодъ едногъ узвишенога бердашца, кое э къ равнини аки на подобіе дома, и верло стрмо стаяло тако, да онъ озго къ мени ништа доћи ни э могло. На страни овогъ каменитогъ бердашца была э една яма, башъ аки уходъ или врата отъ каквогъ подрума, но у пећини самой нїе было никакова подрума или пута. Управо предъ овимъ дуплѣмъ отъ яме на трави на мыслїосамъ шаторъ мой разапети. Мѣсто ово нїе выше, него 100 аршина широко, два кратъ толико дугачко было, и не иначе него аки една зелена и увеселителна башча, предъ врати мой лежало при коего концу свудъ непорядочни путови къ низини и къ морю доле растерти быша. Шаторъ мой лежао е къ сѣверо-заднѣй страни тако, да э онъ свагда отъ жара солнечногъ закривенъ био, кромѣ кадъ э солнце западоюжнѣ дошло,

кое

кое у ови страна предъ заходомъ солнца быти обычествуетъ.

Пређе него штосамъ я шаторъ разапео, повукаосамъ предъ отворенимъ мѣстомъ полукружни ендекъ, кои э у свему около 10 аршина отъ пећине (ме, а 20. отъ почетка до края у цѣлой мѣри узео.

У овай полукружни ендекъ ударїосамъ я два реда яки али дебели тачака, коесамъ тако дуго у землю ударао, докле годъ нису тако твердо као стубови стаяле, дебли краеви стаялису выше него 6. стопа отъ землѣ высоко, и на верху островерляти обадва реда нестаяше едно отъ другога далѣ него 6. цоли (членовъ).

Затимъ узеосамъ они дебели ужета отъ мачке, коясамъ на лаћи на комаде изсекао, и метнуосамъ ихъ међу овима двѣма редови стубова едно на друго башъ до верха, ударїосамъ и страгъ друго колѣ полъ трећу стопу высоко, подобно какомову банку, или внутренѣму насипу, и овай насипъ (шанцъ) тако э быо крѣпокъ, да ни человѣкъ ни звѣръ унутра или преко нѣга ући нїе могао. Ово э мене доиста времена, и доволногъ труда стаяло, особито панѣве у шуми ископаваши,

ны

ны на мѣсто доносити, и послѣ у землю закопавати.

Уходъ къ овому мѣсту нїе имао врата, него преко едне кратке лѣствице моралосе унутра и на полѣ исходити. Ову лоприцу свагда, кадсамъ унутра ушао, мораосамъ за собомъ унутра увући, и такосамъ я, као штосамъ мыслїо, спроћу цѣлога свѣта ограћенъ и утвержденъ быо, слѣдователно спаваосамъ цѣлу ноћь мирно, кое други кратъ и преће нисамъ чинити могао; башъ акосе послѣ и дознало, да я сву ову учинѣну наредбу безбѣдности противъ непрїятелей, отъ коихсамсе я какове погибели бояо, нимало отъ потребе нисамъ имао.

У ову ограду, или градъ унеосамъ съ великимъ трудомъ све мое богатство, храну, барутъ и прочая, о коимсамъ горе рекао; начинїосамъ такожде шаторъ доста повелики, дабы подъ нымъ отъ кише сохранѣнъ быти могао, коя едне четверти године овде врло плавна быва. Овай начинїосамъ сугубъ, унутра маню шатру. А преко ове другу већу, преко коесамъ еданъ велики комадъ слеплѣнога дебелога беза простpео, коесамъ (съ ядрами и парусамъ) изъ лаће изнео.

Послѣ

Послѣ нисамъ лежао задуго на ономъ кревету, когасамъ на суво изнео быо; него у едной лаѣарской правой постели, коя э верло добра и преѣе нашега кормаоша была.

У овай шаторъ донеосамъ сву мою храну, и што годъ мокроѣу трпити нїе могло, и кадсамъ сва ова моя добра спремїо, ондасамъ и онай уходъ, кои э досадъ отворенъ стаяо, сасвимъ затворїо, и прелазїосамъ, како штосамъ рекао, преко оне мале лѣствице у нутра и на полѣ.

Кадсамъ то све совершїо, започеосамъ послѣ путъ у каменитну пеѣину прокопавати, износїосамъ сву ону ископану землю и каменѣ крозъ шаторъ, и сипаосамъ свудъ унаоколо закопа изнутра, и начинїосамъ као нѣку отъ землѣ клупу, тако да э внутрени темель до полдругу стопу выши быо. На овай начинъ ископаосамъ за моїомъ шатромъ едну такову магазу, коя э моему дому на мѣсто подрума служила.

Ово э мене труда, зноя, и много дана стаяло, доксамъ сасвима отварма у право станѣ дошао, како што э быти морало. Садсе морамъ къ нѣкима другима вещма натрагъ вратити, съ коимасу мысли мое отъ части посла имале. Башъ у то вре-

време, кадсамъ я съ намѣренїемъ шаторъ разапети, и за нымъ яму ископати готовъ быо, случилосе, дасе врло плавна киша изъ нѣкогъ страшногъ црногъ облака спустила, за коїомъ э хитра муня синула, и заньомъ, како што э наравно, жестокъ громъ пукао. Хитро аки муня сама просече на еданъ кратъ тай помысль душу мою, о мой барутъ! Сердце ми э у перси трепетало, кадсамъ о томъ помислїо, даѣу я еднимъ точїю ударцемъ свега мога баруша лишенъ быти, отъ когасамъ я не само свободу и безбѣдность, како штосамъ мислїо, него башъ и само содержанїе и препитанїе мое имати надаосе. Мени одавно нїе тако мучно было э моей собствевной погибели, несматраюћи кадбы ватра барутъ доватила была, дабы веѣь сасвимъ погинуо быо.

Овай э случай тако велики страхъ у сердце мое уселїо, дасамъ я како э олуя прошла, савъ други посао то есть дѣло града мога лежащъ оставїо, и преѣе свїю други вещи то предузеосамъ кесе и купїе преправляти, дабы барутъ мой съ едногъ мѣста расположїо, и сѣмо и овамо у манѣ части раздѣлїо, и ны тако едно отъ другога удалїо, дасе едно отъ другога небы

запа-

запалило и све на еданъ кратъ ватру уфатити могло. Ясамъ съ овимъ дѣломъ у 14 *тъ* дана готовъ быо, и барутъ мой, кои э у 140. фунти состояо, быо э у више него 100 сосудовъ спремлѣнъ, и у толико мѣста раздѣленъ. Ради мокре буради нисамсе бояо никакове погибели; ову метнуосамъ у мой нови подрумъ, когасамъ самъ моїомъ кухиномъ называо: а прочесамъ овде и онде по дуплямъ пећине сакрїо, гдисамъ видїо, да отъ мокроће свободно быти можетъ.

Съ тимъ забавляюћисе излазїосамъ опетъ сваки данъ съ пушкомъ моїомъ на полѣ, отъ части за увеселенїе мое, отъ части обаче дабы видїо, небыли штогодъ за храну мою убити могао, и дабы себе сасвимъ возможнимъ опасно познао, шта ова самоћна пустиня содержава и произноси. Первi кратъ, кадсамъ изышао, усмотрїосамъ абїе на мое велико утѣшенїе, да на овой Ади коза има. Али несрећомъ овосу шако плашливе быле, шако хамишне и на ногахъ брзе, да э крайнѣ тешко было къ ныма приближитисе. Ясе съ тимъ нисамъ уплашити дао, и сумню неимадо, да нећу опетъ едну на пушку добити, и тосе башъ скоро случило. Ербо доксамъ я нына мѣста и обиталища малко болѣ пронашао, тосамъ

я себе за ны слѣдующомъ мѣромъ преправїо. Смотрїосамъ, да како оне мене у долини виде, абїе съ великимъ страхомъ оттудъ побѣгну, и тако исто башъ кадсу и на брду быле, а кадсу оне у долинахъ пасле, а я на брду быо, то онда оне мене ни найманѣ смотрити нису могле. Изъ тога примѣтїосамъ я, да нынъ образъ и очи морао э тако созданъ быти, само доле гледати а предмѣте, коису надъ ныма были, лако усмотрити нису могле. Ясамъ послѣ свагда тако учинїо, попеосамсе найпре на пећину и отъ тудсамъ многократно богатъ добитакъ учинїо. На первый ударацъ пушке, коисамъ мећу ову марвинчадъ бацїо, убїосамъ едну козу, коя э сасобомъ мало на сиси яре водила, и то ми э опъ сердца жао было. Како э дакле стара пала, остадо э младо како окаменѣно кодъ нѣ стоећи, доксамъ я онамо дошао и дигаосамъ ю, али не само то: кадсамъ я козу на леђа метнуо и понео, слѣдовало э и младо яре башъ устопце замномъ до мое ограде, гдисамъ я стару спустїо на землю, я яре на руке узео и преко мое ограде пренео, у той надежды нѣга питомо воспитати моћи. Алига никоимъ начиномъ къ елу привикнути

викнути нисамъ могао. Обадва ова звер-чета дакле снабдѣлису мене съ месомъ за нѣко време доволно. (Ербосамъ и яре, кадъ већь ести ніе хотело, принужденъ быо за-клати,) ербосамъ и тщателно храну мою трошїо, особито хлѣбъ, колико э годъ можно было, чувао.

Тврдо и постояно обиталище већсамъ садъ имао. Садъ обаче нашаосамъ за врло нуждно, и необходимо быти, мѣсто за ва-тру или огныще, гдисе ватра непрестано содержавати може, и дрва доволно къ тому изнаћи. Какосамъ то уредїо, яму разширїо, и їоштъ друге многе угодности уредїо, о томећу на мѣсту, гди валяло буде, обыл-но извѣстїе дати. Преће обаче о самъ себи о моима мыслима, о моемъ уживаня начину, коихъ, како што лако знати можемо, мно-го э было, извѣстїе дати морамъ.

Мышлѣна и изгледъ, коесамъ у моемъ станю имао, былесу страшне, ербо, кадъ небы я нагломъ и страшномъ волномъ на ову Аду или Островъ баченъ быо, и да-небы чрезъ то отъ теченїя нашега пред-узетога путешествїя, и нѣколико 100 міля отъ обыкновеннога мѣста трговине операнъ быо; тобы доволно узрока имао ово аки нѣко Божїе опредѣленїе разсудити,

да

да я на овому мѣсту, и у овому сасвимъ заборавлѣнному стаю животъ мой окончати моромъ. На ово размышлѣнѣ менису сузе многократно преко лица потекле, а многократно опетъ промотрїосамъ, зашшобы провидѣнїе Божїе созданїе свое овако сасвимъ у пропасть бацало, овако безъ сваке помоћи изоставляло и сасвимъ газило, да едвабы разумно быти видѣлося нѣму за такови животъ благодарити. — И многократно паломи э штогодъ фришко у паметъ, што э моей небодрости удержанѣ учинило, дасамъ я самъ таковую отбацїо. Особито то э учинїо разумъ мой, кадъ я единожди съ моїомъ пушкомъ у рукахъ по край моря шетатисе изыћо, и у малодушнима мыслима мога садашнѣга стаия сасвимъ изгубїосе. Истину да рекнемъ (аки дами э нѣчто пришаптало) тыси у верло бѣдномъ и заборавлѣномъ стаю; али помысли на то, гдису пивои содружницы? нїели васъ 11 *тъ* у чамацъ ушло? гди э дакле оныхъ 10 *тъ*, зашто ны 10 *тъ* нїе избавлѣно, а ты даси погинуо? зашто башъ ты самъ отлученъ бы? ели болѣ овде него онде быти? (показаосамъ на воду кадсамъ ово изрекао) свако зло съ онимъ добромъ, штосе у нѣму содержава, разсудити валя, и

їошшъ

їошть сь онимь горимь, што отъ насъ нїе далеко удалѣно было, и насъ лако потрефити могло, у сравненїе ставити.

Далѣ разсудїосамъ, какосамъ я сасвимъ, што э за мое содержанїе потребно, снабдѣнъ быо, и штобысе самномъ случило было, кадъ како што отъ сто тысящь кратъ само еданъ кратъ быва, лаѣа небы се отъ оногъ мѣста, гдисе разбила, отпустила и овако близу кь брегу доперана была, гдисамъ я времена доволно имао све ове вещи на полѣ изнети? штобысамъ почети имао, кадбы я у оному станю, у комесамъ первый кратъ на брегъ дошао, живити морао, и безъ найнуждньега што кь животу надлежи, и безъ свакогъ средства нѣга содержати могао? и особито (рекаосамъ гласно, башъ ако и не за другога, него за самъ себе) што бысамъ почео быо безъ пушке, и безъ баруша, безъ ватреныхъ оружїи, безъ разногъ халата свашто начинити, безъ халина, кревета, шатре или гдигодъ каковаго покрова? Отъ свїю ови ствари имаосамъ я доволну хрпу, и кромъ тога їошть добру надежду такоѣерь скоро и безъ пушке содержанїе мое наѣи моѣи, башъ ако баруша и олова временемъ и нестане, тако дасамъ я

о не-

о недостатку докле годъ живимъ у доволной безбѣдности быо.

Ербосамъ я абїе у почетку разсудїо, какоћу нападенїямъ, и случаямъ, коиме предсрести могу, избѣгнути, и себе за будущая снабдѣти моћи; и то не само, да акобы барута и олова нестало, него и акобысе здравїе и крѣпости мое умаляваши почеле.

О томе доиста морамъ право казати, преће нисамъ ни помыслїо, дасамсе точїю еднимъ ударцемъ мое хране лишити могао, и барутъ мой само едномъ искрицомъ савъ на еданъ кратъ у воздухъ дигнутисе могао: оттудъ э произишло, да э мене, како штосамъ рекао, тай помысль тако устрашїо, кадае грмѣло исѣвало, а друго э све їоштъ преће урећено было.

Садъ приходимъ на чудну и замышлѣну повѣсть, и поступке тако тихога, и самоћнога живота, коясе їоштъ ни откога на свѣту никадъ чула нїе.

Яћу дакле изъ перва почетакъ учинити, и тако до края порядочно поступити.

Быо э по моему исчисленїю 30 *ти* данъ месеца септемврїа, кадсамъ онимъ начиномъ, као штосамъ горе сказао, мою ногу на ову самоћну пустиню метнуо, кадъ э

 солнце

солнце, кое э онда кодъ насъ у есенѣ ноћи равно было, мени управо више главе стаяло, ербо по моему примѣчанїю быосамъ я 9 *тъ* степени, и 22 *ва* мїнута у ширину къ югу на страну отъ лїнїе.

Послѣ кадсамъ већь 10 и до 12 *тъ* дана овде быо, паломи э на умъ, даћу времена числение сасвимъ заборавити, ербо книга, мастила и пера нисамъ имао, и да суму Недѣля отъ тежатни дана нећу раззнавати моћи. Дабы то воспятствовао, узеосамъ еданъ дебео дирекъ, и начинїосамъ отъ нѣга еданъ велики Крстъ, и ударїосамга на брегу, гдисамъ найпре допливао, и урезаосамъ на нѣму съ ножемъ моимъ овако писмена: Овде на землю дошао 30 *гъ* септемврїа 1659 *га*: На страни овогъ четверогголногъ дирека урезаосамъ сваки данъ съ ножемъ по едну уреску, и свака седма уреска (бележка) была э опетъ тако дугачка као и проче, и сваки первый данъ месеца быо э паки тако исто дугачакъ, као и оне Неделне уреске. На овай начинъ држаосамъ я мой мѣсяцословъ, или недѣлно мѣсячно и годишнѣ времена числение.

И то примѣтити морамъ, да помећу многима вещма, коесамъ у овима разнима путешествїяма изъ Лаће донео, такожде

нѣке

нѣке вещи отъ манѣ цѣне, алису мени на велику ползу быле, о коимасамъ горе сказати заборавїо.

Помеђу овима вещма было э особито папира, пера, мастила, разни свезки писама, коесу у Капетановой, Корманошевой, настойниковой, и дунђериновой соби хранѣне быле, три или четыри компаса, и нѣкои математическїй Іншструменти, солнечни сати, пусули, Карте, лађарске книге, коесамъ я све смешано едно съ другимъ бацїо, или ихъ кадъ требовао или нетребовао. Нашаосамъ такођеръ три врло лепе Бїблїе, коесу мени изъ *Англіе* послате быле, и коесамъ я съ другима стварма спремїо быо, такожде и нѣке *Португалске* книге, међу коимасу два три каѳолическа молитвеника, коесамъ я све опасно сачувао. Да незаборавимъ, мысмо на Лађи едногъ пса и две мачке имали, о коихъ примѣчанїя достойной повѣсти я на принадлежащему мѣсту све сказати способъ имати хоћу. Мачкесамъ собомъ узео быо, и пасъ э самъ скочїо съ Лађе у воду, пакъ други данъ, кадсамъ я већь съ первимъ моимъ товаромъ на суву быо, на брегъ испливао. Овай э пасъ много година мой вѣрный служитель быо. Ербо што э

годъ донести требовало, онъ э донео, и мене особито игромъ, и забавомъ своїомъ увеселявао. И далѣ ништа желїо нисамъ, него кадбы онъ самномъ говорити могао; али ево жалости то онъ чинити нїе могао. Како штосамъ рекао, нашаосамъ папира, мастила, и пера, съ коимсамъ я крайнѣ тщателно поступао; и видѣесе, дасамъ я, докле э годъ мастила траяло, све опасно назначїо и описао. А кадъ э тога нестало; то дакле више ништа описивати и назначивати нисамъ могао. Ербо фришко мастило са свима средстви, коесамъ годъ у власти моей имао, начинити немого.

Ово э мене 'опоменуло, да мени несматраюћи на све оне вещи, коесамъ изнео, їошть многе вещи недостаю: изъ међу кои э найважнїя мастило было; равно будацы, мотике, и лопате, чимбы землю ископавао и на страну метао, различне игле и концы. Штосе платна дотицало, тосамъ я скоро и безъ велике бриге заборавляти привикао.

Овай недостатокъ халата нуждног учинїо э, да све штосамъ годъ радити предузео, врло э задуго и полагано ишло, и скоро цѣло э лѣто прошло, преће него што-

штосамъ я съ моїомъ оградомъ или съ заштворенимъ обиталищемъ у состоянїе дошао. Стубови и прошће, коису тако тешки были, дасамъ ихъ едва дигнути могао, изыскавалису дуго времена такове у шуми сећи, тесати и преправляти, и їошт̀ выше куће доносити, тако дасамъ я многократно два читава дана потребовао, дабы само едно овыхъ стабла посѣкао и куће донео; и еданъ цео данъ доксамга у землю укопао. У почетку послужаваосамсе ко овому дѣлу еднимъ комадомъ тешка дрвета, послѣ паоми э на паметъ оній Казукъ (коль на краю острим̀ гвожћемъ окованъ) когасамъ нашао и употребити могао, но и тай къ дѣлу овоме зѣло неугодни халапъ бяше, тако да э мени све тешко радити было.

Али я зато ништа браніо нисамъ, акоми э то башъ и горко пало, или времена стояло! тосамъ я опетъ преко тога времена доволно имао. И перво коликосамъ провидѣти могао, нисамъ другога дѣла имао кадъ већь то совершимъ, окромъ по моей Ади ходити, и средства къ препитанїю тражити, коесе и досадъ сваки данъ еданъ или выше кратн случило.

Сад-

Садсамъ почео о моме станю стална разсмотренїя чинити, и како э са стварма моима стаяло писмено ставити; не тога ради, дабы коме другоме, коибы послѣ мене на ову пустиню дошао, изоставити могао, — ербо на то нїе никакова промотреня было, као кадбы я многе наслѣднике имао, — но многовыше съ тимъ мысли мое разабрати, и воспятствовати, данебы непрестано о тому мыслїо, и духъ мой съ тимъ мучїо и утѣснявао. И кадъ э разумъ мой малодушїе мое предобивати започео, тосамъ и я самъ, како годъ штосамъ болѣ могао, себе утѣшавати стао, доброе спроћу зла ставляти и мѣрити, дабы штогодъ имати могао, чимбы садашнѣ станѣ мое їоштъ отъ горегъ каковогъ раздѣлявати могао. Садъ ставїосамъ дакле сасвимъ непристрастно благостоянїе и угодность, коюсамъ уживао, и бѣду, коюсамъ претрпїо, аки долгъ и повѣренїе слѣдующею морою.

Злое

ЗЛОЕ

1

Ясамъ на едну страшну и пусту Аду баченъ, и безъ надежде икадъ отъ овудъ избавлѣнъ быти.

2.

Ясамъ отъ цѣлога свѣта отлученъ и отдѣленъ, дабы свагда у бѣди было.

3.

Ясамъ отдѣленъ отъ цѣлога человѣчества, пустиникъ, изгнанъ отъ свакога человѣческогъ содружества.

ДОБРОЕ.

1.

Али я живимъ и нисамъ, како сви мои други содружницы у топїосе.

2.

Али ясамъ такоѣръ отъ цѣлога мога содружества отдѣленъ, отъ смерти избавлѣнъ быти, и онай, кои э мене оваковимъ чудеснимъ начиномъ отъ смерти спасао, може мене опетъ изъ овогъ стаия избавити.

3.

Али я їошть нисамъ отъ глади умро, и погинуо, на оваковоме неплодноме мѣсту, кое отнюдь никаковогъ средства къ препитанїю недаетъ.

ЗЛОЕ	ДОБРОЕ.
4.	4.
Я неймамъ никакови халина, чимбы себе одѣяти и покрити могао.	Али я подъ врло топломъ части Неба стоимъ, гди, акобы и халине имао, едвабысамъ ихъ носити могао.
5.	5.
Ясе безъ свакога средства ко обрани находимъ, дабы противъ насилствїя человѣковъ, и звѣровъ вооруженъ быо.	Али ясамъ на онакову Аду баченъ, гди я никаковихъ дивїихъ звѣровъ невидимъ. коибыми убиточни были, како штосамъ на брегахъ *Афіке* видѣо: даклe како кадбы я онде кораблѣкрушеніе трпїо?.
6.	6.
Я неймамъ никога, съ кимбы говорїо, или ткобыме утѣшити могао.	Али э Богъ чудеснимъ начиномъ Лађу къ мени близу брега послао. дасамъ я толике многе потребне вещи изъ нѣ узети могао, какогодъ моему садашнѣму недостатку помоћи, тако исто мене и у станѣ ставити, себи оно штоми э за препитаніе нуждно, доксамъ годъ живъ снабдѣти моћи.

Све заедно узимаюћи было э овде дакле истинно доказателство, да на свѣту едва едно станѣ тако бѣдно быти може, кое у себи штогодѣ добра, или поне освобожденїе їошть отъ другихъ горихъ небы содержавало; кое благодарность нашу изыскуе. И овосе може као истинна наука о искуству бѣднога станя на свѣту допустити, да мы такоћерь у оваковима содержанїяма свагда штогодѣ наћи можемо, што къ нашему утѣшенїю служи, кое мы у исчисленїю о добру, и злу свагда на повѣрителну страну ставити морамо.

Кадсамъ я већь духъ мой по болшей части къ тому склонїо са станѣмъ моимъ удоволянъ быти, и выше онако бѣдно и жалостно на море негледати, нећули гдигодѣ какову Лађу усмотрити моћи; почеосамъ я начинъ уживаня мога порядочно установляти, и себе све тако лако и угодно прибавляти, како годѣ што э могуће было.

Ясамъ обиталище мое већь описао. То э была шатра, съ едне стране пећине крѣпко съ прошћемъ и съ ужети отъ Лађе ограћена; а садъ већь могаосамъ то правимъ зидомъ называти; ербосамъ я начинїо съ поля нѣки начинъ зида отъ плоча

до

до две стопе дебео; и послѣ нѣкоего времена — да рекнемъ полтрећу годину — наслоиосамъ отъ зида на пећину греде попреко, коесамъ гранама отъ дрвета и са шушњемъ, штосамъ годъ добити могао, покріо, дабы съ тимъ кишу задержавао, коя овде у нѣкоему времену године врло нагла и плаовита быва.

Какосамъ имѣніе и вещи мое у ову ограду и подрумъ, когасамъ за собомъ ископао, унео, тосамъ већь назначіо; али и то да кажемъ, съ почеткасу све ствари мое на едномъ мѣсту на хрпи смешане и безъ свакога порядка тако лежале, дасу оне мени све мѣсто закрчиле. Науміосамъ дакле подрумъ мой распространити, и копаосамъ дублѣ у землю у нутра, ербо и пећина шупликава и песковита была, за коимъ и дѣло лакше идяше, коесамъ на то употребіо. Кадсамъ већь видѣо, дасамъ отъ похитителныхъ звѣровъ доволно сохранѣнъ, ударіосамъ съ десне стране греде у дуваръ, ставіосамсе послѣ іоштъ еданъ кратъ на десно, и прокопаосамъ сасвимъ скрожћу, начиніосамъ врапашца, дабы съ внѣшнѣ стране мое ограде приходити могао.

Овимъ

Овимъ способомъ нисамъ получїо само то, дабысамъ само наполѣ и унутра къ шапри и къ добру моме острагу приходити могао, него такожде и мѣста доволно сва добра моя у порядокъ ставити имао.

Ясамъ дакле къ дѣлу поступїо. Разумъ есть особито существо, и источникъ мѣреня. Сваки дакле, кои годъ све разумно разсмотрава и мѣри, и правилно разсуждава, може временемъ учитель у свима механическима художестви быти. Я у животу моме никаковога халата у руке узео нисамъ, али временемъ, дѣломъ, прилѣжанїемъ и размышлѣнїемъ примѣтїосамъ, да ништа на свѣту нейма, што я себи небы начинити могао, а особито кадбы къ тому нуждни халатъ имао, но ясамъ и преко тога многе ствари начинїо, и нѣкое никаковимъ другимъ халатомъ, него стругачемъ и сикирицомъ (съ великимъ трудомъ истина) кое можетъ быти, отъ како свѣтъ стои, овимъ начиномъ начинѣне нису быле. Кадсамъ на примѣръ едну даску отъ потребе имао, то другога средства небяше, негосамъ морао едно дрво посѣћи, намѣстїосамга предасе, и съ сикиромъ са обадве стране тако дуго те-

тесао, докъ э оно као платина танко было, пакъ онда мораосамъ са стругачемъ моимъ сасвимъ остругати, и равно начинити. На овай начинъ немого дакле изъ цѣлога дрвета никадъ више . него само едну даску начинити, али свему тому ніе ничимъ другимъ помогнуто было, нежели терпѣніемъ, равно тако мало, како многимъ временемъ и трудомъ, когаме э стаяло едну платину или даску добити. Штосе труда тицало, зато ми ніе нимало было, ербо э све едно было, или я нѣга на ово, или кое друго дѣло употребіо.

Но несматраюћи на све Асталъ и столица моя доћоше благощастно у состояніе. Ясамъ ны отъ онихъ кратки комада дасака, коесамъ на сплаву изъ Лаће изнео, начиніо. Послѣ какосамъ горе сказаним начиномъ самъ нѣколико дасака начиніо, начиніосамъ дакле велики едну стопу и полъ широки банакъ, еданъ надъ другимъ, около свега подрума унаоколо (рафове) дабы на нѣга савъ мой халатъ ексере, гвожћарію, кратко све на свое мѣсто метнуо и у свакой потреби абіе наћи могао. Тако исто ударіосамъ яке клине у дуваръ пећине, дабы мое пушке и све што э за вешанѣ обесити могао.

По-

Подрумъ мой нïе было иначе, него као еданъ общи Магазинъ свïю потребнихъ ствари, и све при руцы угодно имаосамъ, кое э мени велико услажденïе было све мое добро у таковому порядку особито доволность свïю нуждних̈ъ вещи у таковоме множеству видѣти.

У ово исто време почеосамъ такожде дневную книгу (записку тефтеръ) о мои повседневни дѣли держати; ербо э съ почетка мое неспокойство было, у коемусамсе находïо, доиста врло велико, и несамо неспокойство и дѣло, него їоштъ и велико смущенïе душевно, чинилису мене сасвимъ неспособна къ тому, и мое катадневно описанïе небы ничимъ другимъ, него самимъ неважнимъ и непорядочнимъ вещма напунѣно было. Него само то, н: п: штобысамъ казати имао, 30-га септемврïа. „ Какосамъ на суво дошао, и изъ погибели „ удавлѣнъ быти избѣгао, множество мор„ ске слане воде, коïомъ э утроба моя „ напунѣна была, изблювао и малосе укрѣ„ пïо; и на мѣсто штобы Богу за из„ бавлѣнïе мое благодарïо, трчао по брегу, „ плѣскао рукама, и тукосе по лицу, плакао „ и сѣповао о моей нужди и бѣди, и

„ толи-

„ толико дуго изгубљенъ! Изгубљенсамъ
„ викао! докле сасвимъ утрудженъ и осла-
„ бљенъ на землю пасти мора, дабы от-
„ починуо, али себе сну предати усуди-
„ писе нисамъ смѣо изъ страха отъ звѣровъ
„ изѣденъ быти. Послѣ затимъ нѣколико
„ дана, кадсамъ већь на Лађи быо, све
„ оттудъ узео, штосе годъ узети и по-
„ нети могло, нисамсе удержати могао,
„ дасе непопнемъ на верхъ едногъ брда
„ у тюй надежди гледати на море, небыли
„ какову Лађу усмотрїо, себи вообразити
„ већь видимъ изъ далека едну Капарку
„ съ полнимъ платномъ (парусомъ) себе
„ съ надеждомъ овомъ питати, и послѣ
„ какосамъ заньїомъ тако дуго и непре-
„ сѣчно гледао, дасамъ скоро ослепїо, ню
„ на еданъ кратъ изгубимъ, и онда сѣ-
„ днемъ као мало дѣте плакати, и тимъ
“ начиномъ мою бѣду и лудость умножимъ.

Садъ кадсамъ већь то доволно забо-равїо, имаосамъ мое покућство и обита-лице у порядку, начинїосамъ Астальъ и сполицу и све около себе лепо и угодно, како э годъ могуће было. Садъ текарь могаосамъ о томъ мыслити и еданъ по-рядочанъ Тефтерь держати, о коемъ овде Читателю описанїе сообщавамъ, башъ ако

онъ

онѣ и све ове ствари їошть по други крать читати мора. Јсамъ писао ову книгу или Тефтеръ докле э годъ мастила траяло, а кадъ э тога нестало, ондасамъ и я принужденъ быо съ описаніемъ престати.

Записка или Тефтеръ.

Данъ 30гъ септемврїа 1659 дошаосамъ я бѣдни и нещастни *Робїнзонъ Круссе* послѣ страшне бурѣ на пространности моря и претерплѣнога Кораблѣкрушенїя, на брегъ ове страшне и нещастне пустинѣ, коюсамъ я Аду или Островъ отчаянїя назвао.

Сви мои содружницы удавилисусе, и я самъ быосамъ више мртавъ нежели живъ. Цѣли други остатокъ дана пробавїосамъ съ тимъ, дасамъ я о нещастїю моему сѣтовао и плакао, да я никакова средства къ препитанїю, никаковога обиталища, никакови халина, никакова Оружїя, и башъ никаковога мѣста, гдибысамъ прибѣжище мое узео, неймамъ. Полнъ отчаянїя и безпомоћенъ невидѣвъ предъ собомъ ништа нежели смертъ, да я или отъ дивїихъ звѣровъ изѣденъ, или изъ недостатка хране отъ глади умрети морамъ. Кадае ноћь дошла, мораосамъ отъ страха дивїихъ звѣ-

ровъ

ровъ на едномъ дрвету спаваши; и спаваосамъ сасвимъ мирно, башъ акое и киша сву ноћь падала.

Перваго Октовріа уютру видѣосамъ къ моему великому удивленію, дасе э Лаћа съ високимъ припливомъ съ мѣста дигнула, и къ брегу Острова много више дотерана была. Ово э съ едне стране было за мене нѣкое утѣшеніе, (ербо кадсамъ я ню управо стоящу и цѣлу видѣо, тосамсе надао, кадъ вѣтаръ престане, онамо отићи, и штогодъ средства къ препитанію и други вещи за мою потребу оттудъ добити,) съ друге стране съ тимъ паки жалость о изгубленю моихъ содружниковъ обновиласе, кои, као штосамъ мыслїо, кадбысмо сви на Лаћи остали были, Лаћу куртализати могли, и сви непогинули, и да кадбысу люди спасени были, мыбысмо отъ остатковъ Лаће еданъ Чамацъ начинити могли, на комебысмо у какву годъ другу часть свѣта доспѣти могли. Найвећу часть дана я съ жалости о ови вещма размышляваюћи проведо. А напослѣдокъ, кадсамъ Лаћу сасвимъ суву усмотріо, ишаосамъ пескомъ до нѣ тако близу, коликосамъ годъ могао, и отпливаосамъ послѣ сасвимъ на ню; и овай э цѣли

данъ

данѣ киша цепала, ако э она башѣ и безнайманѣга вѣтра была.

Опѣ первога до 24 *га* Октовріа. Све ове дневе на различними путешествіями пребавіосамѣ, коясамѣ учинїо, све штосамѣ могао изѣ Лаће и у време приплива на сплавови на суво донети. У свима овима дневи падала э киша, изѣ међу кои э такожде и лепа времена было: и чиняшемисе дае ово обыкновено годишнѣ кишно време у ови предѣли и мѣсту было.

Октовріа 24 *га* извратїосамѣ сплавѣ мой са свимѣ, што э годѣ на нѣму было, у воду; али будући да э вода плитка и вещи тешке быле, тосамѣ я опетѣ, кадѣ э оппливѣ натрагѣ уступїо, изѣ воде многе вещи извадїо.

Октовріа 25 *га* киша цѣлую ноћь, и цѣли данѣ сѣ нападенїемѣ вѣтровѣ, у коемѣ, будући да э вѣтарѣ іоштѣ яче нежели преће дуао, Лаћасе сва на комаде разбила, и ништа выше отѣ нѣ нежели комаде оставше, кои по води пливаше, видѣти бяше. Ясамѣ овай цѣли данѣ сѣ тимѣ пребавїо, ова избавлѣна добра покривао, и у безбѣдность ставляо, да ихѣ киша покварила небы.

Октовріа 26 *га* ходіосамъ цѣли данъ свудъ по брегу наоколо, дабы гдигодъ каково мѣсто за обитаніе нашао, крайнѣ оскорблѣнъ; себе отъ свію ноћни нападенія, дивіихъ звѣровъ и человѣковъ у свободу и безбѣдность ставити. Предъ вечерь већь изабраосамъ мѣсто, кодъ когасамъ остати намыслїо, и полукружно мѣсто къ моему конаку измѣрїо, когасамъ съ нѣкимъ начиномъ зида или ограде утвердити заключїо, кои изъ сугубога реда отъ кола и прошћа и съ ужети отъ мачака изнутра, и съ поля изъ плоча испунѣнъ и ограћенъ быти э морао.

Отъ 26 *га* до 30 *га* радіосамъ врло трудно, дабы сва добра моя у обиталище унео, башъ ако э и киша међу тимъ нагло падала.

Октовріа 31 *га* проходіосамъ съ пушкомъ свудъ по Острову, штогодъ за храну прибавити и предѣлъ разсмотрити, убіосамъ едну козу, коея яре замномъ э успіопце до куће ишло, и кое я, ербо сети нехотяше, послѣ заклаписамъ морао.

Ноемврїа 1 *га* разапеосамъ шаторъ мой подъ нѣкомъ пећиномъ, и спаваосамъ первый кратъ подъ ныме, свемусамъ мѣсто учиніо како э могуће было, ударіосамъ

тако-

такоћерЪ тачке, на коима э кревеТЪ мой висити могао.

Ноемврїа *2го* сложїосамЪ све мое сандуке, даске и комаде дрвета, изЪ коихЪ э мой сплавЪ состояо, едно на друго, и начинїосамЪ ограду около себе на подобіе стражилница унутра у мѢсту, коесамЪ за градЪ мога обитанїя опредѢлїо.

Ноемврїа *3га* изышаосамЪ сЪ пушкомЪ на ловЪ, и убіосамЪ две птице на подобіе патака, кое врло добре за ело быше. ПослѢ полдне начинїосамЪ отЪ ныхЪ ручакЪ.

Ноемврїа *4га* овога ютра, започеосамЪ време кЪ дѢлу, ко исходу сЪ пушкомЪ, кЪ спаваню, и ко увеселенїю порядочно раздѢлити и установити. Свако ютро, кадЪ ніе киша была, изходїосамЪ сЪ пушкомЪ два три сата на ловЪ; затимЪ радїосамЪ до *11тЪ* сати, послѢ еосамЪ, штосамЪ имао, и легаосамЪ, ербо э време чрезвичайно топло было, малко спавати; предЪ вече предузеосамЪ опетЪ на ново дѢло и радїосамЪ ДѢлателне Часе овогЪ и слѢдующега дана употребїосамЪ сасвимЪ кЪ дѢлу мога Астала; ербосамЪ їоштЪ онда само глупи невѢжа быо; али э време и нужда мене скоро тако совершенимЪ

Майсторомъ учинило, као штобы икадъ ткогодъ у овакови обстоятелстви наравно быти могао.

Ноемврїа *5 га* у овай данъ изышаосамъ съ пушкомъ и съ псомъ моимъ на ловъ, и убїосамъ едну дивїю мачку; кожа э была доста лепа и мекана, месо обаче безпотребно. Отъ свакога зверчета, коесамъ годъ убїо, свукаосамъ кожу, и добро сачувао. Кадсамъ къ брегу морскому напрагъ дошао, смотрїосамъ отъ много видовъ морскихъ птицъ, отъ коихъ ни едну непознава; али зачудїосамсе и уплашїо о двема воденими звѣрми; кои кадъ смоприше, да я остро у ны гледамъ, незнаюћи штоћу я отъ ныхъ учинити, у воду скочише и за овай кратъ мени избѣгнуше.

Ноемврїа *6 га* послѣ мое ютренѣ шетнѣ предузеосамъ опетъ Асталъ мой пословати, и быосамъ съ нымъ готовъ; али онъ нимало по моей воли непроизиће; ясамъ нѣга обаче скоро болѣ устроити научїо.

Ноемврїа *7 га* почело э на еданъ кратъ непрерывно лепо време быти. *7 га 8 га 9 га 10 га* и едну часть *12 га* (ербо *11 га* по моему брою Недѣля бяше) пребавїосамъ съ дѣломъ мое столице, и имаосамъ до-

волно

волно посла, таковой какавъ годъ лепъ изгледъ дати, коями обаче никадъ право по воли небяше, и башъ у послу разлупаосамъ э многократно сву на комаде. д: п: Ясамъ скоро и Недѣлю праздновати изоставїо, ербо кадсамъ я многократно уреску на стубу урезати заборавїо, то немого дакле выше знати и кадъ э Недѣля была.

Ноемврїа 13га овай э данъ киша пала, коя э мене чрезвычайно разгалила и землю разладила, али равно грмляше и сѣваше мунѣ страшно, гдисамъ я ради баруша мога у великой бриги быо. Како э дакле олуя и време прошло, заключїосамъ я савъ имушакъ мога баруша у толико свески и сосудовъ, колико э годъ могуће, разложипи, и раздѣлити, данебы онъ выше оваковой погибели подложанъ быо.

Ноемврїа 14га 15га 16га ова три дана употребїосамъ на то, дабы фїочице и купице начинїо, у коебы найвыше две фунте баруша стати могле; у ове усуосамъ я барушъ мой, и метну ихъ на мѣста, коясу тако свободна и далеко едно отъ другога была, како годъ што э возможно было.

Ноем-

Ноемврїа 17 *га* у овай данъ почеосамъ я за моимъ шаторомъ у пећину копати, дабы за друге угодности и потребе мѣсто начинити могао. п: д: Три вещи къ дѣлу овому сасвимъ нисамъ имао, а наимено! Мотику, Лопату, Талишке или Котарицу. На мѣсто Мотике узеосамъ дакле ћускїю, коя э къ дѣлу овоме доста способна али врло тешка была. Садъ э было отъ велике потребе Лопата и Будакъ, безъ коихъ я ништа чинити нисамъ могао; а какоћу такове начинити то башъ отнюдъ знао нисамъ.

Ноемврїа 18 *га* сутра данъ нашаосамъ ходећи по шуми нѣко дрво, кое э оно исто или нѣму врло подобно было, и кое ради нѣгове чрезвычайне тврдоће кодъ насъ у *Бразїлїи* гвозденимъ дрветомъ называю. Отъ овога отсекаосамъ съ великимъ трудомъ, гдибы было скоро и сикиру мою покварїо, еданъ комадъ, и съ таковимъ истимъ трудомъ довукаосамга кући, ербо э отвыше тежакъ было. Тврдоћа овогъ дрвета, и недостатокъ къ тому способногъ халата, учинише дасамъ я дуго времена кодъ ове машине изгубїо; но преко свега начинїосамъ я отъ нѣга опетъ башъ дѣйствителну Лопату съ держаломъ, са-

свимъ онако исто, какогодъ кодъ насъ у *Англїи*, него само по ербо ширина нїе гвожћемъ окована была, неможе задуго траяти; но я ню опетъ ко оному дѣлу, на коесамъ ю употребїо, доста дуго потребова; али мыслимъ да никада Лопата у оваковоме виду їоштъ нигди нїе начинѣна была, и никада толико времена на овакови посао изгублѣно было.

Али э їоштъ свагда една нуждна вещъ недостаяла мени; то есть котарица или едне Талишке. Котарицу башъ отнюдъ нисамъ начинити могао, ербо превїяюћи мотака, коебы ко овому дѣлу плетена имати морао, їоштъ до садъ нисамъ нигди нашао; а штосе Талишки дотицало, тосамъ окромъ точка све начинити могао, отъ кога нитисамъ понятїя имао, нити знао, какови способъ къ дѣлу овому предузети валя. И кромъ тога нисамъ знао, како гвожће преко вретена, или главчине точка начинити валя. Я дакле выше о томъ и немысли и начинїосамъ, дабы землю, кою у подруму ископамъ, на полѣ износити могао; едну справу на подобїе коритца, у коему работницы зидаромъ Малтеръ доносе.

Но

Но и ово мени тако тешко нïе было, као Лопату начинити; и то све мене нïе стаяло више, Лопату и суетна проба Талишке начинити него 4ри дана времена; кромѣ штосамъ свако ютро съ пушкомъ на шетню исходïо, и коесамъ рѣдко изоставляо, али и рѣдко куѣи дошао, да небы собомъ штогодъ за ело донео.

Ноемврïа 23га сви други мои послови, доксамъ я халатъ овай правïо, моралису изостати. Садъ дакле предузеосамъ ихъ на ново, и пребавïосамъ 18тъ дана — сваки данъ радïосамъ, коликосу годъ крѣпости мое и време допустили, о томъ подрумъ шири и дубли начинити, дабысе вещи мое у нѣму лепше и угодніе хранити могле. Овосамъ цѣло време о томъ радïо, ово обиталище или яму доста велику учинити, коебы мени за вещей хранителницу или Магазïнъ, кухиню, спаваћу собу и подрумъ служити могло. п: д: за порядочно мое обитаніе держаосамъ свагда шапру, окромъ кадбы кадкадъ у мокрому годишнѣму времену врло кища падала, и я подъ нымъ сувъ небысе сохранити могао. Ово э дакле дало мени послѣ поводъ цѣлое мѣсто изнутра мое ограде съ дугачкима мотками устроити, коесамъ на пећину наслонïо,

пакъ

пакъ ны гранѣмъ, и съ широкимъ отъ древесъ Лишћемъ као еданъ наслонъ или стрею покрїо.

Декемврїа 10*га* ясамъ башъ помыслїо съ моимъ подрумомъ и сводомъ готовъ быти; а можетъ быти, дасамъ врло широко начинїо био, отвалисе съ едне стране врло велики одронакъ отъ верха и паде доле, очемусамсе я и то не безъ узрока верло уплашїо, ербо кадбысе я башъ подъ нымъ нашао био, то доиста никакова погребателя више потребовао небы. На ову несрећу усугубисе мой посао на еданъ кратъ, и не само штосамъ морао ону отронѣну землю наполѣ износити, него їошть и то, што э важнїе было, свудъ надъ главомъ са стубови подупрети, дасе небы опетъ по други кратъ свалїо.

Декемврїа 11*га* данасъ започеосамъ то радити, и исправїосамъ две подпоре или стуба управо, пакъ аки греде преко свакога две даске метнуо. Съ тимъ быосамъ други данъ готовъ. Ясамъ съ тимъ їошть далѣ поступїо, и вышесамъ стубова и дасака метнуо, и тако у 8*мъ* дана надъ главомъ безбѣданъ био, и редъ стоящи стубова служїоми э такоћеръ къ раздѣленїю мога дома.

Декем-

Декемврïа 17 *га* отъ овогъ дана до 20 *га* начиніосамъ банакъ около стѣне, удари ексере у стубове, и све штосе обесити може, на ны повѣсїо, и тако спаосамъ кодъ куће у доста приличанъ порядокъ доћи.

Декемврïа 21: 22: 23: донеосамъ све у подрумъ, и започеосамъ домъ мой украшавати. Метнуосамъ нѣколико дасака едну преко друге као рафове, дабы ела и сосуде мое тамо метнуо, дасака э већь мало по мало нестаяти почело. Начиніосамъ дакле їошть еданъ Асталъ.

Декемврïа 24 *га* цѣли данъ и цѣлу нощъ излишно э киша цепала; дакле нисамъ ни на полѣ излазїо.

Декемврïа 25 *га* киша такоћеръ цѣли данъ.

Декемврïа 26 *га* бездождно и земля мало хладныя и угоднїя нежели преће.

Декемврïа 27 *га* убїосамъ едну младу козу и другу раннїо, тако да э уфати, ужетомъ свеза, и дома доведо, гдисамъ я ногу нѣну свезао и дащицама утвердїо. П: д: Ясамъ хранїо ню тако добро, да э она жива остала, ногу ей излечїо, коя э тако као и преће здрава была. Временемъ кадсамъ э већь доста позадуго хранїо,

учи-

учинилосе она сасвимъ пипома, пасла э на оной малой зеленой пашицы предъ мои врати, и незахтеваше отповудъ ни побећи више. Ово э мене на первый помысль довело, нѣкую дивїю звѣрчадъ припитомити, да временемъ мени на средствахъ къ препитанїю небы ущербъ быо, акобы барута и олова мога нестало.

Декемврїа 28 29 30 *га* велика э теплота была, и никаковога чистога воздуха отъ моря; дакле нїе было време излазити, окромъ предъ вечеръ дабы штогодъ за ело убїо. Ово време пребавїосамъ съ тимъ, дасамъ све вещи мое кодъ куће у порядокъ ставїо.

Іануарїа 1 *га* їоштъ свагда врло топло; исходїосамъ опетъ уютру рано и увече съ пушкомъ на ловъ, а преко данъ пребывосамъ мирно кодъ куће. Кадсамъ я ово вече далѣ у долине заишао, коссу у средъ Острова лежале, нашаосамъ тамо велико множество коза, кое обаче крайнѣ плашиве быше, и врло тешко добитисе могоше. Абїе заключїосамъ пробу учинити, нећули ихъ съ псомъ моимъ разпудити, и раздражити моћи.

Іануарїа 2 *га* изишаосамъ съ моимъ псомъ на полѣ, и наускаосамга на козе.

Али-

Алисамсе я ту преваріо, ербосе оне све на противо пса ополчише, и онь э погибель свою добро примѣтіо, нехотѣсе дакле къ ныма далѣ приближити.

Іануаріа 3га започеосамъ ограду или зидъ мой, когасамъ я їошть свагда пунъ страха отъ кога годъ нападенъ быти врло дебела и яка начинити заключїо.

Д: П. Будући да э зидъ овай већь їошть преће описанъ, то дакле изостављамъ своеволно, што э о томъ у описанїю стаяло. Доволное то, кадсамъ я назначїо, дасамъ я не манѣ времена него отъ 3гъ Іануаріа до 14гъ Апріла съ тимъ пребавїо, дабы ово дѣло начинїо, и у свое совершенство довео, башъ ако оно и нїе више него 24 рифа у дужину было; ербо э оно полукружно было, отъ еднога мѣста до другога пећине около 8 рифи у кругъ, и врата отъ подрума башъ на среди за нымъ быше.

Ово цѣло време радїосамъ прилѣжно о томе, башъ ако э мени киша и много дана а кадкадъ и цѣлу Недѣлю на томъ препятствовала, но ясамъ свагда мыслїо, да никадъ совершено безбѣданъ и свободанъ быти немогу, докле годъ зидъ овай готовъ небуде; и вѣровати нїе можно, съ

како-

каковимъ э неисказанимъ дѣломъ и трудомъ све правлѣно быти морало, особито стубове и колѣ изъ шуме доносити, и ны у землю ударати, ербосамъ я ны правїо много деблѣ, него штоми э отъ потребе было.

Кадъ э овай зидъ готовъ, и внѣшня страна съ дебело изведенимъ зидомъ отъ плоча сугубо утверждена была; тосамъ я онда већь самъ у себи извѣстанъ быо; да башъ акобы какови Люди и на суво дошли; то они никадъ ништа смотрити немогу, штобы обиталищу каковому подобно изгледало. И то э башъ врло добро было, штосамъ я то тако начинїо, како штоћесе у слѣдству кодъ нѣкогъ врло примѣчанїя достойногъ способа ясно видѣти.

У траяню овога времена, нисамъ оставляо мой повседневни исходъ и увеселенїе за ловомъ, кадъ э годъ киша допустила, и овимъ способомъ провидѣосамъ многократно, и нашаосамъ шпогодъ, што э на мою ползу было. Особито нашаосамъ нѣки видъ дивїи голубова, кои нису као други шумни голубови по дрветахъ, него као домаћи по дупляхъ пећине гнѣздилисе. Ясамъ узео нѣколико млади, и трудїо-

самсе

самсе ны питомо воспитати. Ово э сасвимъ добро пошло, а кадъ они стари быше, отлетише опетъ отовудъ, и то може быти тога ради, ербо я ны выше не храни, ербо нисамъ хране за ны имао. Међу тимсамъ я гнѣзда нына често налазїо, и покупїо птиће, отъ коихсамъ преизрядно ело правїо.

Водећи мое домостроителство овако, видѣосамъ да мени їоштъ многе вещи недостаю, коесамъ начинити я съ почетка сасвимъ за невозможно держао, као штосе съ нѣкима и случило. Као н: п: буре съ обручеви незнадо никадъ набити. Имаосамъ, као штосамъ сказао, едно два мала буренца, али никадъ немого до тога доћи, дабы тако упутанъ быти могао, едно по примѣру овихъ начинити, акосамъ башъ и много Недѣля времена на то употребїо.

Такожде умалѣнїе мои свећа, бацило э мене у велику бригу. Какосе дакле смркне, а то э порядочнимъ начиномъ у *7 мъ* сати бывало, мораосамъ у кревет ићи. Садсамъ помыслїо на ону груду воска, отъ коесамъ у моему бѣгству кодъ бреговъ *Афрїканскихъ* свеће правїо; али всуе тога већь небы овде. Само едно средство штоми э їоштъ изостало, было э, да я кад-

самъ

самъ козу кою убїо, лой отъ нѣ оставляо, и средствомъ едне мале чинице отъ блата, коюсамъ на солнцу испекао, и фїтилѣмъ лаћарске конопљѣ себи кандило начинїо. Овимъ средствомъ добїосамъ дакле свѣтлость, башъ ако и нїе была онако свѣтло као права и постояна свећа. Башъ у средъ посла мога случилосе, дасамъ я премећући ствари мое еданъ мали жакъ нашао, кои э, како штосамъ казао, съ храномъ за живину напунѣнъ быо. Оно мало жита што э у нѣму было, тосу парцови све исчорвали, и ништа друго у кеси нїе было, него люске и прахъ. А будући дасамъ я тай жачићь на што друго радъ употребити быо, (чинимисе хотѣдо барутъ у нѣга метнути, кадсамъ я нѣга отъ страха стрѣле и грома на разна мѣста расположїо, или што тому подобное,) дакле истресаосамъ изъ нѣга оне оставше люске на едной страни мога града подъ пећиномъ. То э было наскоро предъ ономъ великомъ кишомъ, о коейсамъ говорїо, кадсамъ я тай прахъ и люске истресао, и далѣ ни нашто немыслїо, и неопоменусе выше, дасамъ штогодъ онде изасуо. До еданъ месецъ дана послѣ видѣосамъ нѣколико сламки отъ штагодъ зелена изъ

землѣ

землѣ прозябаеме, коесамъ за нѣки видъ сада держао, и кое їоштъ никадъ овде видїо нисамъ. Али каково э велико чудо и удивленїе мене обяло, кадсамъ я у кратко време едно десетъ и до дванаесть классова на стаблахъ оногъ сада исходяще видѣо, кое э совершено зелени ечамъ, онаковога вида, као нашъ *Егролейски* и башъ *Англейски* быо.

При овомъ способу нїе было могуће удивленїе и страхъ мой изговорити. Ясамъ досадъ све творїо а на законъ нисамъ ни мыслїо. Отъ овога да рекнемъ истину, врло слаба понятїя бышеми у глави, и све, штомисе досадъ случило, низашто другѳ него за сами случай держао нисамъ, или како што мы обыкновено безъ свакога размышлѣня о томъ Божїе посѣщенїе именовати обычествуемо. О намѣренїямъ провидѣнїя у таковимъ случаямъ или ныномъ порядку у управлѣнїю приключенїяхъ у свѣту размышлявати нїеми никадъ на паметъ дошло. Алисамъ я овде у онаковой *Клїмї* и земли гдисамъ знао, да никадъ жито нерасте, на еданъ кратъ ечамъ изъ землѣ прозябаемъ видѣо, прикоемъ взору ясамъ чрезвичайно возбужденъ быо, особито што незнадо отъ кудъ э тай ечамъ

про-

прозябао, и дошаосамъ на тай помыслъ; Богъ э ово жито чудеснимъ начиномъ и безъ помоћи просуте сѣтве у овому дивїему и бѣдному мѣсту за само мое содержаніе произрасти дао.

Ово э умягчало сердце мое, и очима моима сузе истягнуло, стаосамъ себе за благощастна почитовати, дасе мене ради оваково чудо у естеству приключило. И томисе чудно учинило, ербосамъ я близу тога, покрай стране отъ Пећине іоштъ нѣколико по едно разсѣяни сламки видѣо, кое отъ пиринча бяху, коесамъ познавао ербосамъ ихъ у *Афріки* кадсамъ у той земли быо, видѣо. Садъ нисамъ вѣровао само то, да э ово точїю провидѣнїе Божїе чудеснимъ начиномъ за мое содержаніе произвело, него іоштъ и о томъ недвоумїо на овому острову іоштъ выше тога наћи, проходїосамъ дакле ону цѣлую часть острова, кудсамъ и преће проходїо, и завирїосамъ у сваки бучакъ и кодъ свакога камена и пећине, да бы іоштъ выше нашао, али бадава, ербо далѣ ништа видѣти небяше. Напослѣдокъ паломи э на умъ, дасамъ я овде ону кесу, у коей э жито за храну живине было, испресао, и ово мнимое чудо престало э на еданъ кратъ абїе. Садъ право исповѣдити моramъ, по-

чела э такожде моя кротка благодарность къ Богу ослабливати, кадсамъ већь видѣо, да ово ништа далѣ нїе, него штогодъ сасвимъ обыкновено было, но я преко свега тога валялобы дасамъ за оваково чрезвычайно, и непредвидѣно посланїе Божїе благодаранъ быти имао; башъ тако како дабы то дѣйствително каково чудо было. Ербо въ смотренїи мене было э то дѣло особногъ провидѣнїя Божїя, кое э тако уредити изволило, да э 10 и до 12 *тъ* зерна читави ослати морало, а проче све отъ парцова изѣдено тако башъ, како дабы зерна ова съ Неба пала была, и равно тога ради штосамъ я ны башъ на ово мѣсто изасути морао, гди оны подъ сѣномъ ове высоке пећине абїе никнути и узрасти могоше, коебы иначе на коемъ другомъ мѣсту, гдисамъ посѣяти могао, у ово време отъ велике жеге изгорети и пропасти морало.

То лако сваки мыслити може, дасамъ я класе овога жита у време зрѣлости, кое э при концу жатвеннога мѣсяца было, верло опасно скупїо и сачувао. Свако зернце опасно сохранїо и намыслїо у той надежды на данъ кратъ посѣяти, дабы временемъ обилное имущество хлѣба имати могао. Но то э траяло башъ до четверте године, доксам-

се я

се я усудїо едно найманѣ зернце отъ овогъ жита изѣсти, а послѣ съ тимъ верло скупо поступїо, коећу после порядочно сказати. Ербоми э све перво сѣяніе, изъ узрока што право време сѣянїя ненаблюдава, пропало. Ясамъ сѣяніе ово башъ предъ сувимъ годишнимъ временемъ предузео тако, да сѣяніе изникнути неможе, башъ ни онако како штобы быти имало, коећу на мѣсту гди валя сказати.

Окромъ овога ечма было э ту їошть 20 *тъ* до 30 *тъ* стабли пїрїнча, коесамъ такожде равно тако опасно сачувао, и къ таковому истому употребленїю опредѣлїо, то есть хлѣбъ или много выше ело отъ нѣга готовити; ербосамъ средство изнашао такови куваши, а не пећи, и тосе текаръ после нѣкоего времене случило. Садсе врећамъ къ моему повседневному записанїю натрагъ.

Ова три или четири мѣсяца пословаосамъ чрезвычайно неутрудимо, да бы зидъ мой већь у совершенство довео. На послѣдокъ 24 *го* Апрїлліа затворіосамга сасвимъ, и намыслїо не выше крозъ врата, него средствомъ лотре преко зида улазити и излазити, и да съ поля никаково знаменіе о моему обиталищу усмотрити се може.

Апрїллїа 16го быосамъ такожде съ лѣствицомъ готовъ. На овой попеосамсе дакле горе, узвукаосамъ ю за собомъ и спусти ю у внутрену страну опетъ доле. Ова ограда была э дакле еданъ совершенный градъ за мене. Изъ нутра имаосамъ мѣста доволно, а съ поля нїе могао нитко къ мени доћи, доклесе годъ на зидъ мой попети небы морао.

Абїе други данъ затимъ, кадсамъ съ зидомъ моимъ готовъ быо, былобы скоро све дѣло мое на еданъ кратъ на хрпу скрхано и я самъ живота лишенъ. Тосе тако случило, кадсамъ я у нутра за моїомъ шатромъ башъ кодъ ухода мога подрума пословао, быосамъ сасвимъ и чрезвычайно уплашенъ, а и вещь сама бяше доиста доста ужасна, ербосамъ на еданъ кратъ смотрїо, да отъ крова мога подрума, и отъ верха брда надъ моїомъ главомъ земля идяше доле, и два отъ стубова, коесамъ у подруму водрузїо, страшно пукнуше, о коемсе я зѣло смутїо, незнаюћи обаче што свойственни узрокъ о томъ бяше. Помысліосамъ, дасе сводъ мога подрума опетъ по други кратъ свалїо, како штосе э већь еданъ кратъ догодило, и отъ страха да небы ту живъ закопанъ быо, потерчаосамъ къ моей Лѣствицы напредъ, а

будући

будући да и овде себе безбѣдна быти немысли, прешаосамъ преко мога зида, да небы како штосамсе сваки часъ надао, они отпронцы отъ брда на менесе свалили. Само штосамъ я на другой страни ногомъ землю докучїо быо, гди я явно смотри, да э то нѣко страшно землѣ-трясенїе было, ербо э земля, на коейсамъ я стаяо, была у 8 мїнута при кратъ ударцемъ жестоко растресена, коебы найяче зданїе на хрпу срушити могло, и велики комадъ пећине пао э съ таковымъ ужаснимъ шумомъ доле, кое я у моме животу їоштъ никада нечувъ: примѣтїосамъ такожде, да э и море само чрезъ ову тресню у жестоко движенїе дошло, и ударцы моралису, какосамъ я мыслїо, подъ водомъ їоштъ ячи него на самомъ острову быти.

Ясамъ о вещи самой, ербо такове никада нисамъ ощутїо или съ кимъ о томъ говорїо, тако уплашенъ быо, дасамъ како мертавъ и сасвимъ окаменѣнъ быо: и землѣ-трясенїе мени э такови ужасъ проузроковало, кога таласи и буря на морю сѣмо и овамо пребацую: шумъ и лупа обаче падающе пећине пробудила э мене опетъ изъ нечувственнога состоянїя, у коемусамъ я лежао, напунила э мене ужаса и учинила э, да я ништа друго не мысли, него да брдо, кое на

шаторъ

шаторъ и на добро мое паде, све на еданъ кратъ закопа, и овоме э на ново све бодрости мое, и присутствія душевнога лишило.

А кадъ э већь трећи ударацъ прошао, и я за нѣкое време ништа нисамъ примѣтіо, охрабріосамсе на ново, али опетъ сердца неимадо доволно натрагъ преко зида прећи, и бояосамсе іоштъ свагда погребенъ быти. Остаосамъ дакле крайнѣ снуждань, и неутѣшимъ на земли сѣдящъ, и нисамъ знао шта почепи имамъ. Овогъ цѣлога времена нѣеми дошао ни еданъ хрістіански помысль на памепъ, него што э обыкновено было: *Боже буди ми милостивъ!* А кадъ э тресня прошла то э быо конацъ и овой речи.

У време мога седеня овде смотріосамъ дасе небо навукло и тако облачно было, како дабы киша падапи хотѣла: и само у едно полъ сата дигаосе тако страшанъ оркань вѣтаръ, коисе икадъ помыслити може. Море э было на еданъ кратъ съ пѣномъ покрывено, брегъ отъ песка и вртлогъ водомъ оплинутъ, съ коренѣмъ дрвета изъ землѣ исчупана, тако страшна и ужасна была э та олуя. Тако дыхаше вѣтаръ три пуна сата, започесе после утоляваши, и

текаръ

текарЪ после три сата было э мирно, и почела э верло нагло киша падати.

Преко цѢлогЪ овогЪ времена ясамЪ іоштЪ свагда полнЪ страха и трепета на земли сѢдіо, докми э на умЪ пало, да вѢтрЪ и киша истина слѢдства овогЪ землѢ-трясенія бяше, и да э трясеніе сасвимЪ проћи морало, да я свободно у мой подрумЪ ићи усудимисе могу. ОвимЪ помысломЪ оживіосамЪ опетЪ на ново. Отишаосамъ опетЪ у нутра, кЪ чему э и киша много помогла, и сѢосамЪ у моме шатору. Али э киша была тако нагла, да э она шатру мою скоро оборити хотѢла. ВидѢосамЪ дакле себе принуждена у подрумЪ ићи, акосамЪ башЪ у страху и трепету био, дасе неће надЪ главомЪ моіомЪ доле строваліти.

Ова нагла, и плаовита киша принудила э мене на ново дѢлати, то есть рупу крозЪ зидЪ мой просећи, и олукЪ начинити, дабы воду крозЪ нѢга испустити могао, коя бы иначе подрумЪ мой прелила. КадсамЪ већь нѢколико времена у подруму био, и далѢ никакове ударце землѢ-трясенія неощути, ондасамсе примиріо мало, и дабы разслабленіе тѢла мога опетЪ укрѢпіо, кое э доиста и отЪ потребе было, отишаосамЪ у мой малый МагазінЪ, и прогутаосамЪ едну чашу

Англій-

Англїйске сладке ракїе, съ коїомсамъ сада како и преће врло штедећи поступїо, ербосамъ знао, да кадъ э нестане; да друге выше добыти нећу.

Киша э цепала цѣлу ноћь, и едну часть слѣдующега дана тако, да я ни помыслити мого на ловъ изићи. Кадсе душа моя опетъ малко примирила, узеосамъ о томъ мыслити, штобы найболѣ чинити было? естли Островъ овай, помыслїосамъ у себе, често оваковимъ землѣтрясенїямъ подложанъ, то у подруму живити нїе можно; него на то да имамъ промотренѣ себи колибицу на свободномъ мѣсту начинити; кою послѣ со оваковимъ истимъ зидомъ оградити могу, какосамъ овде учинїо: дабы себе отъ дивїихъ звѣровъ и человѣковъ сачувати могао, ербо ако останемъ овде, я доиста ранїе, или каснїе живъ погребенъ быти морамъ.

Овако мыслећи заключїосамъ дакле шаторъ мой съ мѣста, на коему э стано, отнести, ербо онъ башъ управо подъ онимъ верхомъ висящега брда стаяше, коибы при другомъ землѣ-трясенїю доиста на шаторъ мой пасти морао, и дасамъ я два цела дана 19. и 20. Апрїллїа съ тимъ

мысле-

мыслећи пребавіо, на каковй начинъ и куду обиталище мое премѣстити имамъ.

Страхъ живимъ закопанъ быти узроковао э, да я никадъ мирно неспава, а изванъ ограде мое спаваши іоштъ э већу бригу проузроковало. Али кадсамъ я све около себе тако красно у порядку погледао, какосамъ добро сохранѣнъ, и какосамъ отъ свію бѣда и нападенія сачуванъ, шо э мени врло тешко пало хранимость обиталища овога изоставити.

Међу тимъ помисліосамъ, да предвзятіе дѣла овогъ чрезвычайно много времена изыскиваши хоће, и ясамъ себе къ тому склонити и овой погибели себе подложити морао толико дуго овде изосташи, гдисамъ, докъ я себи гдигодъ на другомъ мѣсту прибивалище начинимъ и нѣга добро сасвимъ утвердимъ тако, дасе свободно у нѣга преселити могу. Съ овимъ заключеніемъ примиріосамсе за нѣкое време, и предузеосамъ, што э скоріе могуће было, себи ограду съ колѣмъ, прошћемъ, и дебелими ужети отъ лаће полукружно, како што э моя садашня, воздвигнути, и кадъ готова буде, шаторъ мой тамо разапети, а међу тимъ докле она толико готова буде, дасе могу у ню усели-

ти,

ти, усудїосамсе овде остати, гдисамсе находїо. Ово бяше 21 *вый* овогъ мѣсяца.

Апрїлїа 22 *го* сутра данъ почеосамъ о средствахъ мыслити, и штосамъ намыслїо у дѣло ставити. Али ево бѣде съ халатомъ моимъ зло стаяше. Истина имаосамъ три велике сикире и много сатара (коесмо за продаванѣ Индїаномъ собомъ понели были) али многимъ сеченѣмъ на тако твердимъ и чворновитимъ дрвети бяху оне све пуне зубаца, и утуплѣне, коима и тоциль мой, когасамъ имао, много помоћи неможе, ербо я нѣга самъ окретати и оштрити нисамъ могао. Ово э мене многога размышлѣнія стаяло, башъ као каквога дворянина, важно време или часъ политике, или едногъ Судїю кадсе смерти или живота чїега дотицало. Напослѣдокъ измыслїосамъ и начинїо отъ ужета точакъ, когасамъ ногомъ окретати могао, дабы руке за оштренѣ свободне имао. Я таково штогодъ у Англїй нисамъ никадъ видїо, и їоштъ манѣ на то позоръ дао, какосе прави, акосамъ башъ послѣ и дознао, да э то онде штогодъ врло обще было, и кромѣ тога быо э каменъ врло великъ и тежакъ. Ова машина далами э посла цѣлу неделю дана, доксамъ я ню у совершенство довео.

Апрїл-

Апрїллїа 28. 29. Ова цѣла обадва дана сѣ тимсамъ пребавїо, дабы мой халатъ наошпрїо, и моя машина каменъ окретапи, учинилами э преизрядну службу.

Апрїллїа 30 го кадсамъ примѣтїо, да хлѣбъ мой отъ нѣколико времена на манякъ иде, держаосамъ о нѣму данасъ извидѣнїе, пакъ отсадъ нисамсе усудїо выше него на данъ по едну симиту утрошити, кое э сердцу моме доста тешко было.

Маїа 1 го погледаосамъ у ютро после отплива на море, и усмотрїюсамъ, да нѣчто врло велико на брегу лежи, коемисе како еданъ сандукъ учинило. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамъ едно мало буре, и два до три комада отъ разбїене лађе, кое э послѣдный допливъ моря на брегъ доперао было. Кадсамъ за тимъ онай комадъ отъ лађе болѣ промопрїо, учинимисе, да онъ выше него иначе надъ водомъ лежи. Прогледаосамъ дакле буре, кое э на брегъ бачено, и садсамъ већь знао, да э у нѣму барутъ, у кое э вода ушла была, и барутъ какогодъ каменъ у груде сбїенъ было. Абїе я нѣга предъ собомъ горе далѣ на брегъ отваля, и отишаосамъ по песку врло близу онога комада лађе, дабы їошть штогодъ далѣ усмотрити могао.

Кадсамъ

Кадсамъ къ лађи доле сишао, нашао-самъ нѣзино мѣсто сасвимъ премѣнѣно. Предняя часть, коя э предъ тимъ сасвимъ у песку закопана была, стояла э найманѣ 6. стопа у висину горе, а стражня часть, коюсамъ скоро, какосамъ э послѣдный кратъ разгледао, са силомъ моря у комаде разбїена, и отъ перве са свимъ отдѣлена была, и то э было извраћено, и на страну бачено, и на овой страни кодъ фаре нагрнуосе песакъ толико высоко, да я, кадъ э отпливъ уступїо, врло близу онамо прикучитисе мого, гди э преће тога велико разлитїе воде было, дабы я фертаљ саша пливаши морао, докбы самъ онамо дошао. О томсамсе я съ почетка доволно чудїо, алисамъ абїе и помыслїо, да э то дѣйство землѣ-трясенїя быти морало, и да э оваковомъ силомъ лађа їоштъ выше него преће разбїена быти морала, то э дакле повседневно множество вещи на брегъ долазило, кое э море оплинуло, и вѣтаръ и вода мало по мало на суво доперали.

Ово э дакле мене отъ намѣренїя мога обиталище мое гдигодъ на друго мѣсто преложити сасвимъ отвратило, и приложїосамъ особито овай данъ много труда, дабысамъ на лађу доћи могао. Алисамъ на

послѣ-

послѣдокъ видѣо, да о томъ ни мыслити неваля, ербо э лаћа изъ нутра пуна песка напунѣна была. Но преко свега, ербосамъ я већь научїо ни о чему неочаяваши, заключїосамъ дакле, све штогодъ могу, отъ лаће у комаде одбити у тому мнѣнїю, да све, штогодъ я отъ тудъ донести могу, мени данасъ или сутра отъ велике ползе быши може.

Маїа *3 го* започеосамъ дакле съ тестеромъ моїомъ пилити, и отпилїосамъ еданъ комадъ греде, коя э по моему мнѣнїю горнюю часть крова скопчавала; и кадсамъ препилїо, бацїосамъ песакъ, коликосамъ годъ могао, отъ оне стране гди э она найвыше лежала, а кадъ э припливъ бывати почео, видїосамъ себе дакле принуждена, за садашни кратъ съ дѣломъ овимъ престати.

Маїа *4 го* изышаосамъ на рыболовъ, али неуфати ни едне рыбе, коюбысамсе усудїо есши, докъ я, кадсамъ већь праздности ситъ быо, у намѣренїю не бы престати, едногъ младогъ Делфїна уфати. Ясамъ едну дугачку странчицу отъ ужета испрео и усукао, али неимадо удицу къ тому, негосамъ съ мрежицомъ много рыбе за ело уфатїо; и све штосамъ годъ уфатїо, изсушїо на сунцу, и тако суве ео.

Маїа

Маїа *5 го* спремаосамъ остатке отъ Лађе, распиліосамъ їошћъ еданъ балванъ на двое, и донеосамъ три велике даске отъ крова доле, коесамъ за едно свезао, и съ припливомъ на суво донео.

Маїа *6 го* имаосамъ посла како и прећe о остатцы лађе, добїосамъ различне гвоздене панте (енгече) и другу коекакву гвожђарію, радїосамъ врло трудно, дошаосамъ врло утрудженъ дома, и намисліосамъ већъ отъ тога престати.

Маїа *7 га* отишаосамъ опетъ ко остаткомъ отъ Лађе, али не у намѣренію штогодъ предузети; нађо обаче, ербосу по преко греде препилѣне быле, дасу своїомъ собственомъ теготомъ претргнуте быле. Многе части Лађе быше сасвимъ разложене, и внутреня страна мѣста была э тако отворена, дасамъ сасвимъ унутра видѣти могао. И была э скоро сва пуна воде и песка.

Маїа *8 га* радїосамъ опетъ о остаткахъ отъ Лађе, и имаосамъ ћускію съ собомъ кровъ открити, кои э сасвимъ отъ воде и песка своданъ быо, откинуосамъ отъ нѣга две даске, коесамъ съ препливомъ на суво изнео, ћускію оставїосамъ до сутра тамо лежећу.

Маїа

Маїа 9га отишаосамъ опетъ онамо, и пословаосамъ съ ћускіомъ у внутрености срушенія Лаће, усмотрїосамъ различне сандуке и опростїосамъ ихъ съ ћускіомъ отъ песка, и ћубрета, али ихъ отворити немого. Нашаосамъ такожде едну балу *Англїйскога* олова, коюсамъ кренути могао, али ю отъ овудъ отнести бяшеми врло тешко.

Маїа 10. 11. 12. 13. 14. Сваки данъ отходїосамъ на скрушенія Лаће, и прибавїосамъ велику часть дунћерски дрва и разни дасака, и їоштъ къ тому до 300 фун: гвожћа.

Маїа 15 узеосамъ две сатаре и хотћевъ пробирати, (искушати) нећули моћи еданъ комадъ отъ оне бале олова отсећи, остроту едне сатаре наслоніосамъ на олово, а другомъ ударїосамъ отозго; а будући да э олово полдругу стопу дубоко у води лежало, то немого ни еданъ удараџъ учинити, коибы сатару дублћ у олово сатерати могао.

Маїа 16га быо э великїй вћтаръ преко ноћь, и видћосамъ, да э скрушенїе Лаће силомъ и ударцы отъ воде їоштъ већма разлучанъ: но я задуго задержаосамсе у шуми, дабы голубова себи за ело убіо, и

и ме-

и међу тимъ припливъ наступїо, кои э мени овай данъ онамо ићи препятствовао.

Маїа *17га* усмотрїосамъ нѣколико комада отъ скрушенїя Лађе, кое э вѣтаръ на суво дотерао быо, али у удалѣнїю до *2ве* мїлѣ отъ мене. Но ясамъ башъ знати хотѣо, што э то, и видѣосамъ, да э то на скрушенїяма еданъ комадъ олова быо, али врло тежакъ, коисе отовудъ отнести нїе могао.

Маїа *24га* до данасъ радїосамъ сваки данъ на скрушенїяма Лађе, и съ тешкимъ трудомъ съ ћускїомъ, и освободїосамъ нѣке вещи толико, да э первый препливъ различну брадъ и два лађарска сандука на брегъ дотерао; а будући да э овай данъ вѣтаръ отъ брега на море дыхао, то дакле на суво ништа доћи неможе, него нѣколико комада граће, и едно заковано коритто, насолѣногъ *Бразїлскогъ* свинскога меса, кое э обаче отъ морске воде, и песка све покварено было. Ясамсе съ дѣломъ овимъ сваки данъ непреривно забаляо, кромѣ онога времена, коесамъ употребїо, дабы штогодъ средства къ препитанїю пребавїо, и къ томусамъ, коликосамсе годъ кодъ овогъ дѣла забаляо, свагда преплива време опредѣлїо, дабы абїе како припливъ

насту-

наступи, опетъ у преправности быо на дѣло мое поћи. У овоме времену ясамъ граће, дасака, и гвожћарїе доволно добїо, дабы себи Чамчићь начинити могао, кадбы само знао, како? такожде у различними времени приплива у комади добїосамъ до 100 фун: олова.

Іунїа 16га кадсамъ по край моря доле проходїо, нашаосамъ едну велику корнячу. Ово э была перва, коюсамъ досадъ овде видїо, али и то нїе было онако, како штосамъ мыслїо, да на Острову овому мало корняча имаде, него што случай мени преће ны открити нїе хотѣо. Ербо кадбы я на другой страни Острова быо, то бы я ны, како штосамъ послѣ видѣо, на данъ и 100 уфатити могао: алибы ихъ, може быти, и скупо платити морао.

Іунїа 17га пребавїосамъ време куваюћи и готовећи мою корнячу. Кадсамъ ю расправїо, нашаосамъ у ньойзи доволно яета (яйцовъ) и месо нѣйзино чиняшемисе онда найвкусніе и найслаће быти, да тако штогодъ сладко и лепо їоштъ никадъ у животу моме уживао нисамъ: ербо откакосамъ у ову пустиню дошао, никаквога другога, него козїега и птичїега меса за ело добити нисамъ могао.

Іунїа 18 го киша э падала цѣлый данъ, и мораосамъ кодъ куће остати. Учинило-мисе, да э киша у ово време хладна пала, на коесамсе я мало згрозїо и наежїо, кое э подъ овомъ Небесномъ стрекомъ, како штосамъ я знао, штогодъ необыкновено было.

Іунїа 19 го быломи э малко зло, и наежїосамсе, како дабы хладно време было.

Іунїа 20 го цѣлу ноћь нисамъ имао мира; жестока главоболя и грозничаво.

Іунїа 21 го врломи э зло было, и претерпїосамъ смертну болѣзнь ради мога жалостногъ состоянїя; болестанъ быти а никакове помоћи! и молїосамсе, послѣ бурѣ кодъ *Улла* первый кратъ Богу, али едва самъ знао, штосамъ бесѣдїо, и зашто; ербосу мысли мое у великому смущенїю быле.

Іунїа 22 го быломи э мало болѣ, алисамъ їошћъ свагда пунъ страха ради мое болести быо.

Іунїа 23 го опетъ на ново зло; хладно и наеженъ и жестока главоболя.

Іунїа 24 го много болѣ.

Іунїа 25 го врло люта грозница; вапра траяше цѣлый 7 мъ сати, хладность и врућина съ послѣдующимъ хладнимъ зноемъ.

Іунїа

Іуніа 26го мало болѣ: и будући да ништа есіпи неимадо, узеосамъ пушку, и видѣосамъ, дасамъ врло слабъ быо; но преко свега убїосамъ опетъ едну козу, довуко э съ великимъ трудомъ кући, єготовїосамъ мало отъ нѣ, и еосамъ. Коебы радїе быо кувапи, да мало чорбе добїемъ, али лонца къ тому нисамъ имао.

Іуніа 27го грозница опетъ тако жестока, дасамъ я цѣлый данъ у постели лежао, и ништа ео ни пїо. Ябысамъ отъ жеће скоро преће скапати морао, ербосамъ тако слабъ быо, него дабы изъ кревета устао, и самъ себи напитакъ воде донети могао. Молїосамсе Богу, али како изванъ себе, а кадбы и при чувствахъ быо, я опетъ такосамъ занешенъ быо; да незнадо штаћу говорити. Него само тако лежао, и повыкао: ахъ! Господи помозими! Боже смилуйсе мени! Боже доћи на помоцъ мени! Я мыслимъ да друго ништа ни чинїо нисамъ два или 3 цѣла часа, докъ врућичина и занешенїе непопусти, на коесамъ послѣ заспао, и зѣло касно ноћу пробудїосе опетъ. Кадсамсе пробудїо, осетїосамъ себе доста облакшана и укрѣплѣна, али слаба, и крайнѣ жедна; мораосамъ обаче, ербо ни капи воде у цѣлой кући имао

нисамъ, тако до сутра лежећи остати. Заспаосамъ по други кратъ опетъ, и у овоме второме сну имаосамъ слѣдующее страшное сно-видѣніе.

СОНЪ.

Учинимисе, да я съ поля кодъ мога зыда на земли сѣдимъ, башъ гдисамъ онда сѣдїо, кадъ э олуя послѣ землѣ-трясенія завеявала; и видимъ еднога человѣка изъ нѣкогъ великогъ црна облака у полному и свѣтлому пламену доле силазити, и кои на земли стоящъ остаде. Онъ э савъ тако свѣтлъ быо како пламенъ, дасамъ я едва у состоянїю быо на нѣга погледати; нѣговогъ лица видъ быо э тако чрезвычайно страшанъ, и неможесе никаковима речма описати. А кадъ онъ ногама на землю стаде, учинимисе, да она подъ ныме онако исто престисе поче, како штосе предъ нимъ отъ труса тресла и трепетала, и савъ цѣлый воздухъ быо э къ моему великому чуду и удивленїю, како дабы онъ са самима вѣтренима лучамама напунѣнъ быо.

Едва што э онъ на землю стао, кадъ э онъ съ еднимъ дугачкимъ копїемъ или Оружїемъ на мене пошао, и препяше мене убити; а кадъ э онъ на нѣко мало брдашце до-



Сонъ Робїнзоновъ.

Андріе Лекуміца

1859

дошао, говорїо э онъ їошть у нѣкоему удалѣнїю опъ мене, или разумѣосамъ я нѣки страшни гласъ, когасе ужасность никоимъ начиномъ исказапи неможе, све што я о томе сказати могу, штосамъ я разабрао быо; кадъ тебе све то што терпишъ на покаянїе довести неможе, то морашъ ты садъ умрети! Кодъ ови речи учинимисе, да онъ дигну Копїе у руцы и мене башъ убити хотѣвъ.

Нитко, кои годъ ово извѣстїе чита, неможе очекивати, дабы я у состоянїю быо страхъ и ужасъ мой, кадсамъ ово гнусно страшилище погледао, описати. Башъ їошть и у самому сну мене э то отвыше страха напунило, и чудо, кадсамсе пробудїо и видѣо, да э то само еданъ санъ быо, немогу їошть манѣ описати.

О божествени вещми нисамъ имао такожде никакова поняпїя. И оно мало штосамъ о томъ добримъ наставленїемъ Отца мога їошть знао, то э было осмо-лѣтнимъ непрерывнимъ слѣдствомъ распустногъ лажарскогъ живота, и непрестаннимъ обхожденїемъ све онакови люди, коису тако исто раскошни и Богозаборавни были, како годъ и я самъ, већь давно на зной истерао. Ясе опоменути немогу, дасамъ чрезъ ово

цѣлое

цѣлое време и еданъ кратъ о томъ штогодъ помыслїо, или къ Богу или у самъ себе погледао, и разсмотренїя о моему живота провожденїю учинїо: него нѣкое помраченїе душевно не желећи добра, или зла не опоминятисе, мене сасвимъ преобладало, и я чрезъ ово цѣло време нисамъ друго ништа быо, него едно найупорнїе, найбезумнїе, и найраскошнїе существо, коесе међу обыкновенными морепловцы икадъ наћи може, и кое найманѣга чувствва отъ страха предъ Богомъ у погибели ниити благодарности послѣ помоћи и избавлѣнїя имало нїе.

Тосе може їоштъ выше, и много преће вѣроваши, кадъ я къ тому, штосамъ већь о повѣсти моей исказао, їоштъ и то придамъ, да я при овой своїой многоставной нужды, коя э мене досадъ постигла, башъ ни еданъ кратъ на то помыслїо нисамъ, да э ово рука Божїя или праведна казнь нѣгова за погрѣшке мое, мое непокорно указиванѣ спроћу мога отца, мои садашни велики грѣси, или цѣлога мога раскошнога живота быти морала.

При цѣломъ очаятелномъ путешествїю кодъ *Афрїканскихъ* бреговъ нїеми дошао ни еданъ помыслъ на паметъ, штаће быти отъ мене, и ни една едина желя

къ

къ Богу, дабыме онамо упутїо, кудъ я иѣи имамъ, или отъ погибели мене избавити, коя мени по свой прилицы како отъ похитителныхъ звѣровъ, тако и отъ безбожнихъ дивяковъ претяше: но я нитисамъ на Бога, нити на провидѣнїе нѣгово мыслїо, и чинїосамъ све како безумна животиня по теченїю естества, и врло рѣдко кадъ баремъ по общему человѣческому разуму.

Кадсамъ на морю чрезъ Португалскогъ Капетана избавлѣнъ, и примлѣнъ быо, и пайме тако милостиво предсретао, и тако праведно и честно, како и человѣколюбно самномъ поступїо; и овде нїеми дошла ни найманя благодарность у паметъ. И кадсамъ опетъ по други кратъ Кораблѣ-крушенїе трпїо. и у погибели быо кодъ овогъ Острова удавитисе, быосамъ равнимъ начиномъ отъ свега тога удалѣнъ совѣсти гризенїя чувствовати, или ово како праведни судъ Божїи разсмотравати. Ясамъ многократно самъ у себи рекао, дасамъ я еданъ несрѣћни пасъ, и башъ зато рожденъ непрестано нужду и неволю трпети.

Истина, кадсамъ найпре овде на суво дошао, и сви мои содружницы утопилисе, ондаме предузео нѣки начинъ увеселенїя,

и

и радостногъ душевногъ движенїя, кои милости Небесномъ укрѣплѣни, можетъ быти, дабысусе къ благодарности узвишити могли; али и тосе тако окончало, какосе и започело; то есть, само у едну просту бѣжащу радость; или тако рећи, само у то: Ясе радуемъ, да їоштъ живимъ, и то безъ найманѣга разсужденїя и сасвимъ чрезвичайномъ благости деснице, коя э мене содержала, и сасвимъ отъ дѣлила, избавлѣнимъ быти, гди сви прочи пропадоше, безнайманѣга размышленїя зашто э провидѣнїе спрећу мене еднога тако милостиво было. Кратко я нечувствова далѣ ништа, нежели обыкновенну радость море-пловцевъ, кадъ они послѣ кораблѣ-крушенїя щастно на суво доћу, кое они абїе у первой чаши пунча попїю, и скоро пако фришко забораве, као што э и оно прошло; тако равно быо э и савъ цѣлый прочи животъ мой.

Башъ и послѣ, кадсамъ я о пристойномъ разсмотренїю мога станя возбужденъ быо, кадъ помысли, какосамъ я на ову страшну пустиню избаченъ быо; удалѣнъ отъ свега содружества человѣческогъ; безъ сваке надежде икадъ отовудъ избавлѣнъ быти, и о томъ себе опечалїо, гди я ни

сѣн-

сѣнку истине невидѣвъ овде живити моћи, и небоятисе отъ глада умрети; кадъ све ово возбужденїе и жалость проће; и я поче сасвимъ миранъ быти, само на средство мога содержанїя мыслити, и далеко отъ тога удалѣнъ бы о моемъ станю, аки о судбини Небесной, или руки Божїей спроћу мене печаланъ быти.

Нагло э и скоро э прорастѣнїе жита уселило э у мене, како штосамъ у моей повседневной записки назначїо, нѣко благоговѣйнство, кое э постояно быти почело, докле годъ я вѣрова, да при томъ штогодъ чудесно быти мора; а како э ово мнѣнїе исчезнуло, престало э абїе и све оно благоговѣйнство, кое э оттудъ произишло.

Башъ и самое землѣ-трясенїе нїе расправило ништа самномъ. Ербо ако башъ ништа нїе могло страшнїе быти, и ништо тако непосредствено ко оной невидимой власти доводило, коя сама съ таковима вещма управля: то преко свега, само што э первый страхъ прошао, то съ нимъ и све оно уселенїе, коеми э онъ проузроковао быо, на еданъ кратъ исчезнувъ. Нисамъ имао выше чувства о Богу, и нѣговой судбини, или да бы садашнѣ мое бѣде и нужде отъ

руке

руке нѣгове долазиле, башъ како дабы у најщастнїему станю мога живота было.

Кадсамъ я почео болестанъ бывати, и смертни страхъ менисе указао, моя оживлѣнїя подъ бременомъ долге болести лежаше, и естество отъ люте грознице скоро почерплѣно бы, садъ э почела совѣсть, коя э вечь одавно заспала была, будитисе, и я самъ себи угризенїя о прешашнѣму моему животу чинити; гдисамъ я тако очевидно моимъ упорствомъ, и суровствомъ; коме пара нїе было, правду Божїю познати, мене необикновеномъ палицомъ наказивати, и како отмститителница самномъ поступити.

Овасу размышленїя мене їошть отъ другога или трећега дана мое болести сасвимъ убила и истегнула, како годъ у жестокости грознице тако и страху мои совѣстнихъ угризенїи, нѣкое речи; кое молитви къ Богу подобне бяху; ако башъ и казати немогу, да э то една желанїемъ и надеждомъ украшено отсилаема молитва была. Но то было э много выше гласъ страха и неволѣ. Мысли мое былесу у смущенїю, и душа подлежаше сили увѣренїя, и страхъ у оваковому бѣдному станю умрети, дигнуо э отъ саме неволѣ пару

у мою главу, и у овому смущенїю душе нисамъ знао, што э языкъ мой говорити могао. Но то много выше само забунѣна виканя бяху, као: н: п: Боже *хахвосамъ я неволно созданїе*! Ако болестанъ будемъ, тоѣу я изъ недостатка помощи умрети морати; и штоѣе отъ мене быти; садсу полетиле сузе изъ очїю мои, и доста задуго ништа проговорити нисамъ могао.

У овому междо-времену паоми э добрый совѣтъ отца мога на паметъ, а особито пророчество нѣгово, коесамъ у почетку ове повѣсти сказао; а наимено, да ако я овай безразсудный поступакъ учинимъ, мене Богъ никада благословити неѣе; и яѣу послѣ доволно времена имати о томъ размышляваши, штосамъ добрый совѣтъ Отца мога погазїо; кадъ, можетъ быти, никакове помоѣи ко избавленїю моему небуде. Садсамъ повикао гласно: *Ево речи мога любезнога Отца у исполненїе доѣоше*: Божїя правда постигну мене, и нейма никога, ткобыме чуо или мени какову помоѣь дао! Ясамъ быо спроѣу умилнога гласа провидѣнїя глувъ, кои э мене у оваково неволѣ-полно станѣ бацїо, гдибы я срећанъ или миранъ быти могао; но я нехотѣвъ нити самъ то провидѣти, нити

благо-

благополучїе о томъ отъ родителей знати научити; него ны у жалости изъ саме мое лудости оставїо, и садъ морамъ подъ слѣдствы безразсудности уздисати.

Ясамъ помоћь и подкреплѣнїе оныхъ отбацїо, коису мене на свѣтъ произвели, и свебысу за мене добро уредили были, пакъ сада съ бѣдами и тяготами боришисе морамъ, подъ коима и само естество пада, и никакова подкрѣпленїя, никакове помоћи, никаковога утѣшенїя, никаковога совѣта — Него повикаосамъ: *Боже буди помощь моя!* ербосамъ у великой нужды и печали!

Ово э была перва молитва, ако ю тако наречи смемъ, коюсамъ у много година еданъ кратъ точїю учинїо. Но ясе къ моему повседневному записанїю натрагъ враћамъ.

Іунїа 28 после какосамсе съ прешедшимъ сномъ мало укрѣпїо и врућина са свимъ проће, дигаосамсе и устао, и ако э башъ страхъ и ужасъ ради мога бывшега сна їошть великъ быо, но я помыслїосамъ, даће супра паки грознице данъ доћи, и да садъ времена имамъ себе съ каковомъ укрѣпленїя помоћи снабдѣти, кадми опетъ зло буде. Перво штосамъ учнїо, было э, дасамъ едну велику четвероуголну флашу (боцу) водомъ напунїо, и ню на асталъ метнуо, тако дасамъ ю изъ кре-

вета

вета докучити могао, и дабы воду отъ хладности и мутежа очистїо, усуосамъ у ню едну чашицу сладке Англїйске ракїе и узмешаосамъ добро. Затимъ узеосамъ едно парче козїега меса, испекаосамъ на углѣвлю, али врло мало отъ нѣга едо. Проходїосамъ сѣмо и овамо, и быосамъ верло слабъ, и їоштъ къ тому о моему состоянїю врло снужденъ, и убїенъ, и пунъ страха, даће моя болесть опетъ супра данъ доћи. На вече сготовїосамъ вечеру отъ нѣколико Корнячини (яета) яицовъ, коесамъ у пепелу испекао и изъ люске ео, и ово э быо первый сладкїй залогай, когасе у цѣлому мому животу опоменути могу, къ чемусамъ такожде и Бога во благословъ призвао.

Послѣ какосамъ ео, хотѣосамъ на полѣ изићи, осѣтїосамсе обаче тако слаба, дасамъ едва пушку держати могао (ербо безъ пушке никадъ излази на полѣ) тосамъ учинїо дакле еданъ врло маленъ путъ, сѣосамъ на землю и гледаосамъ на море, кое э предамномъ врло мирно и равно лежало. Овде сѣдећи падошеми нѣки помысли на паметь; како слѣдующи: Што есть земля и море, коесамъ я већь доволно видѣо, и разсмотрїо? откудсу они произишли? и штосамъ я, и

сва

сва друга созданїя дивїя и питома? разумна и безумна? откудсмо мы дошли.

Воистину, мысмо сви гдигодѣ отѣ какове тайне и невидиме власти, коя э землю, море, воздухѣ, и небо сотворила, и ткое то?

Оттудсамѣ я сасвимѣ слѣдство досягнуо наравно разумѣваюћи, да э то Богѣ! и да э тай све сотворїо, добро помыслїосамѣ я iоштѣ далѣ, ако э Богѣ све ове вещи сотворїо, то дакле онѣ и ны свїю влада и управля, све штосе годѣ ны тиче. Ербо оно существо, кое э све вещи создати могло, мора такожде доиста власть имати, све руководити и управляти.

Ели то тако, то дакле неможесе у цѣлому нѣговому кругу ништа случити, да небы онѣ то напредѣ знао, или опредѣлїо.

Дакле кадѣ безѣ нѣговогѣ знаня ништа небыва, то онѣ мора такожде знати, дасамѣ я овде у овоме бѣдноме станю, и небывали ништа безѣ нѣговогѣ предопредѣленїя, тое дакле онѣ опредѣлїо, дасе све ово самномѣ случити мора.

Мени ништа на умѣ нїе пало, што бы овимѣ заключенїямѣ противорѣчити могло. Тосе дакле кодѣ мене iоштѣ сѣ већимѣ удрученїемѣ прилепило, да башѣ нуждно тако

ко быти мора; Богъ э дакле тако уредїо, да све ово мене предсрѣсти имать, нѣговимъ управленїемъ мораосамъ я у ова бѣдна обстоятелства доћи; ербо онъ самъ не верху мене самога, него и верху свега, штосе годъ на свету случи, власть има, Изъ овога непосредственно слѣдовало э.

Зашто э Богъ то самномъ учинїо? и штосамъ я учинїо, да то заслужавамъ? овай вопросъ обличїо э абїе совѣсть мою, како дабы каково Богобезчестїе учинїо быо, и учинимисе, да гласъ нѣки самномъ говоряше: *Питашъ іошть ты бездѣлни неволниче! штаси учинїо?* Погледай натрагъ на твой страшно и зло употребленый животъ, пакъ онда питай далѣ, штаси учинїо? пипай много выше, зашто већь давно ниси са свѣта истребленъ быо? заштосе ниси ты у топїо у пристанищу кодъ *Ярмута*? зашто у битки ниси убїенъ быо, кадъ э лаћу морски пустаїя отъ *Салее* узео и обладао? изѣденъ ниси быо отъ дивихъ звѣровъ кодъ брегахъ Афрїканскихъ? илисе овде удавїо, гди э свелюдство отъ лаће погинуло, кромѣ тебе еднога? пакъ іошть питашъ штаси учинїо?

Овай э гласъ страшни мене сасвимъ занемїо и окаменїо. Я неимадо на то ни едне речи казати, нити отговорити, башъ

нити

нити самому себи; него снуждањ и замышлѣнь устаосамъ, и къ дому моему натрагъ отишао, прешаосамъ преко ограде, и као дабы спавати хотѣо; али мысли мое былесу у жалостному смущенїю, и нисамъ имао ни найманѣ волѣ спавати. Сѣосамъ на мою столицу и упалїосамъ кандило; ербо э започео мракъ бывати. А будући да страхъ мое болести, коякѣесе повратити, мене э немало оскорбїо, падеми на умъ, да *Бразїлїанцы* у свакой ныной болести никаковога другога лѣкарства него дуванъ употребляваю, а тога имаосамъ читаву едну балу у едномъ сандуку, кои сасвимъ приуготовлѣнъ бяше, и їошть къ тому нѣчто мало фрїшка.

Учинимисе, дами э то самъ Богъ казао онамо отиѣи; ербо у сандуку овоме нашаосамъ Лѣкарство, и за душу и тѣло. Отворїосамга, и найпре нашаосамъ оно, штосамъ башъ тражїо, то есть дуванъ, а тажде и нѣке Книге, коесамъ избавїо и у нѣга метнуо, узеосамъ едну дакле отъ Бїблїа, о коимасамъ веѣь казао, у кое досадъ нити времена, нити волѣ имао нисамъ погледати, и донесаосамъ Книгу и дуванъ на асталъ.

Како дакле дуванъ у моей болести употребити, и хоѣели онъ къ тому добаръ

быти,

быти, или не, то ни знао нисамъ, но ясамъ съ нимъ разна искушенія и пробе учиніо, и башъ како дабысе съ главомъ за то ставіо быо, да мора штогодъ за мою болесть на еданъ или други начинъ отъ тогъ добро быти. Оттергаосамъ дакле еданъ листъ отъ едногъ комада и сажвтао у усти. Ово э мене сасвимъ забунило, ербо э дуванъ быо іоштъ фришакъ, и я къ тому сасвимъ неученъ. Затимъ узеосамъ нѣколико листова, метну ихъ у ракію, да постою едно 2. часа, и намысліосамъ, кадъ спавати пођемъ, еданъ мерпикъ отъ тога попити. Напослѣдокъ упаліосамъ нѣколико листова на углѣвлю, и держаосамъ носъ надъ димомъ, коликогодъ отъ врућине и жестокости дувана одержати могао, и башъ толико дуго да рекнемъ, догодъ нескапати хотѣдо.

Изъ међу овогъ употребленія лѣкарства узеосамъ Біблію и читаосамъ, алими э глава отъ дувана тако забунѣна была, дасамъ едва читати могао. Перве речи коесуми у очи пале, кадсамъ изненада отворіо книгу, былесу ове: *Позовиме, кадси у нужды, и яћуте избавити, а ты после мене славити да имашъ.*

Ове речи, коесу садашнѣму стању моме сходне быле, уселише мени іоштъ, какосамъ

ихъ прочитао, нѣкое благоговѣйнство у сердце, и садъ башъ не онако врло, како штосе послѣ случило. Ербо штосе избавленїя дотицало, кое э овде стаяло, о овой речи, да рекнемъ, нисамъ имао никакова понятїя. Ербо то бяше, како штосамсе я бринуо, една удалѣна и тако немогућна вещь, дасамъ я почео како сынови Израилевы, кадъ обѣщанїе добише, месо ести, говорити: Богъ може и у пустини трапезу уготовити? тако исто рекаосамъ я: може Богъ самъ мене изъ овога мѣста избавити? а будући дасу многа лѣта прошла, доксе найманя надежда къ тому появила, то э помысль овай многократно душу мою преобладао. Ове речи уселилесу велико удручениѣ у сердце мое, дасамъ я многократно о томъ размышлявао. Садъ э было вечь касно, и дуванъ э, како штосамъ казао, главу мою забунїо, дасамъ я сасвимъ санливъ быо. Метнуосамъ кандило мое у заслонъ, да гори, акобы, може быти, штогодъ ноћу потребовало, и отидо у креветъ. А преће-него штосамъ спавати пошао, учинїосамъ оно, што їоштъ никада учинїо нисамъ, клекнуосамъ и молїо Бога, дабы онъ обѣщанїе свое исполнїо, и мене у данъ бѣде мое, кадга позовемъ, избавїо. Кадъ э моя препергнута и

несо-

несовершенна молитва прошла, попїосамъ ону ракїю, у коюсамъ дуванъ метнуо быо, коя э чрезъ то тако яка и спрашна была, дасамъ ю доиста едва прогутати могао. Отишаосамъ за тимъ абїе у кревет, и онай часъ осетїосамъ, да э она мени съ великомъ жестокостїю у главу ударила. Паосамъ у нѣки здрави санъ, и едва сутра после полдне около 3. сата по солнцу гледећи пробудитисе мого. Алисамъ я їошть свадга и до овога часа све у той мысли, дасамъ я слѣдующи данъ и цѣлу ноћь преспавао, и текаръ трећи данъ около три сата пробудисе, ербо и кромѣ тога извѣстититисе нисамъ могао, какосамъ у брою мои дана и неделя еданъ данъ изгубїо, коесе текаръ после нѣколико година показало. Ербо кадбы то проходомъ лїнїе было, то бы я выше него еданъ данъ изгубїо быо, али тако само овай еданъ у брою моме изгублѣнъ бяше, и нисамъ знао, камо э онъ доспѣо. Како то было да было, кадсамъ я отъ сна устао, осетїосамъ себе чрезвычайно укрѣплена и фришка, и душа э моя бодра и разгалѣна была. Кадсамъ устао, осетїосамъ себе много выше ячегъ и крѣплїегъ, неголи прешедшега дана, и имаосамъ волю и охоту къ елу много болѣ, ербосамъ доиста и гладанъ быо,

други данъ заостала э такожде и грозница; съ еднимъ словомъ, было э самномъ на еданъ кратъ сасвимъ болѣ. Ово бы 29 гъ овогъ мѣсяца.

Было э 30*тый* данъ за мене наравне врло добаръ, изишаосамъ съ пушкомъ на полѣ, алисамсе узео добро у память, далеко не иѣи. Убїосамъ две морске птице, кое дивией гуски подобне бяху, узеосамъ ихъ собомъ куѣи, али нисамъ имао особне волѣ ны готовити и ести. Ербосамъ радїе яета отъ Кориче ео, коя преизрядныи залоган бяху. На вече повторїосамъ употребленїе мога лѣкарства, кое э по моему мнѣнїю пређашнѣга дана тако добру службу учинило, само што нисамъ узео на еданъ кратъ толико отъ нѣга, како первый кратъ, нежвата лисѣе у усти, нити выше главу надъ кадомъ и димомъ держа. Но преко свега сутра данъ ниеми тако добро было, кои э первый Іуліа было, како штосамсе надао и очекивао, ербосамъ їошть нѣку зиму отъ нападенїя грозничногъ на себи осећао, баш ако и ніе онако яка была како преѣе.

Іуліа 2*го* употребїосамъ мое лѣкарство опетъ на сва три начина, и учинисе како и первый кратъ съ тимъ занешена и сонлива, и усугубїосамъ мертїкъ, коисамъ попїо.

Іуліа

Іулїя 3. неосети ни найманѣ штогодъ отъ грознице, башъ ако и нисамъ абїе, него текаръ после нѣколико Неделя крѣпости мое опетъ совершено добїо. Међу тимъ, кадсамъ тако опетъ крѣпости мое совокупїо, идяше свагда тай помыслъ, яѣуте избавити, по моей главы, али преко свега избавленїе мое чиняшемисе свагда една немогућна вещь, коесе я ниши надати нисамъ очекивати могао. Доклесамсе я съ помысломъ овимъ тако мучїо и борїо, паломи э на паметъ, да я себе отъ желѣ ко избавленїю, коесамъ како и найважнїе штогодъ держао, тако залудити дамъ, и при томъ ону, коюсамъ већь добїо, сасвимъ заборавлямъ, и мораосамъ самъ себи вопросе чинити, нисамли я, и то чудеснимъ начиномъ; отъ болести избавлѣнъ быо? изъ найневолнїега станя, коисе икадъ помыслити може, и кое э мени тако страшно было?

Какосамъ то почитовао? Есамли добро учинїо? штосамъ притомъ получїо? Богъ э мене избавїо, и спасао; али есамли я нѣга за то прославїо? Я дакле избавлѣнїе мое признао, и нисамъ благодаранъ, благодаранъ, говоримъ, за оно быо, коимъ образомъ дакле веће каково избавленїе очекивати имамъ?

Ово э

Ово ѳ сердце мое крайнѣ возбудило, паосамъ абїе на колѣна доле, и ясно Богу за оздравленіе мое благодарїо.

Іуліа 4го предузеосамъ Бїблїю, и почеосамъ у новомъ Завѣту врло прилѣжно читати; узаконїосамъ свако вече, и свако ютро у тому читати, и то, да небы себе кодъ нѣкоего извѣстнаго числа главъ задержавао, но толико долго, докле годъ мысли мое отъ чтенїя трудне небуду. Я отъ тога већь одавно никакова прилѣжна дѣла предузео нисамъ, како штосамъ о безбожности мога прѣшнѣга живота возбужденъ быо. Страхъ и уселенїе мога бывшега сна обновїосе, и речи: Све ове вещи немогу тебе на покаянїе довести, мутишемисе їоштъ свагда врло по глави. Полнимъ сердцемъ молїосамсе Богу, да бы покаянїе у мени сотворїо, и мени опростїо, и моралосе їоштъ овай данъ Божїимъ опредѣленїемъ случити, да кадсамъ я у Бїблїи читао, на ове речи дошо: *Богъ воздвиже Его за Князя и спасителя давати покаянїе и отпущенїе грѣховъ.* Ясамъ, метнуо книгу на страну, пакъ како сердце, тако и руке мое дигнуосамъ къ Небу, и повикнуосамъ нѣкимъ начиномъ радостногъ внутренѣгъ увеселенїя ясно:

но: *Іисусе сыне Давїдовъ! Іисусе возвышени Царю и Спасителю! даими покаяніе!*

Ово э было первый кратъ цѣлога мога живота, дасамъ я у свойственному разуму слова казати могао, дасамъ молитву учинїо, ербо отъ сада молїосамсе я съ чувствомъ мога стања, и со истинимъ святому писанїю сходнимъ упованїемъ, коесе на Божїимъ обѣщанїямъ основавало, и отъ овога времена, то сказати могу, даће Богъ молитву мою послушати.

Садсамъ почео я о словеси: Позовиме и ћуте избавити, сасвимъ друго разсмотренїе, чинити нежели штосамъ прѣе творїо. Ербо прѣе нисамъ могао никаково друго избавленїе мыслити, нежели то изъ робства у коемусамъ было: зашто э свагда Островъ овай тавница моя было, и наименовао у злому разуму, башъ акосамъ я и доста просторїе и мѣста у нѣму имао. Садъ обаче научїосамъ я то у другоме разуму предузимати, ербо садсамъ я на мой прећашни животъ съ тако великомъ гнусности гледати стао, и грѣси мои предсталису ми у тако страшному виду, да душа моя ништа друго отъ Бога нїе просила, нежели освобожденїе бремене грѣховъ, коису сву мою радость у землю сатерали. Самоћ-

ность

ность живота мога нїеми выше никадъ дошла на паметь, и нисамсе выше молїо за то, дабы кадгодъ отъ тога освобожденъ было, инсамъ помыслїо никадъ на то нѣга съ онимъ преждним сравнявати, ербое то мени башъ скоро свеедно было. Я за то ову часть повѣсти мое овде ставлямъ, што бы све читателѣ мое опоменуо, дабы они, кадъ вѣть све вещи пристойно цѣнити знаду, наѣи могли, да освобожденїе грѣховъ много вѣе благополучїе есть, нежели освобожденїе страданїи и бѣдъ.

Но я овде задуго незабавляюћисе преходимъ къ моему повседневному записанїю натрагъ.

Мое станѣ, акое оно башъ въ смотренїи мога внѣшнѣга уживаня їошть свагда онако неволно остало како и преѣе, обаче въ смотренїи душе мое спокойнїе бывати почело, и дасу мысли мое непрестаннимъ чтенїемъ святаго писанїя, и молитвъ къ Богу на вещи много вышега качества управлѣне быле, тосамъ и я у самъ себи велико утѣшенїе имао, кое э мени преѣе тога сасвимъ непознато было.

После какосе здравїе и крѣпости мое опетъ утвердише, то я труда нисамъ нимало пощадїо себе сасвимъ, што требуемъ,

снаб-

снабдѣти, и уживанѣ мое тако добро уредити, како годь што э могуће.

Отъ 4го до 14го Іуліа упражняваосамсе во обще съ тимъ, дасамъ съ пушкомъ моїомъ, али свагда на еданъ кратъ на крапко време излазїо, како человѣкъ, кои после претерплѣне болести крѣпости свое совокуплява, ербо какосамъ опао быо, то едва исказатисе може. Лѣкарство, коесамъ я употребїо, было э сасвимъ ново, и можетъ быпи, да како свѣтъ стои, ніе никадъ оваковимъ средствомъ грозница отерана была, и я нѣуга бащъ, акосамъ сотимъ пробу и искуство учинїо, никому за лѣкарство препоручити. Ербо ако э оно мени грозницу и отерало, но оное опетъ слабость мою отвыше проузроковало, ербосамъ я затимъ іошть нѣкое време у сви жила и удови успегу и дркганѣ имао.

Такожде изъ тога искусїосамъ, да моему здравїю нитта убиточніе быти неможе, нежели у кишному времену много на полѣ излазити, особито у таковима кишама, коесу съ олуїомъ и вѣтрови смѣшане быле, ербо киша, коя э у сувима мѣсяцы падала, скоро свагда такове олуе собомъ доносила, отъ тудь дознаосамъ я, да э такова много-уби-

точнія

точнїя была, нежели она, коя э у Септемврїу и Октоврїю падала.

Ясамъ вечь на овой нещастной Ади 10 Мѣсяцы быо; на могућность каковога избавлѣнїя изъ овога станя, учиниломисе, башъ да неваля нимыслити, и быосамъ сасвимъ увѣренъ, да никада ни една душа человѣческа ногомъ своїомъ на ово мѣсто стала ніе. Послѣ какосамъ обипалище мое сасвимъ по моему мнѣнїю уредїо и у свободу ставїо, ондасамъ добїо велику волю совершено Островъ овай распознати, и видѣти, каковисе їошть продукти и други сади и растѣнїя на нѣму наћи могу, о коима я досадъ ништа знао нисамъ.

Быо э дакле 15го Іуліа, кадсамъ я започео опасно извидѣнїе овога Острова предузети. Отишаосамъ найпре на уходъ, гдисамъ, као штосамъ казао, сплавове мое на суво извлачїо. Послѣ, кадсамъ отовудъ 2ве мїлѣ горе далѣ отишао, усмотрїосамъ, да припливъ выше неисходи и да ништа друго тамо ніе было, нежели еданъ мали потокъ текуще воде, коя э врло добра и фришка была. А будући да э садъ башъ суво годишнѣ време было, то у нѣму врло мало воде видѣти бяше, башъ ни толико дабы онъ порядочно теѣи могао.

На

На брегу овога потока видѣосамъ многе врло красне кошанице или ливаде, коесу дивно травомъ украшене быле; и да темель и мѣсто нѣчто више стои, кога безсумнѣ вода никадъ прелила нїе, видѣосамъ такожде врло много дувана, кои э зеленъ, и у доста велика и яка стабла већь э нарастао быо. Было э такожде овде и други различни садова видѣти, кои мени сасвимъ непознати бяху, и кои, можетъ быти, многе крѣпости у себи имапису могли, кое я обаче изнаћи нисамъ могао.

Потражїосамъ тако називяемо *Кассафа* коренѣ, отъ кога *Индїани* подъ цѣломъ овомъ Небесномъ стрекомъ хлѣбъ себи готове; алига наћи нисамъ могао. Нашаосамъ такожде велике *Алоевъ* саде, али ошшъ онда ништа о ныма нисамъ разумѣвао, такожде разна шећерна стабла, али подивячена, и што она нису порядочно раћена, сасвимъ несовершена. Съ овимъ провидѣнїемъ за садашни кратъ сасвимъ удоволянъ повратїосамсе натрагъ у самъ себи о томъ размышляваюћи, како започети имамъ, дабы крѣпости и силу садовъ и плодовъ, коесамъ нашао, научити познао; ербо у време бытїя мога у *Бразїлїи* нисамъ о чему таковоме никакова вѣжества учинїо;

тако

тако да я отъ садовъ и плодовъ земнихъ мало, или башъ ништа знао нисамъ; или баремъ толико штобыми у садашнѣй нужды моей отъ потребе быти могло.

Слѣдующи данъ, то есть 16го учйніосамъ опетъ путь онамо. Отишаосамъ нѣ-что мало далѣ нежели первый данъ, и видѣосамъ, да потокъ, ливаде и садови вѣчь исчезавати починю, и предѣлъ почео э шумнатіи бывати, нежели што э довде было. У овой страни нашаосамъ различне плодове, а особито лубеница у великому множеству на земли; и на дрветамъ грожѣе висяще; ербо доиста лозасе была по свима дрвети распрострла и грожѣе башъ садъ было э у найболѣй зрѣлости и со свимъ изрядно. Ово э за мене было сасвимъ неожидаемо откровеніе, о коемусамсе я особито возрадовао; алисамъ своимъ собственимъ искуствомъ увѣщанъ было отъ нѣга помало ести: ербосамсе опоменуо; да кадсамъ іошть на Варварскихъ брегахъ и пристанищахъ было, излишно яденіе грожѣа многе Англезе, коису онде како робови были, живота лишило, ербо э оно ныма протокъ (сердоболя) или грозницу проузроковало. Алисамъ я ово грожѣе употребити преизрядно средство изнашао, и то у томе

состоя-

состояше нѣга на солнцу сушити, пакъ послѣ аки суво грожѣе, или розине оставити; отъ овога, мыслїосамъ я, како э доиста и было, даѣе оно онако исто лепо и сладко, какогодъ и съ лозе грожѣе ести, быти, али при томъ много здравїе.

Ясамъ пребавіо овде цѣлу вечерь, нисамъ ни куѣи натрагъ отишао, ово э была (мимогредъ) перва ноѣь, коюсамъ я на полю изванъ мога обиталища провео. Преко ноѣь паломи э найпре на умъ, и попеосамсе на едно дрво, гдисамъ врло добро спавао, сутра данъ пошаосамъ на нова извидѣнїя и тражню далѣ, ишаосамъ уздужъ едне долине судеѣи, да э 4 мїлѣ далека, и держаосамсе свагда къ сѣверной страни, гдисамъ на полудневной страни еданъ редъ брда предъ собомъ имао.

При концу овога пута дошаосамъ на еданъ отворъ, гдисе предѣлъ горе къ Западу протегнутъ быпи чинїо, и на другомъ путу (то есть, къ Востоку) ключао э еданъ мали изворъ чисте и фришке воде, коя э изъ стране едногъ брдашца по край мене текла, и цѣлый предѣлъ быо тако красанъ, тако зеленъ, и тако полнъ цвѣта, и све у неизмѣнной пролѣтиой свѣтлости и красоти, како дабы то какова съ

вели-

великимъ трудомъ и иждивенїемъ насаѣена башча была. *Елїзеуме прекрасный*! тысе сакри овде; повыкаосамъ я!

Сишаосамъ мало на страну ове свагда зелене и смѣющееся долине, и разсмотраваосамъ ю нѣкимъ начиномъ тайногъ услажденїя (ако башъ ово увеселенїе и съ нѣкима другима источницы мыслей смѣшано бяше) ербосамъ помыслїо, да э ово све мое собствено добро, и я безъ сваке кавге и распрѣ отъ цѣлога овога предѣла Господинъ Краль и Обладатель есмь; и притяжателна права отъ нѣга имамъ, и кадбыга гдигодъ на друго мѣсто пренести могао, онаково исто совершено и полно наслѣдїя право отъ нѣгабы имати могао, како годъ какови Землѣдержацъ (*Слаїя*) кодъ насъ у *Англїи*. Нашаосамъ овде неизброено множество Поморанчи, Какао, Лимуна, и Цїтроновъ дрвеша, али све подивячено и мало съ плодомъ; и садашни кратъ башъ ништа. Зелене Лїмуне, коесамъ меѣу тимъ брао, нису были точїю за ело преизрядни; но такожде и зѣло здрави, отъ коихсамъ сокъ послѣ съ водомъ мешао, и прекрасну здраву и разладющу лимунаду правїо.

Видѣосамъ, даѣу доволно посла имати ове вещи купити и дома носити, и намы-

слїо-

слїосамъ доволни имутакъ како грожђа, тако цїтрона и лїмуна скупити, дабы што годъ, кадъ мокрота и зло време буде, о коемсамъ знао, даће скоро доћи, имати могао.

На тай конацъ скупїосамъ едну велику хрпу грожђа на едно мѣсто. И едну маню на другомъ и на трећему, доста доволни имутакъ Лїмуна, и цїтрона. Нѣколико Лїмуна узеосамъ сасобомъ кући, и намыслїосамъ, кадъ опетъ онамо пођемъ, кесу или жакъ сасобомъ узети, или каково друго средство употребити; дабы и све проче, штогодъ могу, кући донео.

Кадсамъ већь скоро *3ри* дана на овоме путу провео; дошаосамъ у мое отечество опетъ напрагъ, (ербо тако я шаторъ и ограду мою называ) али грожће мое, преће него штосамъ кући дошао, покварено бяше, ербосе э оно отъ величине и многога сока све здрузгало, тако да оно мало ни чему выше нїе потребно было, лїмуни не бяху покварени, али штета што ихъ выше собомъ узети нисамъ могао.

Слѣдующи данъ кои э *19ти* было, отишаосамъ опетъ онамо съ двѣма малима врећама снабдѣнъ, коесамъ я; дабы жатву мою кући донео, начинїо было, алими э за ве-

лико

лико чудо было, кадсамъ къ хрпи мога грожђа, коя э велика и само преизрядно грожђе была, дошао и видѣо, да э оно разштркано, на комаде погажено, сѣмо и овамо разбачено и развучено, а отъ болѣ части изѣдено было. Отъ овудъ заключїосамъ дакле, да у предѣлу овоме какове годъ дивячи, или люди, или звѣрова быти мора, коису мени ову пакостъ учинили, али каковису были, то знати нисамъ могао.

Садъ кадсамъ видѣо, дага выше нити на хрпу сложити, нити у жакови понести могу, ербо оно у первомъ случаю хоће иструнути, а у другомъ тежиномъ своїомъ хоћесе зарузгати, тосамсе я дакле другоячїе промыслїо. Скупїосамъ множество грожђа, и обѣсїосамга чакъ у крайнѣ гране дрвета, дасе онде на солнцу изсуши; а Лїмунова и цїтрони, коликосамъ годъ могао, кућисамъ отнесао.

Кадсамъ съ овогъ пута кући дошао, учинїосамъ съ великимъ наслажденїемъ моя размышлѣнія о плодоносности ове долине, о нѣномъ наслажденія полномъ положенію, и свободности, и прибѣга отъ олуе, съ оне стране шуме и воде, и ова разсмотренія моя съ тимсе окончаше, дасамъ я себи мѣсто за станъ изабрао, кое э башъ отъ

цѣлога

цѣлога Острова найгоре. Садъ почеосамъ о томъ мыслити, и обиталище мое гди на друго мѣсто пренести, и себи у ономъ радостномъ и плодоносномъ предѣлу-мѣ; сто избрати, кое, акобы возможно было, тако исто у безбѣдность ставити, како што э мое садашнѣ обиталище.

Овасе мысль дуго времена по моей глави мутила; и ясамъ съ почетка отвыше у то залюблѣнъ быо, тако э прелестна, и мамлива красота овогъ предѣла была. Кадсамъ обаче стварь зрѣлїе разсудїо и помыслїо, да я кодъ стране и близу моря живимъ, гди найманѣ могуће быши може, дасе штогодъ на мою ползу случити моћи, и да онай исти ужасни случай, кои э мене овамо донео, такоћеръ и їошъ какове друге нещастне, на ово мѣсто донести може, можели то тако быти, или не? то я опетъ заключїосамъ овде остати, гдисамсе находїо, и себе ничимъ развратити дати мое обиталище премѣнити, ербосамъ помыслїо, акосе у среди Острова съ брдама и шумама затворимъ, тосе дакле своеволно у тавницу затворамъ, изъ кое избавленїя башъ никоимъ начиномъ никадъ очекивати не могу.

Алисамъ я опетъ у предѣла онога красоту тако залюблѣнъ быо, да докле э годъ

мѣсяцъ Іулій траяо, ондесамъ найвыше време проводіо, и акосамъ я башъ, кадсамъ вещь болѣ разсудіо, намѣренъ быо, мое станѣ непремѣнити, то начиніосамъ я опетъ овде нѣки начинъ (сѣнице) лѣтногъ увеселителногъ мѣста, коего э ограда у наоколо живо укрѣплена была, и коя э изъ сугубога плота отъ дебелога коля са шушнѣмъ и гранѣмъ испунѣна, коликосамъ годъ высоко докучити могао, состояла. Овдесамъ пребывао кадкадъ и две и три ноћи едну за другомъ сасвимъ безъ страха и безбѣдно, и преходіосамъ свагда како годъ и кодъ мога порядочногъ станя у нутра и на полѣ преко лѣствице тако, дасамъ мыслїо, да я имамъ лѣтно мѣсто увеселенія у предѣлу, а домъ мой на брегу моря. Съ овимъ дѣломъ проводіосамъ време мое до последнѣга Августа.

Ясамъ у кратко со уређенїемъ моимъ готовъ быо, и започеосамъ плодъ труда мога уживати, али э садъ време кишно дошло, кое э мене приморало, у моему старому обиталищу остати. Ербо акосамъ я овде, како годъ и онде шаторъ, кои э лепо разапетъ быо, отъ платна начинїо, то я овде нитисамъ брда за обрану отъ олуе, нити подрума за собомъ имао, у кои бы,

кадбы

кадбы киша нагла и плаа была, уклонитисе могао.

Съ почетка Аvгуста, како штосамъ казао, имаосамъ мое лѣтно мѣсто увеселенїя готово, и почеосамъ плодъ труда мога уживати. Трећега Аvгуста нашаосамъ, да э мое обѣшено грожће еасвимъ суво, и средствомъ солнца у красно овощїе учинилосе. Снимїосамга съ дрвета доле, и срећа моя дасамъ я то учинїо, ербобысе иначе све отъ кише покварило было, и такобысамъ найболю часть мое зимнѣ хране изгубїо быо, ербосамъ я выше отъ две стопине велики кутїя съ нымъ напунїо. Само штосамъ я нѣга съ дрвета снимїо, и по найвыше куће у мой подрумъ донео, то э започела киша падати; и отъ тога времена (отъ 14го Аvгуста) падала э киша данъ на данъ, выше или манѣ башъ до полакъ Октовріа, а кадъ кадъ тако нагла и плаа, да я много дана изъ подрума мога изићи нисамъ могао.

У ово време мораосамсе о умноженїю мога домаћега дружства доволно чудити. О изгубитку едне отъ моихъ мачака врлосамъ оскорблѣнъ быо, коями э утекла, или какосамъ мыслїо, гдигодъ погинула, я отъ нѣ никада выше нитисамъ шта чуо, нити видѣо, докле годъ она за мое велико

чудо при концу Августа съ двѣма младима мачићи куће ніе дошла! А томи э їошть выше за чудо было, ербо э дивїя мачка, како э я называ, кадсамъ ю убїо, сасвимъ другога вида и начина была, нежели Европейске, и мое обадве мачке былесу женчице, а такожде и млади мачићи сасвимъ мапери подобни. Отъ ови трїю мачака наплодисе после толико множество, дасамъ я принужденъ быо ны како и другу дивячь убїяти, и ны, коликое можно, отъ куће оттерiвати морао.

Отъ 14*го* до 26*го* Августа непрестано киша падаше тако, да изъ куће изићи нисамъ могао, и храніосамсе садъ опасно отъ мокроте. У овому Аресту имаосамъ доволну нужду за содержаніе и храну. Но усудїосамсе опетъ нѣколико крати изићи, и первый данъ убїосамъ едну козу, а други кои 26*їй* бяше; нашаосамъ едну велику корнячу, кое э башъ ело по моей воли было. Мои ручковы былису овако уређени: у юпру до ручка еосамъ еданъ гроздъ, и едно парче печена козїега меса (ербо неређомъ нисамъ имао никакова сосуда, у чемубы што скувао) или корняче у полдне, и два или три яета корнячна на вече.

Док-

Доксамъ я овако ради кише у ями и подруму моме затворенъ быо, пословаосамъ сваки данъ *3ри* сата, дабы подрумъ мой шири начинїо, и ясамъ мало по мало и тако дуго подъ едномъ страномъ копао, докле нисамъ напослѣдокъ овай путъ подъ брдашцемъ сасвимъ прокопао, и къ внѣшнѣй страни мое ограде путъ начинїо. И овомъ двери и вратма быо э у напредакъ мой уходъ и исходъ. Али опетъ брижанъ и неспокоянъ, штосу она отворена спаяла; ербо по прежнѣй моей уредбы быобы я совершено затворенъ; садъ могу я, тосамъ помыслїо у себи, каковимъ нападенїямъ подлежапи, акосамъ башъ и знао, дасе я нигди ни отъ какова живога созданїя бояти неймамъ, ербо найвећи звѣръ когасамъ досадъ на цѣлому Острову видѣти добипи могао, была э коза.

Септемврїа 13го етосамъ садъ дакле нещастный годишни данъ мога дошествїя на овай Островъ доживїо. Ясамъ уреске на моему стубу све изброїо, и нашаосамъ, дасамъ већъ 365 дана овде на суву. Праздноваосамъ овай данъ аки торжествепный, поста, покаянїя и молитве данъ, и посветїосамга сасвимъ къ благоговѣйнству и Богопрославленїя дѣлу, паосамъ съ глубочайшимъ

чайшимъ смиренїемъ и кротостїю на землю, исповѣдїосамсе Богу моему, признаосамъ нѣговъ праведно на мене послани судъ; и молїосамга Имене Хрїстова ради на мене смиловатисе. Послѣ како чрезъ 12 *тв* сапи ни залогая ништа нисамъ ео: то есть, до самога захожденїя солнца, то поеосамъ дакле едну симиту, и еданъ суви гроздъ, и затимъ отишаосамъ у креветъ, а дансамъ онако окончао, како штосамга и започео.

Ово све прешедше време нисамъ ни едну Недѣлю праздновао. Ербо съ почетка никакова чувства о закону у сердцу нисамъ имао, тосамъ я дакле за нѣко дуго време Недѣлѣ съ тимъ разликовати изоставїо, дасамъ я Неделю свагда дужомъ урескомъ забележїо, дакле и дневе еданъ отъ другога разликовати и раззнавати нисамъ знао. Кадсамъ дневе исчислїо, и нашао дасамъ већь пуну годину овде, то раздѣлїосамъ ихъ у Недѣле, и изставїосамъ сваки седми данъ за Неделю, акосамъ башъ и на концу мога численїя и нашао, дасамъ еданъ или два дана отъ прочега числа изгубїо.

Кратко за тимъ почело э мастила мога нестаяти, и мораосамга дакле, колико-самъ годъ могао, штедити, и ништа, не-

жели

жели найважніе и примѣчанія достойне вещи и приключенія мога живота записивати, и више непорядочно повседневно записаніе водити.

Кишно и суво време почеломи э отъ садъ правилно и обыкновенно бывати, и научїосамъ себе съ моима уредбама по ныма управляти. Алисамъ я морао све искуство мое скупо платити, прѣе нежели штосамъ до тога дошао, и то о чему говорити хоѣу, было э штогодъ найгоре и найубиточніе, коесамъ я икадъ учинїо. Ясамъ вѣь казао, дасамъ нѣколико класова ечма и пїрїнча, коису по моему мнѣнію тако чудесно произишли, сачувао, и то ніе више, него придесетъ стабли пїрїнча, и до двадесетъ Ечмени класова было. Ове посеяти помыслїосамъ, есть садъ найболѣ време, ербо э киша прошла, и солнце у своему южному положенію отъ мене прешло.

Ископаосамъ дакле еданъ комадъ землѣ съ моїомъ дрвеномъ лопатомъ, какогодсамъ болѣ могао, раздѣлїосамъ у две части, и посѣяо мое сѣяніе, башъ сѣюћи доћеми у паметь, добробы было, ако я све непосѣемъ на еданъ кратъ, ербо знао нисамъ, ели башъ садъ доиста право време за сѣянѣ. Посѣяосамъ дакле два притла, а по едну пуну

прегрштъ

прегрштъ отъ сваке врсте за далѣ удержао. То э была моя срећа, како штоћесе после казати, ербо отъ свега онога сѣмена, коесамъ я посѣяо, нїе ни найманѣ што проникло или израстло, зашто у сви трима слѣдующима сувима мѣсяцы нїе земля за усѣвъ мой никакове кише имала, слѣдователно нїе имала она такоћеръ нуждне влаге, коябы прорастѣнїе снискала, и тако отъ свега труда ништа нїе было, докле годъ опетъ кишно време недоће, пакъ онда савъ усѣвъ произыће, башъ како да бы садъ посѣянъ было.

Кадсамъ садъ смотрїо, да мое перво сѣяніе нїе израстло, отъ чега истини узрокъ суша бяше, то потражїосамъ дакле влажанъ комадъ землѣ наћи, и съ тимъ другу пробу учинити, ископаосамъ онаку исту ныву кодъ мое Колебе (сѣнице) и посѣяосамъ мое заостављее сѣме у февруарїу, скоро предпролѣтномъ равности дана, и ово э изникло и израстло, ербо э у мѣсяцы Марту и Апрїллу доволно воде имало, сасвимъ веселу и преизрядну жатву дало. А будући дасамъ я сасвимъ малую часть оставшега сѣмена имао, и кое све на еданъ кратъ посѣяти нисамсе усудїо, изъ узрока да небы све на еданъ кратъ изгубїо, то дакле нисамъ ни добїо

отъ

отъ цѣле мое жатве выше, него по полъ мерова отъ сваке врсте.

Овимъ искуствомъ научїосамъ ствaрь добро познавати, и знаосамъ опасно време сѣянїя, и да два сѣянїя и два жатвы времена очекивати имамъ.

Докле э усѣвъ овай узрастао, учинїосамъ я два мала откровенїя, коя мени у слѣдству врло полезна бяху. Како э киша прошла и време постояно бывати почело, коесе у мѣсяцу Ноемврїю случило, посѣтїосамъ мою сѣницу у оному предѣлу, свагда цвѣтующе весне, гдисамъ, ако я башъ онде нѣколико мѣсяцы и нисамъ био, све опетъ онако испо нашао, какосамъ годъ и оставїо. Кругъ или сугуби оплотъ, когасамъ начинїо, нїе было само тверднъ и цѣлъ, него и тачке, коесамъ отъ нѣкои дрвета отсѣкао, свесу избиле и прорастле, и вѣчь давно пупове добиле, како годъ садови перве године, кадъ имсе верхови подрежу избити обычествую. Имена дрвета, отъ коихсамъ я тачке отсѣкао, нисамъ знао, но мѣчу тимъ было э мени врло радостно и удивленїя достойно, шпосамъ я млада дрвета тако цвѣтуща видѣо.

Подрезаосамъ уредїя и исправїосамъ ихъ, колико э годъ могуће было, да расту, и вѣ-

ровати

ровати нïе могуће, каковису прекрасни изгледъ она у три године добила тако, да ако башъ ограда Круга мога нïе выше него 25 стопа у свему чинила, дрвета (ербо садъ я тако тачке мое называ) скоро сасвимъ сву покрыла, и прекрасанъ сѣнъ и ладъ, кадъ э суво и солнечно време было, подъ нымъ са-критисе издавала.

Ово э дакле довело мене къ тому намѣренïю їоштъ выше тачака отсѣчи, и мени оваку исту обалу, као што э ова, около зида (то есть мога первога обиталища) полукружно повести, како штосамъ и учинïо. Ударïосамъ тачке или млада дрвета у виду сугубога реда, реци: 8 стопа далеко отъ мога первога укрѣплѣнïя, и то э абïе избило и протерало, и абïе съ почетка дало э моему обиталищу прекрасанъ заслонъ, и служаше мени послѣ такожде ко обрани и защищенïю, коећу кадъ време буде сказати.

Нашаосамъ такожде да годишнѣ време не вообще у зиму и лѣто као у *Ерроли* раздѣлитисе може; него у кишно и суво време, како што овде слѣдуетъ.

Полакъ

Полакъ Февруарїа.
Мартъ
полакъ Апрїллїа.
} Кишно време, ербо сонце онда близъ равноћеноћи и дана стои.

Полакъ Апрїллїа
Маїа
Іунїй
Іулїй
полакъ Аvгуста.
} Суво: ербо солнце онда страно-сѣверно отъ лїнїе стоитъ.

Полакъ Аvгуста
Септемврїй
полакъ Октовріа.
} Киша, ербосе солнце онда натрагъ повраћа.

Полакъ Октовріа
Ноемврїй
Декемврїй
Іаннуарїй
Полакъ Февруарїа
} Суво; ербо солнце онда къ Югу на страну отъ лїнїе стоитъ.

Кишно време траяше онако, како што ветрови дыхаше, многократно дуже, а кадкадъ краће, а вообще было э онако, како шпосамъ назначїо. После какое мене искуство научило, какова зла слѣдства собомъ доноси у кишно време на полѣ исходити, то имаосамъ попеченїе себе са свима потребностми напредъ, и благовремено снабдѣти, да небы нужде имао на полѣ исходи-

ти

ти, и пребываосамъ у мокре мѣсяце, колико-кое годъ могуће было, кодъ куће.

Но и у ово време нашаосамъ за себе доста дѣла, къ коему э такожде и време врло пріятно было; ербосамъ видѣо, да я їоштъ врло много вещи требуемъ, кое я никако другоячїе, нежели тешкимъ трудомъ и непрерывнимъ прилѣжанїемъ добити могу. Особито искушаваосамъ на сваку руку едну котарицу начинити, али све оне мопке, коесамъ имао, былесу тако крте, дасе съ нима ништа започети неможе. Садсе памети моей изрядно представило, какосамъ я, како дѣце врло радо кодъ Котаричара стаяо, и нѣгово дѣло моторїо. А будући я, како штосу деца, врлосамъ услушанъ быо штогодъ кодъ тога помоћи, и опасно позоръ дао, како они съ дѣломъ своимъ поступаю, а кадъ кадъ и самъ такожде руку на таково положїо, тосамъ я чрезъ то скоро савъ цѣлый занатъ научїо, да мени садъ ништа друго, него само матерїалъ къ тому недостаде, да бы занатъ овай у полно упражненїе привести и котарицу исплести могао. Садми э пало на умъ прутове отъ онога дрвета, отъ когасамъ тачке мое, коесу тако добро и фришко пробиле, отсећи, моглебысе тако савїяти, како тако називаеми *Сааль* или

младо

младо пруће у Англїй, и абїе намыслїосамъ съ тимъ пробу учинити.

Абїе сутра данъ отишаосамъ на полѣ къ моему мѣсту увеселенїя сѣницы (како што ю назива) отсекаосамъ нѣколико найтанѣга прућа, кои намѣренїю моему тако способни бяху, како годъ штосамъ желити могао, други кратъ, кадсамъ онамо пошао, узеосамъ сикирицу ссобомъ, дабы таковога прућа доволно насѣкао, кога задуго и тражїо нисамъ, ербо таковога овде излишно бяше. Ово пруће разредїосамъ съ поля около мое ограде, дасе малко просуши, унесаосамга, кадъ э оно већь за употребленїе было, у мой подрумъ. Овдесамсе цѣло кишно време съ тимъ забаляо, дасамъ я, како годъ штосамъ болѣ и лепше могао; велико множество котарица начинїо тако: да у ныма землю износити и друге вещи доносити или сохраняватисамъ могао. Врло украшене доиста нису оне произишле, но међу тимъ бяху оне свагда доста добре за оно, на штосамъ ихъ употребїо. Я послѣ на ныма нисамъ недостатка имао, и на мѣсто покварени абїе нове начинїо. Особито правїосамъ яке и дубоке кошаре, коећеми на мѣсто жакова служити,

жити, и у коимаћу житo мое хранити, ако каковъ имутакъ отъ нѣга добїемъ.

Послѣ какосамъ и ову теготу надвладао, кояме доиста доста времена стаяла; то нисамъ имао мира, докле годъ я себи и друге нуждне ствари неприбави. Перво нисамъ имао никакова посућа за текуще матерїе (воду ракїю) ербо таковога ништа выше неимадо нежели два буренца, коясу скоро обадва пуна *Англїйске* ракїе была, и нѣколико стаклени флаша, отъ части обикновенога вида а отъ части четвероуголне у канавету за текуще вещи и ракїю. Такожде нисамъ имао ни еднога лонца, или каковогъ другога сосуда у чемубысамъ што-годъ скувао, окромъ еднога великога бакрача, когасамъ изъ Лаће донео, и кои э мени къ тому, къ чемусамга употребити хотѣо; то есть, у нѣму мало чорбе сготовити или парче меса испржити отвыше великъ быо. И штобысамъ радъ быо отвыше имати, бяше една лула: Али такову начинити нїе было могуће, докъ я напослѣдокъ нисамъ и къ тому средство измыслїо.

Цѣло лѣтно или суво годишнѣ време провеосамъ котарице плетећи, и съ тимъ дасамъ себи їошть и други редъ тачака

или

или коля свудъ унаоколо воздвигао и насадїо. Али садъ нѣки други посао узеоми э выше времена, него шпосамъ мыслити и изнаћи могао.

Ясамъ већь преће упоменуо, дасамъ велику волю имао цѣли Островъ промотрити, и дасамъ я такожде по край потока уздужъ и далѣ путовао, и башъ донде гдисамъ мою лѣтну увеселителну сѣницу начинїо, и гдисамъ еданъ сасвимъ чисти изгледъ къ морю съ друге стране Острова имао. Садъ намысліосамъ съ ове стране упреко башъ до брега поћи онамо, узеосамъ дакле пушку мою, сикирицу, мога пса, и доволно праха и олова сасобомъ, како шпо э обыковено было, снабдѣосамъ себе съ двема симитри и едномъ великомъ кесомъ суварка, и пошаосамъ овако вооруженъ на путъ. Кадъ већь долину, гди э моя лѣтна Колебица стаяла, проћо, усмотріосамъ абїе къ западу стояще море, а будући да э врло лепъ и чистъ данъ быо, усмотріосамъ башъ сасвимъ ясно нѣки предѣлъ у морю. Ели башъ земля права или само Островъ быо, то не могу казати, лежаще обаче врло высоко, и простирашесе отъ запада западоюжнѣ у великомъ простору и удаленїю, ербо по моему

ему мнѣнїю нїе выше него 15 *тѣ* или 20 *тѣ* мїля донде быти могло.

Какова э часть свѣта то была, немогу я такожде истино казати; него тосамъ знао, да э то морала една часть *Америїке* быти; и какосамъ изъ примѣчанїи моихъ заключїо, морало э то близу Шпански держава лежати. И можетъ быти, да э сасамими дивяцы поселѣна, и кадбы я тамо испливао было, многобы горе самномъ стаяло неголи сада. Ясамъ примирїо себе кодъ путовъ провидѣнїя Божїя, кои како штосамъ я, признавати и вѣровати почео, све къ добру управляю, и доводе; ясамъ утѣшїо, говоримъ, сердце мое сотимъ, и престаосамъ себе съ суетнимъ желанїемъ онде быти моћи мучити!

Међу тимъ доксамсе кодъ ове вещи нѣкое време забавїо, помисльїосамъ, кадбы то Шпански брегови были, тобы я морао сасвимъ извѣстно данасъ или супра Шпанске какове лађе тамо и овамо пловуще видѣти; аколи то тако нїе, то мораду дакле Острови и брези дивяковъ между *Шпаніомъ* и *Бразіліомъ* быти, коису доиста отъ свїю други дивяка найгори, ербосу они прави Коннїбали или человѣкоядцы, и никада

неиз-

неизоставляю тѣла человѣческа, коя имъ годъ у руке падну, убити и изѣсти.

Ово разсмотраваюћи ишаосамъ све полако далѣ. И видѣосамъ, да э страна ова Острова много краснія была, нежели гди я живимъ; ливаде и пространa поля врло наслаждаема, цвѣты и травомъ украшена, и полна прекрасныхъ плодовъ. Видѣосамъ такожде множество Папагаевъ, и радсамъ быо, акобысамъ само могао едногъ ухватити, дабыга припитомїо и говорити научїо. И опетсамъ срећанъ быо, дасамъ послѣ многога труда еднога младога ухватїо; ербосамъ я нѣга съ едномъ палицомъ на землю смлатїо, и узеосамга кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, са собомъ кући, али доксамъ я нѣга говорити научїо, прошло э много година. Но напослѣдокъ научїосамъ я нѣга са свимъ свободно мене именемъ звати. Еданъ случай, кои э мене съ нимъ предсрѣо, хоће читателю можетъ быти на надлежащемъ мѣсту врло поволянъ быти.

Ово э путешествїе мене чрезвычайно увеселило. Ясамъ на нѣки мѣсти нашао зецова (найманѣ держаосамъ ихъ зато) и лисица, коесусе обаче отъ свїю видовъ други звѣрова, коесамъ досадъ видѣо, разликовале. Ясе склонити немого ни да ихъ едемъ, башъ

акосамъ ихъ и много утукао. Но я нисамъ имао узрока то чинити, ербо я на месу никаковаго недостатка нисамъ имао, а и їоштъ къ тому башъ што э найболѣ, међу коимъ найглавніе дивіе Козе, Голубови и Корняче бяху. И кадъ къ тому їоштъ грожѣе додамъ, каковъ бы могла сама пїяца отъ Леаденъ едному самоѣному человѣку богати ручакъ дати? тосамъ я, ако э башъ станъ мое и бѣдно было, узрока доволно имао Богу благодарити, да онъ мени не само на средствахъ къ препитанію никаковаго недостатка нїе терпѣти дао, него їоштъ и излишество найслаѣи залогая даровао.

Нисамъ ишао на моему путешествію никадъ далѣ, него 2*ве* мїлѣ напредъ; али залазїосамъ сь мога пута часъ на едну, часъ на другу страну, дабы видѣо, шта їоштъ у смотрити могу тако, дасамъ често утруженъ на оно мѣсто дошао, гдисамъ преноѣити намыслїо, пакъ онда отпочиваосамъ или на дрвету, или себе сь еднымъ редомъ пачака окружїо, коесамъ или отъ едногъ дрвета на друго наслонїо, или ихъ добро у землю ударїо тако, да къ мене никакови диви звѣръ близу небы доѣи могао, даме пробуди-

Како-

Какосамъ на брегъ моря дошао, зачудiосамсе врло, дасамъ станъ или обиталище мое у найгарой страни Острова избрао, ербо э овде цѣли брегъ съ неизброенимъ множествомъ Корняча покрывенъ бiо, а на другой страни, гди живимъ, нисамъ за полдругу годину више него три нашао. Овде бiло э такожде неисказано число птица разнаго вида, отъ коихъ я нѣкое никадъ видѣо нисамъ, и отъ коихъ многе за ело врло добре бяху, и отъ коихъ я ни едну другу нежели *Пiгвiна* познавао нисамъ.

Кадъ небы баруда и олова жалiо бiо, ябы ихъ толико убити могао, коликобими годъ драго бiло. Убiосамъ радiе Козу, кадсамъ ю добити могао, ербо отъ нѣ и више ползе имадо. Такожде и Коза бiло э на овой страни више нежели на другой, но ясамъ много више труда имао къ ныма пришуняпсе, ербо э предѣлъ врло раванъ бiо, и оне мене много прѣе усмотрити могоше, нежели гдису брда.

Много краснiя, то казати морамъ, бiла э ова страна Острова, неголи гдисамъ я живiо, али я опетъ нисамъ имао ни наймањ волѣ овамо преселитисе. Ербо кадсамъ я вѣкъ еданъ кратъ свое постояно обиталище имао, тосе оно мени врло свикнуло и

ово цѣло време, доклесамъ годъ овде быо, чиняшемисе, дасамъ на каковомъ путу изванъ предѣла быо. Но ясамъ преко свега путовао до 12 мїля, и то како штосамъ мыслїо, све по край брега горе, ударїосамъ после едну дугачку мотку на брегу у землю за знакъ, дасамъ овде быо, и повратїосамсе дома натрагъ. Перво путешествїе, кое паки предузети имамъ, хоће быти съ оне стране Острова отъ обиталища мога къ востоку, и тако свудъ на около докле годъ до знаменїя мога не дођемъ. Отъ тога говорићу онде, гди требовало буде.

Кадсамсе повратїо, узеосамъ други путь у тому мнѣнїю, да я могу цѣли Островъ већь толико далеко у виду содержавати, да я мое перво станѣ никадъ изгубити не могу, алисамсе я у томъ врло преварїо; србо само штосамъ две или три мїлѣ ишао, кадсамсе я у едной великой долини нашао, коя э съ самима горама окружена, а ове са самима шумами покривене быле, тако да ништа нашао нисамъ по чемубы путь мой управити могао, нежели солнце, а и то не свагда, кадъ небы теченїе нѣгово у ово време дана опасно знао.

Али несрећомъ мораосамъ їоштъ къ тому време, кое э три или четири дана,

док-

доксамъ у овой долини быо, врло тавно и магловито было, имашти. А будући да я солнце видѣти нисамъ могао, тосамъ я у великомъ страху сѣмо и овамо ходїо, и видѣосамъ себе на послѣдокъ принуждена брегъ, или отъ моря страну потражити, и знаменїе, коесамъ оставїо, наћи, и онимъ путемъ, коимсамъ и дошао опетъ напрагъ ићи. Отовудъ пошаосамъ све полагано кући; ербо э време почело врло топло быти, а моя пушка, барутъ и олово, сикира, и штосамъ друго кодъ себе имао, быломи э врло тешко.

На овоме путу усмотрїо э мой пасъ едно яре, и уфатїога э, ясамъ потрчао абїе за нымъ, и истргнуосамму живо изъ устахъ. Ябысамга быо башъ кући отвео, ербосамъ о томъ често мыслїо, небыли могуће было, еданъ паръ млади ярчића добити, и тако марву питоми коза добити, отъ коихъ бысе я содержанїя мога надати могао, кадъ већь баруша и олова нестане.

Начинїосамъ овому малому живинчету огрлякъ, и повеосамга съ едномъ штранчицомъ, коюсамъ свагда сасобомъ носїо, свезана доста трудно до мое сѣнице, гдисамга затворїо и оставїо, ербосамъ желю отъ выше имао кодъ куће быти, отъ коесамъ

самъ већь скоро мѣсяцъ дана отсутствующъ био.

Опетъ у моему старому обиталицу быти и у моме повѣшеномъ кревету лежати была э мени неописана радость. Ово мало предузето путешествіе безъ извѣстногъ и постояногъ мѣста и пребивалища такоми э незгодно и неповолно было, да мой собствени домъ, какосамга я самъ називао, съ тимъ сравияваюћи полно постояни станъ за мене э био, и све около мене тако э было радостно и угодно, дасамъ я тврдо намисліо себе отъ нѣга никадъ далеко удаляваши, докле годъ судбина моя трае на овому Острову пребываши.

Овдесамъ оппочивао едну неделю дана, дабысе отъ путнаго труда мало окрепіо, и себи какову ползу учиніо. Болюсамъ часть овога времена съ найважніимъ дѣломъ провео, моме Папагаю, коисе већь самномъ дружески обходиши почео, кавезъ начинипи. Затимъ почеосамъ такожде за мое сиромашко яре мыслиши, коесамъ у моей малой сѣницы затворіо, и намысліосамъ нѣга кући донеши и раниши. Отишаосамъ дакле онамо, и нашаосамга, гдисамга и оставіо, ербо оно ласно побећи ніе могло, али изъ недостатка ране было э оно скоро отъ глада испаяло.

яло. Абїе отсѣкаосамъ граня и скупїосамъ пупова отъ дрвета, штосамъ скорїе наћи могао, и баџїосамъ предъ нѣга. Кадсамга наранїо, свезаосамга како и преће уженцетомъ око врата, и хотѣосамга за собомъ повести, али э гладъ нѣга тако укротїо и препитомїо быо, да я нужде нисамъ имао на нѣга ни уженце набацити, и оно э замномъ башъ само како годъ пасъ ишло. Я овако нѣга прилѣжно ранећи учинилосе оно тако умилително и учтиво, да оно отъ тога времена како едно дружинче отъ куће постало, и мене выше никада оставити нїе хотѣло.

Кишно време есенѣгъ равноноџїя приближилосе, и ясамъ торжествовао 30 Септемврїа онаковимъ истимъ свѣтлимъ и благоговѣйнимъ образомъ, како и перви кратъ годишни данъ мога пришествїя на ову Аду, на коїойсамъ већь две године быо, и никаконе ближе надежде отъ овудъ освобожденъ быти неимадо, аки первый данъ мога дошествїя. Ясамъ провео овай цѣлый данъ съ кроткимъ признанствомъ многихъ мени чудесно указанихъ благодѣянїй, коя э мени Богъ у овому самоћному стаю, до коихъ бы я їошть и безконечнїе бѣданъ и невољанъ быти могао. Ясамъ съ полнимъ сердцемъ

цемъ благодарїо Богу моему, да э онъ благоволїо мени открыти, како што э можно было, да я у овому самћному станю срећанъ быти могу, како штобы, можетъ быти, у свободи, содружеству и у свима светскима увеселенїяма быти могао, да све што мени у моме самћноме стању недостае, и лишеніе свакога содружества, онъ мени присутствїемъ своимъ, и съ приобщенїемъ милости свое души моей богато попунити може, ербо э онъ мене подкрћпїо, утћшїо, и охрабрїо овде себе крћпко нћговому промыслу отдати, а онде на нћгово безконечно присутствїе очекивати.

Садсамъ внутренъ ощущавати стао, какое много щастни животъ, кога садъ проводимъ, сасвима нћговима ужаснима обстоятелствми, нежели онай свирћпи, клетве доспойни и гадни, у коемсамъ найвећу частъ дана мои провео; а садъ већъ какосе жалости тако и радости мое премћнише, то наравно и желанїя моя съ тимъ премћнишесе; склоности мое о сасвимъ другима вещма добише вкусъ, и увеселенїя моя быше сасвимъ нова, и сасвимъ другоячїя нежели при моему первому овде дошествїю или пре 2 *ве* године.

Преће

Пређе кадсамъ излазїо или на ловъ или землю и предѣлъ распознати, нападала э мене изненада нѣка душевна болесть и смутня о моемъ состоянїю, и сердце хотяшеми у перси пући, кадсамъ я на све ове планине брда и пустиню помислїо, гдисе находимъ, и какосамъ я вѣчнима вратми, и ключаницомъ великогъ *Океана* безъ избавленія у ову необитаему пуспиню затворенъ. Башъ у найвећему спокойству душе мое диглосе то у мени као буря, разжалиломе тако, дасамъ руке склопїо и као дѣте плакао. Многократно напало э то мене башъ у средъ мога посла, гдисамъ све оставїо, къ земли пао, и уздисаши морао, и почитава два сата аки смущенъ и забунѣнъ у землю гледао. а кадсамъ я то у плачъ и сузе испустїо, или речма себи одушку учинїо, онда э то прошло, и жалость, коясе у сама себи почерпла, попусти э сасвимъ.

Садсамсе обаче у сасвимъ другима мысли упражнявао; читаосамъ повседневно слово Божіе, и учинїосамъ отъ нѣгови свїю утѣшенія ползу за мое садашнѣ станѣ. Еданъ кратъ уютру, башъ кадсамъ врло смутанъ быо, отворїосамъ Бїблїю, и нашаосамъ ове речи: *Я тебе нећу оставити, нити*

забора-

заборавити; абїе помыслїосамъ, дасе ове речи мене дотичу: ербо заштобысу оне мени оваковимъ начиномъ предъ очи дошле, и башъ у оваковому часу, гдисамъ я аки отъ Бога и люди заборавлѣникъ, о моемъ состоянїю плакао? Добро дакле, рекаосамъ, кадъ мене Богъ неће оставити, што мени може шкодити, ако мене башъ савъ цѣлый свѣтъ остави? И ако бы я цѣлый свѣтъ имао, а милостбы и благословъ Божїй изгубїо, овобы было изгубитакъ, коисе ни съ чимъ сравнити неможе.

Отъ овога часа стаосамъ я у самъ себи вѣровати, да э башъ могуће, дасамъ срећнїи у овому оставлѣномъ и самоћномъ стању, нежели што бы гдигодъ на другомъ мѣсту у свѣту быти могао, и съ таковими мысли хотѣвъ Бога прославити и благодарити, да э онъ мене на ово мѣсто донео.

Незнамъ штоми э было, али како даме э нѣчто при овомъ помыслу дирнуло, и нисамъ смео ове речи изговорити: *Како можешъ ты таковы притворникъ быти*, (рекаосамъ сасвимъ ясно) и чинити, како дабы ты Богу благодарїо за каково станѣ, гди бы ты нѣга сердечно молити имао, да Онъ тебе отъ таковаго станя освободи и колико-

се

се годѣ ты трудити можешъ сѣ нымъ удоволянъ быти.

Овде дакле престаосамъ, ако башъ и сказати немого: я благодаримъ Богу, дасамъ овде, и благодаримъ нѣму сердечно, да э онъ очи мое отворїо (коликосамъ годъ къ овому концу страдати морао) прѣшнѣ станѣ живота мога познавати, и мою свирѣпость раскаяваши и оплакивати. Никада нисамъ отворїо или затворїо Бїблїю, да небы душа моя изъ глубине свое Богу благодарила, да э онъ моему пріятелю у Англїи то у паметь дао, Бїблїю и безъ мога закпеваня сѣ другима ствармa моима спремити, и да э онъ мени после помогао ню изъ погибше лаѣе спасти.

Овимъ начиномъ и у овому душевному укрѣплѣнїю започеласе моя трећа година; и данебы чйтателю сѣ тако извѣстнимъ описиванѣмъ овога лѣта, тако као првога на тяготу было; тосе опетъ вообще вѣровати може, дасамъ я врло рѣдко безпосленъ стаяо. Н: п мою дужность къ Богу и чтенїе Бїблїи, къ чемусамъ постояно сваки данъ *3ри* кратъ нѣко извѣстно време опредѣлїо. Второ: на полѣ изићи, и штогодъ убити, у чемусу обикновено свако ютро кадъ кише нїе было, *3ри* сата прошла,

шла. Треће: уредба, преправность, спремане и куване онога, штосамъ за ручакъ мой убїо и добїо, овоми э свагда велику часть дневнога времена отузело. Iошть къ тому примѣчавамъ, да э у полдне, кадъ э солнце на пункту лїніе стало, такова жестока врућина была, да о томъ ни помыслити нисамъ могао себе съ мѣста кренути тако, да нисамъ выше него четыри сата предъ вече на све дѣло мое употребити могао. Далѣ нисамъ чинїо никакова изятїя, него дасамъ кадкадъ ловъ съ дѣлателни часи промѣнїо, и у ютру пословао, а после полдне на ловъ изишао.

Акосе кому време, коесамъ я къ дѣлу моме опредѣлїо кратко чини, то молимъ само чрезвичайну трудность дѣла мога къ тому причислити, и многе часе, кое мене свака вещь изъ недостатка халата помоћи и изискуеме способности отъ времена мога узела. Провеосамъ я н: п: пуна три или четири дана съ тимъ едну даску за мой дугачки банакъ или рафъ у моему подруму начинити, коихъ бы двоица дунѣери или пилїоцы съ нынимъ къ тому потребнымъ халатомъ б. изъ еднога дрвета до полдне начинити могли.

Али э

Али э то кодъ мене сасвимъ другоячїе было. Ясамъ перво морао врло дебелс дрво за посеченѣ имапи, ербо даска, коюсамъ потребовао, врло э широка быпи морала. Къ сеченю попребоваосамъ три читава дана, и їошпъ доксамъ гране отсѣкао, дабы стабло само за еданъ комадъ дунѣерскога дрвета преправїо. Съ неописано трудпимъ сеченѣмъ и тесанѣмъ отесаосамъ велико перво иверѣ съ обадве стране, докъ э проче доволно лако было, дасе кретапи може, затимъ окренуосамга, и испословао едну страну отъ еднога края до другога чисто и равно како едну даску, окренуосамъ опетъ и тесаосамъ съ друге стране толико дуго, доксамъ напослѣдокъ едну платину 3 цола дебелу съ обадве стране єднако равну испословао. Може дакле сваки самъ разсудитп, коликосу много посла руке мое само кодъ еднога комада оваковога дѣла имале. Али терпѣнїе и дѣло помогло э мени къ тому, и другимъ многимъ вещемъ. Ясамъ то овде особито тога ради забележїо, дабы показао, зашто э съ оваковимъ малимъ дѣломъ толико времена прошло, того ради, наимено: Ербо шпо э съ помощїю другихъ, и съ потребнымъ халапомъ врло мало труда изискивало, то э за мене верло велики посао

было,

было, кои э само и съ помоћи мои руку отъ више много времена изискивао.

Но несматраюћи на то терпѣнїемъ и дѣломъ, како штосамъ казао, предуспѣвало э мени многое и доиста све, штосу мени моя обспоятелства нуждно имати представляла, какоћесе изъ слѣдующега їоштъ више видѣти.

Садъ већь у мѣсяцы Ноемврїю и Декемврїю ожидаваосамъ мою ечмену, и пїрїнчну жатву. Ныва, коюсамъ зато ускопао, ніе была велика; Ербо као што э сказано, да мое сѣяніе ніе изнело више него отъ сваке врсте по полъ мерова; заштосамъ цѣлу жатву изъ узрока штосамъ у невреме посѣяо было, изгубїо. Али садсамсе найболїой жатвы отъ свѣта надао. Но ево бѣде, быосамъ у погибели ню ради различни непрїятеля, отъ коихсамъ я ню едва чувати у состоянїю было, їоштъ еданъ кратъ изгубити, а тосу найвыше козе быле и зверчадъ, коесамъ я зецове називао, и коису, ербо имъ э листвїе врло сладко было, данъ и ноћь тамо лежали, и како э што изъ землѣ изникло и прорастло, абїе тако кратко отгризли, да оно послѣ времена добити ніе могло у стабла произићи.

На

На противъ тога неймадо никаковога другога средства нежели плотъ свудъ у на около повуѣи, коесамъ съ великимъ зноемъ и трудомъ учинїо, и найвыше тога ради, ербо э ствaрь верло хишна быти морала, ако иначе што годъ жита отъ зубовъ мои незвани гости сачуваши хоѣу. А будуѣи да э ныва моя моей ожидаемой жатви сходна, и верло малена была, тосамъ и я быо съ оградомъ нѣномъ у три Недељ сасвимъ готовъ. Притомъ убїосамъ їошт нѣколико ове звѣради даню, а ноѣю свезаосамъ пса мога за еданъ колацъ на полю кодъ врата, гди э онъ цѣлу ноѣь на стражи лаяо. Овакимъ начиномъ довеосамъ я до тога, да мои непрїятели мѣсто или ныву мою у кратко време изоставише, и мое житo почело э яко, и верло добро расти, пакъ затимъ и скоро зрети. Али како годъ штосу четвероножни звѣры, докъ э їошт житo мое у прирастѣню было, у баталивали, тако исто былебыга скоро птице свега изѣле, кадъ э оно веѣь класъ добило было. Ербо кадсамъ я опишао, дага надгледамъ, како стой, видѣосамъ я мою малу жатву съ различними видови птица окружену, коесу све нато очекивале, докъ

бы

би я отовудѣ отишао. Ясамѣ дакле бацїо на ны вапру (ербосамѣ пушку мою имао свагда са собомѣ.) Али само штосамѣ избацїо пушку, дижесе башѣ изѣ самогѣ мога жита и ныве еданѣ цѣлѣ облакѣ птица, кое башѣ отнюдѣ ни видїо нисамѣ.

Ово э мени чувствително и верло увредило, ербо бы оне у мало дана цѣлу надежду мою изѣле быле и я бы послѣ у погибель дошао гладомѣ истаяти, и выше никада никакове жетве имати. Нисамѣ знао дакле, штаћу притомѣ почети; алисамѣ я на томѣ башѣ пвердо стао жито мое никоимѣ начиномѣ изгубити, и ако небы могло другоячїе быти башѣ дань и ноћь чувати. Найпре разгледаосамѣ штету, коюсу већь учиниле птице, и нашо, дасуми оне доста велику часть поквариле, но срећомѣ жито э тадай было їошѣ за ны зелено и штета, коюсу учиниле, башѣ не велика, и я отѣ оставшега, акобысе сачувати могло, їошѣ сасвимѣ добру жатву очекивати, бысамѣ могао.

Я стаяосамѣ малко, да пушку мою набїемѣ, а кадсамѣ пошао, смотрїосамѣ ясно, дасусе ове пустаїе по сви дервети разши-

риле,

риле, пакъ сѣду, као дабы на то чекале, докъ я отидемъ, тако э и было, како э слѣдство показало. Ербо кадсамъ малко пошао, башъ као дабы сасвимъ ићи хотѣо, и оне мене невидѣше, то оне абїе све една за другомъ опетъ на жито падоше. Ясамсе о томъ отвише разгнѣвао, ербосамъ знао, да свако зернце, кое оне садъ изѣду, замене, тако да рекнемъ, еданъ цѣлъ сомунъ хлѣба было, кадсамъ будућая разсмотрїо. Я терпѣнїя доволно неимадо, доксе ове пустаїе све скупу, дочекати, него дошуняосамсе полагано къ плоту, даосамъ вапру и свалїосамъ тры доле, то э было оно штосамъ я желїо. Дигаосамъ ихъ горе и учинїосамъ съ ныма оно што съ явнима пустаїяма у *Англїи* чине, обѣсїосамъ ихъ, то есть другима за устрашителни примѣръ свезане горе. Едвабы человѣкъ вѣровати могао, каково э добродѣйство имао овай примѣръ. Ербо у кратко време не само штосу птице ныву мою, него и сву цѣлу часть овога острова сасвимъ изоставиле, и колико э годъ птично страшило на ныви висѣло, нисамъ могао я више никада ни едне птице у овой страни видѣти.

Ово э было мени, као штосе ласно мыслити може, велика радость; и при концу Декемврїа, кое э друга годишня жетва была, пожнѣосамъ я све жито мое щастно.

Садсамъ имао отъ потребе едну косу или серпъ. Све што овде чинити мого, было э изъ оне широке и кротке саблѣ, коюсамъ у лаѣи нашао, како бы годъ болѣ могао серпъ еданъ начинити. А будуѣи да э жетва моя малена была, то я съ кошьніомъ нѣномъ велике тягости и нисамъ имао. Кратко я пожнѣ ню моимъ собственнимъ начиномъ; ербо я нисамъ друго ништа него класове отсецао, и отнесаосамъ ихъ у едной великой котарицы, коюсамъ начинїо, куѣи, и послѣ моима собствеима рукама све истрео. Кадсамъ готовъ быо, видѣосамъ, да я изъ полъ мерова семена скоро две киле пїрїнча и полъ треѣу ечма (то есть по моему мнѣнїю, ербо мѣре нисамъ имао онда.) имадо.

Ова э была за мене верло велика утѣха, и ясамъ напредъ провидѣо, даѣе Богъ благоволити, и мене временемъ хлѣбомъ богато обдарити. Алисе ево опетъ нова бѣда появила; ербо нисамъ знао како жито учинити и млети, каколи чисто одѣлити,

и

и каколи хлѣбъ умесити, а и кадбы и то знао, то опетъ нисамъ знао, какога испеѣи имамъ. А будуѣи да э желя моя была доста приличанъ имутакъ отъ тога задобити, то укрѣпише мене све тягости, совершено у тому намѣренію нимало у жетву мою недерзнути, него све за сѣяніе за будущу годину оставити, и меѣу тимъ све мое мысли, и све мое часе дѣла на то употребити ово велико дѣло себе съ житомъ и хлѣбомъ снабдѣти, у состояніе довести.

Ясамъ у свойственномъ разуму сказати могао, да я башъ за хлѣбъ мой радимъ. Тосе чини чудно, и малосу люди о томъ помыслили, коликое множество разни мали вещи потребно, дабы себи само еданъ хлѣбъ снискали — то сѣяти, чистити, преправляти, месити и пеѣи. Я, коисамъ у само наравно станѣ поставлѣнъ быо, есамъ то моимъ повседневнимъ искусствомъ бѣдно дознао, и тосе свакога часа выше и выше умножавало, отъ какосамъ ону перву прегрштъ жита добїо, кое э за удивленіе, како штосамъ казао, сасвимъ нечаемо изъ землѣ произрастло.

Перво нисамъ имао плуга, чимбы ныву узорао, и тако исто и лопату, чимбы прекопао,

копао, овай недостатокъ знаосамъ и опетъ дрвеномъ, како штосамъ рекао, попунити, акосамъ баш съ нїоме и дрвени посао чинити могао. Ербо овай лепи халатъ, кои э мене много дана стаяо, не само штосе покварїо скоро, ербо э неокованъ быо, него э мени їошт и дѣло теже учинїо, кое э дакле и злочестїе произыѣи морало.

Ясамсе на то опетъ склонїо, и недадо себе нити трудомъ, нити хрѣавимъ слѣдствомъ отъ тога уплашити. Кадъ э вечь жито посѣяно было, нисамъ имао опетъ къ тому брану, но мораосамъ самъ по ораню ходити, и за собомъ едну чворновиту и тешку грану вуѣи, и тако землю више газїо, него што бы ю подрляо быо.

Када э вечь жито произрастло, казаосамъ, да много ствари потребни нисамъ имао, дабыга оградїо и сачувао, пожео, очиспїо и куѣи донео, овршїо, отъ плеве отлучїо, или извѣяо. Садъ и воденице нисамъ имао, гдибы млео, сита на коебы просѣяо, соли и квасца, дабы хлѣбъ умесїо, и фуруне гдибы испекао. Но ясамсе и безъ свїю ови ствари спомогао, и жито быломи э неоцѣнена утѣха и полза. Крайнѣ трудно и досадно быломи э доиста чрезъ све то. Али ово више премѣнити ніе было, и я чрезъ то

нисамъ

нисамъ ни времена изгубїо много, ербо э време посла мога было веħь еданъ кратъ раздѣлено, и една извѣстна часть дана была э за посао овай опредѣлена, и будуħи да самъ веħь наумїо отъ жита на хлѣбъ ништа неупотребити, докъ отъ нѣга выше што незапатимъ, тосамъ дакле цѣло слѣдующе полъ лѣтїе, коесамъ на дѣла измышлѣна употребити имао, дабы себе съ потребнимъ халатомъ снабдѣо, коибы за све послове жито и хлѣбъ устроявати потребанъ быо, дабыга, акоми отъ потребе буде, абїе готова имати могао.

Преħе свїю други вещи мораосамъ выше землѣ къ тому преправити, ербо сѣмена имаосамъ доволно чимбы выше, него едно ютро ныве посѣяти могао. Преħе нежели штосамъ то почети могао, имаосамъ опетъ выше отъ неделѣ дана посла, доксамъ лопату начинїо, коя и кадъ э готова была, къ тому врло неспособна вещь и тешка была, да мене съ нїомъ радити сугубога труда стаяше.

Далѣ себе ничимъ преварити нисамъ дао, и посѣяосамъ жито мое, у два велика равна комада ныве тако близу куħе мое, какогодъ штосамга имати хотѣо, начинїосамъ тврдъ плотъ у наоколо, къ чемусамъ

колѣ

колѣ отъ онога дрвля, отъ когасамъ знао, даѣе скоро прорастити, и пупове избити, употребїо, и отъ коего я до године живу и цвѣтущу ограду имати могу, коей врло мало што помоћи требуетъ.

Кодъ куће, кадъ э кишно време было, и никудъ изићи нисамъ могао, имаосамъ я такожде посла, и изъ међу посла имаосамъ йоштъ волю мога Папагая учити говорити, и съ нымсе забаляти. Онъ э научїо скоро свое собственно имя. *Поль*, и изговараога э после врло ясно, и то э была перва речь, коюсамъ я, кромѣ собствены успа, какосамъ годъ овде на Острову, отъ другога говорити чуо. Но ово нїе было никакови посао, него само едно облакшанѣ посла. Ясамъ обаче врло важно дѣло у рукахъ имао. Већь одавно мысліосамъ о томъ, каковимбы начиномъ нѣколико земляногъ посуђа у состояніе довести могао, коесамъ я доиста отъ выше потребовао, али нисамъ знао, какоћу на то доћи. Међу тимъ помысліосамъ, какобысамъ само къ тому способне землѣ наћи могао, лонацъ даѣесе кое како скрпити, а земля э или Клїма овде топла доволно, дасе онъ на солнцу изсушити, и яко и доволно отверднути може, да бы нѣга на то све што э суво, и штосе суво хранити

мора,

мора, употребити могао. А будући дасамъ таково штогодъ къ преправленїю жита и брашна, о чемусамъ мыслїо, врло потребно имао, то намыслїосамъ дакле нѣколико лонаца начинити, онолико велике, колико могуће буде, коећу како велике бокале уредити, и у ны после штоми драго метати.

Можетъ быти, даће читатель о мени сожаловатн, или много выше мене изсмѣяти, кадму искажемъ, какосамъ неупутно я съ моимъ лончарствомъ поступїо, каковесамъ гадне и необичне вещи отъ лонаца я на путъ производїо, какосусе они мени їоштъ у руку мои распали, ербо земля небяше доволно чврста свою собствену теготу носити, какоми многи отъ врло жестоке солнечне жеге пукоше за то, штосамъ ихъ фришко на полѣ у воздухъ изнесао, и какоми многи преће и после сушеня сви на комаде одоше, и то само акосамсе ихъ додирнуо, или узети хотѣо, кратко какосамъ я после многаго труда, кога э мене то стояло, землю или блато изнаћи, ископати и угазити, нѣга кући донети и испословати, їоштъ у состоянїю нисамъ быо, после двомѣсячнаго посла, нежели две велике земляне несграпне вещи оттуду произвести, кое

съ

съ зрѣломъ памети никаковимъ посуѣмъ наименовати нисамъ могао.

Кадъ э солнце већь ове сасвимъ изсушило, и тврдо испекло, дигаосамъ ихъ сасвимъ полагано, и метнуо у два велика кошара, коесамъ ямачно за то начинїо, дасе небы разбили, а празноћу у наоколо међу лонцемъ и кошаромъ са сламомъ отъ ечма испунїо, у овима двѣма лонцы, коиѣеду свагда суви морати стаяти, надаосамсе жито мое, или можетъ быти брашно, коеѣесе отъ жита самлети, свагда суво содержавати.

Колико э мало мой посао съ великима лонцы предуспѣвати хотѣо, толико э пошао мени посао много болѣ съ нѣкими малими лончићи, н. п. съ чинїяма малима, округлими лонцы, бокалчићи, таныри и другимъ посуѣемъ, и на штосамъ годъ руку положїо, и жега солнечна, све э то чрезвычайно испекла и утвердила.

Али све ово намѣренїю моему їоштъ нїе соотвѣтствовало, ербо я свакимъ начиномъ еданъ великїй земляни лонацъ имативсамъ хотѣо, коибы штогодъ текуће содержати, и ватру отерпити могао, за кое отъ ови мали ни еданъ способанъ нїе быо. После нѣкоего времене случилосе изненада, да-

самъ

самъ у великой ватри, коюсамъ за готовлѣнѣ ручка наложїо быо, и кадсамъ э запретати хотѣо, еданъ комадъ мога лончарскаго посла нашао, кои э како каменъ тверднъ, и како цигля црвенъ быо. Ово э мене у радостно чудо поставило, и дадулисе комади изжећи, рекаосамъ я у самъ себи, то исто дакле и съ цѣлимъ лонцемъ учинитисе може. Ово э мене навело о томъ мыслити, какобы за то ватру способно наложїо, дабы нѣколико лонаца ожећи могао. О лончарской фуруни, како што они имаду, нисамъ имао ни понятїя каковогъ, и їоштъ манѣ о глазури и олову, башъ акосамъ олова къ тому и имао. Ясамъ нанизао три велика и два мала лонца како еданъ стубъ еданъ на други, уредїосамъ свудъ наоколо дрва, и подъ ны велику хрпу пепела. Подпаливаосамъ споля и отъ озго све прилѣжно, докле годъ видѣо нисамъ, дасу лонцы у нутра сви како ватра червени, и ни едансе нїе распукао. Кадсамъ я већь ны тако сасвимъ скрозъ црвене видѣо, оставїосамъ ихъ дакле 5 и до 6 сапи у овой жеги стоятти, докле годъ нисамъ усмотрїо, да еданъ отъ нихъ непуче, алисе и растопїо и исчезнуо, ербосе песакъ, кои э съ блатомъ смешанъ быо, са жестокости жара растопїо, и быобысе у стаклену ма-

терїю

терїю (и токъ) премѣнїо, кадбыга їоштъ дуже у ватри оставїо быо. Ясамъ малко ватру утолїо, докъ лонцы почеше свою червеность губити, чуваосамъ при томъ цѣлу ноћь, дасе небы ватра нагло угасила, и у ютру имаосамъ три врло добра, нећу башъ казати, найлепша лонца, и друга два тако тврдо испечена, како годъ штосамъ желити могао, и їоштъ еданъ къ тому отъ растоплѣнога песка сасвимъ глазиратъ. После овогъ искушенїя (пробе) нетребуе да кажемъ, имаосамъ различногъ вида земляногъ посућа за мою потребу доволно. Видъ ови лонаца, како што лако мыслити можемо, нїе башъ лепъ, и я ихъ другоячїе начинити нисамъ знао, него како што деца съ нынимъ пескомъ чине, или кадъ жена питу прави, коя отъ теста никадъ ништа правити нїе научила.

Ако э ово башъ една багателна ствар и была, тосамъ я опетъ о томъ, велику и несравнену радость имао, кадсамъ видѣо дасамъ я еданъ земляни лонацъ начинїо, кои ватру одержати може. Едвасамъ дочекати могао, доксе оладише лонцы, дабы едногъ съ водомъ къ ватри преставїо, и себи у нѣму мало меса скувао, кое э доиста и преизрядно успѣло, ясамъ себи съ еднимъ кома-

домъ

домъ козїега меса прекрасну чорбу сготовїо, ако башъ къ тому брашна и друге зелени и нисамъ имао, коюбысамъ имати морао, кадбы чорбу по желанїю своему имати хотѣо.

Садъ э перва брига моя была, какоћу еданъ каменити Аванъ добити, у комебы жито мое тукао; ербо на воденицу безъ друге какове помоћи него само две руке отнюдъ небяше ни мыслити. Овому недостатку помоћи быосамъ у великой бригы, ербо међу свима занати на свѣту, нїе могао ни еданъ быти, о коембысамъ найманѣ штогодъ разумѣвао, као о занату каменаровъ, башъ кадбысамъ и савъ халатъ къ тому имао. Ясамъ многе дне съ тимъ провео, дабысамъ еданъ велики каменъ нашао, коибы доста дебео быо, дабыга унутра ископати и за Аванъ способна учинити могао: но всуе савъ мой трудъ бы. Я нисамъ могао таковога камена ни наћи, нежели кои э у пећини быо, кога я никоимъ начиномъ ископати нити исшуплити знао нисамъ. А такожде пећине на Острову небыше ни доспа тврде за то, него све отъ пескова и мека каменя, кои нитибы тежину пуцня одержати нити жито разбїяти могао, дасе небы съ очорватимъ пескомъ смешало. А кадсамъ већь съ тимъ забадава толико вре-

мена

мена изгубїо каменъ тражећи, тосамъ дакле отъ тога сасвимъ престао, и намыслїо еданъ велики пань тврдога дрвета избрати, кагасамъ и доиста я врло лакше и нашао. Кадсамъ већь еданъ онако дебео нашао, као штосамъ крѣпакъ быо, дага понести могу, обсѣкаосамга съ моїомъ сикиромъ и брадвомъ съ поля округло, и изврпїосамга послѣ са средствомъ ватре, и неизсказанимъ трудомъ тако, као што *Индїани* у *Бразїлїи* ныне чунове издубливати обичествую. Затимъ начинїосамъ такожде еданъ велики тежакъ туцань отъ тога истога дрвета, коесе гвоздено дрво назива, и оставїосамъ ихъ за мою будущу жетву, у чемусамъ намыслїо мое жито млети, или много выше тући, дабы оттудъ брашно за хлѣбъ имати могао.

Ето садсе э опетъ нова тягость нашла, какоћу сито начинити, чимћу брашно просѣяти и отъ мекиня и люске отъ дѣлити; ербо безъ тога нисамъ знао, какобы могуће было чистъ лебацъ добити. То э была една крайнѣ тешка вещь, да едвасамъ на то помыслити смѣо, ербо доиста нисамъ имао скоро сасвимъ отъ онога свега ништа, штобы къ мешны хлѣба необходимо нуждно отъ потребе было, нисамъ имао ни

наћве,

нађве, или друго каково посуђе, у чему бы брашно просеяти могао. Съ тимъ э прошло много мѣсяцы, и я доиста отнюдъ нисамъ знао, шта започети имамъ. Никакова платна имао нисамъ, окромъ кое какви крпетина, истина козїи длака достасамъ имао, али я ни преспи нисамъ знао, ни ткати, а кадбы было и то знао, гдибы къ тому овде потребни халатъ добыо? едно едино средство, коеми э напослѣдокъ на умъ пало было, дасамъ съ халинама Матросовъ, такожде нѣке шлаерне мараме навратъ изъ лађе донео. Изъ нѣколико комада отъ ови марама начинїосамъ три сита, коя доста малена, али доста добра за оно бяху, къ чему я ны потребова. Съ тимсамсе помагао нѣколико година, а штосамъ послѣ учинїо, хоћу на пристойномъ мѣсту описати.

Садъ э дошао редъ на то како башъ сами хлѣбъ пећи, и какоћу, кадъ жито добїемъ, хлѣбъ отъ нѣга правити. Ербо перво нисамъ имао никакове нађве или коритo, алисе я већь о ономъ, штосе добити неможе, выше толико и не труди. Но за фуруну имаосамъ доиста велику бригу. На послѣдокъ учинїосамъ и у той вещи совѣтъ, и поступїосамъ овако. Начинїосамъ нѣколико земляни сосудовъ врло широке али плитке

у

у величини цѣлой до две стопе, и не дублѣ него 9. цоли. Ове ожегаосамъ у ватри као и оне друге, и извадїосамъ ихъ. А кадсамъ хлѣбъ пећи хотѣо, онда наложїосамъ велику ватру на огнышту, коюсамъ четвероуголнимъ великимъ каменѣмъ оградїо, коесамъ я самъ направїо и испекао, кое башъ небы ни валяло да четвероуголне назовемъ.

Кадсе ватра већь доста у вруће пепелъ или у живи жаръ премѣнила, то онда извукаосамъ э на огныще горе, покрїосамъ сасве стране и оставїосамъ тако лежати, догодъ огныще сасвимъ вруће ніе было. Затимъ очистїосамъ савъ пепелъ, и метнуосамъ на ону врућу чистину све мое хлѣбове, загрнуосамъ опай врући пепелъ споля сасвимъ около сосудовъ, дабысе тако теплота содержавала и укрѣпила; и тако испекаосамъ мой хлѣбъ, башъ као у каквой найбольой фуруни отъ света, и їошћъ преко тога постаосамъ я у кратко време башъ и отъ паштета мешая (пекаръ) ербосамъ я правїо себи различне пите отъ пїрїнча, само праве паштете нисамъ могао правити, ербо нисамъ имао ништа у ны метнути, кромѣ птица и козїега меса.

Невалясе ни мало чудити, штосу мени ове вещи, найвећу часть времена треће године

дине мога овде бытїя узеле. Валя притомъ такожде и то помыслити, дасамъ я между овимъ междувремеиїемъ, съ моїомъ новомъ жетвомъ и домостроенїемъ доволно посла имао. Ербосамъ я пожнѣо жито мое у време, донеосамга, како штосамъ болѣ могао, куѣи, и оставїосамга тако у класу у мои велики кошари, доксамъ време улучїо нѣга изтрти, ербо гумна, гдибыга овршїо, и халата къ тому нисамъ имао.

Али садъ, кадсе веѣь имутакъ мога жита доиста сасвимъ умножїо, мораосамъ такожде на разширенѣ мога Амбара мыслити. Нисамъ имао дакле мѣста, гдиѣуга засути, ербосе жито мое тако умножило, дасамъ я нѣга скоро 20 кила ечма, и равно толико пїрїнча имао. Садъ нисамъ размышлявао дуго съ нымъ са свимъ свободно употребленїе чинити, а притомъ и хлѣба мога веѣь э башъ сасвимъ нестало было. Намыслїосамъ дакле назначити, коликоѣу отъ нѣга на цѣлу годину потребовати, и само еданъ кратъ преко године сѣяти.

Алисе показало, да я ови 40 *тъ* кила ечма и толико пїрїнча за едну годину упрошити не могу. Опредѣлїосамъ дакле годишнѣ опасно толико посѣяти, како штосамъ послѣдный кратъ посѣяо у той надежди,

даѣу

даћу съ овимъ имуткомъ хлѣба доволно имати.

Доксамсе я съ овима вещма забаляо, то можемо лако мыслити, дасу мысли мое често на полю быле, штосамъ на другой страни Острова видїо, и често возбудилася тайна желя у мени, дабысамъ већь онде на брегу моря быти желїо, ербосамъ мыслїо, дасамъ праву и тврду землю, и нѣки обитаеми предѣлъ видїо, и да тамо лако средство и путове наћи могу, намыслїосамъ я далѣ поћи, и можетъ быти, напослѣдокъ совершенно освобожденїе добити.

Али нисамъ помыслїо на погибели, коимъ я у оваковомъ станю подложанъ быти могу, и можетъ быти у руке дивяковъ, пакъ йоштъ таковимъ дивякомъ пасти могу, кое узрокъ имамъ за горе держати, нежели све Лафове и Тїгре у Афрїки, да я, ако у власть ныну дођемъ, у погибели есамъ отъ ныхъ убїенъ и башъ изѣденъ быти, ербосамъ я разумѣо, дасу народы на *Кораїдїйскихъ* бреговъ све саме убїице и человѣкоядцы, и кадсамъ высину солнца измѣрїо, штосамъ знао онда, да отъ бреговъ ныныхъ далеко быти не могу, да бацъ, ако они и убїйце небы были, менебы опетъ убити могли, како штосу и съ многими Европейцы учинили,

коису

коису имѣ у руке пали, башѣ ако бы ихѣ и 20, или 30, за едно было, а какобы самномѣ было, коисамѣ само еданѣ, и коибы имѣ мало-или башѣ нимало противостати могао! Све ове вещи рекаосамѣ я, коебы я зрѣло разсудити морао, и коесамѣ послѣ башѣ добро разсмотрїо, нисуми учиниле сѣ почетка ни найманѣга страха, и быосамѣ їошѣ свагда сѣ тимѣ помысломѣ напунѣнѣ на онай брегѣ, коисамѣ у морю видїо, отиѣи.

Садбы желїо младога *Ксурїю* и онай чамацѣ сѣ малимѣ управляемимѣ (парусомѣ) сѣ коимсамѣ путешествїе отѣ тисящу миля около брегахѣ *Афрїканскихѣ* учинїо; али све всуе. Затимѣ помысліосамѣ, яѣу иѣи, да видимѣ нашѣ чамацѣ отѣ лаѣе, кои э, као шпосамѣ казао, у бури, коя э перво наше кораблѣкрушенїе проузроковала, далеко овамо на прудѣ дотеранѣ быо. Овай чамацѣ лежаше їошѣ свагда на первоме мѣсту гдїе стао, и силомѣ вѣтра и таласа сасвимѣ извраѣенѣ быо, и кѣ высокомѣ бердашцу нѣкоего наравногѣ и острога труда наслонѣнѣ быо, и гди никакове воде као и преѣе было нїе.

Кадбы я помоѣи имао быо нѣга оправити и у воду спустити, то бы овай

чамацъ іошть свагда доста добаръ за употребльніе и послугу быо; и ябы на нѣму сасвимъ угодно у *Бразіліїю* натрагъ доћи могао: алисамъ я іошть на предъ добро провидіо, да я нисамъ быо у состоянію нѣга извратити и на леђа ставити, како годъ што нисамъ и овай островъ съ мѣста кренути могао, но несматраюћи на то отишаосамъ опетъ у шуму, отсѣкаосамъ нѣколико ћускія, и валяка дрвени, и донесо ихъ кь чамцу съ тимъ придаткомъ искушати штоћу расправити моћи! Ербосамъ я у самъ себи помыслїо, могули я нѣга опетъ извратити и у воду спустити, ондабы штету, коюэ онъ имао, опетъ лако поправити могао, и ондабы паки на ново преизрядни чамацъ быти могао, у коемубы я сасвимъ по води на море поћи могао.

Я о овомъ суетномъ дѣлу нисамъ дао никаковога труда продужати, и тры и до четиры мѣсяца съ тимъ проведо. А кадсамъ на послѣдокъ немоћность видѣо нѣга съ моими малими крѣпостми дигнути немоћи, почеосамъ песакъ испод нѣга откопавати; и на страну бацати, небылисе онъ строваліо, подметнуосамъ валке, дабыга опуритии, и у паданю управити могао.

Кадъ

Кадъ э већь све то учинѣно было, то опетъ у состоянїю нисамъ было нѣга исправити, отъ оздоле подићи, а їоштъ манѣ съ предъ нѣга къ води отурати, видѣвъ дакле себе принуждена свега оканутисе. И преко свега, акосамъ я башъ и сву надежду о чамцу и бацїо, то растла э желя моя їоштъ свагда выше сталне землѣ докучитисе, него штосе умалявала, и башъ ако и могуће нїе было средство къ тому изнаћи.

Ово э мене напослѣдокъ на оне мысли довело, небыли могуће было; да я еданъ чунъ онако као жители ови земаля безъ халата, башъ да рекнемъ, безъ руку изъ стабла едногъ великога дрвета начинити. И то нисамъ само держао за невозможно него їоштъ за верло лако, и питаосамсе живо съ овимъ помысломъ, какоћу то начинити, и да я зато многовыше способа имамъ, нежели сви Негри, или Индїани, нисамъ промотрїо обаче при томъ особну тяготу, коюсамъ я выше него сви Индїани имао, а наимено да я помоћи неимамъ нѣга на воду спустити, кадъ већь сасвимъ готовъ буде, една тягота, кою э мени теже надвладати было, него штосу сва слѣдства о недостатку халата Индїаномъ

быти могла. Ербо кадсамъ едно дрво, кое э доста велико было, у шуми нашао, и съ великимъ трудомъ посѣкао, и ако я башъ у состоянїю быо нисамъ съ моимъ халатомъ нѣму пристойни видъ едногъ чуна дати, и нѣга изнутра испалити, или ископати, да башъ совершени чунъ изъ тога буде, али штоми э могло то све хаснити, дасамъ я нѣга, кадсе већь све совершило онде оставити морао, гдисамга и нашао, и нѣга у воду спустити нисамъ могао.

Шта мыслити валя, ако я иначе сва моя обстоятелства незаборавимъ, то при овомъ помыслу чунъ перво быти мора, што у памети валя да имамъ, какоћу я нѣга на воду донети, али опетъ мысли мое былесу на то управлѣне, какоћу я у тому чуну на морю путовати, коеми їоштъ ни еданъ кратъ на умъ нїе пало, какоћуга са сува на воду спустити, и доиста много э лакша ствaрь была нѣга 45 мїля преко моря, нежели 45 фапи преко сува отъ оногъ мѣста, гди э онъ лежао, кренути и на пливанѣ угоговити.

Ясамъ съ тимъ чуномъ таковъ лудъ почетакъ учиніо, како годъ человѣкъ, кои сви петъ чувстви имаде, започети може. Ясамъ увеселявао себе съ тимъ намѣренїемъ не раз-

суждаваюћи, хоћулига произвести моћи. Тегопа какоћу чунъ на воду донети, палами э калкадъ на умъ, алисамъ я умирїо мою сумню свагда о томъ съ лудимъ отговоромъ, когасамъ самъ себи чинїо, ели чунъ еданъ кратъ готовъ, то я за то добаръ стоимъ, даћесе и средство наћи нѣга съ места кренути и отнети.

Овосе зове доиста ствaрь врло наопако започета, али наглость мога самоумія одержала э побѣду, и тако започеосамъ я дѣло, посѣкаосамъ и свалїосамъ еданъ Кедръ. И сумнямъ, да и самъ Соломонъ, када э правїо церкву Іерусалїмску, нїе оваковаго прекраснаго Кедра имати могао. Оно э у деблу доле 5 стопа, и 10 цоли у ширину, и высиномъ 22 стопе, 4 стопе и 4 цола горе дебело было, за коимъ э онъ нѣчто тани быо, и у гранесе раздѣлїо.

Ово дрво посећи и свалити стаяше мени неисказанаго труда. 20 дана дуго секаосамъ я деблину кодъ паня доле, а 14 къ тому потребовао гране и далеко разширени верхъ отсећи, коесамъ я све самъ съ моїомъ сикиромъ и сатаромъ съ неисказанимъ трудомъ чинити морао. Садме іоштъ еданъ мѣсяцъ посла стаяло, доксамъ я нѣму видъ дао, или такову округлость, коя э трбу у

едногъ

едногѣ чамца равно изгледала, и тако, да э онѣ на води право стаяти и пловити могао. Іоштѣ еданѣ ферталь године пребавїосамѣ сѣ тимѣ нѣга изнутра исчистити, и тако лепо испословати, да э изѣ тога севершенѣ чамацѣ био. Ясамѣ све то безѣ ватре, и само средствомѣ батиницѣ, маклице, и стругача тешко радећи испословао. На послѣдокѣ ясамѣ нѣга толико далеко довео, да э то еданѣ прекрасный чунѣ (periaqua) био, великѣ доста, 26 люди, а слѣдователно мени э све иманѣ мое понести.

Какосамѣ сѣ тимѣ готовѣ био; имаосамѣ такожде велику сердечну радостъ о томѣ. Чамацѣ био э доиста већи него штосамѣ я икадѣ чунѣ, кои э само изѣ еднога дрвета начинѣнѣ био, у моме животу видїо. Много трудногѣ зноя стаяло э мене ово дѣло, како што лако мыслити можемо, и садѣ выше ништа остало нїе, нежели нѣга на брегѣ довући, и на воду спустити, и кадбы сѣ тимѣ срећанѣ био, то бы я безѣ сумнѣ найлуће и найневозможнїе путешествїе предузео, кое нїе никадѣ учинѣно, нити чувено было.

Али сва моя намѣренїя нѣга на воду донети, коебы мене їоштѣ иеисказаного труда стаяло, быше суетна. Онѣ нїе стаяо

далѣ

далѣ него 100 рифовъ отъ воде, али э перво зло и трудъ кодъ ове вещи было, да э онъ къ брегу узъ брдо ишао. Но я башъ ни о томъ бодрость нисамъ изгубїо. Овому злу, помисліосамъ я, можесе помоћи, акосе земля откопа и еданъ ниспустъ начини. Започеосамъ дакле и то, и имаосамъ неописани трудъ и зной при томъ. Али кому може трудъ досадити, кадсе вещь башъ самога освобожденїя дотиче? Но кадъ э и ово дѣло учинѣно было, и ова тегота надвладана была, и то све мени ништа нїе помогло; ербо я овай чунъ онако исто съ мѣста кренути нисамъ могао, како годъ и онай на прудъ насукани отъ наше лаће. Затимъ измѣрїосамъ отдалѣнїе и намисліосамъ Каналъ или ендекъ ископати, и овимъ Каналомъ воду до чуна довести, ербосамъ видѣо да чунъ никако довде донети немогу. Тосамъ я башъ и дѣйствително предузео. Али кадсамъ я такожде, какосамъ већь започео, предлогъ учинїо, како дубоко и широко копати морамъ, и како ископану землю износити имамъ, тосамъ видѣо, да э то едно дѣло, кое самоћне две руке (ербо я више нисамъ имао) преће 10 или 12 година у состоянїе довести немогу, ербо э брегъ тако высокъ быо, да я на горнѣму краю найманѣ

манѣ 20 стопа дубокобы копати морао. Тосамъ дакле я напослѣдокъ, коликоми э годъ ово све горко пало, ово предвзятїе оставити морао.

Овоме доиста чакъ у души заболѣло то, исповѣдити морамъ, и садъ текаръ видѣосамъ, башъ акое и касно, да э велика лудость дѣло започети преѣе него што трошкове прохесапимо, и пристойно разсмотримо, хоѣедули наше крѣпости досягнути моѣи таково произвести.

Усредъ посла овога окончалосе 4то лѣто мога бытїя на овомъ мѣсту, и торжествоваосамъ воспоминанїе съ онаковимъ благоговѣйнствомъ и удоволствїемъ, и свѣтлїе него и кадъ преѣе; ербо прилѣжнимъ разсмотренїемъ, и добримъ употреблѣнїемъ слова Божїя и помоѣи милости нѣгове, добыосамъ я сасвимъ друго познанство о нѣму, нежели преѣе. Имаосамъ сасвимъ друга понятїя о свима вещма, и разсмотраваосамъ цѣли свѣтъ као нѣко сасвимъ удалѣно существо, съ коимъ я ништа чинити, отъ кога я ништа очекивати, и доиста башъ ништа желити неимамъ. Съ еднимъ словомъ я съ нимъ никакова посла неимамъ, и башъ по свой прилики выше никадъ съ нимъ ништа

ни

ни имати нећу; негомисе онакавъ учинїо, као штосе онъ нами кадъ годъ у вѣчности представля; то есть аки едно мѣсто, у комесамъ кадъ годъ живїо, и изъ когасамъ изишао; и башъ могаосамъ аки отацъ Авраамъ богатому сказати: Међу мномъ и тобомъ великасе пропасть утвердила!

Перво ясамъ отъ све раскошности свѣта овде удалѣнъ. Овде неимамъ никаковогъ плотногъ пожеланія, никаковогъ очевногъ раздраженія нити гордога живота. Овде неимамъ ништа, што бы мене раздражити могло, ербосамъ я имао свега, штосамъ уживати способанъ быо. Ясамъ быо Господинъ надъ цѣлимъ добромъ, и могаосамъ себе, акосамъ само хотѣо, Кралѣмъ или Царемъ цѣлога предѣла назвати, когасамъ у руку имао. Овде ніе было никаковога соучастника, никога, ткобы мою неограничну власть воспятствовати могао. Имаосамъ толико жита, дабысамъ съ нымъ читаве лађе натоварити могао, но я нѣга толико нисамъ требовао, и послѣ нисамга ни сѣяо выше, него оноликo, колико э нужда моя изискивала. Имаосамъ дунђерскогъ дрвета доволно, да бы слободно читаве Галїе (*Флоттy*:) начинити могао, и толико много Грожђа, да

бы

бы изъ нѣга толико вїна отточити и суварка начинити, чимбы ову цѣлу *Флотту* наповарити могао.

Али я далѣ нинашто нисамъ нипазїо, него на оно штосамъ употребити могао. Имаосамъ доволно ясти, и друго што э нужда моя изискавала, штосамъ имао я дакле о свему другому питати; Есамли убїо више дивячи него штосамъ изести могао, то э морао пасъ али друга живинчадъ изѣсти; Есамли посѣяо више жита, него штосамъ требовао, то э морало све пропасти. Древета, коясамъ свалїо, морадоше на земли лежаща иструнути, я ихъ далѣ нинашто употребити немого нежели на ватру, а и ватру редкосамъ къ чему требовао, кромѣ кадсамъ штогодъ сготовити хотео.

Съ еднимъ словомъ естество и искуство послѣ зрѣлога разсужденїя научило э мене, да све што э годъ на свѣту добро, за насъ нїе, дуже добро, него колико употреблѣнїе отъ нѣга учинити можемо, и да кадъ мы толико много за друге приправимо, мы отъ свега тога толико уживати можемо, колико требуемо, а не више. Найжеднїи и найнеситїи лакомацъ мораобы отъ свога порока исцѣленъ быти,

кадъ

кадѣ бы онѣ могао на мѣсто мене быти, ербосамѣ я имао много више, него штосамѣ знао, штоћу сѣ тимѣ започети. Желѣ и жажде неимадоше мѣста кодѣ мене, окромѣ за вещма, коихѣ нисамѣ имао, а и то више све саме багателе, башѣ ако бы мы и верло потребне быти могле. Имаосамѣ, као штосамѣ горе казао, новаца у злату, и у сребру до 36: фунти Штерлїиговѣ у цѣни: али ту лежаше та мерска ни кѣ чему потребна вещь! я ни найманѣ сѣ тимѣ ништа започети знао нисамѣ, и помисліосамѣ често самѣ у себи: Како бы я сѣ драге волѣ само за едну лулу или едну малу ручну воденицу, у коїой бы мое жито млети могао, пуну шаку овога презрѣнога метала дао! Ябысамѣ быо савѣ овай цѣли гадѣ за 6. прегрштн беле или жуте репе сѣмена изѣ Англїе, или само за едну шаку боба, или грашка, или едну флашу мастила дао! И оно э какогодѣ, што э и было стаяло, я отѣ тога никакове ползе имао нисамѣ, него онису лежали у едномѣ сандуку, гдису отѣ паре и мокроће подрума у кишно време сви поплеснивили. И кадѣ бы пуне сандуке самога дїаманта имао, тако бы исто и сѣ нымѣ быти морало, за ме-

не

не доиста небысу ни найманѣ цѣне или чести имали, ербо ихъ я ни къ чему потребовати нисамъ знао.

Садсамъ већь до тога довео, да э мени мой животъ много сносніи нежели прѣже быо, и много спокойніи како за душу, тако и за тѣло мое. Често сѣдаосамъ за трапезу мою съ благодареніемъ, и чудіосамсе о десницы провидѣнія Божія, коя э мени оваковимъ ничиномъ трапезу у пустыни уготовала. Ясамъ научіо станѣ мое свагда выше отъ нѣгове свѣтле и мрачне стране мотрити, и выше разсуждавати шта имамъ, и шта неимамъ, кое є и многократно таково э услажденіе проузроковало, кога у состоянію нисамъ исказати, и кое тога ради овде опоминѣмъ, да бы онимъ свагда неудоволнимъ людма опомену учиніо кои никадъ удоволно уживати немогу што имъ Богъ дае; ербо они свагда штогодъ тражу, закгтеваю што онъ нима дао ніе. Чинимисе, да сва ова неудоволствія о ономъ, што намъ недостае, изъ самога недостатка благодарити за оно, што имамо, происходи.

Іоштъ нѣко друго разсмотреніе быломи э отъ верло велике ползе, кое бы доиста и за свакога другога было, кои

бы

бы у овакову нужду пао, као я, и то э было мое садашнѣ станѣ съ тимъ сравнити, као штосамъ и мыслїо, даѣе то и быти, и како э оно доиста сасвимъ быти морало, кадъ э благо провидѣнїе Божїе чудеснимъ начиномъ тако уредило, да э лаѣа морала близу брега бачена быти; и то не само дасамъ я къ нїойзи доѣи могао, него їошпъ и све, што э годъ за помоѣь и угожденїе мое было, добїо и на суво изнести могао. Ербо безъ тога небысамъ никаковога халата къ дѣлу, оружїя къ защищенїю, и праха и олова за храну себи снискати, имати могао.

Ясамъ съ тимъ многе часе, и башъ да кажемъ, цѣле дневе провео и коесамъ я себи съ живописномъ боїомъ представляо; што бысамъ чинити имао, кадъ изъ лаѣе ништа изнесао небы; него само нѣчто рибе и корняча имапибы могао; и да бы я, ербо э дуго времена прэшло, доклесамъ и то нашао, скапати морао; да бы я, ако башъ не бы нипогинуо, сасвимъ као дивякъ живити морао; да кадбы я кадгодъ у замку козу, или птицу у мою власть добїо, ништа имао нисамъ, чимбы заклао, расправїо, црева извадїо и разсеѣи могао,

него

него башъ онако као и другїи диви звѣръ зуби глодати, и нокти тергати морао.

Ове мысли учинилесуми благостъ провидѣнїя Божїя зѣло чувствителну, и испунилесу мене съ благодарности о моемъ садашнѣмъ стаю несматраюћи на све теготе, и неспокойства нѣгова, и зато ништа немогу, да то онимъ препоручуемъ, кои абїе кодъ найманѣга нападенїя готови есу извикати: Имали гдигодъ овакове несреће, као што э моя? кадбы овакови само помыслили, у каковомъ їоштъ горемъ стаю многи люди стою; и у каковомъ горемъ стаю моглибысусе башъ и они сами наћи, кадбы провидѣнїе произволѣло ны у таково поставити.

Іоштъ э нѣко друго разсмотренїе придало доволно къ тому сердце мое съ надеждомъ утѣшити, то есть! сравненїе мога садашнѣга станя съ онымъ, когасамъ заслужїо, и слѣдователно отъ деснице провидѣнїя очекивати узрокъ имао есамъ. Ясамъ гнусни животъ безъ сваке вѣре, и страха Божїя проводїо. Истина дасамъ отъ родителя мои сасвимъ добро наставлѣнїе уживао, и они труда нынога нимало шпедили нису їоштъ у раной младости моей, сердцу моему смирено высокопочитанїе

къ

кѣ Богу, и чувство мое должности, и свега оногѣ, што э самое естество и опредѣленїе мога бытїя отѣ мене изискавало, на поити: Али ахѣ! Ясамѣ верло рано у руке морскога живота дошао, гдисе Бога найманѣ бою, ако ныма башѣ страхѣ Божи свагда и предѣ очима стои; Кадсамѣ я вечѣ тако рано у морски животѣ и лаћаровѣ содружество пао, говоримѣ, то э было и оно мало чувства о закону, коесамѣ їошѣ кодѣ мене имао, скоро отѣ моихѣ содружниковѣ изсмѣяно, и сѣ запуштенимѣ презрѣнїемѣ погибели, коесусе кодѣ мене вечѣ уобычаиле, и долгимѣ удаленїемѣ отѣ содружества, кое э болѣ, него я самѣ было, или гдибы я што годѣ добро чути м-гао, са свимѣ удавлѣно тако празанѣ отѣ свега, што э добро было, или отѣ найманѣга чувства, шпосамѣ я предѣ тимѣ быо, или бы быти морао, кодѣ найвећи искушенїяхѣ Божїе помоћи, као н: п: шпосамѣ я благощастно изѣ Салее изѣ робства побѣгао, какосамѣ отѣ Португискогѣ морепловца добро прїимлѣнѣ было, какосу мое ныве и садови у Бразїлїи срећанѣ и добарѣ успѣхѣ имале, кадсамѣ товарѣ сѣ хеспапомѣ изѣ Англїе добїо и: т: д: ниеамѣ рекао башѣ ни ову

рѣчь:

рѣчь: Боже помози! нисуми ни на умъ пале, а камоли у уста дошле: и у найкрайнѣй нужди нисамъ ни помыслїо Бога молити, или само рећи: Боже смилуйсе на мене. Ни име Божїе нїе мени дошло никадъ у уста, кромѣ кадсамъ што годъ псовати или клети требовао.

Разсмотренїе оваковога суроваго и у порнаго живота возбудило э, како штосамъ казао, нѣколико мѣсяцы дуго ужасна неспокойства у сердцу моему, и кадсамъ я около себе погледао, и помыслїо, каково э сасвимъ особно провидѣнїе мене башъ їоштъ отъ мога дошествїя на ово мѣсто управляло, и какосе Богъ милостиво спрећу мене показао, и не само што э манѣ мене наказао, него штосу грѣси мои заслужили, него їоштъ и преко тога богато сасвимъ обдарїо; ово ми э доиста дало верло велику надежду, да э Богъ покаянїе мое примїо, слѣдователно такожде милость свою и у напредакъ отъ мене узети неће.

Съ оваковими размышлѣнїями укрѣпїосамъ я духъ мой не само у совершеномъ одинству воли Божїей у садашнѣму положенїю моега стања, него їоштъ и у искренной благодарности за мое садашнѣ

станѣ.

станѣ. И да я їошть кои данъ живимъ ништа тужитисе неимамъ, и грѣхови мои їошть нису онако наказани, као што-су заслужили, при свему я толико добра уживамъ, кога на оваковомъ мѣсту никадъ выше очекивати небы могао, дасе о стáню моему нимало непечалимъ, него много выше радуемъ, и Богу повседневно благодарити морамъ за насущни хлѣбъ мой, кога нисамъ другаячїе него слѣдствомъ особнога чуда добыти могао. Ябы помыслити морао, дасамъ башъ онаковимъ великимъ чудомъ храну мою овде, као Илїа нѣкогда што э свою чрезъ вранове добыо, и да бы я єдва на каковой пустой части свѣта мѣсто помыслити могао, на коемубы я къ вечной ползи моей икадъ баченъ быти могао; мѣсто говоримъ, на коему я къ моему великому сожалѣнїю отнюдъ никакова содружества человѣческа, али опетъ и никакови яростни звѣрова курякова, и тїгри, коибы животу моме претили, нашао нисамъ, никакови отровни змїя или садовъ, отъ коихъ бысамъ я на мою погибель штогодъ ясти могао, и никакови дивяка, коибысуме убили и изѣли.

Кратко животъ мой быо э съ едне стране полнъ печали, али опетъ съ друге полнъ милости, и ништа доспало ніе мене сасвимъ удоволна учинити, него дабы я чувство мое о милости Божіей и попеченію спрећу себе, коя э самномъ у овому стању управляла, за мое свагдашнѣ утѣшеніе учиніо; и послѣ кадсамъ я себе у томе свагда выше и выше упражнявао, то я дакле напослѣдокъ нимало выше печаланъ быо нисамъ.

Садсамъ већь овде толико дуго быо, дасусе све вещи, коесамъ изъ Лаће за мою потребу донео быо, већсу или потрошене, или покварене быле.

Мое мастило, како штосамъ казао, было э већь одавно, до нѣчто малко потрошено, коесамъ послѣ съ водомъ толико дуго мешао, докле оно напослѣдокъ ніе тако блѣдо было, дасе већь на папіру выше видѣти неможе. Докле э годъ оно траяло, послужаваосамсе съ ныме сваки данъ месеца записати, у коме э мене штогодъ примѣчанія достойно предсрело, и іоштсе опоминѣмъ, какосу особни дневи совокупно снишли, у коимасамъ и многа и разна послања Божія искусіо тако, да я, кадбысамъ доста суевѣранъ быо, нѣке извѣстне дневе за срећне

или

или несрећне држати узрока доволно имати бы могао, ово чудесно разсмотравати.

Перво назначїосамъ дасамъ онай исти данъ, у комесамъ отъ родителя и пріятеля мои побѣгао у *Улъ*, и оптуду на море опишао, отъ Салейскаго пустаїе уфаћенъ и робомъ учинѣнъ быо.

У онай исти данъ кадсамъ у пристануцу отъ *Іармота* изъ разлупане лађе умакао, избѣгаосамъ такожде на чамцу изъ робства изъ *Салее*.

У онай исти данъ кадсамсе родїо, то есть 20го Септемврїа, быо э такожде 26. година животъ мой тако чудеснимъ начиномъ сохранѣнъ, кадсамъ на брегъ овогъ Острова баченъ быо тако, да мой раскошни и после самоћни животъ у еданъ данъ започеосе.

Шта э после мастила моґа неспало, хлѣбъ, то есть: симипе, коесамъ изъ лађе изнео. Съ овимсамъ крайнѣ шкомрачїо, ербосе я нисамъ усудїо никадъ выше на данъ него по едну симиту упрошити, и то тако траяше цѣлу годину, пакъ и преко тога скоро едно читаво лѣто быосамъ безъ хлѣба, пређе него штосамъ жита добїо, и велику причину имамъ Богу благодарити, штосамга добїо, ербосамъ я, како штосамъ већь

казао, нѣкимъ чудодѣйствомъ къ тому дошао.

Мое халине почелесу такожде спадати. Кошуля већь одавно нисамъ имао выше, кромѣ нѣкои шарени, коесамъ у матроски сандуцы нашао, и коесамъ врло опасно чувао, ербо много крати отъ вруѣине другу никакову халину на тѣлу трпити нисамъ могао, него саму кошулю; и то э за мене башъ добро было, дасамъ я меѣу матроски халина на лаѣи до три туцета кошуля нашао. Ту бяху іоштъ нѣкои дебели матроски кабати, кои обаче носити врло тешки и вруѣи бяху. Истина да э вруѣина вообще тако жестока была, да овде и халина никакови отъ потребе ніе было, али я нагъ никоимъ начиномъ ходити нисамъ хотео, башъ акобысамъ къ тому и склонѣнъ быо, како штонисамъ быо, но преко свега я ни помысла о томъ терпѣти нисамъ могао, башъ акосамъ я овде самоѣанъ, како пустиникъ и быо.

Перва отъ причинъ, зашто я сасвимъ нагъ нисамъ ходити могао, была э, да я жегу солнечну не онако сасвимъ нагъ, како съ каковомъ халиномъ покривенъ сносити-самъ могао. Ербо э излишна вруѣина мени често сву кожу на тѣлу ушклопчила, а кадсамъ кошулю имао на себи, то воздухъ сами

учи-

учинїо э движенїе, и быломи э међу тимъ, докъ э онъ подъ кошуљомъ проходїо, їоштъ еданъ кратъ толико хладно, него што э безъ кошулѣ было, тако исто немогосе я склонити подъ солнечномъ жегомъ безъ шешира или капе исходити, ербоми э врућина несносну главоболю проузроковала, коя э обаче абїе престала, какосамъ я шеширъ на главу метнуо.

Изъ ови узрока быосамъ на то склонѣнъ оно мало крпа и хандри, коесамъ їоштъ имао, и коесамъ халинама называо, у порядокъ привести. Перслуцы съ рукави, коссамъ имао, бяху веће сви вети и изношени, искушаосамъ еданъ кратъ нећули моћи изъ они велики мапроски кабапа кою кабаницу скрпити. Предузеосамъ дакле ово кроенїе, или много выше крпню, и изъ тога нѣки жалостни посао изыће. Но ясамъ съ двѣма, трима кабаницама овогъ крпежа учинїо пробу, коиђедуми, како штосамъ мыслїо и надаосе, доста дуго траяти моћи, штосе чакшира допицало, съ тимъ э їоштъ гори крпежъ нежели послѣ быо.

Ясамъ већь казао, дасамъ све коже четвероноги звѣрова, коесамъ годъ убїо, остављяо. Ясамъ све такове на шачке разапиняо и на солнце вешао, чрезъ коесу нѣке шако

суве

суве и тврде быле, да ихъ я ни нашто употребити нисамъ знао; а друге былесу врло добре на што годъ употребити. Перво штосамъ я отъ тогъ начинїо, была э една капа на главу, длака на полѣ извраћена дабы киша съ нѣ спадати могла. Овоми э тако добро на руку пошло, дасамъ я послѣ башъ отъ сами ови кожа читаве халине начинїо; то есть перслукъ и чакшире, коесу кодъ колѣна отворене быле и обадвое алватно, ербо э то мене выше разлаћивати нежели топлити морало. Истину сказати морамъ, да э то све врло бѣдни и чемерни крпежъ быо; ербо какосамъ годъ я хрћавъ дунћеринъ, такосамъ исто їошћъ и гори кроячъ быо. Каковъ э крпежъ то быо да быо, онъ э мени опетъ врло добру службу чинїо, кадсамъ на полю быо и киша э изненада падала, остаосамъ я свагда, ербо э длака отъ перслука и капе на полѣ извраћена была, сасвимъ сувъ.

Послѣ овога употребїосамъ нѣкое време труда на то, дабы себи щитъ или солнечну обрану начинїо. Ербоми э то доиста отъ врло велике потребе было, и имаосамъ већь одавно велику волю себи такову начинити. Яеамъ такови у *Бразїлїи* доста видїо, гдису оне ради солнечне жеге

врло

врло потребне; и я овде чувствоваосамъ онакову велику жегу, и башъ іоштъ веħу, ербосамъ я ближе солнца лїнїе быо. И дасамъ я и кромѣ тога выше на полю, нежели у куħи быти морао, то э дакле мени врло полезна вещь была, како отъ кише тако и солнца. То э мене врло много труда стаяло, и съ тимсамсе доста дуго бавїо, доксамъ штогодъ башъ као полакъ крпежа добїо, кадсамъ мыслїо, дасамъ веħь погодїо, покварїосамъ две три, докле э една произишла, съ коимсамъ доволянъ быо. Напослѣдокъ произишлами э една доста добра. Найвеħа тегота была э щитъ начинити, дасе спущати може. Распрострети нѣга то э лако было начинити, али кадга спустити и савити нисамъ могао, тога дакле небы никадъ другоячїе могао него свагда надъ главомъ носити, а то быти нїе могло.

Но преко свега, као штосамъ казао, напослѣдокъ довеосамъ едну опетъ у состоянїе. Ясамъ растегао на ню кожу съ длакомъ на полѣ извраħеномъ, тако да э она кишу као стрея и равно жегу солнца врло добро задержавала; и дасамъ я съ нїоме много лакше и угоднїе у топлому времену, нежели предъ тимъ у хладному исходїо,

а кадъ ю требовао нисамъ, спустїосамъ ю и савїо, и подъ рукомъ носити могао.

Тако живїосамъ я сасвимъ удоволянъ; кадсе э душа моя оданїемъ воли Божїей совершено премирила, и я себе провидѣнїю аки истинной водителницы сасвимъ у руке предао. Ово э учинило, дасамъ я овако много болѣ живїо, нежели у содружеству други люди. Кадъ э мене кадкадъ желя за содружествомъ человѣческимъ напала, то вопрошаваосамъ я самъ себе: небыли ова забава съ моима мыслима, и како штосамъ явно казати могао, съ творцемъ моимъ самимъ, съ воздиханїемъ и молитвомъ болѣ чинити было, нежели полно уживанѣ человѣческаго содружества у свѣту?

Послѣ овога сказати могу, да мене за цѣли 5 тъ година ништа чрезвичайно предсрело ніе. Живїосамъ свагда онимъ начиномъ, и на оному истому мѣсту како и прѣже. Кромѣ мога годишнѣга дѣла пїрінчъ и ечамъ сѣяти, и грожѣе сушити (отъ коихсамъ свагда толико оставїо, коликосамъ за едну годину требовао) окромъ овога мога годишнѣга дѣла говоримъ, и мога повседневнога съ пушкомъ исхода, быо э мой главни посао себи чунъ начинити, когасамъ найпослѣ такожде и у состоянїе довео.

довео. И копанѣмъ Канала 6*тъ* стопа широко и 4*ри* дубоко дошаосамъ такожде до полъ *Англійске* мїлѣ далеко, до малога ухода доле, штосе первога дотицало, кои э тако отвыше великъ быо, ербо я найпре, као штобы учинити валяло, нисамъ промотрїо какоћуга до воде донети, то мораосамга дакле, кадга већь нити къ води до вући, нити воду къ нѣму довести мого, онде оставити, гди э онъ и стаяо, аки бележку, дабы други кратъ паметнїи быо. Као што э послѣ и было. Я нисамъ могао доиста выше никаково способно дрво къ тому добити, и такожде ради отдалѣнїя воду, као штосамъ казао, къ нѣму ближе довести, нежели полакъ *Англїйске* мїлѣ: а кадсамъ найпослѣ видѣо, дасе та стварь учинити може, то дакле нисамъ оставїо дѣло, акосамъ башъ и 2*ва* читава лѣта око тогъ бавећисе провео, то и труда никаковога жалїо нисамъ, ербоми э свагда надежда предъ очима трептала чунъ добити, у коемусе на море упустити могу.

Садъ э быо дакле мой мали чунъ, готовъ, али величина нѣгова нїесе могла башъ отнюдъ съ намѣренїемъ моимъ сравнити, коесамъ при правлѣню первога имао, то есть съ нимъ онамо къ твердой земли усу-

дитисе

дитисе поћи, до коесамъ до *тъ* міля путовати имао. Али да э чунъ мой къ оваковому намѣренію врло маленъ быо, тосамъ дакле престао отъ тога сасвимъ, и далѣ о томъ ништа немыслїо. Но преко свега, кадсамъ я еданъ кратъ чунъ имао, то э дакле мое найближе намѣреніе было, свудъ унаоколо Аде у нѣму возатисе; ербо кадсамъ я већь еданъ кратъ съ друге стране Острова преко цѣлога предѣла путъ по преко учинїо, то пробудиласе откровенія, коясамъ на овому путешествію учинїо, врло велику желю у мени такожде и друге части Острова видѣти; а къ тому далѣ ништа требовао нисамъ него еданъ чунъ, когасамъ већь имао, да цѣлу пустиню обићемъ.

Ко овому концу, и дабысамъ све врло мудро, и благоразсудно чинити могао, начинїосамъ на моему маломе чуну едну малу Катарку, и на ню платно (парусъ ядро) отъ нѣколико лаћарскога беза, когасамъ їоштъ доволно имао.

Послѣ какосамъ Катарку и платна начинїо и уредїо и съ чуномъ пробу учинїо, видѣосамъ, дасе врло добро пловити може. Затимъ начинїосамъ у моме чуну съ обадве стране клупе и сандучиће, дабы у

ныма

ныма храну, барутъ, и друге нуждне вещи како отъ кише тако и отъ прскања морскога суве сохранїо; а изъ нутра у чуну ископаосамъ еданъ узакъ али подугачакъ Олукъ, гдисамъ пушку мою метнути могао, такожде начинїосамъ и заклопацъ отозго, дабы ню свагда суву сохранити могао.

На стражнѣй части чуна усадїосамъ мою солнечну обрану равну каковомъ маломъ парусу башъ надъ главомъ моїомъ, дабы она аки солнца кровъ жегу солнечну отъ мене удержавати могла: и такосамъ свагда отъ времена до времена едно мало путешествїе по морю учинїо. Алисе никада нисамъ далеко на море упустїо, нити далеко отъ байра брега. Напослѣдокъ нисамъ могао я жели цѣли кругъ мога малога Кралѣвства видѣти дуже противо стати, и заключїосамъ дакле велико путешествїе свудъ унаоколо учинити. На тай конацъ уредїосамъ я Лађу мою обилно съ двѣма тестети сомунова отъ мога ечменога хлѣба (да рекнемъ пита ербосу тако танки были) еданъ земляни лонацъ пунъ пилава, ело отъ когасамъ я доста доволно и много грувао, полакъ козе, барутъ, и олово, таковихъ выше убити, и два она велика кабаша, коесамъ у Матроски сандуцы нашао.

Отъ

Отъ овихъ узеосамъ еданъ на нѣму лежати, а съ другимъ ноћусе покривати.

То э быо б Ноемврїа у шестомъ лѣту мога царствованїя — или робства, може читатель узети какому драго, кадсамъ ово путешествїе предузео, и оно э траяло много выше него штосамъ я мыслїо. Ербо ако башъ Островъ у самъ себи верло великъ и ніе быо, штосамъ я опетъ, кадсамъ отъ восточне стране дошао, велики отегъ камените Седре, коя э до две мілѣ далеко у море лежала нашао, нѣкое надъ водомъ нѣкое у води, и іоштъ къ тому еданъ прудъ, кои э едно полъ мілѣ сувъ быо тако, дасамъ я далеко у море завестисе морао, дабы верхъ ове протеге обићи могао.

Кадсамъ ю первый кратъ усмотрїо, быосамъ већь у намѣренїю мой путъ прекратити, и опетъ натрагъ вратитисе, што знати нисамъ могао, коликоће далеко то обилазенѣ мене принудити у море заћи, а преко свега што нисамъ знао, какоћусе натрагъ вратити. Спустїосамъ дакле мачку, ербосамъ имао штогодъ таково, штосамъ отъ разбїени лаћарски чакли скрпїо, коесамъ на лаћи нашао.

Кадсамъ већь чунъ добро утврдїо, узесамъ мою пушку, и изишаосамъ на брегъ,

гдисам-

гдисамсе на едно брдашце попео, отъ кудсамъ верхъ тай видѣти моћи мыслїо, когасамъ отъ овудъ и видѣо, коликое великъ онъ быо, и заключїосамъ усудиписе далѣ поћи.

Гледаюћи я съ овогъ брдашца на море, усмотрїосамъ едну живу, и доиста отъ више брзу рѣку, коя э къ востоку са свимъ близу онога верха текла. Ясамъ їошт на то већи позорь имао, ербосамъ видѣо, дабы я чрезъ то врло лако погибели подложанъ быти могао; ербо ако я дођемъ у ову рѣку, то могу я лако силномъ хитрости нѣномъ далеко у море баченъ быти, и после више у состоянїю не быти Островъ досягнути моћи. И доиста дасе нисамъ преће на оно брдашце попео быо, тобы башъ тако быти морало, ербо ова иста рѣка была э такожде и съ друге стране Острова, само нѣчто мало далѣ отъ брега. Видѣосамъ такожде, да э една велика супротъ текуща рѣка подъ брегомъ была, тако дасамсе я само у перву рѣку увести смео, другоячїебы абїе у противо текущу рѣку доћи могао.

Овде остаосамъ три дана стоећи, ербо вѣтарь (восточно южнѣ-восточно) дыхаше доста остро, и управїосе, да э онъ реченой рѣки управо на противъ быо, и да э море врло страшно и жестоко о врхъ разбїялосе

бїялосе. Изъ ове причине небы дакле совѣтно за мене было, близу брега држатисе, и ради рѣке нисамсе смѣо оттудь далеко удалити.

Трећїи данъ у ютру кадсе већь вѣтръ преко ноћь утолїо быо, море опетъ тихо, и ясе усуди далѣ поћи. Али доиста могу я овде свимъ жестокимъ и неразсуднимъ золямъ за увѣщанїе служити, ербо едва штосамъ я до онога верха дошао, и едва за едну дужину чуна отъ брега, кадсамъ я себе на еданъ кратъ у великой дублини воде, у едной рѣки видѣо, башъ како даска отъ точка воденичногъ. Ова э тргнула мой чунъ съ таковомъ хитрости, да све штосамъ я чинити могао, нїе было у состоянїю нѣга кодъ края рѣке удержати, него э она мене све далѣ и далѣ изъ напротивъ текуще рѣке, коями э съ леве руке лежала, отерала. Никакови вѣтръ не кренусе, коибыми помоћи могао, и све штосамъ я весломъ чинити могао, было э све суетни трудъ. Садъ већь држаосамъ себе за изгублѣна, ербо да э рѣка съ обадве стране Острова была, то знаосамъ я, да она после отдалѣнїя нѣколико мїля опетъ за едно или скупа доћи мора, и равно никакове могућности видѣо нисамъ какосе отъ тога уклонити имамъ. Видѣо

нисамъ

нисамъ дакле предъ собомъ ништа друго нежели башъ извѣстну пропасть, не ради моря, ербо э оно доста тихо было, но глада ради.

Истина дасамъ едну корнячу тако велику на брегу нашао, као штосамъ ю дигнути могао, и нюсамъ у чунъ донео; имаосамъ такожде велики бокалъ (еданъ отъ мои земляни лонаца:) пунъ фришке воде; али штоми э све то помоћи могло, ако я на неизмерими *Океанъ* отеранъ будемъ, гдисамъ я башъ извѣстанъ быо найманѣ 1000 міля отъ брега далеко быти, гди нити острова нити какове постояне землѣ наћи будемъ.

И садъ башъ ямачно видѣосамъ, како э лако провидѣнію Божію было изъ бѣдногъ станя каковога человѣка іоштъ неволніе учинити. Садъ погледаосамъ за моіомъ пустиніомъ, изоставлѣнимъ островомъ као за найкрасніимъ мѣстомъ у свѣту натрагъ, и све мое благополучіе, кое э икадъ сердце мое желити могло, было э то, опетъ онде быти моћи. Съ тепломъ желіомъ простреосамъ руке мое за нимъ: о благощастна пустыньо, повыкаосамъ изъ гласа, хоћулите кадгодъ выше видѣти? о я неволно созданіе кудаћу доспѣти! — Садъ

бацію

бацїосамъ самъ себи неблагодарна своя самоумія на очи, и дасамъ тако често-кратно на самоѣно станѣ роптао; и што бысамъ зато дао, кадбсыамъ опетъ на оному брегу быти могао? то мы дакле никада истина качества нашега стања невидимо, докле годъ оно насъ о противочастїю неувѣри и никадъ оно, што уживамо, пристойно цѣнити незнамо, доклега годъ неизгубимо. Смущеніе, у коемусамъ было, едвасе представити може, кадсамъ я себе отъ возлюблѣне пустынѣ мое, ербомысе тако чинило (скоро вѣкъ 2 мїлѣ у пространо море, безъ найманѣ надежде ню икадъ выше достигнути прогутана видѣо, ясамсе међу тимъ трудїо, коликосамъ годъ могао, и докле годъ крѣпости мое сасвимъ почерпане небыше, и держаосамъ чунъ мой врло сѣверу, то есть спроћу стране рѣке гди э она напротивъ текуща рѣка долазила, колико э годъ могуће было.

Напослѣдокъ около полдне, кадъ э солнце лїнїю прешло, учинимисе, да я нѣки мали вѣтрићъ морски на лицу осетти, кои э изъ юже юже-востока дошао. Овоме э опетъ малко охрабрило особитто, кадъ послѣ едно полъ саша сасвимъ угодни, и мирни вѣтрићъ дыхати почео башъ у ово

време,

време быосамъ я вѣкъ у страшно отдаленїе отъ Острова дотеранъ, и кадбы наймани облакъ или тавно време мѣку тимъ дошло было, тобы я доиста сугубо изгублѣнъ быо, ербо я ни еднога Компаса собомъ узео нисамъ, и небысамъ, кадбысамъ вѣкъ еданъ кратъ Островъ изъ очїю избїо быо, никадъ знати могао, какоѣусе къ нѣму опетъ управити моѣи. Али кадъ време чисто изостаде, то исправїосамъ я опетъ Катарку мою, и растегнуо парусъ полно на таковой, и держаосамъ всегда, колико э годъ могуѣе было, сѣверо-истрано, дабысамъ изъ рѣке изиѣи могао.

Башъ кадсамъ я Катарку и платна моя уредїо, усмотрїосамъ бистроѣомъ воде, да гдигодъ скоро каково премѣненїе рѣке близу быти мора; ербо гди э рѣка нагло текла, была э вода мутна. Али кадсамъ видѣо, да э вода бистрїя была, тосамъ знао, да рѣка опада; и смотрїосамъ да море едно полъ мїлѣ далеко къ востоку о нѣке Седре бїе. Ове камените Клїсе, као штосамъ я нашао, учинилесу, дасе рѣка опетъ на ныма раздѣлявала, и будуѣи да э главна матица оттудъ выше южнѣ ишла, и Клїсу сѣверо-восточно стоящу оставляла, то э друга противности ради пеѣине натрагъ

 узбїяла,

узбїяла, и учинила врло велику спрѣчурѣку, коя э сѣ великомъ силомъ опетъ сѣверозападнѣ натрагъ текла.

Тко овде знаде, што э то вѣчь башъ на вѣшалной Лѣствицы стоящъ изъ ненада милость добити, или отъ разбойника, башъ кадсуга убити хотѣли, освобождену быти, илисе у каковой другой таковой крайнѣй и смертнѣй погибели находіо, само такови може себи отъ прилике предлогъ о величини мое садашнѣ радости, и какосамъ радостно я чунъ мой, у уходъ противотекуще рѣке управіо; и вѣтаръ іошть къ тому свагда фришакъ и угоданъ быо, и съ каковимсамъ увеселенїемъ я платно мое по нѣму растегнуо, и тако полнъ храбре радости предъ вѣтромъ и съ нагло текущимъ припливомъ пловіо.

Ова противотекуща рѣка донела э мене на едну нѣмецку мїлю далеко на мой возвратителни путь управо спрѣчу Острова, али выше него 2 *ве* мїлѣ далѣ къ сѣверу, него што э сама рѣка была, коя э мене похитила была; и я дакле, кадсамсе къ Острову приближїо, нашаосамъ, дасамъ на сѣверной страни отъ нѣ, то есть къ страни управо на противъ быо, изъ коесамъ найпре изишао.

Послѣ

Послѣ какосамъ я съ помощію ове противотекуще рѣке выше нежели едну мїлю пупа учиніо, примѣтіосамъ да э она изчезнула и мени выше далѣ нїе служила, такожде нашаосамъ, да међу онима двѣма великима рѣкама (то есть: на южной страни, коя э мене похитила и ономъ къ сѣверу, коя э преко 2 мїлѣ на другой страни была) вода у западнѣй страни острова сасвимъ тиха была, и никакова вѣтра нїе имала, и дасамъ я свагда помало вѣтра предъ собомъ имао, то дакле держаосамсе и управляо свагда ко острову ако башъ чунъ онако брзо и нїе пловїо, како преће.

Около 4 сата предъ вече, кадсамъ я отъ прилике іошть едну мїлю отъ острова удалѣнъ быо, видѣосамъ да верхъ пећине (клисе) коя э мене, ербосе она, како шпосамъ казао, къ югу простирала, и рѣку іошть выше южнѣ терала, тако далеко отъ острова удалила, іошть едну другу противотекущу рѣку подъ сѣверомъ чинила. Ова э была врло брза и яка, али не идяше ономъ путемъ управо, кудъ э мое теченіе было, кое э отъ части къ западу, а боля часть къ сѣверу была. И будући дасамъ я међу тимъ фришакъ вѣтаръ имао, управіосамъ и повезаосамъ упреко ове противотекуще рѣ-

ке сѣверно-западнѣ, и до полъ сата нисамъ было далѣ, него само едно полъ мїлѣ отъ брега удалѣнъ, гдисамъ я съ тихимъ моремъ скоро са свимъ на суво изышао.

Какосамъ на брегъ ногомъ стао, паосамъ на колѣна доле, и съ твердимъ обѣщаніемъ Богу за спасеніе мое благодарїо, да нећу никадъ выше на то помыслити, дабы себе на моме чуну изъ тавнице мога Острова освободити хотѣо. Мало затимъ, доксамсе съ храномъ, коюсамъ имао, подкрѣпїо, увукаосамъ чунъ мой далеко на брегъ едче мале зачколыне, коюсамъ подъ нѣкима дрвети нашао, и легаосамъ, ербосамъ отъ дѣла и путнаго труда сасвимъ малаксао было, спавати.

Алисамъ садъ опетъ у великой бриги было, како съ чуномъ моимъ опетъ кући доћи имамъ. На онай путъ, коимсамсе извезао, опетъ натрагъ вратитисе, на онай нисамъ могао по погибели коюсамъ претрпїо и коюсамъ я бѣдный добро знао, отнюдъ ни мыслити, а какобы на другой, то есть на западнѣй страни было, то знао нисамъ, а їошт къ тому волѣ неимадо себе новимъ погибелемъ подлагати. Намыслїосамъ дакле супра данъ подъ южну страну покрай брега проћи и разгледати, нећули гдигодъ

едну

едну зачколыну или заходъ наћи, гдибысамъ Фрегату мою (чунъ) у свободу донео, и кадбы э требовао опетъ лако при руцы имати могао. Ходећи я дакле до *3ри* мїлъ тако по брегу, дошаосамъ дакле найпосле до едногъ лепогъ ухода или баира, кога наустїе едно полъ мїлъ широко быти э могло, кое э обаче свагда уже башъ до едного малога поточића быо, гдисамъ я еданъ врло лепъ конакъ за мой чунъ нашао, и гди э онъ тако исто безбѣдно како башъ у за то начинѣному лаћарскому убѣгу лежао. Овдесамсе увезао, и кадсамъ чунъ добро свезао и утвердїо, отишаосамъ на брегъ, дабысамъ видїо, гдисе находимъ.

Видѣосамъ дакле, да я отъ онога мѣста, нисамъ далеко, гдисамъ преће быо, кадсамъ пешке на брегъ овай путовао. Предузеосамъ дакле путь мой, и нисамъ ништа изъ лаће кромѣ пушку и щитъ мой собомъ узео, ербое чрезвичайно топло было. Послѣ оваковога пута, когасамъ я учинїо, ходїосамъ їоштъ доста добро, и къ вечери найпослѣ опетъ дошао къ моей старой сѣницы, гдисамъ я їоштъ све онако нашао, какосамъ и оставїо; ербосамъ я ту све свагда у доброму поряду содержавао, зашто э она, као штосамъ

казао,

казао, къ моему лѣпному мѣсту ради увеселенія опредѣлена была.

Овде прешаосамъ преко плота, легаосамъ у ладакъ, дабы отпочивао (зашто-самъ крайнѣ упруженъ быо:) и скоро за тимъ заспао, али сваки кои повѣсть ову чита, нека себы страхъ и ужасъ представи, ако може, кадсамъ я на еланъ кратъ отъ сна мога нѣкимъ гласомъ пробужденъ быо, кои э мене много крати по имени викнуо: *Робїнъ, Робїнъ, Робїнъ Круссе! шы сирошо Робїнъ Круссе, гдиси шы? гдиси шы быо?*

Крайнѣ упруженъ возніомъ и весланѣмъ перву половицу дана, и отъ хода другу, я у тако дубокъ санъ погруженъ, дасе я отъ нѣга сасвимъ нисамъ пробудіо, него мислio меѣу сномъ и будньомъ у самъ себи, я снивамъ, да ткогодъ самномъ говори. Кадъ гласъ непреривно викаше: *Робїнъ Круссе! Робїнъ Круссе!* и повторително, то найпослѣ пробудіосамсе сасвимъ отъ сна и скочіо смертнимъ ужасомъ обятъ отъ мога ложа горе. Али едва шпосамъ я очи мое отворіо, усмотрiосамъ я мога Пола горе на плоту сѣдяща, и познадега абіе, и да э то онай человѣкъ, кои э самномъ оворіо; ербосамъ я башъ овимъ тужителнимъ

телнимъ говоромъ обыкновено съ ныме говорїо и обучаваога. И онъ э то тако совершено научїо, да э онъ на мое прсе сѣо, и клюномъ нѣговымъ око образа мога умыляваосе, и све непреривно *Робїнъ*! сирото *Робїнъ Круссе*! гдиси ты? гдиси ты быо? опъ кудси дошао! и тако далѣ, што э отъ мене научїо, преклапао.

Несматраюћи нато акосамъ я башъ и абїе знао, да э то папагай быо, и доиста нитко други и быти нїе могао, то опетъ прошло э доста дуго часа, доксамъ я опетъ право къ себи дошао. Зашто я перво знати нисамъ могао, како э та птица овамо дошла, и како башъ на ово а не на друго кое мѣсто. А кадсамъ већь еданъ кратъ башъ увѣренъ быо, да то нитко другїи нежели мой любезный попдъ быти неможе, тосамсе я дакле абїе примирїо. Ясамъ нѣму пружїо руку, и зовнуосамга именемъ полу! онда э скочило и дошло то дружебно созданїе, сѣло на мой палацъ и спрдало їоштъ свагда: Сирото *Робїнъ Круссе*! а какоси ты овамо дошао? и гдиси ты быо? башъ тако, као дабы онъ отъ радости што э мене видїо, сасвимъ раздраженъ, и размаженъ

быо.

было. И такосамъ я нѣга опетъ собомъ кући узео.

Овако дуго време по морю блудећи имаосамъ дакле и многе дневе мирно сѣдити, и о погибели, у коїойсамъ было, разсуждавати. Истина дабы мы верло драго было, кадбысамъ чунъ мой на овой страни, гди живимъ, имати могао, али нисамъ знао какоћу то учинити. На восточной страни острова, коюсамъ я обилазїо, знаосамъ какое, и да могуће ніе, ербо кадсамъ я само на то помыслїо, то трепеташе сердце у мени и кровь сва у жилахъ стаде; а како э съ друге стране Острова было, то знао нисамъ. Незнадо н: п: да рѣка съ онаковомъ истомъ хитрости къ восточному брегу течаше, како годъ што э и на другой страни поредъ нѣга ишла; тосамъ я еднакой погибели подложанъ было рѣкомъ доле отеранъ быти, као штосамъ прће отъ острова отеранъ было. Съ таковима мислима примиріосамсе я и безъ чуна быти, ако э онъ мене башъ и толико мѣсяцы и времена стаяо, доксамъ нѣга начинїо и іошть толико, доксамга на воду донео.

У овой душевной мысли пребываосамъ я скоро едну годину дуго, и живїосамъ

тако

тако тихо и самоћно за себе; и будући да э душа моя вь смотренїи мога стања, и отдзнїемь воли Божїей укрѣплѣна и у тѣшена была, тосамсе дакле содержавао и я у свима вещма, кромѣ што нисамь имао человѣческаго содружества, сасвимь срећань и благополучань.

Међу тимь предуспѣваосамь я у свима Механическима художестви и занати, кое э мене нужда радити научила, свагда болѣ; и доиста мисліосамь, дабысамь у каковомь нуждномь случаю доста добарь дунћеринь быти могао, особито кадь помислимь, какосамь я мало халата имао.

Преко тога довеосамь я у неожидаемо совершенство мое лончарство, и пошломи э доста добро сь еднимь кружнимь стаклетомь, сь коимь э мени све болѣ и лакше чинити было, сасамь већь могао вещь какову округлу начити, и нїойзи порядочни видь дати, ербо прећашны кое какви гадни крпежь већь нисамь могао самь гледати. Али никадь нисамь сь моїомь способности што годь выше себи поволнїе начинїо, и никадасе ни о едномь моему изобретенїю тако верло возрадовао нисамь нежели о томь, штосамь већь у состоянїю было себи едну лулу начинити. Истина,

на, она э была елна верло ружна и несгратна вещь, кадь э већь готова была, и само червена и као други лончарски хеспапь ожежена; али кадь э она доста тверда и димь пущати могла, тосамсе я о томь безпредѣлно возрадовао; ербосамь я пушити быо навыкао, и былое нѣколико лула на лаћи, изь почетка заборавїосамь на ны, ербо нисамь знао дувана на острову наћи моћи, а кадсамь послѣ опетъ ихъ тражїо, я выше никакови лула наћи.

Такожде и у моме занату кошаре и котарице плести дощаосамь я доста далеко и начинїосамь нуждни котарица множество, коликолими годь моя сила изобретеня на руку дала; Истина да оне небыше верло лепе али доста алватне мое вещи у себи хранити, или штогодь у нима кући донести. н: п; кадсамь на полю козу убїо, могаосамь ю на дрво обесити, одрети, расправити пакь у комаде изсећи, и у моме кошару дома отнести, а тако исто и кориче. Могаосамь ню разсећи, ясти и два тры комада меса што э за мене доста (отъ нѣ узети, то у кошару моме кући донести, а друго што э отъ выше оставити. Велики дубоки ко-

шари

шари служилису мени жито у ныма хранити, коесамъ я, како э оно зрело было, отукао и осушїо, пакъ послѣ у велике кошаре на мѣсто амбара сасуо. Ясамъ примѣтїо, да вечь и барутъ мой на манякъ иде, и ово э быо еданъ недостатокъ, кога я никоимъ начиномъ попунити могу. Я нисамъ знао о томъ башъ озбилски размышляваши почео, штобысамъ чинити имао, кадбы вечь баруша мога нестало, то есть: какобысамъ кою козу убити могао. Ясамъ у трећему лѣту мога овде бытїя, како штосамъ горе казао, младо яре добїо и нѣга питомо воспитао, такожде едногъ ярчића за мою упитомнѣну козицу добыти, али їоштъ никада до тога доћи нисамъ могао; докле годъ нїе отъ мога ярета стара коза была, и сердечно сожалѣнїе мое нїеми ню допустило никада заклати, докле годъ она найпослѣ отъ саме дубоке старости сама нїе манкала. Кадсамъ я вечь еданаесть година на овомъ острову провео, и барутъ мой почео исчезавати, даклесамъ отомъ башъ озбилски мыслити почео козе узамке ватати, особито быосамъ радъ едну стару носећу уватити.

На тай конацъ пометаосамъ я ныма замке, дабысе козе у ны запетляле; и билебысе

лебысе выше него една у замку уватиле; Али моя замка нїе была много вредна; ербо я живе (драта) неимадо и такосамъ свагда замку потергану и храну поедену нашао.

Напослѣдокъ намыслїосамъ за паданѣ яму (ровъ) ископати и съ тимъ искушенїе учинити. Ископаосамъ дугачке ровове у земли и на онакови мѣсти, гдисамъ знао, да козе обыкновено пасу. Верху ови ровова лѣсицу отъ фашина, коюсамъ самъ исплео, и на ню отъ озгоръ едну тешку претегу метнуо, такожде кадъ кадъ разбацыо ечмене класе овде и онде, и то да небы замка пала, и онда могаосамъ ясно изъ нынога трага видѣти, дасу козе у нутра быле, и житто све изѣле, напослѣдокъ намѣстїосамъ три ловке у едной ноћи, и кадсамъ у ютру отишао да видимъ, нашаосамъ да їошть све стое, али намама (житто) сва оттудъ извучена была. Овоми э бодрость врло отузело: абїе премѣнїосамъ я мою лову, и нашаосамъ съ едномъ речи, да еданъ кратъ у ютру у едной еднога старога ярца, и у другой три млада ярета едно мушко и двое женско.

Са старимъ нисамъ знао штоћу чинити, ербо э онъ тако дивїи и плашливъ быо,

дасе

дасе я несмедо усудити къ нѣму у яму иѣи, дабыга жива оттудъ извукао, ербое то было, башъ штосамъ я имати хотео. Убитисамга врло лако могао, али э то противъ намѣренія мога было. Испустїосамга дакле радїе на полѣ, и онъ э отъ страха како бесанъ оттудъ побѣгао. Онда іошть нисамъ знао, штосамъ пекаръ после научїо, да гладъ и саме Лавове укрочава. Даму нисамъ само едно три четыри дана ништа ести дао, нѣга онда къ води довео, и после мало жита дао, тобысе онъ тако исто, како и мои ярчиѣи питомъ учинїо, ербосу то врло обучаема и питома зверчадъ, кадъ тко съ ныма разумно поступити знаде.

Но преко свега ясамъ за садашни кратъ нѣга испустїо, заштосамъ іошть онда ствaрь болѣ разумѣвао; онда отишаосамъ къ онима малима, извукаосамъ едно за другимъ на полѣ, свезаосамъ ихъ съ уженцемъ заедно, и довеосамъ ихъ тако ако и не безъ труда куѣи.

Дуго э времена прошло, докле они ясти хотеше; али кадсамъ я ныма малко сладка жита дао, дадошесе съ тимъ къ елу раздражити, и стадоше питоми бывати. Садъ видѣосамъ, да кадъ веѣь нитыбы баруна нити олова имао, и козїега меса имати-

тибы хотео, никаковога другога средства шу ніе было, нежели нѣколико коза питомо воспитати, и онда бы ихъ доиста као едно стадо овца около куће мое имао.

Али э мени опетъ абіе на паметъ дошло, дабы такожде питоме отъ дивіи особито држати морао, иначе оне, кадбы отрастле, іоштъ свагда опетбы подивяле. Къ тому никаково друго средство ніе было, нежели ограђенъ еданъ комадъ землѣ съ прошћемъ и колѣмъ утвержденъ, да небы ове изнутра на полѣ, ниши оне дивіе унутра продрети могле.

За еданъ паръ руку было э то доиста велико предвзятіе, а кадсамъ видѣо, да то еданъ кратъ башъ нуждно быти мора, то э мой первый посао быо, къ тому способанъ еданъ комадъ землѣ изабрати, гди наимено стадо мое траву, воду, и заклонъ отъ солнца иматибы могло.

Они, коисе о таковима оградама разумѣваю, мениће ду врло мало мудрости приписати, дасамъ я као едно сва ова свойства имущее мѣсто сасвимъ алватно равни комадъ ливаде или отаве (како што наши жители у западной Індіи зову) избрао, на коему два или три извора фришке воде, и на едной страни доста велика и гу-

ста

ста шума была. И грохотомъ хоћедусе о моему разуму смѣяти, кадъ имъ кажемъ, дасамъ я ограду овога парчета землѣ тако започео, да мой отъ прошћа и коля состоящи плотъ найманѣ 2 мїлѣ унаоколо имати э морао. Пакъ іоштъ и ограда нїе была отъ цѣле ствари штогодъ найлуће, ербо акобы я ню и 10 мїля велику начинити хотео, тобы я іоштъ свагда къ тому доволно времена имао: али у тому э свойствено луди поступакъ состаяо, да я промыслїо нисамъ, да козе у овако пространному мѣсту тако исто дивїе быти мораю, како дабы и цѣлый Островъ предъ собомъ имале, и да я толико далеко за ныма терчати морамъ, и да ны никадъ ни едну стигнути немогу.

Но опетъ преко свега, то э доста паметно раћено было, и ясамъ живо предузео дѣло ово.

Моя ограда была э веће започета, и до 15 рифи далеко проведена, кадсу мене мысли ове на паметь дошле. Престаосамъ дакле абїе, и намыслїосамъ къ первому почетку еданъ комадъ землѣ отъ 150 коракляи у дужину и 100 у ширину оградити, у коейће толико, како што я у нѣколико времена по прилицы имаћибы могао, мѣста доста имати, и акосе умножи стадо мое,

по

то могу я іошть свагда ограду мою распространити.

Но опеть преко свега то э доволно паметно рађено было, и ясамь живо предузео дѣло. Ясамь сь тимь три мѣсяца провео, докь э первый плотъ готовь быо, пустїосамь она три ярета на найболѣй части, и даосамь имь близу около себе пасти, колико возможно было, дабы ихь препитомїо. Такожде донесассамь имь многократно нѣколико ечмени класова, или едну шаку пирїнча, и даосамь имь изь руке яспи, и такосусе они препитомили, да они кадсамь я већь сь оградомь готовь быо, и ны испустїо, замномь горе и доле шетали, и само за едну шаку жита блекетали.

Тое башь было оно, штосамь я хотео, и за полъ трећу годину имаосамь я два туцета коза стаpe и младе за едно броећи, после две године имаосамь я већь 43 козе, окромь нѣкои, коесамь изузео и за мою потребу заклао. Послѣ оградїосамь различне комаде ныва за ныну пашу, тако сь прошћемь ны унутра утеривати, гдису оне свагда изь едне ограде у другу крозь врапашца ходиле.

Но и то їошть све нїе было, ербо не само штосамь я козїега меса за ело доволно имао,

имао, него їоштъ и млека, една вещь о коей съ почетка воистину ни помыслїо нисамъ, и о коейсамсе я, кадми э на умъ пала, нѣкимъ верло радостнимъ образомъ чудїо, садъ мораосамъ млечарницу начинити, и имаосамъ многократно до 2: акова млека у еданъ данъ ако не выше.

И тако како што естество свако созданїе съ храномъ снабдѣва, и равно тако пристойно употребленїе отъ тога чинити учи, то исто дакле учинїосамъ и я, кой никада краве а їоштъ манѣ козе музао, или сиръ, или младо масло правїо нисамъ, верло упутно и лепо, ако башъ и послѣ нѣколико несрећни проби, сиръ и младо масло правїо, и послѣ выше никадъ недостатка на томъ нисамъ имао.

Колико много добра и благодѣянїя можетъ великїи создатель своимъ созданїямъ и у самому оваковому стаю учинити, гди они себе у крайнѣй нужди быти мысле! и како неможе онъ и найгорчайше посланїи нѣговихъ усладити, и нами причину дати нѣга башъ и у самой тавницы и окову хвалити! И какова трапеза нїе овде у пустыни за мене уготована была, гди я съ почетка ништа друго него саму

погибель отъ глада умрети предъ собомъ видѣо нисамъ.

Еданъ натуралиста Стоїкусъ мораобысе смѣяти, кадбы онъ мене съ моїомъ маломъ фамїлїомъ кодъ трапезе сѣдяща видѣо. Овде э перво сѣло, мое Величество, Князъ, и Господинъ цѣлога предѣла. Имаосамъ неограничну власть отъ смерти и живота свїю моихъ поддановъ. Могаосамъ вѣшати, разтерзавати, животъ и свободу дати и узети, и нисамъ имао ни едноga бунтовчика меѣу мои подданицы.

Садъ кадбы ткогодъ само видѣти могао, какосамъ кралѣвскїй я обѣдовао са свимъ особно моими стоящими служители окруженъ! Поль мой быо э первый любимацъ, кои самномъ говорити дозволенїе имадяше. Мой пасъ, кои э вечь доста старъ и немощанъ быо, и што себи подобногa пара нїе нашао, поколенѣ свое расплодити нїе могао, сѣдяше одесную мене, и две мачке, една на едномъ а друга на другомъ краю трапезе сѣдечи, вребалесу на онай ныма кадъ кадъ отъ мене бачени залогаяцъ аки на знакъ нѣке особне милоспи мое.

Ово нису быле вечь оне две перве мачке, коесамъ я найпре изъ лаче на суво

донео,

донео; ербо обадвесу већь манькале быле, и моими собственими руками близу обиталища мога погребене. Една отъ овихъ незнамъ коимъ образомъ и отъ какова звер-чета добыла э младе, и отъ овихъ млади мачића двоесамъ припитомїо; а проче ходилесу као и дивїе по шуми и мени доиста найпослѣ на тяготу быле. Ербосу оне често у мой домъ долазиле и мене сасвимъ опустиле; докъ я найпослѣ принужденъ быо нисамъ ны потући, коїомсамъ прилкомъ я ныно множество истребїо. Садсамсе освободїо отъ ови гостїю сасвимъ и само оне две за послугу мою удержао. У овой обилности живiосамъ я дакле тако, и содружество точїю было э само една вещь, о чемусамъ сказати могао, да э неимамъ, а и тогасамъ већь скоро у кратко време много добїо быо.

За чуномъ моимъ имаосамъ већь о давно, као штосамъ сказао, верло велику желю, ако э башъ мени сва желя и прошла была себе на таковому їоштъ далѣ погибелемъ отдавати. Ясамъ помышлявао опетъ кадъ кадъ на средства и путь, какобыга около острова овамо донети могао; а кадъ кадъ быосамъ я и безъ нѣга удоволянъ. Али преће мира имати ни-

самъ могао, докле годъ опетъ ко ономъ верху острова не отидо, гдисамсе кодъ мога послѣднѣга путованя на оно бердаще попео быо, дабы положенїе брега и качество рѣке видѣти, и послѣ себе по тому управляти могао. Овай немиръ умножаваосе сваки данъ кодъ мене, доксе напослѣдокъ склонїо нисамъ путь онамо сувимъ учинити, и то покрай брега; коесамъ такожде и учинїо. Али ткобы оваковога человѣка у *Англїи* гдигодъ сусрео, како штосамъ я быо, тайбысе морао полакъ мертавъ отъ страха уплашити или отъ смея прекинутисе. Ясамъ кадъ кадъ стао и себе разсмотрїо, нисамсе могао отъ смѣха удержати, и кадсамъ помыслїо, кадбысамъ у оваковому одѣянїю крозъ сокакъ у *Іоркширу* прошао. Хоћели ткогодъ описанїе отъ онога вида у коемусамъ я онда быо? овде э дакле.

На глави имаосамъ велику незграпну капу отъ козїе коже съ напрагъ висящимъ заклопцемъ, съ коимъ како годъ солнце, тако и кишу отъ леђа хранити и удержавати могаосамъ, ербо подъ овомъ Небесномъ стрѣкомъ ни э ништа тако убиточно было, каок адъ э киша подъ халине на голо тѣло дошла.

Далѣ

Далѣ имаосамъ кратки перслукъ съ рукави отъ такове исте козїе коже, коими ѳ башъ до полакъ колѣна висїо, и отъ такове исте матерїе чакшире отворене кодъ колѣна. Ове чакшире былесу отъ коже едногъ старога ярца начинѣне, отъ коесу длаке съ обадве стране толико дугачко висиле, дасу оне мени башъ као дугачке гаће до полакъ голени досязавале. Чарапа и цыпела имао ниѣамъ; алисамъ опетъ штогодъ на подобїе цыпела начинїо, што самъ незнамъ, што ѳ, или какоѣуга назваши, тако отъ прилике као подплате, коесамъ преко ноге отъ озго преплести, и као яхаће чарапе стегнути и закопчати могао и кое ѳ сасвимъ гнусно и гадно, као и све мое халине было.

Преко халина имаосамъ еданъ широкъ поясъ отъ суве козїе коже, когасамъ съ двима каишчиѣи отъ такове исте коже на мѣсто сапонца утвердїо и скопчао. За овимъ имаосамъ намѣсто саблѣ съ едне стране тестеру а съ друге сатару заденену, другїй мало узши таковимъ истимъ начиномъ скопчани попругъ или упрта висящеми преко леѣа, и на нѣму подъ левимъ раменомъ (пазухомъ,) две кессе обадве

две отъ козїе коже, отъ коихъ у едной барутъ а у другой олово стаяше.

На лећи имаосамъ мой кошаръ, преко рамена пушку, и надъ главомъ велики незграпни, гадни козїекожни отъ кише щитъ, кои э мени тако исто као и пушка моя потребна вещь быо, коюсамъ кодъ себе имао. Штосе фарбе мое у лицу дотицало доиста верло церна, као што нїе была отъ еднога человћка, кои такову нїе нинайманћ чувао и подъ деветимъ до десетимъ степеномъ лїнїе живїо, надаписе могло. Браду мою пустїосамъ кадъ кадъ читавъ четверть рифа нарастити; али кадсамъ бритава и маказа доволно имао, посамъ я ню подсћкао доста кратко, кромћ онога што э на горнћй наустницы растло, коесамъ я за еданъ паръ *махометанскїй* мустаћа подсекао, као штосамъ у нћки турака у Салеи видћо; ербо само ови а не другїи смћлису такове носити. Да э овай мустаћь кадъ кадъ тако великъ и дугачакъ быо, дасамъ на нћга слободно шеширъ мой обћсити могао, нећу ни да кажемъ, али э онъ у дужини и виду быо найманћ тако верло великъ, дабысе у *Англїи* сватко отъ тогъ уплашїо.

Но све ово мимогредъ; ербо э видъ мой мало очїю видћло, да башъ зато ништа

нїе

нїе было, какавъ я быо да быо. Дакле далѣ о томъ нећу ништа говорити, него дасамъ я у овой галли одѣянїю мое ново путешествїе предузео, и 5 *тъ* или 6 *тъ* дана на путу быо. Ишаосамъ съ почетка по край брега у право къ оному мѣсту, гдисамъ чунъ мой найпре на мачки держао, дабысе на верхъ оне гудуре попео. А будући да за чунъ никакове бриге имао нисамъ, то дакле прекимъ путемъ преко сува управо къ оной высини, гдисамъ преће быо поћо, и кадсамъ вышеречене узвышене пећине верхъ видѣо, око коесамсе съ чуномъ моимъ обвести морао, зачудїосамсе отвыше, да э море совершено мирно и равно было; ербо ту башъ ни найманѣ уке, движенїя, или рѣке, као на други мѣсти осетити небы.

Какоћу то себи понятно учинити, то знао нисамъ, и намыслїосамъ нѣкое време на то употребити ту вещь ближе и яснїе познати, и дабы видѣо, нїели препливъ, или отпливъ моря къ тому причина было. Ясамсе о томъ скоро увѣрїо, како э то было, да э башъ препливъ, ербо э онъ отъ западнѣ стране, и съ нагло текућомъ водомъ едне велике рѣке кодъ Седрахъ соединяваосе, узрокъ ове велике рѣке быти э морао, и да, како што э

вѣтаръ

вѣтаръ яче изъ запада или сѣвера дыхао, ова рѣка или къ брегу приближитисе, или отъ нѣга удалитисе морала. Чекаюћи я овде башъ до предъ вече, попеосамсе опетъ на онай верхъ Клисе и видѣосамъ послѣ отплива ону рѣку сасвимъ ясно, као и преће, но само у већему одалѣнію, то есть скоро едно полъ мїлѣ далеко отъ брега текућу; коя э обаче при моемъ путешествїю сасвимъ покрай брега ревла, и мене съ чуномъ моимъ са собомъ похитила, кое она у друго кое време небы учинила была.

Ово э примѣчаніе увѣрило мене, да я само препливъ и отплывъ позорствовати потребуемъ, и чунъ мой сасвимъ мирно около Острова довести могу. Али кадсамъ я помыслїо на то, да то у дѣло ставимъ, то э напао мене при упомени погибели, у коейсамъ было, такови страхъ, да и помысль ту терпити нисамъ могао; ясамъ о томъ други совѣтъ учинїо, кои э много безбѣднїи, ако э онъ башъ и тежи было; себи їоштъ еданъ чунъ начинити, и на свакой страни по еданъ имати.

Садъ валя знати, дасамъ я садъ већь зданія на Острову имао. Едно э было мой мали градъ, съ зидомъ подъ пећиномъ окру-

женъ

женъ, и ямомъ или подрумомъ за собомъ, коюсамъ я у то време распространїо и у разна раздѣленїя или подруме раздѣлїо; едно отъ овыхъ раздѣленїяхъ, то есть найсувлѣ и найвеће, у коесу врата съ оне стране мое ограде, то есть гди э зидъ до пећине достизавао, ишла, было э све съ велїима земљанима лонцы, о коимасамъ казао, и съ 14 *тъ* или 15 *тъ* велики кошара напунѣно, отъ коихъ сваки 5 или 6 кила у себи содержавати э могао, у коимасамъ я храну мою особито жито нѣколико класова кратко отъ сламе отсечени а другого рукама моима истрвено сохранявао.

Штосе ограде мое допицало, та э како штосамъ казао, отъ дугачки тачака и коля начинѣна была, коесе све послѣ у стална дрвета премѣнило, и такосусе далеко и дебело разширили, да никаково око человѣческо, никакова обиталища за ньїомъ нити видѣти, нити мыслитибы могло.

Не врло далеко отъ овога мога обиталища, али мало далѣ унутра, и на нискомъ мѣсту лежаласу моя два комада ныве; коесамъ я свагда лепо ураћене и посѣяне содержавао, и коесу свагда трудъ и прилѣжаніе мое у време свое съ богатомъ жетвомъ платиле. Требовали я жита вы-

ше

ше, то имаосамъ и землѣ выше къ тому и тако исто добре као и ова.

Кромѣ овога имаосамъ такожде їошть едно лѣтно мѣсто увеселенїя, и кое э такожде сасвимъ добру и цвѣтующу ограду имало. Ербо перво имаосамъ я ту мою малу благосѣнолиствену сѣницу, као штосамъ ю називао, око коесамъ я ограду, коя э ню окружавала, свагда у обикновеной висини содержавао; и лѣствица остаяше свагда унутра. Дрвета, коя съ почетка ништа далѣ него само тачке быше, а садъ вечь тврдо и постояно нарастоше, подсѣкаосамъ свагда тако, дасусе она у многе, и аки дивїе сведено гране разширила, и какосамъ я башъ желїо, преизрядни сѣнъ давала. Усреди нѣ стаяо э свагда шаторъ мой, кои э изъ еднога комада преко мотака разапетъ отъ парусовъ платна состояо, и коме я нуждна поправлѣнїя чинити никадъ нисамъ изоставїо. Подъ овимсамъ я себи креветь отъ звѣровски кожа, и други мекани вещи начинїо, и едну перину, коя э пре наша лаћарска была, и коюсамъ я съ лаће донео, и їошть еданъ отъ они велики кабата отозго прострео, съ тимсе покривати; и овдесамъ я, колико-самъ годъ кратти отъ главнога мога обита-

талица отсутствующь быо, за мой увеселителни конакь уредїо.

Не далеко оттудь было э мое марве воспитанїе, то есть козе. И тако, као што э то мене неисказанога труда стаяло овай комадь землѣ затворити и оградити, тако исто имаосамь я бригу то све у цѣлости содержавати, да небы козе нигди продрети могле, и я мира имао нисамь, докле годь сь неисказанимь дѣломь и трудомь сву внѣшну страну плота сь толико много мали тачака, и тако густо едну до друге утвердїо, да э то выше тараба него плотъ была, и едва э толико мѣста изь меѣу ны было, дабы человѣкь руку унутра утиснути могао, кое э послѣ, кадсу тачке ове при первомь кишномь времену пробиле и прорастле, овасе ограда тако яка као едань зидь или башь їошть яча него икакавь зидь быти може, учинила.

Отъ овудь видитисе може, да я нисамь безпосленъ быо, и да никаковаго труда штедїо нисамь све у состоянїе довести, што э надежда и угожденїе мое изыскавало, ербосамь я помыслїо, да э гуля пипоме марве овако при руцы еданъ живи домъ имутка отъ меса, млека и масла за мене, докле

годь

годѣ я на острову овоме живимъ, башъ акобы и 40 година дуго траяло, да я ню обаче свагда при руцы удержимъ, тосе башъ у томе состояло, да я плотъ или ограду тако тврдо начинимъ, да оне башъ све заедно стаяти мораю.

У овому предѣлу имаосамъ я такожде мой вїноградъ, на когасамсе я особито ради мое зимнѣ хране, суварка ослонїо, и когасамъ я како найболи и найугоднїи сладки залоган отъ свїю други за ело вещи врло попечително содержавао, ербо доиста нїе быо онъ само изрядан, него такожде и нѣкое лѣкарство крайнѣ здраво, сито и увеселяемо.

Ово э было башъ на полакъ пута меѣу моимъ постоянимъ обиталищемъ и онимъ мѣстомъ, гди э мой чунъ стаяо, овдесамъ свагда обыкновено, кадсамъ путовао до мога чуна нѣкои часъ остао и отпочивао, ербосамъ чунъ мой врло прилѣжно походити обычествовао, и держаосамъ све што э къ нѣму принадлежало у добромъ порядку. Кадкадъ такожде и возїосамсе на нѣму увеселенїя ради, алисамсе чувао отъ погибелногъ пута, и едва на две пустимице отъ брега далеко удалитисе смѣо, такосамъ устрашенъ я быо, да небы рѣкомъ, вѣтромъ, или

дру-

другимъ каковимъ случаемъ, опетъ на пучину моря похищенъ быо. Садъ обаче долазимъ на нѣки нови поступокъ, или путъ мога живота.

Кадсамъ еданъ кратъ башъ около полъ дне къ моме чуну ишао, усмотрїосамъ за велико чудо мое трагъ или стопу босе человѣческе ноге на брегу, коясе у песку башъ ясно и добро видѣти могла. Алисамъ я аки стрѣломъ пробїенъ, или како дабы какову аветъ или утвору видїо, стао овде, вребаосамъ и сматрао свудъ около себе, нисамъ могао обаче ни найманѣ штогодъ нити чути, нити видѣти. Попеосамсе на едно бердашце, дабы я далѣ што видѣти могао, пролазїосамъ по брегу горе и доле, али то ништа неползова, я немого никаковаго трага далѣ наћи, него овай еданъ. Отишаосамъ опетъ къ нѣму онамо, да видимъ, неимали онде їоштъ выше каковаго трага, илисамъ я можетъ быти само штогодъ привидѣо: алисе помыслити неможе, ербо э трагъ ноге быо свагда свойственъ видѣти, персти, пета, и све друге части едне босе ноге, али какое та овамо дошла, то нисамъ я знао, и нисамъ могао то себи никоимъ начиномъ представити. После неизброени разсѣянїя мысли дошаосамъ найпосле како еданъ, кои

э сасвимъ смущенъ, или изванъ себе у мой градъ дома, неосећаваюћи землю подъ собомъ, по коейсамъ ходіо, него у крайнѣму страху и трепету, свака два коракляя осврћаосамсе напрагъ, уплашіосамсе отъ свакога кусторника и дрвета, и мисліосамъ сваки пань у одалѣнію, да э человѣкъ. Ніе можно описати, у коликое многоставними видови моя уплашена убавленія сила мени шпосамъ годъ видѣо, представляла, коликое много дивіи предмѣта сваки часъ мене окружавало, и какова непонятна рѣдка страшилища мени путемъ идући на паметъ нису долазила.

Кадсамъ я къ моему граду (ербо такосамъ я нѣга после свагда называо,) дашао, оплетіосамъ у нѣга тако фришко, како дабы острагъ отъ кога теранъ быо. Ели преко лѣствице или на врапашца пећине уђо я у нутра, то ни до данасъ незнамъ, ербо съ већимъ сердечнимъ ужасомъ ніе могао никакови зецъ у свое ложе, никакова лисица у свою яму, како шпосамъ я у ово мѣсто прибѣжища утекао.

Нисамъ могао цѣлу драгу ноћь спавати, ербо коликосамъ манѣ причине за страхъ имао, толикое већа была моя старость узрокъ къ тому имати. Чинимисе, да по про-

тиво-

ниворѣчно, противо обичая свїю други твари быва, кадсе плаше и бое. Алисамъ я быо отъ моихъ собственныхъ представленїя вещей тако уплашенъ, да я ништа друго него сама страшилища предъ очима видѣо нисамъ, башъ акосамъ отъ ныхъ и далеко удалѣнъ быо.

Кадъ кадъ помысліосамъ, да то мора башъ сами дяволъ быти; и паметъ стала э мене у овой мысли укрѣпляватти: ербо како бы штогодъ у человѣческому образу овамо доћи могло? гди э была та лаћа, у коей э то овамо дошло? гди быше знацы отъ какове друге стопе? и како э могуће было да ткогодъ овамо доћи може? Али съ друге стране нисамъ могао себи башъ їоштъ манѣ представити, дабы сатана овде на едно мѣсто, къ чему онъ нинайманѣга повода нїе имао, видъ человѣческій на себе узети, дабы само стопу свою засобомъ оставїо, а то безъ намѣренїя, ербо онъ и то знати нїе могао, хоћули я ню и видѣти моћи; онъ э могао сасвимъ другїй путова доволно наћи, помысліосамъ я, мене уплашити нежели овомъ едномъ стопомъ. И дабы онъ тако лудъ быо знакъ на онаково мѣсто мешнути, гди будући дасамъ я сасвимъ

на противо стоящей страни острова живїо, свагда съ тысящомъ спрѣчу еднога окладитисе могао, да я ню никада видѣти нећу и іошть къ тому у песку, гди она при первомъ приплйву моря точїю мало дыхающимъ вѣтромъ могла э оплинута быти? то све чиняшесе съ вещи самомъ, и са свима онима поняпїяма, кое мы обыкновено о лукавству дявола имамо, сравнено не быти.

Такови коекакви причина паломи э іошть множество на умъ, напослѣдокъ да э то дяволъ быо, отъ свега страха освобо дисе; но ясамъ абїе съ тимъ готовъ совѣтъ учинїо, да э іошть то една страшнїе создана вещь была, то есть еданъ отъ дивяковъ са суве землѣ спрећу мене быти морао, коису преко моря у нинымъ чунови возећисе или рѣкомъ, или пропивнимъ вѣтромъ похищени на ову пустыню бачени, и на брегу моралису быти, али опетъ на море отишли, ербо э ныма можетъ быти, ова пустыняя самоћность онако исто неповолна была, како што бы оны мени непріятни были.

Доксусе ове мысли по моей глави мутиле, благодаріосамъ я самъ у себи отъ сердца Богу, да я срећомъ башъ у оно

време

време онде быо нисамъ, или да оны чунъ мой видѣли нису, изъ чегабы дознати могли, да жителя на Острову имаде, и можетъ быти далѣ мене потражили были. За тимсу мене опетъ на ново мучиле мысли, кадбысу они башъ и чунъ мой, и да люди овде имаде, дознали, и случилобысе то, тобы они можетъ быти скоро и у већему числу опетъ доиста овамо дошли, и мене изѣли. Меѣемъ случаи да башъ мене самога и небысу наћи могли, тобысу они опетъ мою ограду нашли све житто мое уничтожили, и мое цѣло стадо питоми коза отерали, то бы я дакле отъ глада опетъ найпосле погинути морао.

Тако дакле растерао э страхъ мой сву надежду, коюми э законъ дао. Исчезнуло э све оно преѣашнѣ упованїе на Бога, коесе на овако чудесномъ искусству, коесамъ я отъ нѣгове благости имао, основавало: како да небы онай, кои э мене досадъ чудесно храніо, мени такожде власти своіомъ имутакъ мой сохранити могао, кога э мени благостъ нѣгова даривала, садъ чинїосамъ самъ себи угризенїя о моей угодности, да преко године жита выше сѣяти нисамъ хотео, него башъ коликосамъ до найближнѣга времена нуждно имао, и како да небы никакови случаи меѣу

шимъ дошао, и мене уживаня онога, кое э у земли лишити могао. И ову укоризнь держаосамъ башъ за достойну, дасамъ твердо намыслїо у напредакъ на две или три године имутакъ ране скупити, да небы у случаю недостаткомъ хлѣба, умрети морао.

Какосу рѣдко случаи у животу человѣческомъ смѣшани. И каковими тайними и разними источницы несставляюсе желѣ у движенїя, и свудъ обтекаваю, какосе садашня обстоятелства премѣне, данасъ оно любимо, на што сутра мрзимо, данасъ тражимо оно, одашта сутра бѣжимо, и башъ одашта стрепимо, кадъ само помыслимо могућность, дасе э то случити могло. Чуданъ примѣръ отъ овога можемо привести, бюсамъ я онда, ербо я, кога э една точїю бригa была, дасамъ я отъ цѣлаго человѣческаго содружества себе изгнана быти мыслїо, сасвимъ самоћанъ, и безъ предѣлнимъ Океаномъ (моремъ) отъ цѣлаго человѣческаго рода отсѣченъ, и у нѣку сасвимъ смертну тихость изгнанъ быо, дасамъ я само еданъ быо, кога э Небо за недостойна держало, међу живе причислити, или по међу други свои созданїи являтисе нѣму нїе дало, да взоръ еднога точїю мое врсте мени Воскресенїе отъ смерти къ животу и найвеће благопо-

гополучїе быти чиняшесе, кое кромѣ вѣчнаго блаженства мени нитко други него самое Небо дароваши може, я говоримь, мораосамь садь дрктати и трепетати отъ самога страха каковаго человѣка видѣти, и мало нисамь отъ самаго сѣна или тихаго привидѣнія человѣческе стопе отъ страха бѣжећи у землю пропао.

Тако э мало станѣ живота человѣческаго само себи равно, и ово э дало мени послѣ, кадсамсе опетъ отъ первога страха подкрѣпио, къ многимъ особнимъ поводъ. Разсуждаваосамь, да э ово станѣ живота къ коему э мене безконечна мудрость и благость провидѣнїя Божїя опредѣлила, и да я предвѣдити немого, какова Божія премудрость при свему овому намѣренія имаде, то дакле я спроћу нѣгове верховне власти роптати нисамь смѣо, ербо онъ верху мене и созданїя свога неограничено владати и управляти невоспятственно право имаде, и такожде мене аки созданїе, кое э нѣга увредило, къ свакой казни, кою годь соизволи, своїомъ власти судейскомъ осудити може; мени надлежи дакле гнѣвъ нѣговъ радостно сноситн, ербосамъ нѣму согрѣшио.

Такожде далѣ помыслїосамъ, да Богъ не само што э праведанъ, но їошть и всемо-

гуħь, онако како што онъ произволи мене наказати и оскорбѣти, мене такожде спасти, и отъ свега зла освободити може, и кадъ то небы света нѣгова воля была, то бы дакле безъ распрѣ дужность моя была себе сасвимъ и безъ свакога противорѣчїя воли нѣговой подложити, съ друге стране былабы такожде дужность моя на нѣга упованїе имати, и нѣмусе молити, и мирно изговоръ нѣговога осужденїя, и управленїе нѣговога провидѣнїя очекивати.

Ове мысли упражнявалесу мене многе часе, дневе, могу казати и цѣле Недѣле и мѣсеце. Нѣкое особное дѣйство таковыхъ не могу овде премолчати. Кадсамъ еданъ кратъ уютру рано їоштъ у моме кревету лежао, и пунъ мысли о погибели ради ожидаеми дивяка быо, коесу мене крайнѣ узнемириле; доħошеми на еданъ кратъ ове речи изъ светога писма на паметъ: *Позовиме, кадси у нужди, яħуте избавити, а ти да имашъ мене прославляти.*

Кадсамъ затимъ радостно изъ кревета мога устао, осѣтїосамъ, да не само што э сердце мое утѣшено, него їоштъ себе возбуждена и весела Бога искренѣ за спасенїе молити. Кадсамъ молитву мою совершїо, узеосамъ мою Бїблїю, и перве речи,

кад-

кадсамѣ ю расклопїо, коесу мени у очи пале, бяху: *Потерли на Гослода! утѣшавайсе, и не отчаявай и потерли на Гослода!* Какосу ове речи мене утѣшиле, тосе речма исказати неможе. Оставїосамѣ послѣ книгу съ нѣкомѣ внутреномѣ благодарности и нисамѣ быо выше смутанѣ, а найманѣ о дивяцы.

Башѣ у средѣ ови мысли утѣсненїя и размышленїя паломи э еданѣ кратѣ на умѣ, да э то мое собствено замышлѣнѣ и мечтанїе, и ова стопа ништа друго нїе, неже-ли трагѣ мое собствене ноге была, кадсамѣ изѣ чуна мога на брегѣ изишао. Такожде и овоме малко охрабрило, и я почеосамѣ себе надговарати, да э то башѣ ямачна превара, и то доиста ништа друго нїе, него моя собственна стопа, ербо зашто небы я могао овимѣ истимѣ путемѣ кѣ чуну иѣи, како штосамѣ и отѣ нѣга ишао? Помыслїосамѣ, да башѣ извѣстно выше казати немогу, кудсамѣ ходїо и кудѣ нисамѣ ходїо, и былабы доиста то моя собственна стопа, тобы я дакле тако учинїо быо, како простацы отѣ аветиня и привидѣнїя повѣсти чине, и послесе выше самѣ, него сви други отѣ ны бояо.

Садсамѣ почео опетѣ сердце вооружавати и храбритисе, ербо цѣла три дана и з-

ноѣи

ноћи изъ града мога нисамъ изишао, тако дасамъ я већь започео ради недостатка хране гладовати, ербо кромѣ нѣколико ечмены пипа и воде нисамъ имао скоро выше ништа кодъ куће. Садъ э было време, да и козе мое мусти морамъ, кое э обыкновенно моя вечерня забава была, и ова сиротна марва стаяла э врло зло, кадъ э то изостало, и многима такожде изъ међу ны тако верло штету учинило, дасу оне скоро многе отъ млека засушиле.

Охрабренъ дакле овимъ увѣреніемъ да то ніе ништа друго, него моя собствена стопа была, (тако дасамъ башъ истино рећи могао, дасамсе отъ собственога мога сѣна уплашіо.) почеосамъ опетъ свуда ходити, къ моему лѣтному мѣсту увеселенія исходити, и стадо мое мусти. Али само кадбы тко видѣти могао, съ каковимсамъ страхомъ напредъ поступао, коликосамсе крати натрагъ обратіо, коликосамъ крати хотео кошаръ мой бацыти, и штогодбы болѣ могао бѣжати, то бы тай доиста мыслити морао, да мене или зла совѣсть тера, или я у кратко предъ тимъ мораосамъ кавови врло велики страхъ претерпѣти, кое э бащъ и истина была.

Но

Но преко свега послѣ какосамъ я два или три дана онамо ходїо, и ништа нисамъ видѣо, тосамъ я већь почео опетъ свобдни бывати и мыслити, да доиста отъ те цѣле вещи ништа друго нїе было, него само едно мечтанїе. Али я їоштъ нисамъ могао себе о томъ сасвимъ увѣрити, докъ опетъ на брегъ не отидо, ову стопу їоштъ еданъ кратъ добро разсмотраваюћи, по моей ноги мѣрећи и гледаюћи, хоћели она ноги моей совершено равна и умѣрена быти, дабы вѣровати могао, да э то моя башъ собствена стопа; кадсамъ већь на брегъ дошао, тосе абїе перво очевидно показало, да кадсамъ я съ чуномъ моимъ овамо дошао, никоимъ начиномъ нїе было могуће, дасамъ я на овомъ комаду землѣ быти могао, друго: кадсамъ ногу мою спроћу оне стопе измѣрїо, нашаосамъ, да э нога моя отъ стопе доста по добру часть маня была. Ова обадва примѣчанїя напуниласу опетъ главу мою пуну нови замышлѣнїя, и мучимога терзаня тако, дасамъ я отъ хладности како грозничавъ зуби цвокотао, и тако сасвимъ увѣренъ кући поспѣшїо, моралису дакле еданъ или выше люди на брегу быти или можетъ быти, дае башъ самъ Островъ гдигодъ поселѣнъ, могаосамъ дакле преће, него штосамсе надао,

напа-

нападенъ быти, и како за свободу мою стараписе имамъ, нисамъ знао.

Каковимъ посмѣятелнимъ поступкомъ може страхъ человѣка развратити, онъ лиши нѣга употребленія онога средства, коему иначе память за помоћь нѣгову даетъ. Прво штосамъ предузео, былое мою ограду срушити, и сву мою питому марву у шуму испустити, да ю непріятель небы нашао, и после у надежди оваковаго или подобнаго добитка често Островъ посѣщавао, после дошаосамъ на тай луди помысль моє обадве ныве раскопати, да небысу они жита нашли, съ тимъ раздражени небысу често на Островъ долазили, онда хотеосамъ сѣницу и шаторъ мой покварити, да небысу никаковаго трага или знака каковаго обиталища видѣли, и съ тимъ побуждени небыли далѣ што, и обитателя тражили,

Овосу быле мысли, коесу мене перву ноћь узнемириле, кадсамъ већь кући дошао, и іоштъ сасвимъ фришка уселенія страха и ужаса главу мою забунила была. Тако свагда обычествуетъ страхъ отъ какове погибели тысящу крати ужасніи быти, неголи башъ погибель сама, кадъ ю предъ очима видимо, и іоштъ теже товари намъ бреме ужаса, нежели оно зло, збогъ когасмо

у

у єтраху. А што э чемерніе было, нежели све друго, было э ово: да я у овому неспокойству нисамъ утѣху отъ мога досадашнѣга преданства воли Божїей имао, на коюсамсе надати имао. Помисліосамъ како *Сауль*, кои не само о томъ тужаше, дасу *Філїстїани* на нѣга дошли, него їоштъ дага э и Богъ изоставїо. Ясамъ почео дакле духъ мой укрѣпляваши неправилна средства Бога у нужди моей призывати, и себе на нѣгово провидѣніе всмотренїи мога страха и избавленїя ослонити, како штосамъ други кратъ у оваковомъ случаю учинїо, ербо кадбы я то быо учинїо, тобы я кодъ овога новога страха радостнїи и дерзновенїи быо, али овако быосамъ све бодрости сасвимъ лишенъ.

Ово смущенїе мысли нїеми дало цѣлу ноћь очи затворити. Уютру обаче заспаосамъ мало, и спаваосамъ такожде сасвимъ упруженъ и малаксао врло добро, и пробудїосамсе много спокойнїи него икадъ преће. И садъ почеосамъ я ту ствар тише разсмотраваши, и съ крайнїомъ распромъ са самъ собомъ учинїосамъ напослѣдокъ совѣтъ: да овай островъ, кои э овако чрезвычайно красанъ, плодоносанъ, и недалеко отъ суве и постояне землѣ удалѣнъ быо, како штосамъ примѣтїо, не башъ овако са-

свимъ

сасвимъ пустъ быти не може, како штосе чини, и да кадъ небы овде стални обитателя было, тосу могли опетъ кадъ кадъ чунови или съ намѣренїемъ или противними вѣтри дотерани отъ иностранн брегова овамо доћи.

У 15 година коесамъ я овде живїо, нисамъ доиста никадъ нинайманѣ сѣнке каковога человѣка овде видѣо: и акосу кой кадъ кадъ случайно бачени были, тосу они опетъ отъ овудъ отићи морали, какосу скорїе могли, ербо досадъ, како штосамъ я видѣо, никакомусе овде окућити допало нїе.

То, отъ чегасамсе я найвеће каковс погибели страшїо, былобы едно таково случайно пришествїе скитаюћисе люди отъ сталне землѣ, кой кадбысу овамо бачени и дотерани были, то бысу они безъ сумнѣ противо ныне волѣ овде были, и безъ дугога задержаня овде хитно опетъ отишли, и не башъ тако лако ни едну ноћь овде на брегу изостали, да небысу помоћи приплива или отплива и свѣтлости днева при ныномъ напрагъ возвращенїю лишени были. Дакле я далѣ ништа чинити небы имао, нежели едно свободно

мѣс-

мѣсто прибѣжища тражити, кадбы я какове, дївяке овде доћи видѣо.

Садсамсе раскаяо врло, дасамъ подрумъ мой тако пространо и дубоко ископао, и дасу врата, како штосамъ казао, на другой страни была, гди э зидъ мой до пећине досязао. Кадсамъ то зрѣло разсудїо, намыслїосамъ їоштъ еданъ вторый градъ у оваковомъ полукружному виду у нѣкоему отдалѣнїю управо отъ мога зида начинити, гдисамъ преће 12: година двояки редъ дервета насадїо, а будући дасу ова дрвета и онако густо посаћена была, то небы потребно далѣ ништа было, него дасе међу ны неколико панѣва натушка и заглави, дабы то їоштъ гушће и яче было, такобы дакле моя ограда готова была.

Дакле на овай начинъ имаосамъ я сугуби зидъ или ограду, и крайни быо э съ дунћерскимъ дрвети съ старима отъ лаће ужети и сасвимъ, штосамъ годъ измыслити могао, нѣга яка начинити, крѣпко утвержденъ; и у нѣму имаосамъ 7: мали рупа, не већи него као штосамъ руку мою крозъ ны провући могао. Изнутра начинїосамъ зидъ овай до 10: стопа дебео, и къ чемусамъ непрестано землю изъ мога подрума износїо, коюсамъ чело зида бацао, и

тврдо

тврдо угазїо. Крозъ ови 7 мъ рупа хотеосамъ я они 7 мъ пушака намѣстити, коесамъ, како штосамъ казао, изъ лаће на суво донео. Ове, како штосамъ рекао, као топове намѣстїосамъ, и начинїо полметке за ны, како што валя, гдису оне башъ како на точкови стаяле, и башъ тако, дасамъ ихъ за 2 минута све 7 мъ опалити могао. Правећи ограду ову провеосамъ я много горки мѣсяцы преће него штосамъ съ ныомъ готовъ быо, и опетъ нисамъ држао себе ни еднога магновенія ока за безбѣдногa, докле годъ ню у совершено состояніе нисамъ довео.

Кадсамъ съ тимъ готовъ быо, посадїосамъ цѣло полѣ изванъ зида мога тако густо съ тачкама и дебелимъ моткама отъ дрвета, кое э тако добро нарастло, како годъ што э едно до другога стаяти могло, ербосамъ я такови тачака слободно до 20000. у землю ударїо. Но опетъ међу нима, и моимъ зидомъ доста велико и пространо мѣсто оставїо, дабы непрїятелѣ мое видѣти могао, и они никакова заслона отъ младе шуме небысу имати могли, акобысе усудили къ зиду приближити.

И

И тако имаосамъ у времену отъ 2: године врло дебео садъ, и у 5: или 6 година башъ совершену шуму предъ обиталищемъ моимъ тако страшно дебелу и яку, да э она доиста непроходна была, и никому небы на умъ пало да и заћ іошть штогодъ имаде, а камоли каково станѣ да има. Штосе пута дотицало, коимћу я самъ на полѣ и унутра исходити, (ербо ухода нигди нисамъ оставїо:) потребовао-осамъ дакле къ тому 2: лѣствице. Едну отъ ови на пећину, гди э она сниска была, наслонїо, и унутра уходїо, на коюсамъ ону другу наслонити могао, тако дакле, кадсу обадве лѣствице снимлѣне и уклонѣне быле, ни една жива душа, да небы вратъ сломила, доле къ мени доћи могла небы, а кадбысе и то учинити могло, тобы текаръ іошть свагда отъ внѣшне стране зида мога было.

Овимъ начиномъ предузеосамъ дакле сва средства, коями э годъ человѣческа мудрость икада къ моему храненію дати могла; и у слѣдству хоћесе видити, да она башъ сасвимъ безъ причине и нису была; ако я башъ іошть онда и провидѣти нисамъ могао, него само оно штоми э самій страхъ проузроковао.

Съ

Съ тимъ себе упражняваюћи непренебрегаваосамъ такожде и друга дѣла моя притомъ. Главно обаче мой мали чопоръ коза лежао э мени верло тежакъ на сердцу. Оне мени нису само у сви способи къ моей нужди служиле, него ми їоштъ барутъ, олово и трудъ заклоняше дивїе ловити и тражити, чегасамсе ны имаюћи свагда обићи могао. Ове прекрасне ползе и користи нисамъ радъ быо изгубити, и послѣ опетъ сасвимъ нове воспитавати.

Али ны сачувати текаръ послѣ долгаго размышлѣнїя едвасамъ два средства изнашао. Едно э то было гдигодъ на другомъ мѣсту алватну яму у земли ископати и ны сваку ноћь у ню сатерати; а друго; нѣколико комада землѣ у нѣкоему отдалѣнїю едно отъ другога и тако закривено, како што бы могуће было, оградити, отъ коихъ у свакому баремъ по полакъ туцета коза сачувати бы могао, тако: да, акобы башъ цѣло мое стадо несрећа какова постигла, я опетъ у состоянїю быти бы могао себи такове съ малимъ трудомъ и временомъ опетъ воспитати, ако э то башъ и много времена и дѣла стаяло, ово послѣднѣ средство чиняшесе наймудрїе быти.

Послѣ

Послѣ тога потражїосамъ дакле нѣкое време у отдалѣнимъ частемъ острова едно къ тому способно мѣсто, и најпослѣ нашаосамга, и кое э тако закривено было, као штосамъ я и кадъ желити могао. Ово э было едно мало парче влажне землѣ у средъ нѣке просѣлине и дебеле шуме, гдисамъ я идући изъ восточне стране острова башъ скоро забасао био. Овде нашаосамъ едно чисто парче землѣ, до 3: јутра велико, и тако свудъ унаоколо съ шумомъ окружено, да э оно башъ скоро сасвимъ естествено (нравно) ограђено было; најманѣ нисамъ требовао овде ни полакъ посла употребити, кои э мене кодъ каковогъ другогъ предмѣта доста горко стаяо.

Ясамъ дакле абїе дѣло предузео, и преће мѣсяцъ дана оградїосамъ то свудъ унаоколо тако, дасамъ мое стадо, кое већь нїе было више онако дивячно како преће у ову ограду сасвимъ слободно утерати могао. Я дакле незакосняваюћи довеосамъ две козе и два ярца, и упустїосамъ ихъ у нутра, и плотъ јошъ свагда совершенїи и ячи правїо, докле годъ нѣга напослѣдокъ тако добро нисамъ утвердїо, какогодъ штосамъ и друге

начи-

начиніо, али кЪ тому много выше времена узео, и много дуже пословао.

Све ово дѢло предузеосамЪ я изЪ самога страха сбогЪ оне человѢческе стопе, коюсамЪ видѢо, ербо іошшЪ и досадЪ нисамЪ ни еднога человѢческаго созданія кЪ Острову идућа видѢо, и шакосамЪ већь две године у овому неспокойству живіо, и кое э доиста животЪ мой миого ужасніе чинило, нежели шшо э онЪ преће быо, и кое доиста сваки знашти може, кои знаде шшосе шо зове непресшано у замки человѢческаго страха живѢши.

ІошшЪ и кромѢ тога жалосшно исповѢдиши морамЪ, да э мое душевно неспокойсшво шакожде моему благоговѢйнсшву врло убиточно было. Ербо сшрахЪ и трепешЪ дивякомЪ и человѢкоядцемЪ у руке пасши већь э мене скоро надвладао быо, дасамсе я рѢдко у пристойномЪ покою нашао, кЪ шворцу моему прибѢгнуши, а найманЪ не сЪ онакомЪ нѢкомЪ, спокойномЪ шихосшію и понизносшію, као шшо э иначе обикновено было. Моліосамъ Бога као у великой жалосши и ушѢсненію, башЪ као дабы непресшано сЪ погибелію каковомЪ окруженЪ быо, и мораосамЪ сваку ноћь очекиваши іошшЪ преће сванућа убіенЪ и изѢденЪ быши. И овде изЪ

мога

мога собствената искусства примѣтити морамъ, да э человѣкъ съ полнимъ сердцемъ покоя, благодарности, любови и склоности много способнїи къ молитви, него када э полнъ страха и немира, и да подъ непрестанимъ страхомъ близу предстояще несреће тако исто мало дужность свою радостно Богу молећисе исполнити, како годъ и на смертномъ кревету покаянїе учинити може.

Али садъ далѣ. Послѣ какосамъ овимъ начиномъ едну часть мога малога стада у свободу и безбѣдность довео, проходіосамъ дакле свудъ по цѣлому острову, дабы їошъ едно оваково мѣсто за мое остале козе наћи могао. Кадсамъ овомъ приликомъ выше къ западнѣму верху острова дошао, и далѣ него штосамъ икадъ преће дошао, и къ мору горе погледао, учинимисе, да у нѣкоему великому отдалѣнїю чунъ на морю видимъ. Ясамъ у сандуцы матроски, коесамъ изъ лаће избавіо, нѣколико пусула нашао, али ихъ кодъ себе неимадо, и вещь, коюсамъ я усмотрїо, была э тако далеко удалѣна, да я нисамъ знао, штоћу свойствено отъ тога мыслити, башъ акосамъ толико дуго нетренући за ныомъ и гледао, колико годъ дуго очи мое

у одер-

одержати могоше. Ели доиста чунъ было или не, сказати немогу; а кадсамъ съ брда сишао, нисамъ могао выше о томъ ништа видѣти, и такосамъ то дакле оставїо, само намислїосамъ то выше никада безъ пусула на полѣ исходити.

Кадсамъ съ брда на край острова дошао, гди доиста прѣе тога никадъ было нисамъ, быосамъ абїе совершено увѣренъ, да то никакова рѣдка ствар нїе была, као штосамъ я себи вообразїо человѣческу стопу на острову видѣти; и кадъ я особнимъ провидѣнїемъ Божїимъ не бы на ону страну острова на брегъ баченъ было, тобы я скоро искусити морао, да ништа обыкновенїе нїе; него да чунови дивяковъ отъ сталне землѣ, кадъ мало далѣ у море заћу, на овой страни острова стану и пристанище тражу, и дасе они многократно на морю сусретну, и съ нынима чунови едни спроћу другїи бїюсе, то обычествую побѣдители свое робове овамо на брегъ доносити, гди они ны по своему ужасному обычаю (ербосу сви человѣкоядцы) убїютъ и поядутъ; алиће отомъ далѣ у слѣдству сказати.

Кадсамъ већь, као штосамъ казао, съ брда на брегъ доле дошао, кои э юже во-

сточна

сточна страна верха быо, абїесамъ отъ чуда и ужаса изванъ себе быо. Неможесе никоимъ начиномъ страхъ душе мое представити, кадсамъ я цѣлый брегъ съ мертвими главами, руками, ногами, и членми и костми человѣческога тѣла покривенъ видѣо. Особито смотрїосамъ едно мѣсто, гди э ватра наложена, и кругъ у земли обкопанъ быо, гдису безъ сумнѣ ови безчеловѣчнїи и гнусніи дивяцы на ныни безчеловѣчніи пирови тѣлеса своихъ сочеловѣковъ изѣли.

Ясамъ на ово позорище тако ужасненъ быо, да я на погибель, отъ коесамсе самъ бояти имао, нимало помыслїо нисамъ; само помысль отъ ове безчеловѣчне, и башъ пакленске гнусности, и ужасъ о оваковой неваляности человѣческогъ естества прогутаоми э све друге мысли, башъ акосамъ я често што годъ о томъ и говорећи чуо, но кодъ вещи саме їошть никадъ тако близу нисамъ быо. Кратко, отвратїосамъ лице мое отъ овога гнуснога позорища, и абїе быломи э зло, и хотеосамъ скоро у несвестицу пасти, кадъ небы наравъ наглимъ блюванѣмъ къ тому помогла была, истина съ тимсамсе окрѣпїо мало, но ни едногъ часа дуже терпѣти нисамъ

могао далѣ на овому мѣсту задержатисе, пошаосамъ дакле штосамъ брже мого; опетъ преко брда горе, и послѣ къ моему обиталищу.

Кадсамсе изъ овога предѣла нѣчто мало удаліо, стаосамъ нѣко време сасвимъ устрашенъ стоящъ; послѣ какосамъ малко къ себи дошао, погледаосамъ съ внутренимъ побужденіемъ душе мое и съ плачущима очима къ Небу и благодаріосамъ Богу, дасе онъ мени у онаковой части свѣта родити дао ни э, гди я отъ такови страшни созданія преимущество имамъ, и да онъ мени, акосамъ я башъ мое садашнѣ станѣ и за крайнѣ неволно держао, опетъ мени у нѣму много благо дао, да выше повода нѣму благодарити, нежели тужитисе имамъ, особито дасамъ я у овомъ бѣдномъ станю нѣговимъ признаніемъ, и надеждомъ милости нѣгове обдаренъ быо. Едно блаженство, кое сву бѣду, коюсамъ я досадъ претерпіо, или іоштъ терпѣти могу, выше нежели богато попунява.

У оваковомъ благодарномъ душевномъ укрѣплѣнію пошаосамъ я опетъ у мой градъ напрагъ, и почеосамъ ради безбѣдности мое много спокойніи бывати, нежели штосамъ икадъ преѣе быо: Ербосамъ

я

я примѣтїо, да ови безчеловѣчницы никадъ у таковомъ намѣренїю на ову самоћность недолазе, дабысу они што годъ овде за себе тражили; ербо може быти, да они ништа требовали, и такожде овде ништа наћи надалисе нису, и былису безъ сумнѣ много крати овде, у оныма съ шумомъ покривеними предѣли неналазећи нинайманѣга, чега бы они требовали, знаосамъ, дасамъ овде веће пуни 18 *тъ* година быо, и никада нинайманѣ што преће отъ каковога человѣческога трага видѣо; и тако исто могаобы їоштъ 18 други овде сакривенъ быти, какогодъ и садъ, кадъ имсе самъ небы явїо, къ чему я башъ никакове причине имао нисамъ; садъ э мени до тога было, себе сасвимъ сакривена содержавати, гди стоимъ, кадъ болю классу люди немогу наћи нежели ову человѣкоядцовъ, и хотеосамсе ныма явити.

Али э їоштъ свагда омерзенїе ови безчеловѣчни дивяка, и ныни гнусни обычая еданъ другога изѣсти кодъ мене остало, дасамъ я послѣ тога скоро 2: године їоштъ замышлѣнъ и ужасанъ остао, и себе у моему собственому кругу мирно содержавао. Подъ моимъ собственнимъ кругомъ разумѣваосамъ я такожде моя 3 мѣста

и садове: шо есть; мой градъ, мое лѣпно мѣсто увеселенїя, коесамъ сѣницомъ називао, и мое ограде у шумахъ. Ясе послѣ ни о чему нисамъ бринуо нежели о моима козама; ербо э омерзѣнїе, коесамъ я отъ нрави противъ ови пакленски безчеловѣчника имао, тако велико было, дасамсе тако врло страшїо отъ ны, башъ како дабы и самога дїявола видѣо. Такожде за ово цѣло време нисамъ имао бриге за мой чунъ нитисамга посѣщавао, него на то склоненъ быхъ радїе новъ начинити; ербо далѣ пробе чинити онай други чунъ около острова овамо довести, на то выше нипомыслити немого отъ страха, да небы на нѣкое отъ ови дїявола на морю ударїо и што бы онда случай мой было, кадбы имъ у руке пао, посамъ іошть напредъ знао.

Време меѣу тимъ и удоволствїе да я нисамъ у погибели было отъ овога народа видѣнъ быти, учинило э, да э страхъ и неспокойство ныхъ ради кодъ мене мало по мало сасвимъ изчезнуло; и я стао опетъ онимъ начиномъ мирно живити како и прѣже, само съ томъ разликомъ, дасамсе выше осврѣао и на себе позорспвовао, нежели иначе, да небы коимъ

начи-

начиномъ отъ ныхъ видѣнъ быо. Особито узеосамсе съ пуцанѣмъ болѣ у паметъ, да небы кои отъ ныхъ на острову гласъ отъ пушке чуо. Врло э добро дакле за мене было, дасамъ себе съ чопоромъ дивїи коза снабдѣо, и выше потребе нисамъ имао друге по шуми ловити, или пуцати; и кадсамъ послѣ кою уфатіо, тое свагда было у замку или ловку тако, да послѣ чипаве 2 године, какосамъ мыслїо, ни еданъ кратъ пушку мою избацыо нисамъ, ако башъ безъ нѣ никадъ на полѣ и неизлази, и да нисамъ кромѣ тога свагда 3 пиштоля или баремъ два, коесамъ изъ лаѣе донео, за моимъ кожнимъ поясомъ задевена имао. Такожде еданъ отъ они великы мечева, коесамъ изъ лаѣе изнесао, правїосамъ како валя, и зато каишъ или обѣсу начинїо, гдисамга заденуо, садъ да їошть приложимо къ преѣашнѣму описанїю, коесамъ о самъ себи учинїо и їошть два пиштоля и овай великїй мечь, когасамъ у повѣсницы безъ корица при бедри моей обѣсїо, и нека себи страшни видъ, когабы я у очїю свакога, койбыме видѣо, представлао, помысли.

На овай начинъ мысліосамъ я, као штосамъ казао, отъ нѣкоего времена кромѣ велике

опа-

опасности мое, дасамъ опетъ къ моему первому тихому и мирному животу дошао. Све ове вещи показивашеми свагда выше и выше, колико э станѣ мое отъ тога удалѣно найгоримъ быти у сравненїю нѣкихъ другихъ человѣковъ, и башъ съ нѣкими особними обстоятелствы живота, у коя э мене Богъ поставити могао, кадбы само произволео быо. Ово э довело мене такожде и на то разсмотренїе, коликосе мало тужби по между людма о качеству ґдигодъ каковога станя и живота чути може, кадъ оны станѣ свое їоштъ съ другимъ каковимъ горимъ сравняваю, и зато Богу благодарнїи бываю, него дабысе са срећнимъ сравнявали, и о томсе тужили и роптали.

Садъ већь кадъ э у моему садашнѣму станю доиста врло мало вещи было, кое небы имао, помыслїосамъ, да э скоро страхъ, у комесамъ я ради ови дивяка быо, и брига мога ради собственога содержанїя остроћу мое изобретенїя силе къ нѣкимъ угодносїпемъ сасвимъ утупила. Изъ међу другїи вещи едносамъ добро намѣренїе изоставїо, на коесамъ я кадъ годъ мысли мое управїо быо, а то э было пробу учинити небыли отъ ечма мога матерїялъ брашно

шно начинїо, и пиво куваши могао. Особито наумнѣнїе было э то доиста свагда, о коемусамъ често самъ себи изобличенїе учинїо; Ербо при томъ нїе было само то, што я много вещи неимадо, кое къ пиву кувања необходимо нуждне бяху. Као штоми э н: п: абїе немогућно было бечке начинити, дабыга у ны салити и оставити могао; ербо ово, како штосамъ казао, немого никоимъ начиномъ у состоянїе довести; акосамъ башъ многе дане недѣлѣ и мѣсяце, али свагда всуе н а то употребїо. Къ тому нисамъ имао млѣха, съ чимбысамга начинїо, дабысе держати могло; никаковога квасца нѣга у движенїе довести; накаковога великога котла, у коемубысамга кувао. И несматраюћи на то све кадъ небы страхъ и ужасъ ради дивяка међу то дошао, то бы я опетъ то дѣло предузео быо, пакъ можетъ быши, дабысамъ и у томъ преуспѣо. Ербо често, кадсамсе већь усудїо штогодъ започети, то я никадъ неостављя, докле годъ то у совершенство довео нисамъ.

Али э садъ моя сила изобретенїя савимъ на друге предмѣте управлѣна была; ербо данъ и ноћь нисамъ могао я ништа друго мыслити, него какоћу нѣколико

ко

ко ови безчеловѣчника кодъ ныни гнусни крвави и торжествени ручкова напасти и ако могуће буде, жертву, коюсу овде заклапи донели изъ руку ныни исторгнути моћи. Былабы їоштъ већа книга, него што э ова, по моему намѣренію изискивати, кадъ бы я све оне совѣте, коисусе у мысли мой излегли, овде ставити хотео; ова свирѣпа созданія истребити или найманѣ ны тако уплашити, дабы имъ воля опетъ овамо доћи на вѣкъ исчезнула. Но я себе ни къ чему извѣстному склонити нисамъ могао; ербо ништо неможе дѣиства имати, ако я самъ при томъ небы быо, и што бы могао само еданъ человѣкъ съ нима расправити, гдибы ны, можетъ быти, 20 до 30 съ нынима копіями, и стрѣлама за едно быти могло, съ коима они тако извѣстно у нишанъ, какогодъ и я съ пушкомъ трефити могутъ.

Кадъ кадъ намысліосамъ яму подъ мѣстомъ, гди ватру ложе, ископати, и 5 или 6 фунти баруша у ню метнути, да кадъ оны ватру наложу, дабы ватра барутъ упалила, и свію унаоколо у воздухъ бацыла. Али перво радъ быо нисамъ толико баруша на то потрошити, ербо э и безъ тога савъ мой имутакъ само

само у едному буренцету состояо. Пакъ онда нисамъ могао извѣстанъ быти, даѣсе барутъ башъ у право време упалити, и ны у страхъ метнути моћи, и ватра бы имъ найвыше мало около ушїю ударила, али не толико, дабису оны мѣсто ово на вѣкъ оставили. Ясамъ дакле престао отъ тога и намыслїосамъ на каковомъ приличномъ мѣсту съ моима трима суробо набїенима пушками у заклонъ стати, и башъ у ныной крвавой жертви на ны ватру дати, гдибы я извѣстанъ быти могао на сваки удараџъ ны два или три убити, или найманѣ ранити, а кадъ послѣ сасвимъ съ моима трима пиштоли, и съ палошемъ на ны нападнемъ, тоћу я ны безъ сумнѣ морати, башъ акобы ихъ и 20 было, свїю потући. Съ овимъ намѣренїемъ услаждаваосамсе нѣколико неделя и тако съ тимъ напунѣнъ быо, дасамъ често о томъ снивао, и башъ кадъ кадъ хтеосамъ изъ самога сна устати и на ны пуцати.

Ясамъ противъ ны мою яростъ толико далеко распустити дао, дасамъ съ тимъ читаве дневе провео прилична мѣста тражити, гдибысе у заслонъ ставити могао, дабы на ны вребао. Често отишаосамъ къ самому мѣсту онамо, съ коимсам-

се

се већь сада болѣ познао, особито кадъ э душа моя пуна отмщенїя и тога помисла была, међу 20: и до 30: ны страшно кровопролитїе учинити.

Послѣ дугога траженя нашаосамъ напослѣдокъ таково мѣсто на страни едногa бердашца, гдиђу я, докъ видимъ, да чунови овамо дођу, свободно чекати, и послѣ докъ они сасвимъ на брегъ дођу, у густину шуме уклонитисе моћи, гди э їошть къ тому едно шуплѣ дрво стаяло, и кога э дуплѣ доста велико было мене сасвимъ сакрити. Овде дакле могаосамъ вребати и на сва нына крвава предвзятїя позорствовати, и кадъ оны доста густо заедно у кругъ сѣдну, управо на ныне главе наперити, да небы никоимъ начиномъ могуће было фалити, или баремъ найманѣ 3: или 4: на первый ударацъ ранити.

На овому мѣсту хотеосамъ дакле намѣренїе мое произвести и већсамъ мое две мушкете и птичарицу обыкновену къ тому приправїо. Обадве мушкете напунїосамъ сваку съ нѣколико комади гвожђа, и съ четирма и до петъ мали танети а птичарицу съ пуномъ шакомъ найкрупнїе сачме, и све пиштолѣ мое напунїосамъ сваку съ четирма танети: овако вооруженъ съ барутомъ

рутомъ и оловомъ къ другому и трећему наћою добро учрежденъ приправїосамъ дакле себе на войску или сраженїе готова.

Послѣ какосамъ савъ совѣтъ мой у чисто доба, и у моей памети већь нѣга произвео, исходїосамъ свако ютро на верхъ онога брда, кое э отъ града мога, како штосамга называо, до 3: мїлѣ далеко было, дабы отуда на море за чунови гледао нећели кои близу брега доћи, или башъ къ брегу стати. Послѣ какосамъ я 3: и до 4: мѣсяца непрестано стражу мою всуе держао, напослѣдокъ быосамъ отъ ове тяготне вещи доволно у трудженъ, ербо цѣло ово време нїе было нинайманѣга штаити близу къ брегу нити на цѣломъ пространомъ морю, коликосу годъ далеко очи мое и пусулъ на све стране видѣти и усмотрети могле.

Коликосамъ годъ я дуго повседневни входъ мой къ брду иѣи, дабы штогодъ усмотрїо, чинїо, толико дуго содержавалосе и намѣреніе мое, и душа моя чиняшесе преко цѣлога овога времена у пристойномъ вооруженїю къ оваковоме свирѣпому предзятїю быти, 20: до 30: голи наги дивяка ради еднога точїю преступлѣнія убити, кое я у мысли моей іоште далѣ испи-

тао

шао нисамъ, него само толико коликосе э ярость моя отъ чуда и ужаса упалила, кое э неприродни обычай народовъ ови предѣла у мени возбудило, кое э провидѣніе мудримъ управлѣніемъ свѣта допустило, што быти являшесе, да они никаковога другога вожда непознадоше, нежели ныне собствене развращене и мерзске страсти, и коису дакле — већь много вѣкова можетъ быти — до тогъ доведени были, овакове гнусне погрѣшке чинити, и овакове презрѣне обычае примити, у коесу они само отъ Неба каковомъ сасвимъ презрѣномъ и спроћу тога отъ нѣке пакленске невалялости побужденомъ нрави опровергнутису быти могли. Али кадсамъ я, као штосамъ казао, отъ овога повседневнога и суетнога терчаня у труждень быо, започелосе такожде и мнѣніе мое всмотренїи овога дѣла самога премѣнити, и ясамъ садъ мирніе и съ хладніомъ крви оно разсмотравао, штосамъ предузети хотео; каковосамъ я право достойнство имао себе за судїю и отмстителя ови люди аки преступниковъ издати, кое э Богъ за добро пронашао толико вѣковъ безъ наказанія оставити, и ны саме за отмстителѣ нѣговогъ суда по меѣу собомъ пустити; каковосу зло ови

народи

народи мени учинили, и ткомїе то право дао ны ради собственногъ кровопролитїя меħу собомъ на хесапъ вуħи. они овде ништа противо болѣга знаня и совѣсти нечине, и совѣсть нына нечини имъ тога ради никаковога угризенїя. Они ни то незнаду, да они овде каково безаконїе чине, а нечинега Божїей правди утруцъ, као што мы скоро кодъ свїю наши грѣхова чинимо; ербо они недерже ни закакови веħи грѣхъ едногъ свога роба како годъ и мы еднога вола убити, и месо человѣческо ясти, како годъ и мы овчїе.

Кадсамъ ово све у самъ себи болѣ разсудїо, то э сасвимъ наравнимъ начиномъ оттудъ и слѣдовало, дасамъ я врло неправо имао; да ови народи у правому разуму узимаюħи никакове убїйце нису были, као штосамъ я ны преħе умыслима моима осудїо, и башъ тако мало како хрїстїани, кои често воене робове убїяю, или читаве чопоре люди недаюħи имъ пардона иссѣку, башъ акосу оружїя своя и положили и себе предали были.

Іоштъ и кромѣ тога помыслїосамъ, акое башъ начинъ какосе они меħу собомъ предсрѣтаю и крайнѣ скотски, тосе та вещь право судеħи опетъ мене ништа до-

тицала

тицала нїе: мене народи ови нису никадъ увредили. Започнули они штогодъ противъ мене, и я нађемъ, да э то ради мога собственога содержанїя нуждно на ны напасти и бранитисе, тоће быти штогодъ друго; али ясамъ садъ сасвимъ изванъ ныне власти: Они доиста нису могли о мени їоштъ ништа знати, слѣдователно и никакови намѣренїя противъ мене неимаду; неправобы было дакле съ овакимъ начиномъ акобы я ны преће напасти хотео. Овобы дакле поступокъ *Шпанїеровъ* у свима нынима безчествїи оправдало, коясу они у *Америки* учинили, гдису они милїоне овихъ народовъ потрли и истребили, кои акосу они башъ Идолопоклонцы и варвари были, и разне крваве и гнусне обычае по между собомъ имали, (Н: п: нынимъ Боговомъ живе луде ожертвовати) и всмотренїи Шпанїеровъ опетъ много невини народъ были; и да Шпанїери ондашнихъ временъ о ныномъ изгнанїю изъ ныне землѣ, сами съ найвећимъ омерзенїемъ и ужасомъ, и сви други хрїстїаски народи оовой крвавой и безчеловѣчнойсвирѣпости говорише, коясе нити предъ Богомъ нити человѣчествомъ оптговорити неможе, и кое я ради само име еднога Шпанїера свимъ народомъ, кои человѣчество

или

или хрїстїанско сожалѣнїе припяжаваю, страшно и ужасно есть; башъ као дабы кралѣвство *Шланско* тога ради знаменито и примѣчанїя достойно было, што э нѣку врсту люди безъ свакога чувства и сожалѣнїя спрочу овихъ неволниковъ сатерло, коесе иначе за знакъ племенитога душевнога мнѣнїя држи.

Ова разсужденїя довеласу мене доиста отъ тога престати, и я мало по мало отъ мога намѣренїя престаяти почеосамъ, и то заключенїе чинити, дасамъ верло неправо имао ове дивяке напасти, и да мени башъ отнюдъ прилика нїе съ нымасе упустити, окромъ акобы они найпре на мене напали, а и тобы морао, акобы могуће было воспяпствовати гледати; аколи я дознатъ и нападенъ будемъ, тоћу я онда знати шта чинити валя.

Съ друге стране помыслїосамъ, да ово никакови правилнїи путь нїе себе освободити, но много выше себе башъ у извѣстну пропасть бацыти; ербо ако я небы сталанъ быо свакога убити, не само онога, коибы онда на брегу быо, него башъ и онога, коибы послѣ икадъ на брегъ дошао, тобы они, акобы само точїю еданъ умакао и землякомъ своимъ казао, штосе случи-

ло, и онибы извѣстно съ тысящама овамо опетъ дошли, смерть своихъ содружниковъ отмастити; и ондабы сасвимъ извѣстно башъ самомъ моїомъ кривицомъ себе у пропасть опровергнуо.

Вообще найпослѣ учиніосамъ совѣтъ, и нїе допустило мени нити человѣчество, нити разумъ гдигодъ на какови начинъ у ову вещь упуститисе: но много выше мораосамсе на све возможне начине отъ ны сакривати, и нинаймани знакъ оставляти, изъ когабы они мыслити могли, да гдигодъ каково живо созданїе, то есть человѣческо на острову имаде.

Сами ѳ законъ мене у овомъ разума заключенїю укрѣпляваo, и быосамъ на различне начине увѣренъ, дабы овде башъ должности моей напрошивъ чинїо, кадсамъ сва ова крвава намѣренїя ко истреблѣнїю овыхъ невинихъ созданїи учинїо. Ербо найманѣ всмотренїи мене былибысу невини, и преступлѣнїя, коихсе они еданъ спроћу другога повини чине, нисусе мене нимало дотицала. Нравна беззаконїя наводе такожде на себе и ныну нравну казнь, и правдаће Божія такожде и безъ мене путь и средство изнаћи знати явно учинѣне погрѣшке

грѣшке явномъ правдомъ, ако за добро наће, наказати.

Све э ово тако ясно было, да мени ништа милїе нїе было, него штосамсе їоштъ задержао едно дѣло учинити, као штосамъ и много причина вѣровати имао, никаковъ маны грѣхъ него баиъ едно самоволно убійство бытибы морало, кадбыга дѣйствително учинїо быо. Ясамъ Богу клечећи на колѣни благодарїо, кои э мене отъ оваковога крвавога грѣха сачувао; и молїосамга такожде, дабы онъ мени храбимость свога провидѣнїя даровао, да я Варваромъ у руке пао небы, или на ны руку мою положїо, башъ ако и есть, да я къ тому явно званїе отъ Бога имамъ животъ мой защищаваши.

Овако мыслећи пребываосамъ їошть скоро цѣло едно лѣто послѣ тога, и быосамъ отъ свега способа удалѣнъ гдигодъ ове неволнике напасти желити, да я ово цѣло време на брдо исходїо нисамъ, дабысамъ видѣо, нећули кое видѣти моћи, или знати, нисули нѣкои међу тимъ брегъ послѣтили были, да небы у искушенїе пао мое прећашнѣ намѣренїе обновити, или гдигодъ каковомъ ползомъ, коябысе показати могла, раздраженъ

было ны напасти. Него само то учинїосамъ дасамъ чунъ мой, когасамъ на другой страни острова имао, отъ тудъ отвезао, и нѣга около восточне части цѣлога острова возїо, гдисамга у еданъ заклонъ или убѣгъ кодъ едне высоке пећине, коюсамъ нашао и приставїо, гдисамъ знао, да дивяцы рѣке ради съ нынима чамцы доћи немогу, башъ акобысу и причину имали онамо отѣрани быти.

Съ чамцемъ моимъ отнеосамъ такожде и све друго, што э къ нѣму принадлежало; то есть капарку платна (парусе) и нѣку вещь, коя э мачку отъ лаће представляла, кое доиста нити мачка нити чакля назватисе може, акое то башъ и штогодъ найболѣ было, штосамъ я на нѣки начинъ скрпити могао, тосамъ я све узео, да небы нинайманѣ сѣнке о каковомъ чамцу или обиталищу на острову дознатисе могло.

Преко тога задержаосамсе, као штосамъ казао, много покривени нежели и кадъ преће и неизоставля никадъ иначе подрумъ, него штосу непреривна дѣла моя изискивала, то есть козе мое мусти и мое мало стадо у шуми нагледати, кое э, ербое оно на другой страни острова было, безъ сваке погибели стояло. Ербо э то

извѣ-

извѣстно, да ови дивїи народи, кои кадъ кадъ овай осирровъ посѣщаваю, овамо недолазе, дабысу овде штогодъ нашли и слѣдователно никада себе отъ брега удалявали нису.

Безъ сумнѣ былису они откакосамъ я етрахъ отъ ны предупредни учинїо тако исто као прѣе на брегу, и доиста нисамъ безъ грозеня на то помыслїо што бы отъ мене было, кадбысамъ на ны ударїо и отъ ны дознатъ и то кадбысамъ обнаженъ и безъ оружїя быо, кромъ едне птичарице, коя э само за птице сачмомъ набїена была, свудъ по цѣлому острову ходїо, дабысамъ гди штогодъ добыти могао. Какобы мени онда было, кадбысамъ на мѣсто человѣческе стопе *15 тъ* и до 20: дивяка видѣо, коибы мене потерали, и коихъ хитрости я никоимъ начиномъ небы избѣгнупи могао.

Овесу мысли мене често сасвимъ удручиле и тако врло узнемириле, да я дуго времена къ себы доћи немого. Кадсамъ помыслїо, штобысамъ онда чинити имао, и како выше небы у состоянїю быо ныма противостати, него їошть безъ сумнѣ доволно присутствїе духа небысамъ имао оно чинити, штобысамъ иначе чинити могао;

и

и много манѣ то, што сада послѣ таковога многога разсмотренїя и пріуготовлѣнїя чинити бы у состоянїю было, кадсамъ я то све здраво разположїо; тосамъ я о томъ, као штосамъ казао, често сасвимъ занешенъ было и често нисамсе за дуго отъ такови мысли освободити могао. Напослѣдокъ растопилосе то све у благодарности спрочу провидѣнїя, кое э мене отъ такови падежа сачувало, отъ коихъ я самъ себе никаковимъ начиномъ освободити небы могао, єрбо я нисамъ имао ни еднога помысла, да бы таково штогодъ могуће быти могло.

Овое кодъ мене разсмотренїя обновило, коясу мени прећашни времена често у паметъ долазила, кадсамъ найпре принимати почео, съ каковомъ милостию Богъ у погибелемъ, кое намъ овога света преше, съ нама управля; коко чудесно мы избавлѣни и сохранѣни бывамо, башъ како да небысмо ни отдашта ништа знали, како да небысмо знали, хоћемоли овудъ или онудъ поћи нама свагда нѣки тайни знакъ на онай путъ показуетъ, кадбысмо на какови другый поћи хотѣли и башъ наша паметъ, или наша собствена склоность, или можетъ быти дѣла наша насъ позываю, другимъ

гимъ каковимъ путемъ поћи, опетъ нѣкое особно удрученіе у сердцу, о коемъ мы ништа незнамо, откудъ и отъ какове више власти оно приходи насъ бащъ принуждава овимъ путемъ поћи; и гдисе послѣ често покаже, да кадбысмо мы онимъ путемъ ходили были, коимсмо хотѣли ходити, и по мнѣнію нашему такожде моралибысмо иѣи, сасвимъ извѣстно къ нашей пропасти на срѣтеніе ишли и сасвимъ изгублѣни были. Овои више таковихъ разсмотренія даласуми поводъ, коесамъ после за постояно правило учиніо, да коликосамъ крати такови тайни знакъ или побужденіе у моему сердцу осѣти ово или оно штосамъ науміо чинити, овимъ или онимъ путемъ поћи, никадъ неизоставити овимъ тайнимъ дарованіямъ сердца слѣдовати; ако я бащъ и никакову другу причину зато доказати немогу него, да то и то побужденіе, тай и тай знакъ ощутіосамъ у души моей. Какосамсе добро кодъ наблюденія ови правила цѣлога мога живота находіо, отъ тога бысамъ могао доста примѣра довести, а особито тосе у послѣднимъ временамъ показало, коясамъ на овой нещастной Ади доживіо; и то многи случая неупоминюћи, на кое отнюдъ нисамъ нипозорствовао, и коебы безумнѣ опасніе примѣтити могао, кадбысамъ онда съ овима истима очи-

ма као садъ гледати могао. Али мудримъ быти нїе никадъ касно, и я зато ништа немогу свимъ разумнимъ человѣкомъ, коихъ э животъ овако чрезвичайни приключенїя пунъ, као што э мой, или кадъ и то небы было совѣповатисе, такове тайне знаке провидѣнїя болѣ почитовати. Отъ какова-го невидимаго существа они долазити могу, то нећу а такожде и немогу доказити; алису они доиста право доказателство о содружеству съ дуси и о тайномъ союзу съ нашима у тѣламъ живущими душами и съ онима безплотними доказателстви, коемисе башъ истино чини, и о коемућу я їоштъ способъ имати нѣколико примѣчанїя достойни примѣра слѣдствомъ мога самаћнога пребивания на овому страшному мѣсту довести.

Нећедусе читатели мои о томъ нимало чудити, кадъ имъ исповѣдимъ чисто да э овай страхъ и ужасности непреривне погибели, у коимасамъ я живїо и бриге, коесамъ имао, свимъ изобрѣтенїямъ и совѣтамъ, коесамъ я къ по правленїю мои будущи уређенїя и угодности имао, конацъ учиниле. Брига за мою свободу и безбѣдность лежала э мени садъ ближе на сердцу; нежели сама средства къ препитанїю. Садъ отъ страха нисамъ смѣо ни чивїю или ексеръ еданъ у дуваръ ударити, да-

се лупа отъ тогъ небы чула; іоштъ манѣ изъ тога узрока пуцао изъ пушке мое; а отъ свію другїй вещи быосамъ у тысящи брига, кадсамъ ватру на ложїо, да мене дымъ, коисе даню верло издалека видити могао, небы издао. Изъ ове причине совершаваосамъ отъ садъ сва дѣла моя коясу ватру изискивала, као н: п: лонце и луле жећи и и прочая у моме новоме обыталищу у шуми: гдисамъ я такожде послѣ нѣкоего задержанїя онде на мою неописану радость едну сасвимъ нравну яму у земли нашао, коя э врло дубоко унутра ишла и у кою доиста никакови дивякъ, башъ кадбы предъ нїомъ стаяо, сердца небы имао ући, а іоштъ манѣ гдигодъ каковїи другїй человѣкъ на свѣту, кому нидошта другога тако врло нїе было, као едно свободно мѣсто наћи, гдисе сакрити може.

Шуплина ове яме была э близу кодъ краяедне велике пећине, гдисамъ я точїю самимъ случаемъ — да рекнемъ дошао, кадъ небысамъ толико излишни причина имао сва такова приключенїя Божїему провидѣнїю приписати — нѣколико дебели грана отъ дрвета отсећи и отъ ны углѣвлѣ сажећи. Али преће него штоћу далѣ поћи, морамъ съ двима шрыма речма казати, на шпосамъ углѣ ово употребїо.

Ясам-

Ясамсе бояо, као штосамъ казао, димъ кодъ мога обиталища учиниити; али хлѣбъ непећи некувати нисамъ могао я тако житивити; паломи э дакле на умъ овде, као штосамъ у Англїи видѣо, дрва подъ лончарскомъ землїомъ запалити, доклесе годъ она у суво углѣвлѣ непретворе. За тимъ угасїосамъ ватру, отнеосамъ углѣвлѣ кући, и совершиваосамъ съ нимъ безъ погибели дима све оно, къ чемусамъ досадъ ватру потребовао.

Но то све мимогредъ сѣкући и сваливаюћи овде дрвета усмотрїосамъ за нѣкомъ густомъ шумицомъ нѣки начинъ дупля. Быосамъ дакле отъ выше любопитливъ у нутра погледати, и гдисамъ, кадсамъ послѣ великога труда у яму ушао, видїо, да э доста пространа и доволно велика была, дабы я и їоштъ, можетъ быти, еданъ самномъ у ной управо стаяти могао, али истину исповѣдити морамъ, дасамъ изъ нѣ берже излетїо него штосамъ уню ушао. Ербо кадсамъ я дублѣ у яму погледао, гди э совершена тавность распростерта была, усмотрїосамъ 2: велика горяща ока, ели дяволска или человѣческа то нисамъ знао — и коясу као 2: звѣзде трепетала; ербо

э

э помраченость свѣтлости управо, у яму падала и засѣность чинила.

Малко часъ какосамсе охрабрїо и себе тысящу кратъ будаломъ наименовао, рекаосамъ у самъ себи, ткосе бои дявола видѣти, тай неваля да сасвимъ самоћанъ 20: година на едномъ пустомъ мѣсту живи, а башъ найпослѣ ни э могло ни у ями штогодъ страшнїе быти, него штосамъ я самъ быо. Овдесамъ садъ скупїо сву сердечну мою храбрость и пошаосамъ унутра тако щастно съ горящомъ лучомъ у руцы; текаръ штосамъ само 3: коракляя далѣ пошао, алисе я опетъ онако напуни страха као и прѣће. Ербо перво штосамъ чуо, было э едно дубоко уздисанѣ человѣческо, коибы какову болесть терпити имао, за коимъ э смутни шумъ аки отъ полу изговорени речи и за нымъ їоштъ едно уздисанѣ и слѣдовало. Овдесамъ натрагъ уступїо и быосамъ тако уплашенъ, да э мене хладни зной по цѣлому тѣлу пробїо; и кадбысамъ быо шеширъ на глави имао, немогу добаръ стаяти зато, да нѣга кика, коями э у высину расла, небы съ главе свалила. Но преко свега ясамъ добїо на ново бодрость, и скупїосамъ крѣпости, коликосамъ годъ могао, и съ тимъ помысломъ себе о-

петъ

петь охрабріо. Богь есть всемогућань и вездѣ присутствующь, тай мене може и овде сачувати; и такосамсе усудіо опетъ 2: коракляя напредъ поступити, и тамо уємотріосамъ мою горящу лучу мало више отъ главе держећи едногъ страшногъ старога ярца у послѣднѣму издиханію на земли лежаща, и кои башъ изъ саме дубоке старости манкати э хтео.

Покренуосамга едно мало съ мѣста, да видимъ, нећулига моћи на полѣ изићи, и онсе такожде самъ трудіо, дабы устао, али ни э быо у состоянію, и я самъ у себи помыслїо, нека онъ ту свагда лежећи остане, гди э; и кадъ э мене онъ тако уплашіо, тоће онъ доиста и свакога дивяка, коибысе усудіо унутра ући, іоштъ више уплашити, ако онъ іоштъ узживи.

Кадсамъ отъ страха опетъ къ себи дошао, стаосамъ свудъ унаоколо разгледати, коесамъ и нашао, да э яма верло малена была, рецы едно 12 *тъ* стопа простирана, али нити э округла нити четвероуголна была, и гдѣ никада рука человѣческа нинайманѣ што привредила ніе, него башъ све само дѣло естества было. Смотріосамъ такожде, да э и настражнѣй страни едно дуплѣ было, кое э у дублину далеко ишло, али

тако

тако єниско, да я и на ногахъ и рукахъ пузитисамъ морао, акобысамъ унутра хотео; кудъ э ово дуплѣ ишло, то нисамъ знао. А садъ кадъ выше свећe нисамъ имао, мораосамсе свега оканити; намыслїосамъ обаче са свећомъ и кресивомъ снабдѣнъ, когасамъ отъ фалѣ едне мушкете начинїо, опетъ овамо доћи.

Другїй данъ дошаосамъ опетъ овамо са шестъ велики свећа мога собствената дѣла (ербосамъ я верло добре свећe отъ козїега лоя правїо:) снабдѣнъ, и мораосамъ у выше речену яму 10 *тъ* кораклаи четвероношке далеко ићи: но то э мимогредъ казано — доволно дерзновено, ербо знати нисамъ могао, коликосе далеко она простирала, и кудаћу изићи. Послѣ какосамсе крозъ перву тѣснину провукао, примѣтїосамъ, да э кровъ или горня часть яме, све выши и выши а найпослѣ и до 20: стопа высокъ быо. Али то казати могу, да їоштъ никада на цѣлому острову оваковога славнога предмѣта видѣо нисамъ, као штосамъ у стѣнамъ и крову ове яме видѣо. Выше отъ стотину тисяща свѣтила бацылису, свое луче изъ стѣна на мое 2: свећe ныномъ противо-свѣтлостїю натрагъ. Што э то дакле у овима стѣна-

ма

ма было ели Дїаманти, каменїе драгоцѣнно или злато, коесамъ и найпре вѣровати могао, немогу сказати.

Мѣсто, гдисамсе я нашао, была э една чрезвичайно красна яма или грота али савимъ мрачна; патосъ био э савъ сувъ и раванъ и съ малимъ краснимъ пескомъ покривенъ, ништа гаднога видѣти небы, такожде нити паре, ниши мокроће на стѣнамъ и крову видѣти. Овде э была само една тягота при уходу, но овосамъ я держао, даће мени мѣсто свободе и прибѣжища за едну особиту ползу быти. Ясамсе доиста о овому изобретенїю отъ свега сердца возрадовао, и намыслїосамъ безъ отложенїя нѣке отъ они вещи овамо пренети, коесуми найвыше на сердцу лежале; особипо мой имушакъ баруша, и мое оружїе, као: мое две птичарице ербосамъ ихъ 3: у свему имао: шры мушкеше, коихъ э 8: у свмеу было, отъ коихъ э дакле само 5: у моему граду остало, и коесу као шопови намѣщене къ моему защищенїю за опалѣнѣ готове стояле, и коесамъ обаче кадбы ихъ годъ шребовао, отудъ сни мити могао.

При овому способу мораосамъ такожде мое буренце съ барушомъ, коесамъ изъ

мора

мора извадїо, и кое э већь мокро было, отвориши, и видѣосамъ, да вода на свима странама унаоколо нїе выше него 4: цола у нѣга ушла, а будући дасе э внѣшнѣ у тверду кору учинило, а внутренѣ равно као езгра у люски читаво и добро содержало: тако дасамъ скоро до 60: фунти верло добра баруша у среди буренца нашао, коеми э у оно време верло поволны добитакъ быо. Ясамъ то дакле све скупа овамо пренео, и никада выше отъ 2: или 3: фунте баруша у моему граду изъ страха каковога нападенїя кодъ себе задержао. Све олово, коесамъ за кугле правити держао донесамъ у ову яму.

Ясамъ у свачему тако преуспѣвао, као еданъ отъ стари Рисова, коису, као штосе сказуе, у яма и дупли пећина обитавали, гди къ ныма нитко живи доћи нїе могао, и ясамъ увѣренъ быо, да акобы мене и 500: дивяка потерали, они мене опетъ, кадбы я већь овде быо, никада небы могли наћи, и акобыме башъ и нашли, небысе опетъ усудити смѣли, мене овде напасти.

Онай сипари яракъ, когасамъ овде нашао, манькао э сутра данъ у уходу яме и верломисе лакше учинило овде велику яму ископати, нѣга тамо бацити и землїомъ по-

крити

крити нежели нѣга на полѣ извлачити, и закопаосамга дакле овде, дабы носъ мой отъ свакога злога мириса сачувао.

Кадсамъ веħь садъ 23: године мога живота на острову провео и мѣсто и уживанѣ мое навикао, него само дасамъ їоштъ извѣстанъ быти могао, да неħеду какови дивяцы овомо доħи и мене узнемирити, я бы доиста сасвимъ удоволянъ быо, цѣли остатокъ мога прочега живота и башъ до самога послѣднѣга мога издиханїя овде провести, докле годъ небы као и онай стари вождъ стада (ярацъ) у яму пао, и духъ мой Богу предао. Ясамъ веħь толико далеко дошао быо, дасамъ себи нѣка увеселенїя и забаву прибавїо, коясу учинила, да э мени време много радостнїе нежели преħе пролазило. Первосамъ мога папагая говорити учїо и онъ э све тако исто правилно и ясно изговарао, дасамъ я о томъ неисказану радость имао и онъ 26: лѣта самномъ живяше. Коликое онъ послѣ тога живити могао, то незнамъ; него толико, дасамъ у *Бразїлїи* чуо, да птице ове стотину година живити могу. Можетъ быти, да нѣкои отъ мои папагаїа їоштъ и садъ на острову живу, и непрестано *сирото Робїнъ Круссе* вичу. Я доиста ни

едному

едному Англезу тую несрећу нежелимъ онамо доћи и ны слушати; али акобысе случило, тобы онъ сасвимъ извѣстно мыслити морао, да то дяволъ овде быти мора, пасъ мой быоми э пуны 16: лѣта верло поволни и вѣрни содружникъ и отъ саме дубоке старости морао э манькати. Штосе э мои мачака дотицало, онесусе съ почетка тако умножиле быле, дасамъ я на послѣдокъ принужденъ быо ны потући, да небысу мене самога, и све штосамъ годъ имао, изѣле. Послѣ какосамъ оне две старе, коесамъ сасобомъ донео, отерао, и друге свагда отъ себе на друго време отеравао, и оне кодъ мене за ело ништа наћи нису могле, подивячилесусе и отишле све у шуму кромѣ еднога пара мои любимїй, коесамъ питомо воспитао, и ныне мачиће, кадсу кое добиле, абїе у воду бацыо, овесу такожде чиниле едну часть мога домаћега дружства. И кромѣ ови держаосамъ свагда два или три мала ярчића, коесамъ изъ руке ясти научїо. Тако дакле имаосамъ їоште выше папагая, коису сви верло добро говорили, и сви *Рубінъ Круссе* викали, ако башъ не сви онако као мой первый, ербо съ ныма и толико труда нисамъ имао, као съ оним первимъ. Такожде морскїй птица,

коихъ имена нисамъ знао, коесамъ на брегу уфатїо и припитомїо и крила подстригао, и кое послѣ кадсу тачке, коесамъ предъ зидомъ мога града насадїо, вѣсе украсанъ лѣсъ премѣниле быле, све тамо живиле, и на ниски дрвети леглесе, кое э моя велика радоєть была, и такосамъ, као штосамъ казао, животъ мой овде сасвимъ удоволно проводїо, кадбысамъ само отъ погибели дивяковъ свободанъ быти могао.

Али э за мене штогодъ друго опредѣлено было, и сваки, кои ову повѣсть чита, може отудъ полезну науку примити, да врло често у животу нашему оно штасе найвѣћма ошаяти тражимо, и да намсе, кадъ вѣћь у то падкемо, найстрашнїе чини, башъ право средство и врата къ нашему избавленїю водяща есть, и да тими отъ свїю противностей нашихъ избѣгнути можемо, у коясмо пали. Я бысамъ то неизброенимъ числомъ примѣровъ мога живота освѣдочити могао: и што никадъ онако: примѣчанїя достоинимъ начиномъ нїесе показало, као у послѣднимъ лѣтамъ мога самоћнога на овой Ади препребыванія.

Када э вѣћь мѣсецъ Декемврїй у моему 23*му* лѣту быо; и да э южни вѣтаръ

тарЪ (ербо зимомЪ нїесе могло назвати:) и време мое жетве было, и вышесамЪ на полю нежели кодЪ куће быти морао. Кадсамъ еданъ кратъ уютру, пређе него што э данъ быо, на полѣ изышао, видѣосамъ за велико чудо свѣтлость отъ нѣке ватре на брегу, рецы 2: мїлѣ далеко отъ мене, и башъ при краю острова, коесамъ я примѣтїо и дознао, дасу дивяцы али не на моей него на оной другой страни острова были, али э ово садъ на мою велику жалость на моей страни острова было.

Ясамъ доиста о овоме усмотреню сасвимъ уплашенъ быо, и абїе у нѣку малу шумицу фришко побѣгао, изъ кое отъ страха, да не бы нападенъ быо, на полѣ изићи нисамъ смѣо. А и у шуми нисамъ мира имао, ербо э мене ова брига утѣснявала, да небы мое їоштъ полакъ пожнѣвено жито или гдигодъ едно мои зданїя или ограде видѣли, изъ чегабы абїе дознати могли, да жителя на мѣсту овому имаде, и послѣ отъ траженя небы престати хотѣли, докле годъ башъ и мене самаго небы нашли. У овой бѣди и страху повратїосамсе у мой градъ натрагъ, узвукаосамъ лѣствицу засобомъ унутра и уредїосамъ сведа

дивячно и нравно буде, како штосамъ болѣ могао.

Затимъ ставїосамъ себе у возможно защищенїя станѣ, дабы све мое топове, као штосамъ ихъ називао, то есть мое мушкете, коесу на моему новому граду намѣщене быле, ктому їоштъ и мое пиштолѣ, и быосамъ намышлѣнъ себе до послѣднѣга часа крѣпко бранити; причему нисамъ заборавїо сердечно Бога призвати, да бы мене изъ руку ови Варваровъ избавїо. У овому стаяосамъ рецы 2: сата дуго, алисамъ я почео отъ выше нестерпѣливъ бывати извѣстїе добити, како на полю стои; ербо Шпїона когабы онамо послао, нисамъ имао.

Послѣ нѣкоего часа сѣдеħи и мыслеħи шта у овому случаю започети имамъ, нисамъ могао напослѣдокъ выше терпити и дуже у неизвѣстности овой остати; намѣстїосамъ дакле лѣствицу мою на страни брега, гди э равно мѣсто было, узвукаосамъ ю за собомъ, и намѣстїосамъ ю опетъ, и тако попеосамсе на верхъ берда. Овдесамъ извадїо мой пусулъ, когасамъ на тай конацъ съ сасобомъ узео, легаосамъ на тербу на землю доле, и гледаосамъ къ

мѣсту

мѣсту оному. Абїе усмотріосамъ найманѣ до десетъ дивяка, коису наги голи около ватре, коюсу наложили, сѣдили. Мыслїосамъ, ватру нису отнужде наложили, дабысе грѣяли, ербое и безъ тога чрезвичайна врућина была, него на онай конацъ, као штосамъ я мыслїо, еданъ ныни Варварски ручкова отъ меса человѣческога уготовити, коесу они — ели живе или мертве, я знати нисамъ могао, съ собомъ овамо донели.

Ималису два чуна съ собомъ, коесу къ брегу привукли, а будући да э онда башъ време приплива было, учинимисе, да оны на отпливъ чекаю, да съ острова опетъ натрагъ отиду. Страхъ, кога э ово позорище у сердцу моему пробудило, едва се помыслити може, а особито кадсамъ ихъ на моей страни острова и їошћъ къ тому тако близу себе видѣо. Али кадсамъ я већь еданъ кратъ примѣтїо, да они другоячїе нежели съ припливомъ овамо доћи немогу, тосамъ и я запимъ мирни быо, и себе увѣрїо, да я преко цѣлога овога приплива и отпплива времене у полной свободи по цѣлой Ади моей ходити могу, ако они већь преће тога небы на суву были. Такожде послѣ овога искуства, и ишао-

самъ

самъ на полско дѣло мое съ мирномъ душомъ, како годъ штосамъ я мыслїо, онако и было. Ербо едва штосе отпливъ къ западу кренуо, ясамъ ны свїю смотрїо у ныне чунове улазећи, и вообще отъ овудъ веслаюћи. Заборавїосамъ сказати, дасу они еданъ читавъ сатъ преће него штосу отишли, коло уватили и играли, при коемсамъ я све скокове и поскакиваня нына на мой пусулъ гледећи верло добро и ясно видѣти могао. Съ моимъ остримъ примѣчанїемъ смотрїосамъ такожде, дасу они сви наги голи были, и нинайманѣ што на тѣлу имали; есули жене или люди были, то разznати нисамъ могао.

Какосамъ видѣо, дасу они у чунъ ушли и отишли, узеосамъ што скорїе мое 2: пушке на лећа, и заденуосамъ пиштолѣ запоясъ, припасаосамъ мой велики мечь безъ корица, и поспѣшїосамъ овако вооруженъ хитно къ оному беряу, гдисамъ найпре дивяке опазїо. Кокосамъ онде дошао био, коесе текарь послѣ 2: сата (ербо акосамъ я башъ спѣшїо, коликосамъ годъ могао, то опетъ съ тешкимъ оружїемъ натоваренъ нисамъ онамо онако фришко доћи могао, као штосамъ желїо:) усмотрїосамъ, дасу іошть и друга три чуна съ дивяцы на

овому

овому мѣсту была, и кадсамъ їошть далѣ погледао, видѣосамъ, дасу они вечь сви заедно на морю были, и къ сталной земли пловили.

Овое едно страшно позорище замене было, особито кадсамъ долѣ на брегъ дошао, и гадни трагъ усмотрїо, кои э отъ ужаснога дѣла, когасу они учинили, за ныма остао, то есть крвь кости, и комади человѣческихъ тѣлесъ, коясу ови безчеловѣчницы съ полномъ радостїю и увеселенїемъ изѣли. Овое мене наново такове ревности противъ ны напунило, дасамъ я намыслїо изаклеосе первога, коими предъ очи доће, танетомъ моимъ на хрпу стровалити, и акобы ихъ башъ толико много было, коликому драго.

Учиниломисе то башъ истино быти, да посѣщенїя, коя они овому острову чине, верло рѣдка быти мораю; ербо э прошло више отъ 15 мѣсецы, доксамъ я найманѣ што отъ нихъ чуо, или видѣо. У кицно време немогу они и безъ тога излазити а найманѣ овако далеко усудитисе. Но прико света тога ясамъ опетъ цѣло ово време у непрестаномъ неспокойству проводїо страха ради, да не бы они изненада овамо дошли и на мене напали. Отъ овудъ ви-

дѣти

дѣти можемо, да э много горе каково зло или напасть очекивати, нежели то башъ дѣйствително терпѣти, особито кадсе отъ овакога чаянїя или страха никоимъ начиномъ освободити неможемо.

Ово цѣло време ходїосамъ убїйства мыслими напунѣнъ, и съ тимъ многе часе изгубїо, коебысамъ на штогодъ болѣ употребити могао, и съ тимъ дасамъ размышлявао, какоћу ихъ, кадъ ихъ первый кратъ усмотримъ, вребати и напасти, акобы они као послѣдни кратъ у две части раздѣлени были. Али притомъ непомысли, акобы ихъ 10 *то* и до 12 тъ отъ едне части убїо, то бы можетъ быти первога дана Недѣлѣ или мѣсеца опетъ други овамо дошли, коебы такожде убити морао, пакъ послѣ опетъ други, и тако на вѣкъ, докле я небы на послѣдокъ онакови убїйца, као штосу и они человѣкоядцы, или можетъ быти їоштъ гори постао.

Ясамъ дакле дневе мое у найвећему страху и неспокойству проводїо, ербосе ништа другога надао нисамъ, нежели данасъ или супра овимъ немилосерднимъ созданїямъ у руке пасти. Кадсамъ кадкадъ на полѣ изишао, тое съ великомъ бригомъ и позорностїю быти морало, коясе икадъ по-

мы-

мыслити може. Садсамъ съ великимъ утѣшенїемъ добро провидѣо, какова э то велика срећа за мене, дасамъ я себе са стадомъ питоме марве снабдѣо, ербосе садъ већь нисамъ смѣо усудити ни едну пушку избацити, а найманѣ на оной страни, гди дивяцы обыкновено долазу, и то отъ страха да небы међу ныма какову буну учинїо; и кадбысу башъ за садашни кратъ отъ мене умакли были, тобы я опетъ сасвимъ увѣренъ быо, дабысу они у нѣколико дана можетъ быти и съ две три стопине чунова опетъ овамо дошли, пакъ бы я онда знао за Госу.

Међу тимъ прошло э едно цѣло лѣто и три мѣсеца, доклесамъ я опетъ еднога овихъ дивяковъ видѣо; текаръ послѣ овога времена нашаосамъ я ны опетъ, коећу садъ абїе сказати. Онису можетъ быти међу тимъ їоштъ кои кратъ овде были, али можетъ быти, дасе они овде нису за дуго задержали, или я о ныма ништа чути нисамъ могао. Али у мѣсецу маїу по моему брою и у 24 *му* лѣту. мога овде пребываня сусрѣосамсе я съ ныма на нѣки особити начинъ; коећу на мѣсту гди валя сказати.

У времену ови 15 *тъ* мѣсецы было э душевно мое неспокойство врло велико.

Ни-

Нисамъ спавао мирно, и имаосамъ свагда страшна сновидѣнїя, и скочїосамъ много крати у полноћи изасна. Даніомъ утѣсняваo э мене непреривни страхъ, а ноћомъ сниваосамъ о убїйству дивяковъ и причинама, чимћусе зато оправдати. Али и то све да на страну метнемъ. Было э у средъ маїа 16 данъ, какосамъ мыслїо, ако моему сиротинскому дрвеному Календару повѣрити могу (ербосамъ я їоштъ свагда дневе у стубъ урезивао) дакле э то 16 *ти* данъ маїа отъ прилике быо, када э цѣли данъ страшна муня, и грмлявина съ послѣдствующомъ олуїомъ рикала и сѣвала; и послѣ тога врло страшна ноћь слѣдовала, башъ кадасамъ я незнамъ каковимъ особнимъ поводомъ Бїблїю читао, и у сасвимъ занешене мысли о моему садашнѣму стаю углубльѣнъ быо; кадсамъ я на еданъ кратъ съ великимъ удивлѣнїемъ *exo* или гласъ отъ топа, кои э, какосамъ мыслїо, на морю опалѣнъ быо, чуо.

Ово э быо, као што лако мыслити можемо, страхъ сасвимъ особногъ Качествa нежели сви други, коесамъ досадъ имао; ербо э ово мысли сасвимъ другога начина у сердцу моему пробудило. Скочїосамъ, штосамъ скорїе могао, горе, и тай часъ

часъ средствомъ мое лѣствице на верху брда створїосе, и башъ у оному часу, кадъ э мени пламенъ втори гласъ топа возвѣстїо, когасамъ я, рецы: у полъ мїнута чуо, и изъ гласа къ мене дошедшега познао, да э то на оной страни моря, гдисамъ я рѣкомъ съ моимъ чуномъ баченъ био.

Омасамъ помыслїо, да мора какова лађа на морю у нужди быти, коя э можетъ быти їоштъ какову другу сасобомъ имала, коей э овимъ нужде пуцанѣмъ знакъ дати хотѣла, да она помоћи нѣне требуе. Ясамъ у овому магновенїю ока їоштъ доволно присутствїе духа имао, дасамъ помыслїо, ако онде и ништа помоћи немогу, тобысу можетъ быти они мени помоћи могли; и тако фришко и штосамъ скорїе могао сва сува дрва на едно мѣсто скупїо, начинїосамъ отъ ныхъ доста велику хрпу, и запалїосамъ ю горе на брду. Дрва быше сува и горѣше полно свѣтлимъ пламеномъ, и башъ ако э вѣтаръ и врло яко дуао, горела э она опетъ до края, тако да лађа кадбы можетъ быти една была, ватру сасвимъ извѣстно видѣти морала, као што ю э и безсумнѣ видѣти могла. Ербо какосе э ватра моя упалила и дигла, чуосамъ я опетъ послѣ едно отъ топа *exo*, и за-

нымъ-

нымъ їоштъ различне друге, и то све отъ оне стране моря, како штосамъ казао. Такосамъ содержавао я ватру мою цѣлу ноћь, башъ до самога дана, а кадъ э башъ полни данъ быо, и воздухсе исчистїо, усмотрїосамъ съ ове пустинѣ у страни къ востоку у нѣкоемъ врло далекомъ одалѣнїю нѣчто на води пловуще, кое башъ и на пусулъ мой разазнати нисамъ могао, ели лађа подъ растегнутимъ парусомъ, или точїю разбитакъ отъ лађе быо; ербо э то врло далеко удалѣно было, а и воздухъ э найманѣ на морю їоштъ свагда малко магловитъ быо.

Овако цѣлъ данъ и често онамо глеђаюћи усмотрїосамъ, даде предмѣтъ тай нимало некреће. Изъ тогасамъ ома заключїо, да то мора какова годъ на мачки стоећа лађа быти; и любопитливъ, како што лако мыслити можемо, вещъ ову са свимъ дознати, шта э, узеосамъ мою пушку у руке и поспѣшїосамъ у юже - восточну страну Острова ко оной клїсси или камену, гдисамъ преће тога рѣкомъ похищенъ быо; попеосамсе горе и отовудъ могаосамъ, ербо э време чисто и красно было, башъ совершени остатокъ лађе видѣти, коясе ноћномъ на овима сакривенима седрама разлупала

пала, коесамъ я съ чуномъ моимъ идући овудъ такожде нашао, и кое онда, кадсу оне силу рѣке проузроковале, и нѣки видъ отъ противо текуще рѣке учиниле, способъ мени дале изъ найочаятелнѣга и сваке надежде лишенога стања, у коему я їоштъ никада было нисамъ, избѣгнути.

Тако есть, што едному человѣку спасенїе и щастїе быва, често другому погибель снискава. Ербомисе чини, дасу ови сиромаси люди, когасу народа были да были, кадъ већь выше знали нису, гдисе находе, на ове морске седре, коесу сасвимъ у води сакривене быле, ноћомъ силнимъ восточносѣвернимъ вѣтромъ бачени были. Можетъ быти, да они Острова видѣти могли нису; ербо кадбысуга видѣли, то бысе они, као штосамъ я мыслїо, потрудити морали, да бысе у чамцу нынемъ овде насуво избавити могли. Али ныно пуцанѣ, особито кадсу они, као штосамъ я помыслїо, мою ватру видѣли, проузроковало э мени опетъ различите мысли. Наипре помисліосамъ, кадсу они ватру мою усмотрили, дасу можетъ быти, у чамацъ нынъ ушли, трудилисе, дабысу къ сувоме доћи могли, али када э море верло высоко нарасло, на страну бачени были. Далѣ помисліосамъ, дасу

они

они можетъ бити чамацъ нынъ изгубили, као штосе то у многими случаи догодити може, особито ако таласи и волна врло о лађу удараю, гдисе често чамацъ на двое разсећи, или собственомъ рукомъ отъ лађе бацити мора. Други кратъ опетъ помисліосамъ, моглису они у каковой другой лађи или съ лађама у содружеству бити, коису къ ныма на ныно нужде пуцанѣ на помоћь дошли, и ны къ себи примили. И томиисе за вѣроятно бити учинило, дасусе они сви заедно у нынимъ чамцу на воду отисли отъ оне рѣке, коя э и мене похитила была, у велики *Океанъ* похищени были, гди э на ны неволя и пропасть очекивала, и гдиђеду они можетъ бити еданъ другога отъ глади изѣсти морати.

Но све ово далѣ ништа ніе было него само едно размышлѣніе. Я дакле у овому стаю, у коемусамсе находіо, ништа друго чинити нисамъ могао, нежели неволю ови сиромаха люди размышляваши, и о ныма соболѣзноваши. Случай овай имао э найманѣ доброе дѣйство кодъ мене, да э онъ мени свагда выше повода дао Богу благодарити, коисе за щастіе и увеселеніе мое, такожде и у овому изостављѣному стаю овако отечески побринуо, дасу већь две лађе у

овой

овой части свѣта Кораблѣкрушеніе терпиле, и кромѣ мене еднога ни една душа ніесе спасла. Изъ овога научіосамъ на ново познавати, да насъ провидѣніе Божіе рѣдко у онаково хрђаво станѣ живота или у онакову велику неволю поставля, гди мы небы свагда многое, што нашу благодарность изискуе, нашли, и други іошть у много бѣдныма обстоятелствы стаяти могу, нежели мы.

Ово э доиста случай кодъ ови люди было, гди я ни найманіомъ сѣнкомъ истине само мыслитисамъ могао, дасе э само една душа отъ ныхъ спасла, Све штосамъ я разумнимъ начиномъ іошть желити или надатисе могао, было э то, дасу они можетъ быти отъ какове друге лађе нынога содружества примлѣни быти могли; а и то э было само еданъ могућни случай, о коему я ни найманѣга знаменія или сѣна нисамъ видѣо.

Никакове речи нису доволно силне внутреню желю и закпеванѣ исказати, кое э душа моя при овому взору чувствовала, и коесусе кадъ кадъ у ове речи просуле: Кадбы само еданъ или два, ахъ! само еданъ отъ лађе избавлѣнъ и къ мени дошао было! дабысамъ точію само еднога содружника,

едно

едно созданїе мое врсте имао, сЪ кимбысамЪ говорити и дружитисе могао. Цѣло э време мога самоѣнога живота нисамЪ їоштЪ никада овакову озбилску топлу желю за содружествомЪ мое врсте созданїя имао, и їоштЪ никада овакову внутреню жалостЪ за недостатокЪ таковимЪ чувствовао!

Имаду нѣки подбадачи у нашима пожеланїяма, кои, кадЪ гдигодЪ каковимЪ предмѣтомЪ близу или далеко, души силомЪ, убавлѣнїя крѣпости, присутствующЪ быва, и у движенїе ставлясе, и душу сЪ таковимЪ силнимЪ нестерпѣнїемЪ за онииЪ предмѣтомЪ похищаваю, да отсутствїе таковаго предмѣта нїойзи сасвимЪ несносно есть.

Оваковога истога Качества былесу оне внутренѣ желѣ: кадбысе само еданЪ едини человѣкЪ оттудЪ спасти могао! *Само еданЪ едини! Само еданЪ едини!* — Ове речи: *еданЪ едини!* есамЪ доиста тисящу кратЪ повторїо; и желя моя была э сЪ тимЪ тако возбуждена, да кадсамЪ то изговорїо, рукесамЪ тако склопїо и прсте тако яко стискао, дабысамЪ све оно, штобысамЪ у руку имао, быо здробїо; и зуби мои тако твердо шкрипанѣмЪ стискошесе, да ихЪ за луго расклопити немого.

Све

Све то и причину и начинъ како то быва, нека естества испытатели изясне. Све што я о томъ сказати могу, есть то, да я вещь башъ самъ описуемъ, коя э в'ѣкъ за мене самога доволно чудна была, кадсамъ ю примѣтїо и разабрао, ако башъ праву причину отъ тога сказати немогу; морало э можетъ быти дѣйство мои тепли и жестоки представлѣнїя у моей души быти, кое э услажденїе, штобы содружество еднога моега сохрїстїанина мени было содѣйствовало. Но то еданъ кратъ да реknемъ нїе хотело быти: нынъ или мой случай или можетъ быти обоихъ судбина, нїе допустила да то буде. Ербо башъ до послѣднѣ године моего овде бытія нисамъ искусїо никада, елисе ткогодъ отъ оне лађе избавїо или не; и имаосамъ само нѣколико дана затимъ, на мою велику жалость ужасни взоръ еднога утоплѣнога Матроса на верху Острова, гдїе разбитокъ или комадъ отъ лађе лежао, на брегъ дотерана видѣти. Онъ на тѣлу ништа имао нїе, кромѣ обыкновени матроски перслукъ, платнене чакшире, и платнену кошулю; али ништа изъ чегабы я познати могао, кога э народа онъ быо. У нѣгови жепови нїе было ништа другога нежели два таліра, и една

лула; коя э замене много вредныя была, нежели оно сребро.

Садъ кадъ э веће море тихо было, имаосамъ велику желю у чуну моему къ ономy остатку иће, не дабы у памети имао, даће я тамо штогодъ наћи, штобыми отъ потребе было; и томи ніе лежало тако врло на сердцу, као могућность, него то мыслїосамъ, даћу тамо, каково живо созданіе наћи моћи, коему, несамо штоћу я животъ спасти, него башъ и мой собствени овимъ случаемъ много благополучныи учинити могу. Овай э помысль мене тако усиляваo, да я данъ и ноћь мира имао нисамъ, докъ нисамъ у чуну моему къ оной разлупаной лаћи отишао, а друго како было, да было, отложїосамъ све Божїему провиђенію; еданъ кратъ было э удруженіе, кое э ово души моей учинило тако силно, да я нѣму башъ отиюдъ противостати нисамъ могао, и нѣга за нѣки невидими знакъ држати морао, кога ако неучинимъ, хоћу врло согрѣшити.

Силомъ овога удруженія принужденъ поспѣшїосамъ у градъ мой натрагъ и прибавїосамъ абїе све што э къ путешествїю моему нуждно, спремїосамъ хлѣбъ, еданъ велики бокалъ фришке воде, Компасъ, едну

флашу

флашу сладке ракіе, (ербосамъ отъ тако-вогъ іошть свагда доста имао) и едну пуну котарицу суварка. Овако сасвима потребностми натоваренъ; отишаосамъ къ моему чуну, и исплюскаосамъ воду изъ нѣга, преправіосамга за пловъ, и сложіосамъ савъ мой товаръ на нѣга, пакъ опетъ повратіосамсе куѣи, да іошть штогодъ више узмемъ; мой другій товаръ состояосе изъ еднога великога жака пунъ пірінча, солнечномъ обраномъ (щитомъ) іошть еднимъ пунимъ лонцемъ фришке воде, іошть изъ еданъ паръ тестета мой мали самунчиѣа, или пита, ечменогъ хлѣба, съ едномъ флашомъ козіега млека, и еднимъ сиромъ: Све ово донеосамъ съ великимъ трудомъ и зноемъ на мой чунъ; и помоліосамсе Богу, дабыми на путу моему помоћникъ быо, и отискаосамсе отъ брега. Возеѣи нѣкое време све покрай бреговъ дошаосамъ найпослѣ до крайнѣга верха острова на овой страни, то есть Сѣверно-Восточнѣ. Али э садъ нато дошло на океанъ простирани навести и упуститисе; хоѣулисе усудити или не? Промотріосамъ издалека рѣку, коя э съ обадве стране острова непрестано текла, откоесамсе верло уплашіо, кадсамсе погибели оне опоменуо, у коейсамъ

вѣкъ еданъ кратъ овде быо, и онда изгубїосамъ сву бодрость мою; ербосамъ я їошт напредъ промыслїо, да ако я у едну отъ овы рѣка паднемъ, даћу верло далекъ путь на море, и можетъ быти тако далеко на пучину отеранъ быти, даћу и сами островъ изъ очїю изгубити, и къ нѣму выше никоимъ начиномъ досягнути моћи; пакъ онда, ербо э чунъ мой верло маленъ быо, кадбысе найманѣ штогодъ вѣтра дигло, тобы я доиста безъ свакаго избавлѣнія изгублѣнъ быти морао.

Овесу мысли мене тако убиле, да я отъ намѣренія и предзвятїя мога сасвимъ престати хтедо, и будући дасамъ чунъ мой у едну малу зашкулину къ брегу привукао, изишаосамъ на суво, и сѣосамъ на еданъ мали брежулякъ сасвимъ дубоко замышлѣнъ међу страхомъ и желїомъ. Сѣдећи овде у таквомъ размышлѣнїю усмотрїосамъ, да э припливъ наступати почео, кои э ловитву мою за нѣколико часова невозможну учинїо. Овдеми э абїе на умъ пало, дасе на найвыши брегъ попнемъ, кои преће наћи могу, и свакимъ начиномъ теченїе и управлѣнїе рѣкахъ да примѣтимъ, кадъ припливъ наступи, дабы изъ тога разабрати могао, ако я еднимъ путемъ на море бачень бу-

будемъ, опетъ другимъ и ономъ похищаемомъ хитростїю рѣкахъ опетъ натрагъ дотеранъ быти могу. Какомїе тай помысль у паметъ дошао, бацїосамъ очи мое абїе на едно мало бердашце, съ коего море на обадве стране прегледати мого, и такожде доволно ясно рѣке и времени входъ приплива, и кой путь натрагъ узети морамъ, примѣтити могаосамъ. Овде нашаосамъ дакле, да како годъ рѣка приплива сасвимъ близу отъ южне стране, тако и рѣка отплива близу брега сѣверне стране течаше, и да я себе, кадсе натрагъ вратимъ, само Сѣверо-странѣ къ острову держати имамъ, и онда хоће све добро поћи.

Овимъ примѣчанїемъ съ новомъ бодростїю одушевлѣнъ заключїосамъ дакле первога ютра съ первимъ отпливомъ отиснутисе, и какосамъ послѣ ноћь подъ великимъ кабатомъ у моему чуну преспавао, абїесамъ тай данъ себе на путь отправїо. Съ почетка управїосамсе малко на воду, то есть: съ руке Сѣверно, докле нисамъ стао праваць рѣке примѣчавати, кои э Восточнѣ ишао, и мене по доста добаръ комадъ похитїо, али не онако верло као штое прећашня южна рѣка учинила, и да я небы у-

состо-

состоянїю быо мой чунъ управляти: него само съ весломъ остро управляюћи пловїосамъ управо къ срушенїю лађе, и до 2: сата већсамъ онде быо.

Воистину овое ужасни взоръ быо оваково штогодъ погледати. Лађа, коя по направи гледећи шпанска э быти морала, заглавиласе э међу две камените седре крѣпко. Цѣла стражня часть или фара была э силомъ моря у комаде разлупана, а предня часть, коя э међу седрама была, морала э съ великомъ силомъ међу ны натерана быти, ербосу велика и предня катарка съ мѣста исторгнуте и доле оборене быле, а кровъ їоштъ савъ цѣлъ бяше. Кадсе већь онамо приближи, изишао э еданъ пасъ, кой кадъ э мене угледао, лаятїе и цыкати стао, и кои, какосамга вабнуо, у воду э скочїо и къ мени допливао. Ясамъ нѣга уфатїо и у чунъ мой бацыо, и видѣосамъ, да э онъ отъ глада и жеће полакъ мертавъ быо. Бацыосамъ нѣму дакле еданъ отъ моихъ сомунчића, кога э онъ съ яростїю куряка, кои э 14: дана у снѣгу лежећи гладовао, изѣо. за тимъ даосамъ овому сиротному зверчету малко фришке воде, отъ коебы онъ быо, кадбысамму допустїо, толико дуго пїо, докъ небы манькао.

Сад-

Садсамсе попео на лађу. Перво штосамъ усмотрїо; быласу! два человѣка, коису у кухини или преднѣй части лађе удавлѣни были, и коисусе руками крѣпко еданъ другога загрлили были. Отъ овудсамъ дознао, као што и истина есть, дае буря морала верло высоко преко лађе укапти, башъ кадсе насукала была, и тако непрестаюћи груваги морала, да люди усостоянїю нису были такову отерпѣти, и отъ непрестано нападающе воде тако исто, као дабы и подъ самомъ водомъ были, скапати морали.

Окромъ овога еднога пса, нїе выше ништа на цѣлой лађи было, штобы животъ имало, а такожде и никаковога добра, коликосамъ я годъ видѣти могао, кое отъ воде небы покварено было. Истина, усмотрїосамъ два буретa съ пићемъ далеко унутра лежаща, када э вода већь уступила была, али знати нисамъ могао, ели ракїя или вїно у ныма было, но брадъ верло велика быше, да я съ ныма ништа чинити немого. Него нѣколико сандука, коису по прилицы галїашки были, узеосамъ и доneосамъ на мой чунъ неотвораюћи и негледаюћи, шта унyма быти може.

Кад-

Кадбы стражня часть лађе читава а предня покварена была, тобы мени по свой прилики трудъ мога пута верло добро плаћенъ быо. Ербо по ономy, штосамъ у сандуцы нашао судећи, морала э лађа неоцѣннена богатства у свому магазину имати, и по теченію, кое э она за свой путь предузела была, безъ сумнѣ отъ тако називаемыхъ мѣстахъ *Буеносъ*, *Аїресъ*, или отъ *Рїо* дела платна у южнима частма *Америїхе*, преко *Бразїлїе* горе до *Хафаннаа* у *Мехсїканскимъ* пристанищамъ и тако далѣ у *Шпанїю* опредѣлена быти. Коликосу велика та богатства была, да была, коя э она съ собомъ носила, то дакле она садъ ни едному человѣку, кои э годъ на лађи быо, накакову ползу небыше, и штосе съ прочимъ людствомъ тамо случило, їошть онда знао нисамъ.

Окромъ сандука нашаосамъ їошть едно мало буренце, рецы отъ 20: мѣра якога пића, коесамъ съ великимъ трудомъ на мой чунъ донео; у соби быше нѣколико пушака, еданъ великїй рогъ за барутъ, у коему э рецы до 4: фунте баруша было. Пушке, кое нисамъ требовао, оставїосамъ онде лежеће, а барутъ узеосамъ сасобомъ. Узеосамъ такожде ватраль, клѣште, коеми

ми э верло отъ потребе было, їоштъ къ тому два бакрача, еданъ ибрикъ за чоколаду, и еданъ рошшиль. Съ овимъ товаромъ и съ псомъ отправїосамсе я, ербо э припливъ опетъ растити почео, моимъ путемъ натрагъ, и дошаосамъ ту исту вечеръ, но еданъ сатъ касніе ноћу, крайнѣ уморанъ и утруженъ на островъ.

Ову ноћь преспаваосамъ у чуну и сутра уютру намисліосамъ ове добыте вещи у мою магазу (яму) спремити, а не къ сталному граду моему носити. Послѣ какосамсе малко окрѣпїо, изнесаосамъ цѣли мой еспапъ на брегъ, и почеосамъ све комадъ по комадъ разгледати. Буренце оно съ пићемъ, како штосамъ нашао, была э сладка ракія али не онаковога начина и онако добра, као наша у *Бразилїи*. А кадсамъ сандуке отворїо, нашаосамъ у ныма многе вещи, коесуми отъ потребе быле. Нашаосамъ н: п: у едному сасвимъ прекрасна канавета за флаше, отъ чрезвичайно краснога посла съ чистимъ и верло добримъ кардїаломъ напунѣна (мирислива вода отъ *Аромать и Алоевъ*:) у сваку отъ ови флаша могла э отприлике полдруга мѣра стати, и на верхусу све сребромъ оковане быле. Такожде нашаосамъ два лонца пуна Суккадо

до сѣ шећеромъ начинѣне вещи тако добро затворена, да слана вода ныма никакове штете учинити ніе могла; їоштъ такова два лонца, кое э обаче вода покварила. Далѣ нѣколико добри кощуля, о коимсамъ башъ казати могао, дасуми добро дошле; и до полъ туцета бели платнени у жепъ, и шарени на вратъ марама. Овесуми башъ верло отъ потребе и чрезвичайно угодне биле, ербосамъ сѣ ныма, када э данъ верло топаль быо, зной сѣ лица убрисати могао. Кадсамъ затимъ на фїочице у сандуцы дошао, нашаосамъ їоштъ три велике кесе пуне *Шланскїй* таліра, коихсе у числу до 1100: комада состояло; и у едной отъ ови кеса 6: комада злата и нѣколико мали грудица злата, кое э рецы све заедно до едну фунту тешко быти могло, у папїеру завїено.

У другому сандуку быше, као штомисе учинило, нѣколико комада халата али отъ мале цѣне, изъ свїю обстоятелстви судећи морао э онъ настойникова остава быти, ако башъ и никаковога другога барута овде ніе быо, него рецы до 2: фунте фїнога у 3: флашице, кои э безъ сумнѣ за птичарице спремлѣнъ быо. Вообще нисамъ на овому путу ништа добїо, штобыми

на

на какову особну ползу быти могло: Ербо штосе э новца допицало, тога нисамъ ни на какови начинъ употребити могао, и онисуми были толико исто вредни, како годъ и блато подъ ногама, какобы я сдраге волѣ све оно, штосамъ годъ отудъ донео, само за два или три пара Англїйскїй цыпела и чарапа дати хотѣо. Овосу биле вещи, за коимсамъ я отвыше гинуо, ербо ихъ већь отъ много година на ноге мое обуо нисамъ. Истина дасамъ еданъ паръ ципела оному утоплѣнику съ ногахъ свукао, їоштъ еданъ паръ нашаосамъ у едному отъ ови сандука, о коемсамъ отъ выше радостанъ био; али такове нити у доброти ни у угодности съ нашима Англїйскима далеко сравнитисе немогу, него вообще или много выше оно быше, што мы шлопаре а не цыпеле называмо. У другому матроскому сандуку нашаосамъ 50: комада шпанскїй талїра али не у злату.

И ове новце дакле скупїосамъ и отнесамъ у мою магазу како годъ и оне перве, коссамъ на нашой лађи нашао; али э вѣчна штета была, као штосамъ казао, да она друга страна лађе нїе на мою ползу была: ербосамъ то знао извѣстно, дабы я мой чунъ нѣколико крати съ самимъ

зла-

златомъ натоварити могао, и да кадбы већь еданъ кратъ у *Англію* дошао, међу тимбы оно овде већь доволно сохранѣно было, докъ бы я нѣга отовудъ опетъ узети и отнети могао.

Послѣ какосамъ све вещи мое на суво и усвободу донео, отишаосамъ къ моему чуну натрагъ, и отвезаосамга покрай брега на нѣгово старо мѣсто, гдисамга утвердіо и свезао; и штосамъ скорїе могао опетъ къ моему старому обиталищу повратїосе, гдисамъ я све тихо и мирно и удоброму станю застао. Садсамъ започео малко отпочивати, по старому обычаю моему живити, и моя домашня дѣла прискорбляватти. Овако дакле живїосамъ нѣкое време верло мирно и угодно; само дасамъ позорнїи быо нежели иначе, честосамсе отвраѣао и огледао, и неисходи често на полѣ. Кадсамъ кадъ кадъ мало и безбрижнїе на полѣ усудїосе, тое свагда къ восточной страни острова было, и гдисамъ извѣстанъ быо, да никакови дивяцы недолазе, и гдисамъ я безъ толике многе опасности, и безъ толикога бремена, оружїя, косамъ свагда, кадсамъ другимъ коимъ путемъ ишао, собомъ узети обычествовао, уѣи могао.

У оваковому станю живїосамъ їоштъ едно 2: године непреривно. Али луда глава моя, коями э свагда примѣтити дала, да э она само зато на мени, дабы тѣло мое несрећно учинила, была э цѣле ове 2: године съ самима планови и совѣти напунѣна, небыли могуће было изъ овога острова измакнути? кадъ кадъ помисліосамъ їоштъ едно путешествїе къ оной разбїеной лађи учинити, акоми э башъ и паметъ моя ясно казивала, да тамо више ништа нейма, штобы трудъ платити могло, онамо иђи. Кадъ кадъ имаосамъ волю часъ овамо часъ онамо проходити и лутатисе, и мисліосамъ доиста, кадбысамъ онай чамацъ имао, у коемусамъ изъ *Салее* побѣгао, я бысе у нѣму на срећу упространость моря у пустити усудїо, и башъ незнаюћи камо и на кою страну?

Ясамъ свакїй кратъ, и у свима мойма обстоятелстви увѣщателни примѣръ за онакове быо, койсу общомъ болестїю чечеловѣческаго рода, откуду доиста половица отъ све ныне неволѣ приходитъ, отроврни; а съ тимъ найменовано, да они съ онимъ станѣмъ никада удоволни нису, у кое э ны Богъ и естество поставило. Недолазећи обаче садъ къ моему первому

стаю

станю, и преизрядному совѣту отца моего натрагъ, (упорство, противность; спроћю коего мой наслѣдствени грѣхъ, какога башъ и назвати могу, бяше:) досу дакле мое послѣ пришедше погрѣшке овога начина свагда средство было, чрезъ коесамъ я у ово неволно станѣ дошао. Ербо кадбы я био у благощастному станю, у кое э мене провидѣнїе Божїе у *Бразилїи* метнуло, мое излишене желѣ зауздати знао, и себе сотимъ у доволствовао, мало по мало далѣ доћи, то бы я онда (доксамъ на острову био:) еданъ отъ знатнѣйшихъ садовъ строителя у *Бразїлїй* быти могао. Ясамъ увѣренъ био, изъ подизаня и поправлѣнїя, коесамъ у оному краткому времену већь учинїо био и изъ далѣга доброга напредка, коибы безъ сумнѣ и слѣдовао био, судећи; могаосамъ сто тысящь *мойдоровъ*,* у моему имѣнїю лако имати, што э дакле мене могло на овай несрећни случай донети, извѣстно имѣнїе, добро уређени и снабдѣвни садови, коису свагда више, и болѣ предуспѣвали, изоставити, и као терговацъ у *Гвїнеу* ићи,

да

(*) Знатна Бразїлска монета отъ 7 мъ Талїра.

да тамо Негровъ купимъ и доведемъ, међу коимсамъ я терпѣнїемъ и прилѣжанїемъ мой капиталъ кодъ куће толико умножити могао, дасамъ я ны отъ они, коихъ э то дѣло было, ны овамо доносити предъ моима врати купити могао. И акобыме башъ и више штогодъ коштовало, то нїе была ова багателна разлика цѣне никоимъ начиномъ вредна тога ради овакой великой погибели себе подвергавати.

Али како э ово обыкновено млади безразсудни глава; такое исто обыкновено послѣ и разсужденїе, кое они о нынимъ будалаштинама чине, дѣло зрѣли лѣта или друго куплѣно искуство, тое исто дакле и кодъ мене было. И преко свега я іоштъ никадъ нисамъ могао, тако э дубоко ова погрѣшка у моему мнѣнїю начину коренъ усадила, съ моимъ станѣмъ задоволянъ быти, него мораосамъ непрестано за средствомъ мыслити, какобысамъ могућно учинити могао изъ овога мѣста себе избавити, можетъ быти, дађеду мои читатели съ већимъ услажденїемъ іоштъ и далшей части мое повѣсти слѣдовати, кадъ я ныма о первима моима умствованїяма, коя э луди совѣтъ, изъ острова отићи кодъ мене проузроковало, и на ка-

ко-

ковомъ темелю себе оснивамъ, извѣстїе дадемъ.

Да представимо, ясамсе находїо послѣ мога послѣднѣга путешествїя къ оной разбїеной лађи у моему граду, чунъ э мой на води у заклону и свободи быо, и живїосамъ као и прѣе у моему обыкновеному стаю. Имаосамъ доиста и выше новаца нежели прѣе, али съ тимъ нисамъ нимало богатїи постао, ербо я отъ тога нисамъ имао выше никакове ползе, него штосу *Індїани* у Перру имали, прѣе него штосу *Шланїери* онамо дошли.

Была э една отъ ноћи онога кишнога времена у марту у 24 *мъ* лѣту мога первога дошествїя на Островъ ове самоћности, кадсамъ я башъ у моему лађарскому кревету лежао сасвимъ здравъ безъ печали, безъ болести, безъ неугодности ни у тѣлу, ни у души, али опетъ очи къ сну затворити нисамъ могао ни еднога часа цѣлу драгу ноћь.

Колико э неможно толико э излишно оно неизброено множество мысли назначити, коесумисе цѣлу ову ноћь по глави мутиле. Представїосамъ себи цѣлу повѣсть мога живота башъ до самога мога дошествїя на овай Островъ у моему

умно-

умному описанїю (ако себе тако изяснити смѣмъ) и запимъ такожде време, коесамъ на овому Острову провео. Сравнїосамъ благополучно качество мога стаия у первима лѣти мога овде бытїя съ слѣдствомъ ужаса страха и бриге, у коимасамъ ово цѣло време живїо, откакосамъ ону стопу у песку видїо. Не тога ради дабысамъ о томъ сумняо, дасу дивяцы цѣло ово време и често Островъ посѣщавали, и коихъ э можетъ быти кадъ кадъ и стопина на брегу быти могло; и будући да я о томъ ништа нисамъ знао, слѣдователно отъ тога и страшитисе нисамъ имао, то э опетъ удоволствїе мое сасвимъ совершено было, акосамъ я башъ и у немалой погибели живїо; а будући да я погибель мою нисамъ знао, тосамъ я опетъ преко свега доволно срећанъ быо, башъ као да небыћ таковой погибели ни подверженъ быо. Овоми э дало поводъ къ многимъ прехвалнымъ разсмотренїямъ, а особито овимъ: како э їошть преко свега благо и добро провидѣнїе Божїе, да э оно у управлѣнїю своему съ человѣческимъ родомъ нѣговога примѣчанїя, и познанства вещей такове тѣсне предѣле поставило; ербо кадъ онъ башъ често посредъ тисящу погибелей ходитъ,

дитъ, кое кадъ онъ ны дозна, нѣга савимъ смуте и све бодрости лише, но онъ савимъ миранъ и веселъ остане, ербо э слѣдство вещей отъ очїю нѣгови свагда сакривено и погибели, кое нѣга окружаваю, опнюдъ непознае.

Съ овима мыслима забавляюћисе нѣкое време дошаосамъ садъ башъ на саму дѣйствителну погибель, у коейсамъ толико много година на овому Острову быо; и какосамъ у найвећой свободи и миру свуда ходїо, кадъ э можетъ быти ништа друго него само верхъ еднога брдашца, едно велико дрво, и случайно приближеніе ноћи между мною и найгоромъ пропастїю было, то есть: человѣкоядцемъ (дивякомъ) у руке пасти, коибысу мене у тому истому намѣренїю напали были, какогодъ што я козу или корнячу, и низакакови већи грѣхъ небысу держали мене убити и изѣсти, него какогодъ што и я еднога голуба или морскока пѣтла. Я бы самъ себи неправо учинїо, акобысамъ рекао, да я небы изъ свега сердца моему Вседержителю и хранителю благодарїо, кога цѣлое особное храненїе, коесамъ съ глубочайшомъ кротостїю признао, мени сва ова несамо еданъ кратъ познана избавлѣнія преписати нмамо,

мамо, и безъ коихъ бы я сасвимъ неошаятелно у ныне немилосердне ногте пастри морао.

Кадъ већь ове мысли прођоше, имаосамъ за нѣкое време разсмотренїя о качеству ови гнусни созданїя, то есть дивяковъ, како то быти можетъ, да мудри Владѣтель свїю вещи само нѣкое своихъ созданїй у оваково безчеловѣчїе и доиста їоштъ къ чему горему, нежели штосу дивїи звѣри, то есть свою собствену браћу изѣсти предати э могао? А кадсе ово съ нѣкоима онда їоштъ сасвимъ неполезнима мыслима и планови окончало, дошаосамъ већь на то башъ извидѣти, у коей части свѣта ови безчеловѣчницы живѣти мораю? Коликобы далеко было до онихъ бреговъ, отъ кудъ они долазе? Шта раду они, када тако далеко изъ землѣ изилазити усућуюсе? Какови начинъ чунова они имаду? и немогулисе и мое вещи тако уредити, дабы я тако исто онамо ићи могао, као што они овамо приходе?

Штобы онда чинити започео, кадбы већь онде было? И штобы отъ мене было, кадбы дивякомъ у руке пао? И какобысамъ умакнути могао, кадбысуме они потерали? и то све ње учинило мени никакове бри-

те. Я ни помыслїо нисамъ никадъ на то, ни какобыми могуће было брегъ нынъ досягнути, а ныной потери и вребаню неподлежати, и отъ ны избѣгнути моћи. Међемъ и тай случай, башъ ако небысамъ у нынѣ руке и пао, отъ кудбы што за храну добїо, и кудабы теченїе мога пута управїо? Отъ свїю ови мысли могу казати, нїеми дошла ни едина у паметъ; него само душа моя съ тимъ э напунѣна была, какобы я съ чуномъ моимъ гдигодъ къ сталной земли приплити могао. Садсамъ стао опетъ на мое садашнѣ станѣ и живлѣнѣ гледати, као на каково найнєволнїе и найгоре, коесе икадъ помыслити можетъ, и да кромѣ смерти єаме я ни у каково веће зло пасти немогу. Дошаолибы я еданъ кратъ къ сталной земли, тобы могао можетъ быти онде какову помоћь наћи, илибысамъ могао, као штосамъ кодъ бреговъ *Афрїканскихъ* учинїо, по край брега пловити, докбы гдигодъ къ каковой обитаемой земли дошао, гдибысе какове помоћи надати могао. Можетъ быти, тко зна? дабысамъ гдигодъ на какову хрїстїанску лађу ударїо; коябыме прїимила и акобы зло на горе дошло, то небы далѣ нишпа могло быти, нежели умрети, и ондабы сва моя

неволя

неволя на еданъ кратъ совершени конацъ пріимила. Прошу примѣтити, да э свеово страхъ смутне душе, и нестерпѣливога мнѣнія было, кои э долгимъ траянѣмъ мое неволѣ у отчаяніе доведенъ было; къ чему э іошть и преварена надежда дошла, гдисамъ я вечь оно, штосамъ найвећма желіо, близу быти мыслiо, то есть на оной разбіеной лаћи кога годъ наћи, съ кимбысамъ говорити и дружитисе могао, и отъ когабы я извѣстіе о мѣсту мога пребыванія и о средствахъ себе освободити искусити могао. Чрезъ свеове мысли, говоримъ, дошаосамъ у велико неспокойство сасвимъ. Све мое душевно спокойство при преданіію воли Божіей, и очекиванѣ края о судбинамъ Небеснимъ садъ э на еданъ кратъ престало, и да тако рекнемъ, сва сила былами э отузета, дабы мысли мое гдигодъ на штогодъ друго управити могао, него башъ на само путешествіе онамо, къ сталной земли, кое э мене съ таковомъ наглостію и съ таковомъ нестерпѣливомъ желіомъ пресилявало, да я тому никоимъ начиномъ противо стати нисамъ могао. Кадъ э већь све ово читава два сата дуго мысли мое съ таковомъ жестокостію узнемирило, да э крвъ моя отъ чрезвичайне

тепло-

теплоте, у кою э душа моя тога ради пала была, започела дизатисе, и жила моя тако нагло као у грозници ударала: занесло э мене само естество, као дабы оно отъ сами ови мысли утруждено и почерплѣно было, у нѣки здрави и кротки санъ. Садъ да помыслимо, ябысамъ отъ тога сниваги морао, али я нити отъ тога, нити отъ шта другога, штобы съ тимъ у каковомъ союзу стаяло, саня; негосамъ сниваo, дасамъ я уютру као што э обыкновено изъ мога града на полѣ изишао, и на еданъ кратъ кодъ брега 2*ва* чуна и 9*тъ* дивяка усмотрїо, коису на суво излазили, и ёштъ други дивяка съ собомъ донели, коесу они башъ заклати и изѣсти хотели. Кадъ на еданъ кратъ али изпржесе и искочи башъ онай дивякъ на страну, когасу убити хотели, и бѣжао э штогодъ э могао, дабы животъ свой спасао. Менисе учинило у сну, да э онъ управо къ моей малой шумици, коя э предъ градомъ моимъ стаяла, бѣгао, дабысе тамо сакрїо, и я кадсамъ нѣга сама видѣо, а не смотрїо оне, коига тражише, показаосамсе нѣму, и глеаосамъ нѣга моимъ дружескимъ осмѣяніемъ бодростїю напоити. Онъ э пао предамномъ и являшесе мене молити, даму помогнемъ.

Затимъ

Затимъ показаосамъ я нѣму мою лѣствицу, даосаму дасе попне горе, отвеосамга у мою магазу, и онъ э постао моимъ слугомъ. Какосамъ овога человѣка добїо, рекаосамъ самъ у себи; садсе могу слободно къ сталной земли усудити; ербо овай юноша хоћеми за корманоша служити, и мени казивати што я чинити, и куда ићи морамъ, дабы средства къ препитанїю добїо, и кудъ валя да неидемъ, да небы изѣденъ быо; къ коима мѣстма смемсе усудити и коихсе ошаяваши имамъ. Башъ у средъ ови мысли пробудїосамсе, и чувствовао неисказано удручениe радости о близъ стоящей надежди мога избавлѣнїя у сну, кадъ небы неудоволствїе, коесамъ я осѣтїо, кадсамъ већь къ себи дошао, и видѣо, да э то све точїю еданъ санъ, съ друге стране опетъ толико невоздержливо было есамъ, и себе у найвеће отчаяниe бацыти.

Међу тимъ изъ овога учинїосамъ я опетъ совѣтъ, да едно едино средство отовудъ избѣгнути есть еднога дивяка у властъ мою добити; а наимено, ако могуће буде, онаковога, когасу они опредѣлили изѣсти, и овамо донесли нѣга овде убити. Но ове мысли быше свагда съ теготомъ спрегнуте, да неће можно быти то у дѣ-

ло

ло ставити, да небы цѣли полкъ нынъ напасти валяло, и ны свію потући. И ово небы само очаятелно предвзятіе точію было, него може їошть и врло лако несрећомъ фалило. На другой страни имаосамъ такожде велику сумню, о правди оваковога поступка, и сердце мое при оваковомъ помыслу трепеташеми у перси толико много крви пролити, акобы то башъ и за избавлѣніе мое было. Причине, коесуми на противъ тога на умъ пале, нећу овде да повторавамъ, ербосу то быле башъ оне исте, о коимасамъ већъ прећне говорїо. Али преко свега акосамъ я башъ и друге причине на противъ тога ставити имао, него само дабы ови люди непріятели мога живота были, и менебы доиста изѣли, кадбысу само могли; и дабы я овде тако добро къ моему собственому защищенію чинїо, како дабысуме они башъ дѣйствително напали были, и прочая. Говоримъ, ако башъ и све ове вещи за мене говоре, то опетъ помыслъ за мое освобожденіе крвъ человѣческу пролити быо э ужаснъ, и нисамъ могао за дуго времена о томъ нинакои начинъ самъ сасобомъ уединитисе.

Послѣ многе тайне распрѣ у самъ себи, и послѣ многога неспокойства и скаканыванія

ныванья (ербо све ове причине една спроћу друге дуго времена по моей глави боришесе:) одержало э напослѣдокъ усиляемо желанїе за моїомъ свободомъ надъ свему другому побѣду, и намыслїосамъ ако могуће буде, едногa овыхъ дивяковъ у руке мое добити, шта стаяло да стаяло. Перво, штосамъ учинїо, былое мыслити какоћу то учинити? Али доиста то э доста тешко было, и я башъ право средство къ тому изнаћи нисамъ могао. Заключїосамъ дакле стражу чувати и гледати, кадћеду они на брегъ доћи; а у прочему слѣдство очекивати, пакъ онда онакова умѣрена правила узети, каковами годъ способъ собомъ донесе, была она каковаму драго.

Съ овимъ намѣренїемъ у самъ себи ставїосамсе тако често, како што э годъ могуће, на мотренїе и вребанѣ, и то доиста тако често, дасамсе отъ нѣга сердечно утрудїо быо. Ербо э то скоро полъ другу годину траяло, дасамъ я непрестанно вребао и найболю часть времена ишаосамъ скоро свакїи данъ къ заднѣму краю, и къ Южнѣ-западнѣму верху острова, дабысамъ чунове видїо, али никакови чунъ нїесе дао усмотрити. Ово э мени на послѣдокъ бодрость отузело, и почеосамъ мирнїи бывати, али то засадашни кратъ онакога

кога дѣйства кодъ мене нїе имало, кое э иначе у шаковимъ случаямъ имало, то есть наглость за вещи самомъ угасити; него э оно їоштъ свагда много яче бывало, коликосе дуже задоволность таковога продужавала. Кратко я нисамъ био съ почетка већь одавно тако забринутъ взоръ овихъ дивяковъ ошаяти, и себе чувати, отъ ны невидѣнъ быти, као штосамъ садъ желателанъ био на ны ударити.

И преко тога ставїосамъ себи у паметь: съ еднимъ дивякомъ кадбысамга имао, и акобы два или три были, съ нимабысамъ фришко готовъ бїо и ны надвладао, дабысу они сасвимъ мои робови были, и све што имъ заповѣдимъ, чинити морали; а притомъ їошть и воспатствовао, да они мени никаковога врѣда учинити небы могли. Съ представлѣнїемъ ове вещи питаосамсе дуго времена, али їошть свагда ништасе нїе появило, и то їошть свагда у мышлѣню и совѣту остало, ербо отъ долгога времена немогошесе никакови дивяцы видѣти.

Послѣ полъ друге године какосамсе съ овима мысли забаляо, и ны съ таковомъ долгомъ главоболїомъ већь скоро къ ничему излећи нисамъ могао, ербо никадъ способа неимадо то удѣйство ставити, сумотрїосамъ на еданъ кратъ уютру за

велико чудо найманѣ 5: чунова сви на моей страни острова кодъ брега, изъ коихсу люди сви изашли были, и вечѣ изъ очїю мои изгубылисе. Множество ныно покварило э сва моя предузета правила. Ербо кадъ э чунова толико было, и ясамъ знао, да свагда 4: б: а другїй кратъ и више у едному чуну быти обичествуетъ, то знао нисамъ, шта съ таковомъ вещи мыслити имамъ, и какоѣу као еданъ самацъ человѣкъ, ны 20 тъ и до 30 тъ на еданъ кратъ напасти. Заостаосамъ дакле сасвимъ смутанъ и неутѣшенъ у моему граду. Али абїе свесамъ ставїо у приправность, како годъ штосамъ и преѣе уредїо быо, ако случайно нападенъ будемъ, и быосамъ къ свему, штобысе приключипи моглао, готовъ и приправанъ. Послѣ какосамъ позадуго чекао и вребао, нечули какови шумъ отъ ны чупи моѣи, быосамъ найпослѣ нестерпѣливъ, метнуосамъ мою пушку доле на лѣствицу, и попеосамсе као обыкновено преко обадва члена на бердашце горе, алисамсе абїе тако ставїо, да не бы глава моя выша отъ берда была, тако да они мене никоимъ начиномъ небы опазити могли. Отъ овудсамъ средствомъ мога пусула абїе видѣо, да ны скоро до 30:

имаде

имаде. Коису већь ватру наложили и ручакъ сготовили были, какосу ручакъ готовили и изъ чега э онъ состояо, то видѣти нисамъ могао, али то, дасу они различними варварскими скокови по ныномъ начину около ватре играли, усмотрїосамъ.

Доклесамъ я ны овако вребао, усмотрїосамъ на пусулъ мой двоицу ови нещастни изъ чунова, гдису они, како штосамъ мыслїо, чувати были, на брегъ влекоме, и тамо на клупу заколѣнія доведене. Еднога отъ ови усмотрїосамъ абїе погружена, кои э безсумнѣ батиномъ или дрвенимъ мечемъ (ербосу они такове правити обычествовали:) могао э убїенъ быти, и двоица или троица абїе предузелису дѣло нѣга за куванѣ или печенѣ исећи, а међу тимъ друга жертва толико дуго онде стаяла э докле на ню редъ недоће. Башъ у оному магновенїю ока, кадъ э овай други нещастни себе малко отвезана и свободна осетїо истергаосе, естествомъ, съ надеждомъ къ животу возбужденъ на еданъ кратъ отъ ныхъ, и бѣгао э съ неописаномъ хитростїю покрай брега у право на мене, на ону часть брега, гди э мое обиталище стаяло.

Испо-

Исповѣдити морамъ, дасамсе я отъ тога верло уплашїо, кадсамъ нѣга тако близу къ мени терчећа видѣо, а особито кадсамъ нѣга, такомисе учинило, отъ цѣлога онога полка потерана видѣо, садсамсе опоменуо доиста, да ћеће извѣстно ова часть мога сна у исполненїе долази, и онъ хоће баше извѣстно у моей шумицы убѣгъ и отбрану тражити, али у прочему нисамъ могао я сну моему никоимъ начиномъ вѣровати, даћеду дивяцы нѣга доонде терати, и нѣга тамо наћи. Ясамъ међу тимъ стаяо вооруженъ и стаосамъ себе опетъ укрѣпляваши, кадсамъ усмотрїо, да выше дивяка за нимъ у потеру нетерче него троица, и їошшъ выше храбрости добїо, кадсамъ смотрїо, да э онъ у терчаню отъ ны далеко претежнїи и ћеће э напредъ толико далеко быо, и лакосамъ видѣти могао, да бы онъ ныма, акобы їошшъ полъ сата шако одержати могао, срећно умакнупи могао.

Садъ э спаяо међу мномъ и ныма еданъ савишакъ, о коемусамъ я у первой часши мое повѣсши чесшо опоминанїе чинїо, кадсамъ о моему пушешесшвїю къ разбїеной лаћи говорїо. Преко овога знаосамъ, да э овай сирома человѣкъ нуждно пливаши

мора

мора, ако неће уфаћенъ да буде. Али кадъ э већь и на то дошло, то нѣму ништа небы, акое башъ онда и припливъ было, него скочіо э у воду и препливао э рецы у зотъ размаовъ, изишао э срећно на другу страну брега, и бѣжао э сасвимъ чрезвичайномъ якостїю и хитростїю опетъ отъ брега. А кадсу она тройца, коису за нымъ употеру терчали на брегъ свитка дошли, усмотріосамъ двойцу отъ ныхъ да пливати знаду, а трећи ніе знао, него споящъ остао, и мотряше за другима двойцомъ, пакъ затимъ повратїосе мирно натрагъ; кое башъ и за нѣга верло добро было, какоћесе послѣ казати.

Овдесамъ примѣтїо, да она двойца, коису пливали, выше него їошть два кратъ толико требовалису преко воде пливати нежели онай юноша, кои э имъ утекао. Садсамъ осѣтїо верло жестоко и непротивоборно побужденіе, да э садъ већь време себи слугу, и можетъ быти содружника и помощника прибавити, и дасемъ отъ провидѣнія башъ ясно позванъ животъ овога сиротнога человѣка спасти. Абіе сишаосамъ съ лѣствице са своимъ возможномъ поспѣшностїю доле узеосамъ мое две пушке, коесу чело лѣствице прислонѣне

были,

быле, попеосамсе съ таковомъ истомъ хитростїю опетъ на бердо горе, потекаосамъ управо къ морю, и дошаосамъ ербое путъ верло кратакъ быо, и све низъ бердо было међу бђгунце и тераоцы. Повыкаосамъ овому первому ясно. Онсе э осврашїо натрагъ, могао э обаче съ почетка отъ мене тако исто, како годъ и отъ нђгови непрїятеля уплашенъ быти. Алисамъ я на нђга абїе рукомъ мануо, дабы онъ малко натрагъ уступїо, и поступїосамъ међу тимъ сасвимъ полагаио на нђгова обадва тераоца, напаосамъ на еданъ кратъ изненада на онога преднђга, треснуосамга съ кундакомъ отъ пушке, и оборїосамга къ земли, ербо пуцати нисамъ быо радъ, да они другїи небысу чути могли, као што у оваковомъ отдалђнїю и нису могли, и да димъ такожде видђти нису могли, то дакле низнати нису могли, штобысу изъ тога чинили. Кадсамъ овога первога утукао, остао э онай другїй нападатель стоећи, као да отъ страха небы далђ бђжати могао, ясамсе абїе на нђга устремїо. Али кадсамъ ближе нђга дошао, усмотрїосамъ абїе, да нђму стрђла преко рамена виси, съ коїомсе онъ приправљо башъ на мене бацати. Ясамъ себе дакле принуждена видђо ређе

на

на нѣга пуцати; тосамъ дакле учинїо, и на первїй ударацъ пао э дивякъ къ земли. Овай бѣдни дивякъ кои е бѣжао, међу тимъ мирно стояше, ако э онъ башъ (по нѣговому мнѣнїю) и мерпве свое непрїятелъ видѣо, но опетъ ватромъ и гласомъ пушке мое тако верло уплашенъ, э быо, да э онъ као пань стоящъ остао, пакъ нити напредъ нити натрагъ поступїо, ако э онъ башъ їоштъ свагда къ бѣжаню, выше склонѣнъ быо, нежели дабы къ мени дошао. Ясамъ нѣга іошть еданъ кратъ зовнуо, и даосамъ нѣму знакъ дабы онъ къ мени дошао. Онъ э абїе то разумѣо и пошао э малко напредъ, пакъ э опетъ фришко стао, и послѣ поступїо опетъ далѣ, пакъ затимъ опетъ скоро стао; и садъ примѣтїосамъ, да онъ отъ страха стрепитъ, како дабы робомъ учинѣнъ быо, и башъ зато, какосу ободвоица нѣгови непрїятели убїени были. Ясамъ мануо їошть еданъ крашъ рукомъ на нѣга, дабы онъ ближе къ мени дошао, и гледаосамъ на све возможне начине нѣга съ бодростїю напоити. На кое онъ све ближе къ мени приходяше, и сваки 10: или 12: коракляя за знакъ благодарности, дасамъ я нѣму животъ освободїо и даровао, на землю клецаше. Ясамъ їошть е-

данъ

данѣ путѣ на нѣга мануо, и спроћу нѣга насмѣяваосе пріятна себе показивао, дабы онѣ кѣ мени ближе дошао. Напослѣдокѣ дошао э онѣ кѣ мени, сасвимѣ као валя, и клекнуое опетѣ на землю, цѣливао э землю предамномѣ, приклоніо э главу сасвимѣ кѣ земли, узео э мою ногу и метнуо э себи на главу, кое э безѣ сумнѣ знакѣ быти морао, дасе онѣ заклео моимѣ вѣчнимѣ робомѣ быти. За коимсамѣ я нѣга абіе са землѣ подигао, себе нѣму дружески показао, и мотріо свакимѣ начиномѣ, како годѣ штосамѣ болѣ могао, нѣга бодростію напоити. Али садѣ имаосамѣ іоштѣ выше посла, ербо усмотріосамѣ, да дивякѣ онай, когасамѣ већь утукао быо, іоштѣ ніе сасвимѣ мертавѣ, него само ударцемѣ забунѣнѣ, и стао э опетѣ кѣ себи долазити. Овдесамѣ перстомѣ показао на нѣга, и моему дивяку назнанѣ дао, да онѣ іоштѣ ніе мертавѣ. Затимѣ проговоріо э онѣ нѣколико речи кѣ мени; и ако ихѣ я башѣ нисамѣ ниразумѣо; тосу оне мени опетѣ верло сладке быле, кадсамѣ ихѣ чуо, ербосу оне первый звукѣ человѣческога гласа быле, коесамѣ я кромѣ моихѣ собствениховѣ отѣ 25: година первый кратѣ чуо. Али кѣ таковимѣ разсмотреніямѣ ніе садѣ време-

на было. Онай дивякъ, когасамъ вѣћь утукао быо, окрѣпїосе опетъ добро, да э вѣћь устапи могао, и ясамъ усмотрїо, дасе мой дивякъ отъ нѣга бояти почео. А кадсамъ я то видѣо, дигаосамъ и управїо мою другу пушку на нѣга, као дабысе їоштъ еданъ кратъ на нѣга бацыти хотео. Али затимъ дао э мени мой дивякъ (ербосамга отъ садъ тако называо:) разумѣти, дабыму мечь мой узаймїо, кои э обиаженъ при бедри моей висѣо, коесамъ я и учинїо. Едва штое онъ мечь у руку имао, устремїосе абїе на свога непрїятеля, и на еданъ ударацъ нѣму тако лепо главу отсѣкао, да никакови желатъ у цѣлой Нѣмецкой то хитрїе и лепше небы учинити могао. Отъ овога дивяка, о коемусамъ я полну причину вѣровати имао, да онъ кромѣ ныни дрвени сабаля свога живота овакови мечь видѣо нїе, учинимисе отъ нѣга верло много быти; али ясамъ послѣ искусїо, да они ныне дервене саблѣ тако изострити знаютъ, и дасу оне отъ таковога твердога дервета, и тако тешке, да они съ нима на еданъ ударацъ главу или руку отсѣћи могу. Када э онъ то совершїо, дошао э съ знакомъ побѣде смѣюћисе къ мени, дао э мени мой мечь опетъ на-

трагъ

Принадлежи

Андрій Lekyniła



Освобожденіе Петково.

прагъ, и положїога э съ множествомъ разни изображенія, кое я нисамъ разумѣвао, кодъ главе онога дивяка, кога э посѣкао, управо предъ мене.

О чемусе онъ найвыше чудїо, и што онъ отнюдъ понятти нїе могао, было э то, какосамъ я онога другога *Индїанца* у овакому одалѣнїю убитти могао. Онъ э дакле показао на нѣга онамо, и дао э мени знакъ да нѣму дозволимъ онамо ићи. Коесамъ я нѣму, како штосамъ могао, показао да може свободно онамо поћи. Када э онамо дошао, стао э сасвимъ као изванъ себе, разгледао э све опасно около нѣга, окренуога э найпре на едну пакъ послѣ на другу страну, промотрїо э ране, кое э тане начинило, кое э башъ у перси было, гди э оно рупу начинило, отъ коихъ э онъ мало съ поля али многовыше изнутра крвъ излїо; ербо э абїе мртавъ остао. Затимъ узео э мой дивякъ съ нѣга стрѣлу, и дошао э натрагъ; садсамсе окренуо, да отовудъ поћемъ ману главомъ на нѣга, да замнмъ слѣдуе, нѣму знакомъ казујући, даћеду iошттъ выше дивяка доћи.

Затимъ э онъ мени знакъ дао, даће онъ ове убїене у песакъ закопатти, да они други, акобы кои овамо дошли, ове небысу

видѣти могли; ясамъ нѣму съ персти и знаками изобразїо, да онъ ны закопа у песакъ. Онъ э абїе предузео дѣло, и за еданъ живи часъ съ руками яму у земли ископао, коя э доста велика была еднога у ню закопати моћи, кога э затимъ у ню баџїо, и пескомъ засуо, пакъ онда и съ онимъ другимъ то исто учиніо. Мыслимъ, да э онъ съ обадвоицомъ, преће него што э фертаљ сата прошао, готовъ быо. Садсамга позвао и повео не къ моему граду, него много далѣ къ моей новой магази на оностраной частии Острова. У овой частии дакле, да э онъ заклонъ и брану у моей шуми тражїо, непроизиће сцена по моему сновидѣнїю.

Овдесамъ дао нѣму хлѣба и едну киту суварка да еде, и еданъ напитакъ фришке воде, кою э онъ, како штосамъ видѣо, ради многога трчаня врло отъ потрébе имао. Послѣ какосамъ нѣга овако храномъ подкрѣпїо, даосамъ нѣму знакомъ разумѣти, да можетъ легнути и спавати показиваюћи на едно мѣсто, гдисамъ я еданъ велики снопъ пїрїнчне сламе и преко нѣга едну поняву прострео быо, на коемсамъ и самъ кадъ кадъ спавати обычествовао. На

коесе

коесе ово сиротно созданіе сложило на землю и заспало.

Овай дивякъ быо э еданъ прекрасни учтиви юноша совершено возрастанъ, съ долгими и сасвимъ здравими удови, и членови тѣла, не неотесанъ, него высокъ и благоустроенъ, и по моему мнѣнію до 26 *тъ* година старъ. Нѣговъ изгледъ быо э врло благъ, и нїе имао ништа дивїега или мрскога, но многовыше мужественога знака у нѣговому лицу, и їоштъ къ тому сву благопрїятность и благость еднога *Европейца* у своему образу, особипо кадсе смѣяше. Власи нѣгови былису черни и долги, и не кудрави као вуна; чело высоко и широко; очи врло животне, и взоръ или погледъ нѣговъ полнъ жеравичне остроте. Фарба нѣгове коже ніе сасвимъ черна, него врло жупочерна была, и не онако као штосу *Бразїлїани, Вїргїнїани*, и други рождени *Американи*; него свѣтлогъ вида нѣке загасите зейтинъ фарбе, коя э нѣчто врло угодно на себи имала, коесе лако описати неможе. Лице нѣгово было э округло и пуно; носъ э нѣговъ маленъ али не онако пльоснастъ као другихъ Негровъ быо, уста нѣгова врло лепа и устне врло танке; зубы нѣгови былису лепо посаѣени, и тако бѣли, како

годъ

годѣ кость *Елефантовѣ*. Послѣ, реци: едно полѣ сата, како э онѣ више куняо него што э спавао, пробудїосе опетѣ и изишао э изѣ магазе кѣ мени на полѣ; ербосамѣ я међу тимѣ козе мое музао, коесамѣ у пору близу магазе имао. Како э онѣ мене усмотрїо, поспѣшїо э абїе кѣ мени, пао э опетѣ на землю, и сасвима возможнима знацы кроткога и благодарнога наумѣнїя, и учинїо э многе и редке церемонїе мени таковое показати. Найпослѣ приклонїо э онѣ їошѣ еданѣ кратѣ главу свою кѣ земли, и мени сѣ тимѣ сасвима возможнима знаками покорности робства и подданства разумѣти дао, даѣе онѣ мене докле годѣ живи, служити. Ясамѣ нѣга у многима вещма разумѣвао, и даосамѣ нѣму опетѣ возвратително разумѣти, дасамѣ я сѣ нимѣ врло удоволянѣ. Мало затимѣ почеосамѣ сѣ нымѣ говорити, и обучаваосамга самномѣ бесѣдити. Найпре даосамѣ нѣму то разумѣти, даѣесе онѣ *Петхо* звати, кое э онай данѣ быо, кадсамѣ животѣ нѣговѣ спасао. Такожде обучаваосамга ову речь: Господинѣ изговарати, и даосамѣ нѣму разумѣти, да онѣ мене тако звати имать, равно и ове речи: есть и нїе, и што оне значе. Даосамѣ нѣму нѣчто мало млека у едному земляному

мляному лонцу, и казаосамъ нѣму, да онъ добро мотри, како я пiемъ, и хлѣбъ у нѣга дробимъ, затимъ даосамъ нѣму еданъ лебчићь и съ нимъ то исто учинипи, све э онъ то хитро урадiо, и дао э мени знакъ, да э нѣму то све врло угодно, и вкуса полно было.

Овдесамъ съ ниме цѣлу ноћь провео. Кадъ э свануло, даосамъ нѣму разумѣти да самномъ поће, и дањуму нѣкое халине дапи, о чемусе онъ, какомисе учинило, врло возрадовао, ербо э нагъ голъ био. Кадсмо башъ идући путемъ кодъ онога мѣста были, гди э онъ ону двоицу закопао, показао э онъ опасно башъ на оно мѣсто погребеныхъ, и дао э мени знакомъ разумѣти, да ихъ опетъ ископамо и изѣдемо. На то учинiосамсе я врло разсрѣенъ, и показаосамъ нѣму знакомъ мою гнусность и гадность опъ такови вещи, и учинiосамъ као дабы при самомъ овомъ помыслу блювати хотѣо, и мануосамъ на нѣга рукомъ, дасе абiе отъ онога мѣста удалити имать, кое э онъ абiе саєвомъ покорностiю учинiо. За тимъ отвеосамга на верхъ брда, да видимо, есули нѣгови непрiятели већь отишли; извадiосамъ овде мой пусулъ, погледаосамъ свудъ у наоколо, и усмотрiосамъ

самъ ясно оно мѣсто, гдису они были, али отъ ны самихъ или ныни чунова не бы ништа выше видѣти; дакле э садъ сасвимъ извѣстно было, дасу они отишли, и обадвоицу свои содружниковъ овде оставили далѣ ны нетражећи.

Но съ овимъ извидѣнїемъ нисамъ могао я їоштъ удоволянъ быти. Садъ кадсамъ выше храбрости, слѣдователно, и выше желанїя имао, узеосамъ мога Петка сасобомъ, даосамъ нѣму мой мечъ у руку, стрѣлу и ударце, съ коїомъ э онъ, како штосамъ видѣо, врло хитро и упутно поступити знао, на леѣа, дадому їоштъ и мою пушку, да понесе, ербосамъ я две носити имао, и такосмо пошли къ оному мѣсту, гдису ови люди были; ербосамъ я свагда волю имао, себе їоштъ опасніе о ныма извѣстити. Али э крвъ моя абїе сва у жилахъ моихъ стала и умрла, кадсамъ на мѣсто ово дошао, и сердце хотяшеми у перси о взору овога гнуснога позорища, когасамъ овде видѣо, пући. Ужасни, мерзости и запустѣнїя полни взоръ, доиста! За мене найманъ, ако Петко башъ о томъ нехтеде ништа низнати. Свудъ быше кости человѣческе разсѣяне, земля съ крови офарбана, овде и онде велики

комади,

комади человѣческога меса разбачени, полакъ изѣдено растргано, и одрто, кратко, сва знаменія еднога побѣдоносноga обѣда, когасу они послѣ одержане побѣде ныни непрїятеля овде держали. Усмотрїосамъ три мртве главе, петъ руку, и кости двѣю трїю кукова и ногу; и Петко дао э мени съ знакомъ разумѣти, дасу они 4ри роба овамо за ручакъ донели были. Троицу отъ овыхъ есу изѣли, а четврти (показиваюћи на самъ себе) быо э онъ. Да э међу ныма и еднимъ близъ граничнимъ Кралѣмъ, къ коего поддаником отъ прилике и онъ надлежаше, велика битка быти э морала, и дасу они много робова учинили, коису сви отъ они, коису ны у бѣгству пофатали, на различна мѣста отведени были, дабысу тамо отъ ныхъ обѣдъ готовили и держали, како штосу и ови безчеловѣчницы, коису овде были, съ онима учинили коесу овде донели.

Ясамъ заповѣдїо Петку абїе све тикве, кости, месо, и што э годъ друго ту было, собрати, то на едну хрпу сложити, пакъ подъ тимъ велику ватру наложити, и све вообще у пепелъ премѣнити.

Овдесамъ примѣтїо, да Петко їошъ свагда велику волю за месомъ человѣческимъ

скимъ има, и їоштъ свагда человѣкоядацъ есть. Но ясамъ нѣму показао толико много гнусности о самомъ помыслу йли сѣну отъ шта годъ таковаго, дасе онъ выше нїе усудїо себе о таковомъ чему показати; ербосамъ я нѣму нѣкимъ извѣстнимъ образомъ разумѣти дао, даћуга абїе утући, ако онъ икадъ о таковомъ чему и помыслити усудисе.

Кадсмо ово совершили, дошлисмо опетъ у нашъ градъ натрагъ, и садъ стаосамъ я за мога Петка бринутисе и уредбу чинити. Преће свїю вещи даосамъ нѣму еданъ паръ платнени гаћа, коесамъ у настойниковомъ сандуку нашао, и кое нѣму послѣ нѣке мале поправе сасвимъ добре быше. Затимъ начинїосамъ нѣму едну опаклїю отъ козїи кожа тако добро, коликое годъ способность моя допустила, и ясамъ постао отъ садъ већь доста добаръ крачъ, Дадому їоштъ едну капу, коюсамъ отъ зечїе коже начинїо, коя э їоштъ кь тому алватна и доста порядочна была. Овимъ начиномъ быо э онъ дакле їоштъ засадъ, доста добро одѣвенъ, и врло удоволянъ сь тимъ, видећи себе тако исто добро како годъ и свога Господина одѣвена. Истина сь почетка, када э онъ ове халине

обу-

обукао, дасе доста дедачки показивао, чакшире или гаће носити былому э верло несносно, и рукави отъ кожуха тишталису нѣму плећа и рамена. Али кадсамъ я то онде, гдисе онъ найвећма тужіо, дага тишти, попраїо и шире начинїо, то э облачїо онъ послѣ све верло радо.

Другїй данъ кадсамъ съ нымъ кући дошао, стаосамъ о томъ мыслити, гдићу нѣму мѣсто законакъ назначити. Дабы онъ сву возможну угодность, и я такожде отъ нѣга нинайманѣ ништа боятисе небы имао, начинїосамъ дакле на оному чистому мѣсту међу моима двима градови еданъ мали шаторъ, увнутренѣй страни послѣдньга а у внѣшньй первога. А будући дасу овде врата или уходъ къ моей магази была, то дакле начинїосамъ порядочни перваз, и на нѣга врата отъ дасака, и намѣстїосамъ ихъ мало далѣ унутра у уходу, заключаосамъ ихъ, ербосусе унутра отворала, пакъ затимъ и мою лѣствицу унутра увукао. Петко дакле нїе могао никоимъ начиномъ у внутреню страну мога внутренѣга зида ући, да небы толико много лупе учинїо, дасе я небы нуждно пробудити морао. Ербо э первый зидъ мой имао совершени кровъ надъ собомъ отъ

они

они дугачки чамчића, коесамъ преко шатре на страну брега препречіо и съ малима тачкама на мѣсто летви опетъ препречіо, кое э верло яко было, кадъ э трска на то дошла. На ону рупу или мѣсто, коесамъ оставіо, дабы преко лѣствице на полѣ и унутра улазіо, начиніосамъ вратанца, коя кадбы икогодъ съ поля унутра хотео, дигнутисе небы могла, него бы унутра пасти и велику ларму учинити морала. Преко ноћь такожде оружіе све унеосамъ къ себи унутра.

Али доиста да рекнемъ, то э све безъ ове позорности быти могло; ербо на свѣту ніе никто могао вѣрніега, чесніега и свога Господина више любящега служителя имати, као штосамъ я мога Петка имао; ербо у нѣму ніе было никаковога самоумія никакове упорности, никакове преваре, него сама доброхотность и поданство спроћу мене. Онъ э мене съ полнимъ сердцемъ као чадо отца свога любіо, и смѣемъ свободно ћи, онъ бы быо при сваком способу сдрагомъ душомъ свой собствани животъ жертвовао, гдибы мой искупити могао. И отомъ нису дале мени оне многе пробе о любови нѣговой спроћу мене нинаиманѣ сумняти, и скоросамъ сасвимъ увѣ-

ренъ

ренъ было, да я всмотренїи мое безбѣдности нѣга ради нинайманѣга позорства отъ потребе имао нисамъ.

Ово э мени често повода дало, примѣчанїе, а наймено съ удивлѣнїемъ учинити, да акое Богъ башъ при путѣхъ своего провидѣнїя и управлѣнїя дѣлъ руку нѣговихъ соизволїо, оваковой великой части своихъ созданїй у свѣту найлепше употреблѣнїе къ коему моей крѣпости и способности душъ нынихъ способне есу, украшити, онъ э ныма опетъ онакове исте душевне силе, онакови исти разумъ и склоность, онакова иста чувствованїя благостоянїя, и союза, оне исте страсти и чувства о неправди, оно исто чувство благодаренїя, искрености и вѣрности, и све способности доброе творити и доброе примати даровао, коя э и нами дао; и да акобы онъ соизволїо ныма способъ дати све ово показати, они све тако исправно, и їошть исправнїе нежели мы ова свойства сва ко истиному и правому употреблѣнїю уредити, къ чемусу она ныма и дарована. И овое мене често саєвимъ смутило; кадсамъ то овако промыслїо, каково злоупотреблѣнїе мы отъ свїю ови естествени дарова чинимо, акосу башъ кодъ насъ ове силе и

крѣ-

крѣпости великимъ свѣтомъ наставлѣнія духа Божія и познанства міра много више просвѣщене и подкрѣплене, и зашто э Богъ соизволіо оваково благоцастно познанство отъ толико много міліона душа сакрити, кои судећи по овому сиротному дивляку, можетъ быти, бы могли много болѣ употреблѣніе отъ тога учинити, нежели мы.

Ова размышлѣнія многократно далеко-су мене съ пута развратила и безпредѣлному Господству провидѣнія близу стунити дала; ербосамъ я нѣга равнѣ и нахесапъ таковога ради самоволнога урежденія вещей позвао, зашто э оно свѣтъ овай отъ нѣкой сакрило, а другимъ покрило, и явило и еднаку должность и покорность отъ обоихъ изискуетъ. Но ясамъ ове занешене мысли, опетъ скоро съ тимъ заключеніемъ удержао: перво што мы знали нисмо, каковимъ просвѣщеніемъ или каковимъ закономъ они суђени будутъ, него да Богъ нуждним начиномъ естествомъ своего существа безконечно святъ и праведанъ быти мора, то дакле ніе могло иначе ни быти, акобы сва ова созданія нѣгово лице невидѣти осуждена была, то башъ тога ради быти бы морало, штосу

они

они противо онога свѣта погрѣшили, кои э као што писмо говори, ныма сами законъ было, и даѣеду они поправиламъ таковимъ суѣени быти, коя э совѣсть нына сама за достойне и праведне признати морала, ако намъ башъ отъ тога истина права откровена и нїе была. Друго: да мы сви ништа друго нисмо были, него само земля или блато у руку лончара, и никаковїй лонацъ нїе нѣму казати могао: Зашшоси ты майсторе лончару мене таковога начинїо?

Али садъ опетъ дасе моему новому содружднику возвратимъ, имаосамъ велику радость о нѣму, и учинїосамъ себи за должность нѣга обучавати, што нѣга мени полезна спомогателна и содѣйствителна учинити може, преѣе свега о томесамъ имао дѣло, да онъ говорити и мене разумѣвати може, кадбы снимъ говорїо, и имаосамъ у нѣму просвѣщенога ученика, коисе икадъ помыслити може, и при томъ было онъ тако веселъ, тако непреривно прилѣжанъ, и тако удоволянъ о томъ, кадъ э само мене разумѣти или учинити могао, да я нѣга разумѣмъ, дасамъ доиста верло велику радость о томъ имао съ ниме говорити. И сада э животъ мой почео тако сладакъ бывати, дасамъ често у самъ себы

би рекао: кадбысамъ само отъ више дивяка свободанъ быти могао, то я о томъ никада запитао не бы, кадъ небысамъ никада выше докле годъ живимъ изъ овога мѣста отишао.

Послѣ два дана бываюћи у моему граду помыслїосамъ, дабы мога Петка отъ нѣговога мерскога обычая месо человѣческо не ясти и отъ нѣгове человѣкоядне волѣ сасвимъ отвратити могао, мораосамъ нѣму дакле другога меса ясти дати. Повеонѣму дакле другога меса ясти дати. Повеосамъ нѣга дакле еданъ кратъ уютру сасобомъ у шуму. И ясамъ башъ у тому намѣренїю изишао на полѣ едно яре изъ мога собствеиога чопора заклати, и сготовити. Идући путемъ усмотрїосамъ едну козу и два яреша кодъ нѣ у ладку лежећа: Стани! рекаосамъ я моему Петку уфатећи нѣга рукомъ, и даосамъ нѣму знакъ съ мѣста некренутисе, и стао э, заиимъ напiегнуосамъ мою пушку, и упукаосамъ едно яре отъ они млади. Овай сирома юноша, кои э већь видѣо, какосамъ я изъ далека онога дивяка нѣговога непрiятеля убїо, али о петъ, нїе знао нити э себи представити могао, како э то было, уплашїосе о томъ да э онъ отъ страха дркшао и трепешао, и тако уплашенъ быо, дасамъ я свакога

кога часа мыслїо, даѣе онъ отъ страха мертавъ на землю пасти. Онъ оно младо яре нїе видѣо, коесамъ я убїо, такожде нїе примѣтїо, да э оно вечь мертво, него э свукао кожухъ свой и стадесе пипати, да нїе гдигодъ ранѣнъ быо, и мыслїо э дѣйствително, коликосамъ я примѣтїо, дасамъ я нѣга убити хтео. Ербо э онъ абїе къ мени припао, клекнуо предамномъ и говорїо мени обимаюћи колѣна моя велику хрпу кое какови речи, кое я нисамъ разумѣо, али откудъ я баремъ толико погодитисамъ могао, да э онъ мене молити хтео, дага небы живота лишїо.

Алисамъ я абїе средство нашао, коимсамъ я нѣга совершено увѣрїо, да я нѣму ништа убиточна учинити нисамъ мыслїо. Узеосамга за руку и смѣаосамсс дружески къ нѣму, показуюћи нѣму на яре рукомъ, коесамъ убїо, и даосамъ нѣму разумѣти, да онамо отиде и дага донесе. То э онъ сдраге волѣ учинїо, доклесе онъ чудїо и удивлявао, какосамъ я то зверче убити могао, набїосамъ я мою пушку по другїй кратъ видећи едну велику птицу ястребу подобну на нѣкоемъ дрвету сѣдящу, да ю убити могу. Дабы я дакле моему Петку о томъ нѣчто мало понятно учинїо,

штоћу я чинити, зовнуосамга опетъ къ себи и показаосамъ нѣму на птицу (коя э папагай была, акосамъ ю я башъ и за яспребa держао:) на мою пушку, и на землю подъ птицомъ, дабы нѣму разумѣти дао, даћу ю доле свалити; избацыосамъ пушку затимъ на птицу, и рекаосамъ нѣму, да гледа и позорствуе, и онъ э такожде птицу доле оборену видѣо. Но несматраюћи на све то штосамъ я нѣму казао, стаяо э мой сиромахъ Петко їоштъ свагда верло устрашенъ, и тосамъ примѣтїо, да э онъ їоштъ выше уплашенъ было, ербо видѣо нїе, штосамъ я у пушку метнуо. Онъ э мыслїо дакле, да мора гдигодъ какови чудесни имутакъ отъ смерти и запустѣнїя у овой вещи стояти, съ чимсе люди, звѣрови, птице и све штогодъ дыханїе имаде, было оно близу или далеко, убити може. Страхъ, кои э то нѣму прозроковало, было э тако великъ, да онъ задуго къ себи доћи нїе могао, и кадбы я допустїо было, онъ бы дойста и мени и пушки моей кланяосе и жертву приносїо. А пушке саме нїесе задуго време ни додирнути смѣо, негосе разговарао и забаляо съ нїомъ, кадъ э самъ было, као дабыму она какови отвѣтъ дати знала, и то све како штосамъ

я

я послѣ отъ нѣга искусїо, да э пушку молїо, дага убила небы.

Када э вечь овай страхъ малко прошао, даосмаъ нѣму разумѣти, да оттрчи онамо и донесе ону птицу, коюсамъ убїо. Онъ э и то дрговолно учинїо, али э задуго изостао, ербо э папагай, кои нїе сасвимъ мертавъ остао, доста по добро парче отъ онога мѣста, гди э пао, быо отишао. Најпослѣ нашао э онъ папагая и донеога э къ мени. Кадсамъ невѣжество нѣгово всмотренїи пушке примѣтїо, учинїосамъ нѣгово отсутствїе фришко на ползу мою и набїосамъ мою пушку їоштъ еданъ кратъ, недаюћи нѣму видѣти, да бы опетъ, ако се прилика какова укаже, бацытисе могао, но за садашни кратъ непоявисе ништа. Донесосмо дакле яре кући, коемусамъ я їоштъ ону вечерь кожу свукао, расправїосамга, како шпосамъ болѣ могао, и стаосамъ месо кувати, ербосамъ лонацъ къ тому имао, отъ кога э врло добра чорба произишла. Кадсамъ отъ тога малко ео, даосамъ и моему Петку ясти, кои э о томъ врло удоволянъ быо и врло добро и сладко ео. А шпосе нѣму врло чудно и рѣдко при томъ учинило, да э онъ мене месо съ солїю ядуща видѣо. Онъ э мени абїе зна-

комъ показао, да соль ясти нїе добро, и учинїо э, када э малко соли у уста узео, као дабы отъ нѣ велику гадливость имао и исплувао э ю съ великомъ гнусностїю изъ уста, пакъ съ чистомъ водомъ уста и зубе изапрао. Затимъ узеосамъ я еданъ залогай меса безъ соли, и учинїосамъ, као дабысе и я тако исто гадїо и исплювати морао, ербо э неслано, као што э онъ прѣе съ солїю учинїо. Но то све ништа нїе ползовало, онъ нїе хотео нити меса нити чорбе съ солїю вкушати; и то тако дуго времена траяше, пакъ э и послѣ отъ нѣ врло мало употребляваo.

Ясамъ нѣга за садашни кратъ само съ обаренимъ месомъ и чорбомъ частїо, а сутра данъ намыслїосамъ нѣга съ яреѣимъ печенѣмъ частити. Обѣсїосамъ дакле еданъ комадъ меса на едному ужету предъ ватромъ, као штосамъ отъ многи люди у Англїи видѣо, и кои са обадве стране ватре по еданъ Колчичь ударе, и отозго еданъ попреко метну, на кои уже свежу и тако печенѣ све дурма окреѣу. О томсе е Петко врло чудїо, а када э послѣ меса окусїо, дао э онъ мени съ многима знацы разумѣти, какому то врло добро и сладко пада, и заклеосе напослѣдокъ мени, да неѣе выше

ни-

никада человѣческога меса ясти, кое е мени врло драго розумѣти было.

Други данъ даосамъ нѣму штогодъ пословати, и даосамъ нѣму по моему начину мало жита истерти и истући. Онъ э абїе поняо, какосе то чинити мора, тако добро како годъ и я самъ, особито када э видѣо, штаће значити и къ чемуће то быти, и штаће изъ тога быти, ербосамга абїе привео и даосамъ нѣму гледати, какосе хлѣбъ меси, пакъ послѣ какосе и пече, и укратькому времену быо э мой *Петко* тако способанъ све ово за мене тако добро радити, како годъ штосамъ я преће свагда за самъ себе чинити морао.

Далѣ помыслїосамъ, да я отсадъ двоя уста хранити имамъ на мѣсто досадашни еднихъ, слѣдователно више ныве копати, и выше жита сѣяти морамъ, него штосамъ досадъ сѣяти обычествовао. Измѣрїосамъ дакле еданъ великїй комадъ землѣ, и стаосамъ нѣга као и друге плотомъ ограђивати, при коему э дѣлу *Петко* не само прилѣжно и охотно, него такожде съ радостїю и веселїемъ изъ свїю крѣпости мени радити помогао. Ясамъ нѣму казао, къ чемуће то быти, то есть дабысмо жита добыли, ербо я, будући да нѣга садъ

кодъ

кодъ себе имамъ, выше и хлѣба имату морамъ, да не бысмо и я и онъ никаковога недостатка о хлѣбу имали. О томъ учинїосе онъ врло возбужденъ быти, и рекао э мени, дасе нѣму види, да я нѣга ради садъ више дѣла имамъ, нежели за себе; и да хоће съ радостїю много выше за мене радити, ако я нѣму само кажемъ, шта онъ радити има.

Ово э лѣто найкрасніе и найизрядніе было, коесамъ я цѣлога мога живопа на овому острову доживїо. Садъ э *Петхо* започео доста прилично говорити, и имена скоро свїю вещи, коясамъ я отъ потребе имао, и отъ свакога мѣста, гдисамга годъ шиляти морао примѣчавати. И тако за дуго нїе траяло, да мени языкъ мой опетъ къ чему полезанъ не бы быо, отъ когасамъ доиста досадъ врло мало употреблѣнїя чинити могао; то есть на разговоръ. И кромѣ услажденїя съ нимъ говорити имаосамъ такожде о овомъ юношы велику радость. Нѣгова простодушна искренность и честность откриваласе мени сваки данъ выше тако, дасамъ я нѣга башъ отъ свега сердца миловати стао; и онъ съ нѣгове стране, како штосамъ я причину мыслити имао, мене выше любяше, него што э прѣће

тога

тога икадъ штогодъ друго свога живопа любїо.

Еданъ кратъ добїосамъ волю нѣга на пробу узети, нетужили онъ опетъ за своимъ отечествомъ напрагъ. И будући дасамъ я нѣга већь толико Англїйски научїо, да онъ скоро на све вопросе отговорити э могао, запитаосамга, учинили народъ онай, къ коему онъ принадлежи, кадъ годъ какову побѣду? О: Есть Есть! рече онъ смѣюћисе, wir allemal beſten fechten мы свагда юначки воюемо, и такосе започео слѣдующи рязговоръ међу нами.

Петко кои їоштъ Англїйски речи нити Граммапїчески слагати, нити совершено изговарати знао нїе, опетъ э съ Робінзономъ доста приличанъ разговорь водіо.

Петко. Mein Nation gut fucht das mag nun ſein, wies will. Мой народъ добро воюе, може то быти какому драго.

Робїнзонъ. Кадъ э то тако, какое дакле могло быти, да ты заробљѣнъ будешъ?

Петко. Sie mehr waren an dem Orte denn, mein Nation; ſie fangen einen, zwey, drei und mich. Mein Nation ſie ſchlug an ein ander Ort wo mich nicht war, da mein Nation gefangen, eine zwei, groſze Tauſende.

He-

Непрїятеля было э выше на оному мѣсту, нежели мога народа, они заробише еднога, двоицу, троицу и мене. Народъ е мой опетъ на другомъ мѣсту, гди я нисамъ быо ны избїо, гди э народъ мой заробїо еднога, двоицу и велике тысяще.

Робїнзонъ. Али зашто твоя страна тебе изъ руку твои непрїятеля нїе избавила?

Петко. Sie liefen einer, zwey, drei, und ich; in das Kann mich brachten; meine Nation nicht hatte Kanen damals.

Онису терчали еданъ, двоица, троица, и я у чунъ мене увукоше, мой народъ нїе имао онда чунова.

Робїнзонъ. Добро Петко, Ашта чини твой Народъ съ своима робови? валя да ихъ отведу кудъ годъ на страну, пакъ изѣду, као шпосу и ови овде учинили?

Петко. Ja, meine Nation auch Menſchen eſſen, alles aufeſſen. Есть мой народъ изѣде такожде люде, све прождре.

Робїнзонъ. Куда, и на кою страну доводе они робове?

Петко. Gehen an ein andern Ort wo ſie Luſt haben.

Идутъ гдигодъ на друго мѣсто, гди увесленїе имаю.

Ро-

Робїнзонъ. Долазели они такожде и овамо?

Петко. Ja, ja, kommen auch hieher; kommen, auf einer andern Seite hier. Есть, есть, долазу такожде и овамо, долазу съ друге стране овамо.

Робїнзонъ. Нисили и ты съ ныма кои кратъ овде быо?

Петко. Ja, ich bin auch ſchon hier geweſen (Er zeigt gegen die Nordweſtſeite, welches wie es ſcheint, ihre Seite war).

Есть, и ясамъ већь овде быо (и показао э рукомъ къ сѣверо-западнѣй страни Острова, кое э по свой прилики нына страна была)

Изъ овога разговора видѣосамъ, дае и мой Петко прѣе съ дивяцы овде быо, коису на отдалѣнимъ частемъ острова башъ таковога истога человѣкоядства ради, кога э ради и онъ овамо донешенъ быо, на брегъ долазити обычествовали. И послѣ нѣкоего времена, кадсамъ опетъ храбростнь добыо Петка на другу страну острова отвести, кое э она иста была, како штосамъ горе рекао, познао э онъ абїе башъ мѣсто, и рекао э мени, да э онъ еданъ кратъ овде быо, кадсу они 20. люди, две жене и едно дѣте изѣли. Двадесетъ нїе

знао

знао Англїйски изброити, али э онъ и то изброїо, ербо э онъ нанизао уредъ толико пиляка, имени показао да ихъ изброимъ.

Ясамъ то тога ради овде увео, ербоће то за вступлѣнїе къ слѣдующему служити. Кадсамъ већь съ ныме тай разговоръ имао, запитаосамъ нѣга, коликобы далеко отъ наше пустынѣ до брега сталне землѣ было, и нисули често чунови у море пропали? онъ э дао мени разумѣити, да ту никакове погибели нейма, и да нїе ни еданъ чунъ никада пропао; него само кадсе малко далѣ у море завезе, да э тамо нѣка рѣка, и нѣки извѣстни вѣтаръ свагда до полъ дна, а други послѣ полдна дыхао.

Ово низашто друго держати нисамъ могао, него за обыкновено време приплива, и отплива морскаго, Али послѣсамъ искусїо, да э ово отъ оне яке матице и нарастѣнїя велике рѣке Ороунока долазило, у коея наустїю, како штосамъ послѣ и держао зато, нашъ островъ лежи, и да земля, коюсамъ я къ западу и сѣверноземаднѣ видѣо, велики островъ *Санитъ тринидадъ* на сѣверномъ верху ове рѣке была.

Ясамъ выше отъ тысящу вопроса моему Петку задао о земли, о жители, о морю, о брегахъ, и какови народи на бли-

зу

зу около насъ живу и све што э годъ онъ знао, исказао э онъ съ найвећимъ простосердечїемъ, коесе и кадъ помыслити може. Запитаосамга о именахъ разныхъ народовъ, о той класи людства, къ коей онъ надлежаше, нисамъ могао обаче никаковога другога имена искусити нежели *Карибей*. Откудсамъ абїе и дознао, дасу то Карибен, кое наша землеописанїя карта на оной части Америке ставля, коя э отъ наустїя Ороокова до *Гвїнее* и тако далѣ до святе *Марѳе* досязавала. Онъ э показао мени такожде нѣки далеки путь чакъ преко мѣсяца онамо (онъ э хотео казати съ ону страну мѣсечнога захода, кое э у ныной земли у западу быти морало) обитаваю, люди съ белима брадама као и я (онъ э затимъ показао на мой велики бркъ, когасамъ я горе описао) и дасу они много шикови люди (такосе онъ изясніо) убили: Изъ овагасамъ я абїе дознао, да онъ за Шпанїере говори, конхъ безчеловѣчїе и мерзость у цѣлой Америки и свимъ предѣламъ былое разширено и извикано, и коихсе споменъ между свима народи отъ отца на сына содержава.

Далѣ запитаосамга, не были онъ мени казапи могао, какобы я изъ овога острова къ онима белима людма доћи могао. Есть,

есть,

есть, ты можешь у двима чунови онамо доћи, я нисамь могао знати, шта онь хоће съ нѣговима двима чунови да каже, докле я найпослѣ съ многимь трудомь нисамь изнашао, да то толико значи, да я морамь у едному великому и широкому чамцу поћи, коибы толико велики было као два чуна.

Ова часть Петковога разговора быламїе чрезвичайно поволна, и отъ овога времена почела э надежда у мени наново расти, да я данасъ или сутра їошть способъ изъ овога мѣста себе избавити наћи могу, и овай сирома дивякъ може средство быти и мени къ тому помоћи.

Цѣлога овога времена, кое э Петко кодъ мене было, и онъ самномъ говорити и мене разумѣвати почео, нисамъ я такожде изоставїо нѣкое основанїе о познанству закона у сердцу нѣговомъ насадити. Особито запитаосамъ я нѣга еданъ кратъ, ткое нѣга сотворїо? али ово бѣдно созданїе мене нинайманѣ нїе разумѣло, него э помыслило: да я нѣга питамъ; ткое нѣговъ отацъ. Но ясамъ стварь съ другога краяпредузео, и запитао нѣга: ткое море, землю, на коей онъ ходитъ, берда и шуме сотворїо? то э было, рекао э онъ мени,

онай

онай стари Бенамукее, кои э найстарїи и кои э све преживїо. И далѣ никаково описанїе о овой великой Персони или лицу нїе онь мени могао дати, него да э онь врло старь, много, много старїи, рече онь, него што э море и земля, мѣсяць и звѣзды. Добро дакле, запитаосамь я нѣга далѣ, кадь э овай стараць све вещи сотворїо, заштосе оне све нѣму немоле? о чемусе онь сасвимь упрепастїо и узвѣрїо, пакь сь истинимь образомь невине простоте рекао: све твари говору о нѣму. Ясамь нѣга далѣ запитао, хоћедули они людя кои у оной земли умиру, послѣ смерти гдигодь на друго мѣсто доћи? Есть рекао э онь: они сви опетъ кь великому Бенамукееу идутъ. Идули дакле и ови запитаосамь я нѣга далѣ, и они тамо, кое вы овде изѣдете? то э тако рече онь, иду да.

Затимь стаосамь я нѣга у познанству истиннога Бога обучавати. Показаосамь нѣму да велики создатель свїю твари онде горе обитава: (на небо показуюћи) да онь свѣтъ онаковимь истимь провиђенїемь и властїю управля, сь коїомь э онь нѣга и сотворїо; да э онь всемогућь за нась све чинити, нама све дати, и отъ нась опетъ све изети може; и тако

отво-

отворїосамъ мало по мало нѣгове помрачене очи. Онъ э мене верло позорно слушао, и све радостно пріимао, штосамъ я годъ нѣму о Исусу Хрїсту говоріо, да э онъ на свѣтъ послань быо насъ искупити, и какосе мы нѣму молити имамо, и како онъ насъ, башъ ако э онъ и у небу, чути може. Еданъ кратъ рече онъ мени, да кадъ нашъ Богъ насъ чакъ преко солнца чути може, то онъ мора свакимъ начиномъ много већи Богъ быти, него што э Бенамукее, кои башъ отъ насъ далеко и необитава, пакъ опетъ насъ чути неможе, доксе годъ горе на велико брдо непопнемо, гдисе онъ задержава. Ясамъ нѣга запитао, нїели онъ кои кратъ горе на бердо ишао, да съ нымъ говори. Онъ э мени отговорїо, дя нїе никада, ербо млади люди тато иѣи несмѣду. И нитко други тамо неиде, него стари люди, кое э онъ ныне овоокакее називао, то есть, као штосамъ отъ нѣга разумѣо, толико, као ныни попови и монастирцы. Ови само ишлису онамо, да бы о! сказали, (тако низиваше онъ молитву) дошлису опетъ натрагъ, казивалису людма, шта э Бенамукее рекао. Отовудасамъ абїе видѣо, да нѣкая лица такожде и меѣу найслѣпїима, и найглуїпима Поганицы Господствую,

и

и да э политически поступокъ какову Релїгїю учинити, дабы страхопочитанїе народа спроћу Началствующыхъ общаго благополучїя ради содержавати моћи не само Риму свойственъ, него можетъ быти међу свима закони, и можетъ быти башъ и међу самима скотскима и варварскима дивяцы наћисе мора.

Потрудїосамсе я дакле моему Петку ову превару указати говорећи нѣму, да преданїе ныни стараца, да оны на бердо къ ныноме Богу Бенамукее отходе, да бысу онде о, сказали нїе истина, и їоштъ ложнїе дасу они отговоръ натрагъ донели, кога имъ э онай Богъ дао. Добилибысу они тамо отговоръ, илибису дѣиствително съ кимъ годъ тамо говорили, то не бы нишпа друго быти могло, него еданъ нечисти духъ. Овдесамсе съ нимъ у пространъ разговоръ упустїо о дяволу, нѣговоме началу, нѣговой ребелїи противъ Бога, нѣговоме непрїятелству и враждби противъ чековѣка, причини о тому, какосе онъ у темнимъ частемъ свѣта богомъ учинїо и као истини богъ почитоватъ быти хотѣо, и о многоставнимъ лукавимъ предпрїятїямъ, коихсе онъ послужава родъ человѣчески у пропасть навести; како онъ

нѣки

нѣки тайни приступакъ къ нашимъ страстемъ и склоностемъ имаде, и свою замку кодъ наши пожеланїя тако добро намѣстити знаде, да мы чрезъ такову наши собствени искусители бывамо, и изъ собственога избранїя у нашу пропасть терчимо.

Коликосамъ примѣтїо, нїе было могуће нѣму правилна понятїя о дяволу, као о бытїю божїему у сердце уселити. Естество э само подкрѣплавало моя истиная доказателства нѣга башъ о нуждности велике перве причине и всеобладающе власти тайно дѣйствующега провидѣнїя, и о праведности и должности нѣму, кои э насъ сотворїо вѣровати и молитисе и: т: д: очевидно увѣрити. Али отъ свега тога нїе было ништа, при понятїю отъ нечистога духа, нѣговога естества и качества, и особито нѣгове склоности злое творити и їоштъ насъ на таковое навести; и еданъ э кратъ мои добрыи Петко съ самими естественими и невиними вопроси мене у такову тѣсноту доперао, да я нисамъ знао, штоћуму већъ на то отговорити. Яасамъ съ нымъ много о власти божїей, нѣговой весмогућности, нѣговому омерзѣнїю противъ грѣховъ говорїо; и нѣму казао, каковъ

ковъ э онъ страшный у снѣдающи огнь свимъ злочинцемъ; како э онъ, када э насъ свїю сотворїо, насъ и цѣли свѣтъ у едному магновенїю ока опетъ уничтожити могао, и Петко слушао э мене ово цѣло време съ великимъ позорствомъ. Затимъ казаосамъ нѣму, каковъ э дяволъ непрїятель Божїй у сердцахъ человѣческихъ, и сву свою злобу и коварство употреблява, да бы блага намѣренїя провидѣнїя опровергао и царство хрїстово разорїо, и: т: д: Добро дакле рекао э Петко, ты кажешъ, да э Богъ тако силанъ, тако великъ; нїели дакле онъ выше силнїи, много вѣи нежели дяволъ? Всячески Петко, рекаосамъ я нѣму, наравно э Богъ крѣплшїи и силнїи нежели дяволъ; Богъ есть и верху дявола и зато мы молимо Бога, да бы нѣга подъ ногама нашима сокрушили, и себе укрѣпили, нѣговимъ искушенїамъ противостати, и нѣгове разжжене стрѣле угасити могли. Али (рекао э онъ возвратително) ако э Богъ выше силнїи, выше крѣплшїи нежели дяволъ, зашто Богъ несокруши и неубїе дявола, да онъ выше зла чинити неможе?

Ясамъ доиста о ови вопроси доста забунѣнъ быо, ербо воистину акосамъ я вѣкъ и доста старъ человѣкъ быо, тосамъ я

опетъ къ таковому чему врло младъ богословъ быо, и быосамъ доста врло мало къ тому упутанъ овакова Богословна сумнѣнія изяенити. Съ почетка башъ нимало нисамъ знао, шпаћу на то казати, учиніосамсе дакле, као да небы нѣга разумѣо и чуо, и запитаосамга штогодъ друго, али ево бѣде, онъ э башъ отговоръ захтевао, вмѣсто дабы вопросъ нѣговъ тако фришко заборавіо. Онъ э повторіо нѣга съ онима истима несовершенима речма, као штога э найпре учиніо. Међу тимъ ясамсе окрѣпіо опетъ малко и рекао нѣму: Богъ хоће нѣга найпослѣ опетъ остро казнити, онъ есть къ суду опредѣленъ и бытиће баченъ у бездну, гди края и конца неима; и даће огню вѣчному преданъ быти. Али и съ тимъ ніе мой Петко іоштъ даволянъ быо; него повторіо э мое речи и рекао, до найпослѣ удержанъ и опредѣленъ? неразумѣвамъ я то, него зашто онъ неубіе дявола? И заштога већъ отъ давно ніе убіо? — Тыбыси могао равно и мене питати, рекаосамъ я, зашто Богъ мене и тебе не убіе, кадъ мы нѣга нашими злими дѣли вређамо. Него насъ чува, дабы мы покаяніе учинили, и отпущеніе грѣховъ добили. Отомусе онъ молко промысліо. Добро, до-

бро

бро рекао э онъ сердечно возбужденъ, то э добро што ты, я, и дяволъ зло чинимо, свиемо дакле опредѣлени покаяніе учинити и свимъ намъ хоће Богъ све опростити. Овдесамъ я дакле по други кратъ опетъ изъ нѣговога реда и членова совершено избаченъ быо, и овоми э доказателство было, ако башъ сама естествена понятія разумне твари къ познанію Божію и къ прославлѣнію, и подданству, кое мы высочайшему существу аки слѣдство нашега естества дужни есмо, доводе: то дакле божествено сасвимъ само откровеніе може у нама познаніе Исусъ Христово утемелити; оно само насъ о нашему спасенію и искуплѣнію извѣстити, о посредственику новога завѣта, и о молителю кодъ престола Божія и: п: само едно откровеніе небесно, само оно едно, говоримъ, можетъ ова понятія у сердцу нашему изобразити. Евангеліе и благодать Господа нашего и спасителя Исусъ Христа (я мыслимъ слово Божіе) и духъ святи, кога э онъ достоянію своему за вожда и утѣшителя обѣщао, есу дакле необходимо нуждни наставницы душъ человѣческихъ у спасаемому познанію Божію и средствахъ нашего спасенія.

Садсамъ тога ради нашъ садашни разговоръ самномъ и Петкомъ моимъ на еданъ кратъ претергао, ербосамъ я нагло устао, као да бы фришко на полѣ ићи морао. Затимъ послаосамъ нѣга подалеко на страну, и молїосамсе међу тимъ сердечно Богу, да бы мене упутїо овога сиротнога дивяка къ нѣговомъ спасенїю наставити и овому ницему глупому созданїю помоћь святаго своего духа даровао, да бы онъ свѣтъ познанства Божїя у Исусъ Хрїсту прїимїо, нѣга съ овимъ примирїо и мене упутїо о слову Божїю съ нимъ тако говорити, да бысе совѣсть нѣгова у вѣрити могла, очи нѣгове просвѣтилесе, и душа избавлѣна и спасена быти могла. Кадъ э мой Петко опетъ натрагъ дошао, упустїосамсе съ нымъ у еданъ долги разговоръ о искуплѣнїю человѣка съ спасителѣмъ мїра, о науки Евангелїа, кое э отъ Небесъ возвѣщено было, а наимено о познанїи къ Богу и о вѣри къ нашему всехвалному спасителю Исусъ Хрїсту. Овде изяснїосамъ нѣму, како годъ штосамъ болѣ могао, зашто нашъ всеблаги спаситель нїе естество Ангела него сѣмя Авраамлѣ на себе прїимїо, и како изъ ове причине отпадши Ангелъ никакова участїя на избавлѣнїю нїе имао, него

да

да э Хрїстосъ само зато дошао изгублѣне овце изъ дому Исраилева искупити и: т: д:

Дасамъ я кодъ свїю ови разни прописа, коесамъ за наставлѣнїе овога сиротнога созданїя употребїо, више простосердечїя нежели науке имао, то Богъ знаде, и я исповѣдити морамъ, штобы и сви други, кои бы овакимъ начиномъ искусили, примѣтити могли, да кадсамъ нѣму какову-вещъ ясну и понятну учипи гледао, дасамъ самъ себе у многима частма обучавао и наставлявао, кое преѣе тога можетъ бити башъ нисамъ знао, или поне доволно размыслїо; коесу мени садъ обаче сасвимъ наравно на паметъ дошле и ясне быле, нежели онда, кадсамъ ихъ за наставленїе момка дивяка испитивао. Такожде нашаосамъ много више услажденїя у тому овимъ способомъ вещь какову болѣ испитати, нежели штосамъ и кадъ преѣе чувствовао. Могло э ово мое наставленїе овому сиротному дивяку више или манѣ ползовати, тосамъ я опетъ велику причину имао Богу благодарити, да э онъ нѣга мени послао. Моя жалость была э съ тимъ врло облакшана, мое обиталище было э мени чрезвичайно сладко и угодно, и кадсамъ по-

мы-

мыслїо, да у овому самоћному животу, у коисамъ я поставленъ быо, не само дасамъ я само возбужденъ быо къ небу горе погледати, и руку ону потражити, коя э мене овамо довела, него їоштъ да я и самое дѣйство провидѣнїя Божїя будемъ, животъ, и како штосамъ мыслїо, такожде и душу еднога бѣднога дивяка избавити и спасти, и нѣга ко истиному познанству закона и Хрїстїанске науке довести, да бы онъ Исусъ Хрїста познати могао, кога познаваити есть истини животъ вѣчни; кадсамъ ово све размыслїо, говоримъ, по просѣкоше тайне радости цѣлу душу мою; и ясамъ о томъ често внутренъ радостанъ быо, да э мене провидѣнїе на ово мѣсто донело, коесамъ я тако често као найвеће мѣсто страданїя мыслїо быти, коебыме икадъ постићи могло.

У овима благодарнима наумнѣнїяма остаосамъ я толико дуго, доклесамъ годъ овде быо, и забава и разговоръ съ Петкомъ, кое э наше празне часове испунявало, быомїе тако у годнъ, да э онъ мени оне три године коесмо мы овде за едно проживили, сасвимъ и совершено благополучна учинило, ако иначе совершеное благополучїе гдигодъ подъ солнцемъ наћисе мо-

же.

же. Дивякъ э постао веħь добримъ хрїстїаниномъ, и боли їоштъ него штосамъ я самъ быо, акосамъ я башъ и причину надатисе и Богу благодарити имао, дасмо мы обадвоица покаянїя и утѣшенїя, кое э покаянїю готовимъ опредѣлено, уживали. Мысмо имали овде слово Божїе читати, и духа нѣговога насъ наставляюща тако близу, како годъ да бысмо у Англїи были.

Ясамъ свагда самъ Бїблїю прилѣжно читао и трудїосамсе разумъ читанаго моему Петку тако добро, како што э могуħе было, у сердце уселити. Онъ э напротивъ тога своимъ постоянимъ истязиванѣмъ и вопроси, као штосамъ сказао, мене много болимъ книжникомъ него што бы икадъ собственимъ читанѣмъ быти могао, учинїо. Іоштъ и зато немогу ништа, што овде изъ собственога искуства у моей самоħности назначити морамъ, то есть: какова э то безконечна и неисказана блаженость, да познанїе Божїе у науки о нашему спасенїю Исусъ Хрїстомъ тако ясно у слову Божїему описано и тако лако прїимити и разумѣти есть, дасамъ я само чтенїемъ святаго писанїя доволио должности мое рязумѣвати научїо, да бы велико дѣло искреняго покаянїя моихъ грѣховъ предузео

и

и себе ко искупителю спасенїя держати, и непреривному упражненїю богоспасаемости и покорности спрѣму Бога безъ икаковога (разумѣвамъ человѣческога) учителя упутитисамсе могао, то э дакле такожде ово ясно наставлѣнїе совершено доволно было ово дивїе созданїе просвѣтити, и нѣга таковимъ Хрїстїаниномъ учинити, каковихсамъ доиста мога живота мало познавао.

Сви разговори хинати, распрѣ и несогласїя, коясу кадъ годъ ради закона на свѣту родитисе могла, могласусе она отъ остроизобрѣтенїя у науки или уставовъ церковнога полка допицати, быласу овде за насъ сасвимъ непотребна и неполезна, како штосу, као штосамъ самъ и до садъ отъ тога разумѣвао, такожде на вѣкъ и за савъ прочи свѣтъ быти могла. Мысмо имали истиного путевожда Небо, то есть слово Божїе и уживалисмо — Богу буди благодареніе зато! — помощь святаго духа, кои э насъ своимъ словомъ учїо и наставляо, и ко свакой истини водїо, и насъ у наставлѣнїю слову нѣговому слѣдовати доброхотне учинїо; и овдесамъ видѣо, штабы найвеѣа наука и знанство свїю хинатнихъ пунктовъ и членовъ у закону, коису толи-

ка

ка смущенїя у свѣту учинили, нами ползовати бы могла, башъ акобысмо ихъ и знали. Али садъ морамъ опетъ у повѣсть вступити и све порядочно исказати.

Кадсмо садъ већь я и мой Петко међу собомъ їошть повѣрителнїе познализе, и онъ э скоро све, штосамъ нѣму сказао, разумѣвао, такожде и самъ, ако башъ и несовершено Англїйски, доволно плавно самномъ говорити э могао: учинїосамъ нѣму повѣсть мою или найманѣ толико отъ нѣ познато, коликосе мога дошествїя на ово мѣсто дотицало, и каковимъ начиномъ и коликосамъ дуго овде живїо: Ясамъ нѣму открїо такожде и таинство (ербо э то за нѣга све едно было) танета и обучаваосамга пуцати; даосамъ нѣму такожде еданъ ножъ, о чемусе онъ врло возрадовао, и начинїосамъ нѣму поясъ и каишъ, као што мы у Англїи кратке саблѣ у ныма носимо, да бы за нѣга сатару или брадву заденути могао, коя несамо што э у многима случаи добро оружїе, него такожде у многима способи їошть и много полезнїя есть.

Садсамъ нѣму землѣ Европейске особито обаче Англїю, изъ коесамъ я, описао, како мы тамо живимо; како ми Богу слу-

жимо,

жимо, и какосе мы єданъ спроћу другога обходимо, и како мы съ нашима Лаћама у свима обитаемима частма свѣта тергуемо; казаосамъ нѣму такожде о сокрушеной лаћи, на коейсамъ я быо, и показаосамъ нѣму тако близу, како што э могуће было, мѣсто, гди э она лежала; али већъ одавно све у комаде разлупано и нинайманѣ штогодъ отъ нѣ ніе видѣти было.

Такожде срушенія или остатке нашега чамца показаосамъ нѣму, у коемусмо хтели насъ изъ лаће на суво избавити, и кога я їоштъ онда са свима моима крѣпостми ни мѣста кренути нисамъ могао, а садсе већъ савъ у комаде распао. При усмотренїи чамца стао э Петко по добаръ часъ замышлѣнъ ни едну речь неговорећи: а кадсамъ я нѣга найпослѣ запитао, о чемусе онъ тако замыслїо? отговорїо э онъ мени: „Solch Boot gesehen hab kommen an den Ort meiner Nation“ „Овакови чамацъ видїосамъ, да э на мѣсто мога народа дошао.“

Я нѣга за дуго нисамъ разумѣти могао, али кадсамъ я створъ опасніе извидѣо, тосамъ изъ тога дакле дознао, да э оно овакови чамацъ быо, и бурѣю къ бреговомъ нѣговога отечества дотеранъ и баченъ быо. Ясамъ абїе помыслїо, да э какова

Evro-

Европейска лађа, кодъ ныни брегова разбитисе морала, и чамацъ могаосе отрѣшити и къ нынимъ брегомъ доперанъ быти; алисамъ тако глупъ быо, да башъ и непомысли нѣга запитати, нисули такожде люди отъ разбіене лађе онамо дошли и избавилисе, и їоштъ манѣ откудабы они могли тамо доћи; него само описанїе чамца отъ нѣга испитао есамъ.

То э онъ доста добро описао и къ тому їоштъ э и мени болѣ помогао нѣга разумѣти, садъ э онъ съ нѣкомъ топлотомъ їоштъ къ тому приложїо: Wir erretten gethan die weiße Manns vom Ersauf, мысмо избавили оне бѣле люде отъ утопленїя. Ясамъ нѣга абіе запитао, нїели было бѣли люди, како онъ ны називаше, у чамцу? Ja wohl sagte er, der Boot voll von die weiße Manns. „Есть рекао онъ; чамацъ э пунъ бѣли люди быо. Колико ихъ э могло быти, запитаосамъ я далѣ. И онъ э у прсте изброїо 17тъ. Пакъ послѣ кудасу доспѣли? предначеосамъ а далѣ. Sie leben, sie geblieben bei mein Nation. Онису живи и осталису кодъ мога народа.

Ово э мени нове мысли у главу ставило, ербосамъ я абіе помыслїо, дасу то они люди, коису къ оной лађи принадлежали,

коя

коя э кодъ мога острова (ербосамга я тако називао) насѣла, и коису, кадсу лаћу ныну на седре насукану и себе неошаятелно изгублѣне видѣли, себе у чамцу избавили и кь бреговомь међу дивяке стигли.

Затимсамь я нѣга опаснїе и обстоятелнїе испитао, штасе онде сь онима людма случило? и онь э мене увѣрїо, дасу они їоштъ свагда живи, и дасу већь 4 године онде, и да ныма дивяци никакове пакости нечине, него їоштъ ныма и средства кь препитанїю даютъ. Али како э то могло быти, запитаосамь я нѣга далѣ, да они ны нису убили и изѣли? нису рекао э онь, ſie mach Bruder mit ihnen, негосе друже сь ныма, то есть коликосамь я разумѣти могао, еданъ союзъ држе, їоштъ рекао э кь тому, Sie eſſen kein Manns, auſſer wenn macht der Krieg fechten, то есть: они неядутъ люде окромъ кадъ войну имутъ.

Затимъ позадуго времена кадсамъ я еданъ кратъ на оному брду на восточной страни острова быо, сь коегасамь, како штосамь казао, при чистоћи дневной сталну землю отъ Америке усмотрїо, погледао э мой Петко — време бяше чрезвичайно чисто — врло опасно кь сталной земли онамо, и на еданъ кратъ стао э отъ

радо-

радости играти скакати и повикао э изъ гласа къ мени, ербосамъ я у нѣкоему удалѣнїю отъ нѣга быо, а кадсамга запитао, штаму э; O Freude, рече онъ o froh! dort sieh mein Vaterland mein Nation. О радости рече онъ, о радости и веселїя! онде видимъ мое отечество! онде мой народъ!

Садъ на лицу нѣговомъ видїосямъ чрезвичайну радость, очи нѣгове чистосу као ватра гореле, и цѣли нѣговъ изгледъ показао э жестоку желю опетъ у нѣговомъ отечеству быти. Ово примѣчанїе довело э мене на различна размышлѣнїя, коя мени съ почетка нису дала тако сасвимъ мирнимъ отъ мога Петка быти; као штосамъ преѣе быо: ербо ясе сумняо нисамъ; доѣели мой Петко опетъ у отечество свое натрагъ, то не само штоѣе законъ него їоштъ и цѣли союзъ и обвязателство спроѣу мене заборавити, и доволно нестерпѣливъ быти своимъ землякомъ извѣстїе о мени дати, пакъ онда можетъ быти съ двема стотинама дивяковъ опетъ овамо доѣи, и ручакъ отъ мене сготовити, при коемѣе можетъ быти и онъ тако веселъ быти, као што э и кодъ ручка нѣгови непрїятеля быти обычествовао, кое э у войни заробїо.

Али

Али овдесамъ я о овому сиротному и честному человѣзу врло неправо мыслїо, коеми э послѣ и врло жао было. Но мѣшутимъ да э подозрѣнїе мое свагда расло, и нѣколико недѣля траяло, то дакле мораосамъ и я малко позорнїи и опаснїи, и не онако повѣрителенъ, и дружествен спрочу нѣга быти, као прѣе; у чемусамъ доиста сасвимъ неправо имао, ербо ово честно и благодарно созданїе и э имало никаковога помысла на шпогодъ друго, него само оно, шпо э съ найболимъ основанїемъ како еднога смиренога Хрїстїанина, шако и благодарнога прїятеля соглашавалосе, како шпосамъ послѣ къ моему совершеному удоволствїю искусїо.

Колико э годъ дуго мое подозрѣнїе траяло, можемо лако мыслити, дасамъ я нѣга сваки данъ опасно искушавао, да бы видѣо, нѣели онъ гдигодъ у чему какове нове мысли изявити, коесамъ я о нѣму мыслїо: али све шпо э годъ онъ говорїо, нїе ништа друго было, него сама честность и невиность, да я нинайманѣ сѣнке у тому за мое подозрѣнїе наћи нисамъ могао, и у пркосъ свега мога неспокойства учинїо э онъ мене напослѣдокъ себи опетъ сасвимъ свойствена. Онъ шакожде нїе о моему не-

неспокойству ништа примѣтїо, слѣдовательно нисамсе могао ни я отъ нѣга никакова хамишага или лукавства надати.

Кадсмо мы еданъ данъ за едно на оному берду были, и помраченога воздуха ради на морю сталну землю видѣти немогосмо, зовнуосамъ я Петка къ себи и рекаосамъ нѣму: Петко! нежелишли ты у твою землю и къ твоему народу опетъ натрагъ? Ja рече онъ, ich ſehr froh ſeyn, wenn ich bei mein eigen Nation. Быобысамъ врло радостанъ, кадбысамъ опетъ кодъ собственога народа быти могао. А штабыси ты онде чинїо? рекаосамъ я нѣму, нећешли ты опетъ дивякъ дабудешъ и да месо человѣческо ядешъ као и преће? о томсе э онъ врло оскорбїо, и вертяше гловомъ говорећи: Не: не! Freytag ihnen ſagen eſſen Kornbrod, Thierfleiſch, Milch; Menſchenfleiſch nicht eſſen wieder. Петко хоће нима казати отъ жита хлѣбъ, звѣрское месо, млеко; а человѣческога меса више не ясти. Како дакле, рекаосамъ я нѣму, ако они башъ тебе самога убїю? ово э нѣга сасвимъ устрашило и узвѣрило. Nein, рекао э онъ напослѣдокъ, ſie mich nicht todtſchlagen, ſie gerne mögen lehrnen. Нећеду они мене утући, него бы сдраге волѣ штогодъ отъ мене научили, їошть э далѣ онъ къ

тому

тому придао, да нѣгови земляцы много отъ они бѣли и брадати люди, коису у чамцу онамо дошли, научаваю. Запимсамъ я нѣга запитао, нећели онъ къ ныма опетъ иѣи? о томсе э онъ насмѣао и ракао, да онъ толико далеко пливати неможе. Акакобы онда кадбы я теби еданъ чунъ начинїо, рекаосамъ я нѣму далѣ? онда бы онъ сдраге волѣ ишао, отговорїо э онъ, кадбы и я сныме пошао. — Я съ тобомъ да идемъ? твоибы земляцы мене абїе изѣли, кадъ бы я съ тобомъ поѣи хтео. Nein, Nein, рекао э онъ, ich ſchon machen, daß dich nicht aufeſſen, ich machen, daß ſie dich viel lieb haben. Не, не яѣу то учинити, да они тебе нећеду изѣсти, него много више радо имати и любити, онъ э мыслїо то, даѣе ныма казати, дасамъ я ныне непрїятелѣ потукао, и нѣговъ животъ избавїо, и тако даѣе онъ учинити, даѣеду они мене верло миловати. Затимъ э онъ мени, као што э болѣ могао, казао, како прїятелски они съ онима 17. бѣли и брадати люди (како што э онъ ны называо) поступаю, коису у нужди у ныну землю дошли.

Отъ овога времена, то исповѣдити моромъ, добїосамъ свагда више волю онамо къ сталной земли усудитисе поѣи,

и

и пробирати нѣкели можно быти да овима брадатима людма, коесамъ я за *Шпанїере или Португїзе* держао, доѣи, ербо кадбы я то могао, то сумняо небы, да мы средство небысмо изнаѣи могли насъ послѣ отонудъ избавити. Ербо кадбысмо мы на сталной земли онде, и насъ подобро число за едно были, тобы морало отонудъ свагда болѣ поѣи, нежели сасвимъ самъ и безъ сваке помоѣи отъ еднога 40: мїля отъ бреговъ далеко отстоящега острова. Послѣ нѣколико дана затимъ предузеосамъ я опетъ мога Петка предъ себе, и рекаосамъ нѣму, даѣу я нѣму чунъ дати, у коему онъ къ Народу своему напрагъ поѣи може. Отвеосамга такожде къ моей фрегати, коя э на другой страни острова лежала, и довезаосамъ ю послѣ, какосамъ ю отъ воде испразнїо (ербосамъ ю свагда подъ водомъ заливену держао:) на воду, показаосамъ ю нѣму, и тако сѣлисмо мы ободвоица у ню.

И тосамъ видѣо, да э онъ съ чуномъ и возїомъ преизрядно поступати, и нѣга скоро тако хитро повести и задержати знао, како годъ и я самъ. Кадсмо вечь у чуну были, рекаосамъ я нѣму: Но Петко садѣемо къ твоему народу иѣи? При овому

вопросу быо э онъ сасвимъ као убїенъ, кое э, какомисе учинило, отудъ э произишло, шпо э онъ чунъ за врло маленъ держао, тако далеко на нѣму возитисе. Затимъ рекаосамъ нѣму, де я већи чунъ имадемъ, и такосмо супра данъ на оно мѣсто отишли, гди э мой первый чунъ лежао, когасамъ направїо, али величине ради нѣга на воду донести нисамъ могао. Овай бы доста велики быо, рекао э Петко, али будући да я о нѣму никакове бриге нисамъ имао, и онъ э већь 23 лѣта онде лажао, то э онъ дакле савъ отъ солнца испуцанъ, изсушенъ, и скоро савъ иструнуо быо, Али э Петко мыслїо съ оваковимъ чамцемъ, могло э сасвимъ све преизрядно поћи, моглобысе у нѣга такожде Fleiſch Brod und Trinck месо хлѣбъ и пиће, како шпо э онъ сказао, доволоно метнупи.

Ясамъ у ово време (да кратко рекнемъ) моїомъ главомъ зато ставитисе могао съ ныме онамо къ сталной земли свободно поћи, и рекаосамъ нѣму: Петко! мыћемо дакле нама други чамацъ овако исто велики како годъ шпо э и овай начинити, и на нѣму можешъ ты у твою землю натрагъ врапитисе. Warum du zornig ſeyn auf dein Freytag: Зашто, едаси ты срдитъ на

твога

твога Петка? запитао э онъ сасвимъ сожалително, штосамъ я теби согрѣшїо? — Нїе, я нисамъ на тебе срдитъ, нїе, ни найманѣ. — Nicht zornig? nicht zornig, несрдитъ? несрдитъ? повторїо э онъ нѣколико крати, Warum den Freytag fortſchicken heim zu ſein Nation? — Зашто Петка послати куѣи къ нѣговому народу? Ели дакле Петко, нисили ты мени рекао, дабыси ты врло радъ опетъ онде быти? Ja, ja, wollte wir beide da ſeyn; nicht Herr da ſeyn, nicht Freytag da ſeyn mag. — Есть, есть обадвоица мы онде быти; не Господинъ овде быти и Петко неѣе онде быти. — Кратко онъ нїе хотео о таковомъ путу башъ ни мыслити, ако я небы хотео съ нимъ поѣи. — Я онамо иѣи, рекаосамъ я Петку? Штаѣу я онде чинити? — Du ſehr viel gutes machen; du lehren wilde Manns gut ſeyn, Gott betten, und neu Leben leben. — Тыѣешъ много добра учинити; тыѣешъ учити дивяке да добри буду, Бога молити, и изъ нова животъ уживати. — Ахъ Петко ты самъ незнашъ што говоришъ, рекаосамъ нѣму, та и нсамъ самъ невѣжа человѣкъ. — Ja, ja du mich gutes gelehrt, du ſie auch gutes lehren kannſt. — Есть есть, тыси мене на добро наставїо, тыѣешъ и ны такожде къ добру

наставити моћи. — Али преко свега ты Петко морашъ самъ онамо ићи. Остави мене самога овде живити, као штосамъ и преће живїо, при овима речма узвѣрїосе и смутїо Петко, отрчао э фришко на еданъ кратъ, и донесао э едну отъ они сатара, кою э собомъ носити обычествовао, и дао э мени. Штоћу я съ тимъ чинити? рекаосамъ нѣму. — Du Freytag todſchlagen! ты убїй Петка! — Али зашто? Warum Freytag fortſchicken, Freytag lieber lieber todſchlagen, nicht fortſchicken! — Зашто да оттерашъ Петка, болъ утуцы нѣга, него да нѣга оттерашъ! Ово э онъ съ таковомъ жалостїю изговорїо, дасамъ я сузе у очїю нѣгови стоеће видѣо. Съ еднимъ словомъ, ясамъ быо о нѣговой искренной спроћу мене склоности, и о нѣговомъ полномъ наумнѣнїю, дасе онъ самномъ никада разстати неће, тако врло увѣренъ, дасамъ я нѣму башъ онда, а такожде и послѣ често говорїо, да я нѣга никада отъ себе отпустити нећу, само ако онъ волю кодъ мене изостати имаде.

Тако исто, као штасамъ я изъ свїю нѣгови разговора нѣгову сердечну и непремѣнну спроћу мене любовь видѣо. и ощутїо, тосамъ дакле и видѣо, да э причина нѣговога захтеваня у отечество

свое

свое ноћи само у горящей любови спрѣћу свога народа, и у той надежди положена была, даћу я тамо кодъ ны много добра учинити: али я кои самъ о томъ доволно нисамъ разумѣвао, то дакле нисамъ нинайманѣга помысла, волѣ или захтеваня имао себе у штогодъ таково упустити, али свагда чувствоваосамъ велику склонность и волю мое бѣжанѣ предузети усудитусе; коесе у той надежди, коюсамъ изъ пређашнѣга разговора почерпао, основавало, а наимено дасе они 17 люди онде находятъ. Ясамъ дакле незакосняваюћи съ Петкомъ дѣло предузео едно велико и къ тому способно древо свалити и изъ нѣга еданъ велики чамацъ начинити, у коему можемо наше путешествїе предузети. Было э доиста на острову толико дервета, да бы отъ ны читаву флотту (галїе) а не само еданъ чамацъ (Periaguas) него читаве и велике галїе начинити могао: али главна вещь была э ова, таково древо гдигодъ близу воде добити, дабы я чунъ, кадъ готовъ буде, лако на воду донети могао, и пређашнѣ погрѣшке ошаятибысе могао.

Напослѣдокъ нашао э Петко таково едно дрво; ербосамъ я видѣо, дасе онъ у

по-

тому болѣ разумѣвао нежели я, какови э видъ древета кѣ тому найспособнїи. И я до данашнѣга дана сказати незнамъ, каково э оно древо было, коесмо мы свалили, него само толико знадемъ, да э оно оному дерветy верло подобно было, кое мы *Бразїлскимъ* дерветомъ називамо, и рецы нѣка средствена верста мећу овимъ и тако называемимъ *Нїхаратъ* дерветомъ была, ербое оно такове исте фарбе и мириса было. Петко э держао за найболѣ средство нѣга изшуплити или издубити, и ватромъ испалити, дабы отъ нѣга способанъ чунъ начинити могли. Алисамъ я нѣму показао, какобысмо мы то много лакше съ нашимъ халапомъ издубити могли; кое э онъ, кадсамъ я нѣму то показао, какосе съ тимъ поступа, за верло добро и способно нашао. Послѣ едно мѣсячнога и тешкога дѣла быо э напослѣдокъ нашъ чунъ сасвимъ готовъ, и быо э верло лепо начинѣнъ, особито кадсмо мы съ нашима брадвама, съ коїомсамъ я нѣга радити научїо, внѣшнѣй страни прекрасни видъ еднога чамца дали. Но то э насъ іощтъ выше отъ 14: дана времена стаяло, кадсмо нѣга, тако да рекнемъ, еданъ цолъ задругимъ на великимъ валѣцы на воду донесли.

Кад-

Кадсмога вѣћь на воду донесли были, овдесамъ съ великимъ удивленїемъ видѣо, съ каковимъ э вѣжествомъ и хитростїю, мои Петко нѣга несмапраюћи на величину нѣгову управляти, окренути и повести знао. Зашимъ запитаосамъ нѣга, хоћемолисе смѣти у нѣму онамо усудити поћи, и ели онъ тому склонѣнъ? есть рече онъ, er ſich darinnen hinüber wagen ſehr gut, obgleich blies groß Wind. Можемосе свободно на нѣму онамо упустити, и верло добро, башъ акобы и велики вѣтаръ дуао. Ясамъ међу тимъ іоштъ друго намѣреніе имао, кое онъ нїе знао, то есть катарку и парусъ начинити, и нашъ чунъ съ мачкомъ и съ ужети устроити. Пошаосамъ дакле зато еданъ млади кедръ тражити, коихъ э на острову доволно наћи было, и когасамъ близу онога мѣста нашао. Петко дакле морао э ово дрво подсећи, и ясамъ нѣму показао, какоће онъ нѣму пристойни видъ дати, и све лепо уредити моћи. Али за платна и парусъ мораосамъ я самъ бринутисе и радити. Истина знаосамъ, дасамъ старихъ парусовъ имао, или много више комада отъ старога платна доволно; али будући дасу они 26: година кодъ мене лежали, и я о содержанїю ныномъ никаковога

осо-

особногъ почеченія имао нисамъ, ербо какобысамъ помыслити могао, даћу нѣга їошть овако добро требовати моћи? шо дакле друго и мыслити нисамъ могао, него да э оно већь све испрунути морало. Као штосу и многа доиста већь испрунула была: али опетъ нашаосамъ међу тимъ два комада, коисе мени їошть доста добри быти учинише. Овесамъ дакле абїе предузео, и найпослѣ съ великимъ трудомъ и дѣломъ, и послѣ верло неспособнога и гаднога крпежа (као што лако мыслити можемо и безъ игала и конаца) произишла э нѣка троеуголна гадна вещь, коя э отъ прилике као еданъ парусъ изгледала, на свѣтъ.

Кодъ овога послѣднѣга дѣла могу свободно казати, дасамъ 2: мѣсеца времена утрошїо; доксамъ катарку и парусъ дигао, и како што валя уредїо, ербосамъ я све совершено, како што требуе, правїо, съ дебелимъ ужетомъ къ тому надлежащимъ преднымъ платномъ, коеће намъ на помоћь служити, кадбысмо мы верло яко пропиво вѣтра держатисе морали, и што эвыше нежели све друго было, утвердїосамъ весло на мѣсто думена на стражнѣй части чамца, дабы нѣга съ тимъ по произволенїю управля-

ти

ти могао. И акосамъ я башъ само еданъ крпећїа у послу лађарскому быо, тосамъ я опетъ, кадсамъ ползу и башъ нуждность овакове вещи провидѣо, све съ таковимъ прилѣжанїемъ начинїо, и съ тимъ доста труда имао, да э то напослѣдокъ све срећно произишло, ако э мене то башъ и толико много труда стояло, коликогодъ и самъ чамацъ.

Кадъ э то већъ све готово было, научїосамъ я такожде мога Петка у кораблѣплаванїю, ербо ако э онъ башъ и знао чунъ повести, то онъ отъ думена и паруса опетъ ништа нїе знао, и быо э полнъ удивлѣнїя, кадъ э онъ мене чамацъ думеномъ и платномъ по вѣтру управляема видѣо. Но коликосе э онъ о томъ чудїо, тое онъ опетъ съ нѣкимъ малимъ упражнѣнїемъ съ тимъ верло добро поступити научїо, и постао э совершенимъ корманошемъ, окромъ еднога вѣжества у компасу, о чему я нѣму мало или башъ ништа понятно учинити нисамъ могао. А будући да у овимъ странамъ мало тавнога времена и магле верло рѣдко или никада нїе было, то дакле и компасъ нїе отъ велике потребе быо; ербо ноћомъ свагда звѣзде, а даньомъ брегове видѣти э можно

было

было, кромѣ кишнихъ мѣсецовъ, у коима и безъ тога нїе никому на паметъ пало, нити водомъ нити сувимъ путовати.

Садсамъ вечь *27 mo* лѣто робства на овому острову започео; ако башъ она послѣдня 3: лѣта, у коимасамъ мога Петка кодъ себе имао, свойствено къ тому причислити немогу; ербо отъ онога времена было э мое пребыванѣ овде сасвимъ другоячїе устроено, нежели цѣло прешашнѣ време. Садсамъ поржествовао годишнѣ воспоминанїе мога овамо дошествїя съ онаковимъ истимъ благодареніемъ къ Богу за нѣгова благодѣянїя, како годъ и первый кратъ. И будући дасамъ первый кратъ къ тому причину имао, то садсамъ таковихъ їошпъ выше имао ербосамъ їоштъ и выше проби нѣговога провидѣнїя и сверху мене управлѣнїя и їоштъ преко тога велику надежду имао вечь скоро башъ дѣйствително избавлѣнъ быти. Али међу тимъ я нисамъ изоставляо домостроенїе мое водити, копаосамъ, насађиваосамъ, ограђиваосамъ, собираосамъ, и сушїосамъ грожђе мое како годъ и прежде.

Међу тимъ дошло э мени садъ кишно време завратъ, у коемсамъ више нежели

иначе

иначе кодъ куће задержаватисе морао. Ясамъ дакле нашу нову лађу тако добро, како што э могуће было, у завѣтрину ставїо; ербосамъ я ню у онай свитакъ зашкулине увезао, гдисамъ найпре съ моима сплавови пристаяти обычествовао, и при нарастѣнїю воде на брегъ извукао, и Петку заповѣдїо, да еданъ яракъ ископа, гди э она равно толико мѣсто имала, и доволно дубокъ быо, да бысе она за пловитву свагда содержавала. Када э припливъ уступїо, начинилисмо съ предъ попреко еданъ яки ендекъ, да вода унутра небы уђи могла; и тако э она, када э припливъ дошао, отъ морске воде свагда сува остала. Да бысмо дакле нашу фрегату и отъ кише сачувати могли, покрилисмо ю съ множествомъ грана тако густо, да э она добро како годъ еданъ домъ покривена была. И тако очекивасмо мѣсецъ Ноемверъ и Декемвръ, у коимасамъ я намѣренъ быо страшно мое путешествїе започети.

Када э лепо време мало по мало опетъ дошло, обновилесусе съ овимъ лѣпимъ временемъ такожде и мое мысли о моему намѣренїю, о когасамъ произведенїю я повседневно уредбу приправляо. Перво штосамъ учинїо, было э то, за наша средства къ

пре-

препитанїю за путь старатисе, пакь онда мысліосамь у 8: или 14: дана ископати, каналь отворити и мой чамаць на воду довести. Съ таковимь чимгодь едань кратъ уютру забављућисе зовнуосамь Петка и рекаосамь нѣму, да на брегь отиде и да мотри, нећели моћи кою корнячу добити, коесмо мы сваке недѣлѣ едань кратъ, како меса тако и јета ради фатали. Петко нїе толико дуго на полю ни быо, кадь э онь на еданъ кратъ нагло терчећи натрагь дошао, и преко мога внѣшнѣга зида или ограде, као еданъ кои терчећи подь собомь землю нїе осѣћао, унутра ускочїо, и їоштъ пређе него штосамь я имао времена съ ниме говорити, повыкао изь гласа къ мени: O Herr! Herr! O Jammer! O ſchlimm! — О Господине! Господине! О жалости! О бѣде! Што э Петко? штоти э: рекаосамь нѣму, Ach dorten рекао э онь eins zwei drei Kanen eins zwei drei! Ахъ ондесу, еданъ два три! изъ овога начина броя, мыслїосамь я да 6: чунова имаде, али кадсамь опаснїе извидѣо, то нїе выше было него три. Добро дакле Петко, рекаосамь я, тога ради небойсе ты ништа, и мотрїосамь, коликосамь годь болѣ могао, нѣга охрабрити. Али несматраюћи

на

на то све примѣтїосамъ я, да э овай сиротни юноша сасвимъ страха и ужаса напунѣнъ, ербо онъ у глави ништа друго нїе имао, него дасу дивяцы опетъ дошли нѣга тражити, и даћеду нѣга на комаде изсећи, и изѣсти; и онъ э трепетао и тресаосе непреривно и тако верло, да я већь нисамъ знао, штоћу съ нимъ започети. Но дасамъ нѣга међу тимъ, колико э годъ могуће было, утѣшавао и представїосамъ нѣму, дасамъ и я самъ башъ у таковой истой погибели како годъ и онъ, и даћеду они тако исто мене како годъ и нѣга изѣсти. Алисамъ я рекао нѣму, чуешъ Петко, мы себе морамо приправити и съ ныма брань учинити? хоћешли ты то Петко? Ich schießen рекао е онъ aber deren dort gar viel, viel — али ны отудъ идутъ много, много! — Ништа зато отговорїосамъ я, кое мы неубїемо, онимаћеду наше пушке много страха задати. И ако я обећамъ тебе бранити (рекаосамъ я далѣ) хоћешли и ты мене защищавати, кодъ мене держатисе и чинити оно, штоћути заповѣдати? — Ich sterben wenn du heisest Herr! Ћу умрети, ако ты заповѣдишъ Господине! рекао э онъ, и съ тимъ отишаосамъ и донеосамъ добаръ

на-

напитакъ ракіе, пакъ даосамъ нѣму; ербосамъ я ракію мою тако добро штедіо, дасамъ отъ нѣ їоштъ свагда подобру часть имао, када э онъ то попїо, даосамъ нѣму оне две птичарице, коесмо свагда сасобомъ носили, и набїосамъ ны съ крупномъ сачмомъ, коя э као мала пушчана танета была. Затимъ узеосамъ оне 4 мушкете и набїосамъ сваку съ двима комади гвожђа, и съ петь другїй танета, и два пиштоля свакїй съ двима танети.

Кадсамъ себе већь овако вооружїо, узеосамъ мой пусулъ и отишаосамъ съ ныме горе на бердо, дабы видѣо, штаћу усмотрити моћи, и средствомъ мога пусула абїе усмотрїосамъ, дасу онде 21: дивякъ, 3: роба, и 3: чуна были, и да они никаковога другога узрока ради овамо дошли нису, нежели нынъ побѣдоносни ручакъ отъ овихъ трїю человѣческихъ тѣлесъ держати.

Іоштесамъ примѣтїо, да они садашни кратъ нису на оному мѣсту изишли, гди э нима Петко преће умакао, него ближе къ моему савитку, гди э брегъ малко низжїй быо, гдисе густа шума скоро до близу моря отезала. Ово дакле и їоштъ къ моему омрзѣнїю о безчеловѣчному намѣ-

ре-

ренїю ови неволниковъ напунило э мене такове яросши, дасамъ я їошшъ еданъ кратъ долу къ Петку дошао и нѣму рекао, дасамъ я већь заключїо онамо къ ныма поћи и свїю попући; при чемусамъ їошшъ нѣга запитао, хоћели онъ мени помоћи? Овай, коему э страхъ већь малко прошао было, и онай напиткъ ракїе бодростъ учиніо, было э већь сасвимъ радостанъ и рекао э мени као и преће: да хоће за мене, ако я заповѣдимъ, умрети.

У овой распалѣной яросши узеосамъ найпре оружїе, кое э већь напунѣно было, и подѣлїосамъ изъ међу насъ. Даосамъ Петку їошшъ еданъ пишшоль, да за нѣговъ поясъ задене, и три пушке нѣму на леђа, еданъ пишшоль и оне три пушке узеосамъ я самъ да носимъ. Овако воружени изышлисмо дакле на войску.

Ясамъ едну флашу ракїе у мой жепъ мешнуо, а Петку даосамъ едну велику кесу съ барушомъ и оловомъ носиши. Заповѣсшь, коюсамъ я нѣму дао, была э ова: да онъ усшопце замномъ и сасвимъ близу сшупаши имаде, некреташисе непуцаши или шшогодъ найманѣ чиниши, докле я нѣму незаповѣдимъ и међу тимъ ни едне речи говориши. У овому воруженїю

учи-

учинїосамъ я на десну руку еданъ заодакъ, рецы скоро едно полъ Англїйске мїлѣ, дабы како преко савитка воде, тако и у шуму онамо доћи могао, тако дасамъ само на еданъ пушчани хитацъ већь близу ны быо, преће него штобы они мене видѣти могли, кое э како штосамъ я на пусуль мой видѣо, верло добро ишло.

Доксамъ я їоштъ на путу быо, дошлесу мени мое прећашнѣ мысли опетъ у паметъ, и мое дерзновено намѣреніе стало э колеблемо бывати. Не тога ради штобысе я отъ нынога множества страшїо, ербосу они наги голи и невооружени были, то бы я ныма доиста їоштъ самъ свагда превозвишанъ быо: него э мени опетъ на паметъ дошло, какови э поводъ и нужда мене къ тому возбудила онамо ићи, руке мое у крви обливати и люде напасти, кои мени никакова зла учинили нису, нити учинити намѣренїя имаду; и коису всмотренїи мене сасвимъ невини и коихъ варварскїй обычай нына собствена несрећа есть. Ово э доиста кодъ ны явни знакъ быо, да э ны Богъ їоштъ съ прочими народи ове части свѣта у овакову безчувственость и варварске обычае предао; али мене на то позвао ніе, Судїомъ

ныни

ныни дѣла и їоштъ манѣ исполнителѣмъ нѣгове правде быти. Наћели онъ то задобро, тоће онъ ову вещь у свое собствене руке узети, и народня беззаконїя народнѣю казнїю казнити: и я међу то отнюдъ ништа мешатисе неимамъ. Петко бы у овой вещи їоштъ преће могао оправданъ быти, ербо э онъ познани и заклети непріятель овога истога народа, и у явной войни съ ныма сплетенъ. Нѣмубы дакле свободно было ны напасти а я причину за себе немогу показати. Ове мысли мутилесусе цѣлога пута по моей глави, дасамъ само то намыслїо само на близу къ ныма доћи, и нынъ варварскїй ручакъ гледати, пакъ послѣ чинити оно, што Богъ опредѣли; и себе ниушто упустити, него акобысе штогодъ приключило, штобы я выше нежели познанїе, и све досадашнѣ моприти могао.

Съ овимъ заключенїемъ пошаосамъ у шуму, и ишаосамъ (Петко устопце замномъ:) сасвимъ возможнимъ позорствомъ и тихостїю, докле годъ нисамъ на страну, коя э къ ныма найближа была, на край шуме дошао, тако да э само една пустимица шуме међу мною и ныма лежала. Овдесамъ верло полагано Петка зовнуо, и

показуюћи нѣму на едно дрво, кое э башъ на верху или краю шуме стаяло, рекао-самъ нѣму, да онамо опиде и послѣ мени скаже, можели онъ ясно видѣти што они чине. Онъ э то абїе учинїо, дошао э къ мени напрагъ и казао, дасе све верло лепо видѣти може. Они сви около ватре сѣдише и ядоше месо еднога ныни робова. Недалеко отъ ны лежао э другїй робъ на песку свезанъ, когаћеду, како Петко рече, за первимъ утући, о чемусе душа моя сва у саму ватру премѣнила. Онъ э рекао, да то ни еданъ нїе отъ нынога народа, него еданъ отъ бели люди, о коихъ э онъ мени сказао, дасу на чамцу у ныну землю дошли. Мерзостъ и ужасъ напунїо э перси мое, како э онъ бѣлобраде люде споменуо, и кадсамъ ближе дрвету дошао, видѣосамъ дѣйствително на мой пусулъ и сасвимъ ясно еднога бѣлога человѣка на брегу лежећа, коемусу руке и ноге съ гужвицомъ или рогозомъ свезане быле, и да э башъ Evропеацъ быо, и халине на себы имао.

Отъ прилике 50: коракляя ближе къ ныма, гдисамъ я стаяо, было э едно друго древо, и предъ нымъ еданъ мали кустор-никъ, до коега я, како шпосамъ видѣо,

еднимъ

еднимъ малимъ обиткомъ лако невидѣнъ доћисамъ могао, и ондабы само едно полакъ пушчанога хитца далеко отъ ны было. Алисамъ я гнѣвъ мой задержао, акосамъ башъ веће и крайнѣ противо ны ополченъ было: и послѣ кадсамъ 20: корачаи за нѣки грмъ натрагъ учинїо, коисе покрай цѣлога пута отезао, доклесамъ я до онога другога древета дошао, нашаосамъ дакле еданъ узвишакъ, откудсамъ я ны рецы едно 80: корачаи далеко совершено видѣти могао.

Садъ веће нисамъ имао ни еднога часа изгубити; 19: ови страшни безчеловѣчника сѣдише сви еданъ до другога густо збїени на земли, и у тай исти часъ послалису были другу двоицу онога бѣднога хрїстїанина довести и заклати, и отъ нѣга, можетъ быти, членъ по членъ на ватру метати. Већсусе они сагнули были нѣму ноге отрѣшити, кадсамсе я на еданъ кратъ къ моему Петку окренуо и рекао: Садъ Петко чини све оно, штоћупи я заповѣдати. Хоћу све съ радостїю, отговорїо э онъ мени. Дакле садъ Петко, рекаосамъ нѣму далѣ, чини све оно верло опасно, што годъ мене видишъ, да я чинимъ, и немой дами фалишъ или какову погрѣшку

учинишъ. Ясамъ положїо едну отъ мушкета и птичарицу на землю, и Петко э тако исто учинїо, а изъ друге пушке бацыосамъ живо ватру на дивяке онамо; и Петко э то учинїо. Затимъ запитаосамъ, ели онъ већь къ пуцаню готовъ? и када э рекао да есть, повикаосамъ я Петко бацы опетъ ватру и у едномъ часу опалисмо обадвоица заедно.

Петко э много болѣ и правилнїе бацао пушке и стрѣляо, нежели я, ербо на оной страни, на кою э онъ пуцао, былаcу 2 мертва и 3 ранѣна, а на моей страни само еданъ мертавъ и еданъ ранѣнъ. Какови э ово ужасни страхъ и трепетъ међу ныма проузроковало, лако себи представити можемо. Сви они, кои танетомъ потрефлѣни нису были, скочилису горе и хтелису бѣжати, али нису знали куда; изъ узрока што нису знали отъ куда нына смерть и погибель приходитъ. Петко э свагда нетренући на мене гледао, дабы, како штосамъ я нѣму заповѣдїо, на све опасно позорствовао, што я чинимъ. Како э первый ударацъ пошао быо, метнуосамъ абїе мою пушку на спрану и узеосамъ птичарицу. И Петко э то исто учинїо. Кадъ э видѣо, дасамъ я натегнуо и наперїо пушку;

ку; то э исто абїе и онъ учинїо. Есили готовъ Петко, выкнуосамъ я. — Есамь отговорїо э, удри дакле у име Божїе, повыкаосамъ я, їоштъ еданъ кратъ, и тако бацыосамъ їоштъ еданъ кратъ ватру, међу уплашене варваре, и Петко равнимъ начиномъ. А будуђи дасу наше птичарице за садашни кратъ съ крупномъ сачмомъ или съ малима танети набїене быле; то нисмо видѣли дакле, нежели двоицу къ земли опровержене; али ренѣни было э ны много, тако дасу они као помамни урликаюђи и выкаюђи свудъ терчали, и многи отъ ны крваво и смертно уранѣни былису; їоштъ затимъ скоро палису отъ ны тройца, башъ ако и не сасвимъ мертви къ земли.

Дакле Петка повыкаосамъ я метнувшїи избачене пушке на землю и набїену у руке узимаюђи, садъ ступай замномъ! кое э онъ абїе съ великомъ храбростїю учинїо; и затимъ изъ шуме искочїо, и себе съ Петкомъ моимъ явно показао. Какосамъ примѣтїо; дасу они насъ видѣли, стаосамъ абїе изъ свега гласа выкати, и заповѣдїосамъ Петку то исто чинити; полетїосамъ затимъ тако хитро, како годъ што э могуђе было, (кое мимогредъ говоређи

Ѣни башѣ и нїе верло фришко было, ербосамѣ верло сѣ оружїемѣ обтереѣенѣ быо) кѣ оной бѣдной жертви, коя э, како штосамѣ казао, на брегу меѣу онимѣ мѣстомѣ, гдису они сѣдили, и моремѣ лежала. Ова обадвоица желати, коису нѣга башѣ тай часѣ у руке предузети хотели, былису кѣ морю побѣгли и сѣ великимѣ страхомѣ у ныне чунове скочили, за коима ошшѣ троица отѣ прочихѣ слѣдоваше. Напредѣ ступай! повыкаосамѣ я, кадсамѣ то видѣо, осврашившесе напрагѣ на Петка, пакѣ бацай живо ватру на ны! Онѣ э мене абїе разумѣо и поступио рецы 50 корачаи, дабы ближе кѣ ныма приступио и бацыо э опетѣ ватру на ны. Ясамѣ доиста мыслїо, да э онѣ ны свїю потукао; ербосамѣ ихѣ я свїю у едной хрпи у чунѣ падаюѣе видѣо, но опетѣ двоицу отѣ ныхѣ видѣосамѣ шаки на ногахѣ. Но меѣу тимѣ онѣ э ны двоицу очевидно убїо и треѣега ранїо, шако дасу они у чуну аки мертви лежали.

Докле э мой храбрїй Петко на ны живо пуцао, извукаосамѣ я ножь изапояса и отсѣкаосамѣ шпранчицу, сѣ коїомѣ э ора бѣдна жертва свезана была, подигаосамѣ ю горе, кадсамѣ ей веѣь руке и ноге осво-

бодїо



Hinder Sc

Сраженїе съ Дивяцы.

Argpie L Mynita

бодїо, и запитаосамъ *Португіски*, тко э онъ? и онъ э мени *Латїнски* отговорїо Хрїстїанинъ (Chriſtianus) али э онъ тако слабомоцанъ быо, да э едва стояти или говорити могао. Извадіосамъ флашу съ ракїомъ изъ жепа, и даосамъ нѣму, дасе напїе, кое э онъ и учинїо. Даосамъ нѣму їошть парче хлѣба, кога э онъ такожде изѣо: и запимъ запитаосамга каковъ э земляк онъ? Отговорїо э онъ мени да э онъ *Шланїеръ*, и кадсе э мало окрѣпїо, дао э онъ мени съ свима возможнима знацы, кое э годъ указати могао, разумѣти, коликое онъ мени за избавлѣнїе живота нѣговога благодарно обвезанъ. Далѣ рекаосамъ я (Sennor) Господару, коликосамъ годъ у фришкоѣи *Шлански* изговорити могао, мыѣемосе послѣ разговарати али садъ морамо дасе бїемо, и бранъ одержимо. И ако їошть и мало крѣпости имаше, то узмите дакле овай пиштоль и мечь у руке и употребите ихъ на оно къ чемусу садъ отъ потребе. Онъ э съ великомъ благодарностїю ова оружїя прїимїо, и само шпога э у руку имао, полетїо э абїе као дабы нѣга по нове бодрости напоило было, и као фурїа на нѣгове убїйце, и двоицу отъ нихъ у едному магновенїю ока све у комаде исѣкао;

као изъ узрока, што э све ово за ны крайнѣ ненадано нападеніе было, то дакле всячески и истина есть, дасу ова бѣдна созданія отъ ларме и пуцаня наши пушака у такови страхъ и ужасъ ставлѣна была, дасу она башъ отъ самога страха и трепета къ земли падали, и равно тако тешко побѣћи могла, како годъ што э и нына плоть нашимъ пушчанимъ ударцамъ противостати могла. И такови э исти случай и съ онима прима быо, кое э мой храбри Петко у чуну убіо; ербо кадсу троица отъ ны смертно уязвлѣни пали, то строваліисусе и она друга троица отъ самога страха на ны.

Ясамъ пушку мою їоштъ свагда у руку пуну держао, ербосамъ свагда еданъ набой у преправности держао, заштосамъ Шпанїеру мачъ и пиштоль мой дао быо. Садсамъ повикао Петка, и рекао нѣму, да оттрчи къ оному дрвету, отъ кудасмо најпре на дивяке ватру дали, и да донесе оно испукнуто оружїе, кое онде лежи; кое э онъ абїе съ великомъ хитростїю учинїо. Међу тимъ даосамъ нѣму мою набїену пушку, и сѣосамъ на землю, да све проче оружїе набїемъ говорећи ныма, дабы овамо дошли, кадбы оружїя отъ потребе има-

ли-

ли. Набїяюћи я пушке, то започесе међу Шпањєромъ и еднимъ дивякомъ, кои э на нѣга сѣ еднимъ нынимъ дрвенимъ мечемъ ударїо, страшна битка; сѣ онимъ истимъ оружїемъ, сѣ коимъ бы онъ живота свога лишенъ био, кадъ я срећомъ нѣговомъ то небы воспятствовао био. Шпанїеръ, ако э башъ їоштъ слабомощанъ био, но опетъ тако дерзновенъ и храбръ бяше, како штосе помыслити може, тукаосе доста дуго сѣ овимъ *Индїаномъ*, и у глави нѣму две велике ране учинїо; дивякъ обаче, кои э крѣпокъ и свободанъ человѣкъ био, уфатїо э Шпанїера у руке и нѣга (ербо э їоштъ слабъ био) на землю бацїо, и башъ хтео э нѣму мачъ изъ руку исторгнути, кадъ Шпанїеръ, ако э башъ и на земли лежао, мачъ мудро изъ руке избацїо, пиштоль иза пояса извукао, и сѣ нымъ дивяку упробу провалїо, кои э абїе и преће него штосамъ я къ Шпанїеру на помоћь поспѣшити хотѣо, мртавъ остао.

Храбри Петко, кои э већь садъ чинити могао, што э годъ хтео, потерао э бѣгунце никаковимъ другимъ оружїемъ, нежели сѣ сапаромъ у рукахъ, и сѣ таковомъ онима трима, како штосамъ преће рекао, дасу преће ранѣни пали были, пол-

но

но остатокъ дао, и свимъ прочимъ, кое э годъ достићи могао, жизнь окончао. Шпанїеръ дошао э къ мени, да пушку узме, и даосамъ нѣму птичарицу, съ коїомъ э онъ за двоицомъ дивяцы у потеру полетїо и обадвоици ране задао, а будући да нїе већь могао трчати, то дакле сакрилисусе обадвоица у шуму отъ нѣга, на кое э мой храбри Петко за ныма потеру учинїо, и едного отъ ныхъ утукао. Други обаче очистїо э чувствїя. И башъ ако э и ранѣнъ быо, скочїо э онъ у море и сасвима крѣпостми, кое э їоштъ имао, за онима пливао, коису већь у чуну были, дакле ова троица у чуну їоштъ съ еднимъ ранѣнимъ, о коемъ нисмо знали, ели быо већь мртавъ, или не, былису сви, коису отъ 23*ри* изъ руку и жестокихъ нашихъ оружїи умакнули.

ОПИ-

ОПИСАНІЕ ПРОЧИХЪ ЕСТЬ СЛѢДУЮЩЕЕ

мертвыхъ.

На нашъ первый ударацаъ			
Кодъ древета	—	—	3.
На другїи	—	—	2.
Отъ Петка у чуну		—	2.
Опетъ отъ Петка отъ они			
первый уранѣни	—	—	2.
У шуми отъ Петка		—	1.
Отъ Шпанїера	—	—	3.
Сѣмо, и овде отъ рана померли,			
и отъ Петка у потери убїени			4.

Подѣгшїи.

У чуну меѣу коима еданъ ранѣнъ или мертавъ	—	4.
Сумма у свему		21.

Они, койсу у чуну были, веслалису изъ свїю крѣпости, дабы отъ нашихъ пушчанихъ ударцовъ умакнути могли, и акое Петко два или тры кратъ на ны пуцао, то я видѣти нисамъ могао, дае онъ бэшъ и еднога потрефїо. Петко э радъ быо, дабысмо еданъ отъ ныни чунова добыти могли, и на таковому за ныма у потеру повезли, и истину да рекнемъ, дасамъ тога ради, штосу они побѣгли, доста оскорблѣнъ быо, да неѣеду они Народу своему,

кадъ

кадѣ дома дођу, о нама извѣстїе дати и послѣ можетъ быти съ две или три стопине чунова овамо натрагъ дођи, и множествомъ своимъ насъ у прахъ учинити. Ясамъ дакле позволїо, да ны на води потерамо, отишаосамъ къ едному чуну, скочїосамъ у нѣга и заповѣдїосамъ Петку замномъ слѣдовати. Али кадсамъ у чунъ ушао, зачудїосамсе отъ выше видѣвши їоштъ едно бѣдно созданїе лежеће, кое э, као и Шпанїеръ, на руку и ногахъ на заколѣнїе свезано было, и незнаюћи штосе на полю случило, скоро э мертво отъ страха было, ербо изъ чуна на полѣ нїе видѣти могао; ербо э онъ у врату и ногама у кругъ шако тирански свезанъ, и већь толико дуго у кругу стегнутъ лежати морао, да э доиста їоштъ врло мало живота у нѣму было

Ясамъ нѣму абїе ону отъ выше стегнуту штранчицу, съ коїомъ э онъ свезанъ быо, разсѣкао и радсамъ быо, дага подигнемъ; али онъ нїе могао нипи стояти нипи говорити, него сожалително яучући и їоштъ свагда мыслећи да э онъ већь на заколѣнїе отрѣшенъ быо, лежао..

Али кадъ э Петко къ нѣму дошао, заповѣдїосамъ нѣму съ нимъ говорити, и

нѣму

нѣму освобожденіе нѣгово явити, и извукао-самъ мое стакленце съ ракіомъ изъ жепа, да онъ овому сиротному человѣку еданъ напитакъ дадетъ. Ово дакле и извѣстіе, да э онъ отъ смерти освобожденъ, содѣйствовало э да э онъ опетъ на ново оживіо и у чуну сѣо. Али кадъ э Петко нѣга говорећи чуо, и нѣму болѣ у очи погледао — могу казати, до сами суза моралобы то найнечувственіе сердце возбудити. Како э Петко нѣга лю біо, обнимао, къ себы пригибао, выкао, восклицавао, скакао и играо, пѣвао, и паки подвикивао, руками плѣскао, и самъ себе по лицу и главы тукао, и послѣ опетъ аки безуманъ пѣвао и играо. Траяло э то дуго времена, доксамъ я съ нимъ говорити или нѣга къ тому склонити могао, дабы онъ мени причину нѣговога рѣдкога поступка сказао, и кадъ э онъ опетъ къ себи дошао, рекао э онъ мени, да э то нѣговъ отацъ.

Ніе могуће тако ласно исказати, кадсамъ видѣо, у какову э радость дѣтинска любовь овога сиротнога дивяка при познаніи нѣговога отца, и того отъ смерти избавлѣніе ставило. И доиста немогу ни полакъ отъ оне радости нѣговога послѣ бывшега утончанія и любезности о-

пи-

писати, ербо неизброено крати ишао э онъ у онай чунъ, и опетъ изъ нѣга на полѣ, сѣо э, кадъ э къ нѣму дошао, кодъ нѣга на землю, отворїо э халину свою на персѣхъ, и держао э главу отца свога по читаво полъ сата на перси свои, дабы съ тимъ нѣга угрѣяо. Затимъ узео э нѣгове руке, коесу отъ тиранске свезе сасвимъ удручене и утрнуте биле, и протирао э ны своима рукама; а кадсамъ я то смотрїо, даосамъ нѣму изъ флаше ракїе, да съ нїомъ удрученїя и ране испере, кое э бѣдному старцу врло ползовало.

Ово приключеніе учинило э нашой потери за другима дивяцы, коису намъ вѣкъ сасвимъ изъ очїю умакли были, конацъ, и срећа э за насъ была, дасе э то тако случило; ербо послѣ 2: сата и пређе неголи шшосу они едну четвертъ нынога пута учинити могли, дигаосе врло нагли сѣверо-западни вѣтаръ, кои э ныма сасвимъ напротивъ дуао, и рикао э цѣлу ноћь тако силно, да я никоимъ начиномъ вѣровати немого, даће чунъ нынъ то одержати, или они ныне брегове достигнути моћи.

Али садъ опетъ да говоримъ о доброму Петку, онъ э около отца тако прилѣ-

лѣжавао, да я никоимъ начиномъ нисамъ могао сердцу одолѣти нѣга само кратко време отудъ исторгнути. А садъ кадсамъ већь видѣо, да онъ нѣга мало изоставити можетъ, выкнуосамга, да доће къ мени, и онъ э абїе пѣваюћи и скакаюћи скоро сасвимъ изванъ себе отъ радости къ мени дошао. Есили (рекаосамъ нѣму) твоему отцу мало хлѣба дао? онъ э протресао главомъ да нїе! Ich häßlich Hund ſelbſt alles aufgefreßen? Я мерскїй пасъ свесамъ самъ изѣо? Даосамъ нѣму дакле еданъ лебчићь изъ жепа, когасамъ на тай конацъ съ собомъ понео; даосамъ нѣму їоштъ и еданъ напитакъ ракїе, кога э онъ узео, и абїе съ тимъ ко отцу своему отерчао, и све нѣму дао. Имаосамъ їоштъ две три китe суварка у жепу, и отъ тогасамъ Петку дао, да отцу своме даде. Едва што э онъ овай суваракъ отцу своему дао, скочїо э изъ чуна и отерчао э, као дабы помаманъ быо. И тако э терчао (ербо э онъ вообще найбержи человѣкъ на ногахъ быо, когасамъ я икада у животу моему видѣо:) дасе онъ за часъ изъ очїю мои изгубїо; ясамъ могао выкати и звати, коликосамъ годъ хотео, то э све забадава было; отлетїо э онъ аки стрѣла хитро; али пре-

ће него што э ферталъ сата прошао, дошао э онъ, ако башъ и не онако фришко, као што э отишао быо, натрагъ, и када э ближе дошао, видѣосамъ, да э ходъ нѣговъ тога ради дужи быо, ербо э онъ што годъ у рукахъ носїо.

Кадъ э већь сасвимъ къ мени дошао, видѣосамъ, да э онъ међу тимъ башъ кодъ нашега дома быо, и еданъ земляни бокалъ донео, дабы отцу своему фришке воде донео; коїомъ э приликомъ онъ їоштъ и 2: сомуна хлѣба донео. Онъ э хлѣбъ мени а воду отцу своему дао: а будући дасамъ и самъ верло жеданъ быо, то дакле напоїосамсе и я еданъ кратъ. Ова вода укрѣпила э нѣговога отца много выше, нежели она ракїя, коюсамъ я нѣму дао; ербо э онъ већь отъ жећи изчезнути хотео.

Кадъ э отацъ Петковъ воде већь доволно пїо, зовнуосамъ Петка и рекаосамъ нѣму, ели їоштъ штогодъ воде остало? и кадъ рече есть, рекаосамъ нѣму, дабы и оному Шпанїеру напитисе дао, кои э такове исто требовао, како годъ и нѣговъ отацъ. Послаосамъ такожде еданъ отъ они хлѣбовъ, кое э Петко донео Шпанїеру, кои э доиста верло слабъ быо, и на едной зеленой травицы у ладу едно-

га

га древета почивао; ербосу удови нѣгови отъ лютога везаня сасвимъ утрнули и отекли были. Кадъ э Петко съ водомъ къ нѣму дошао, дигаосе онъ, сѣо э и напїосе воде, узео э такожде и хлѣбъ и стао э ясти, на коесамъ и я къ нѣму дошао и даосамъ нѣму едну шаку суварка, онъ э мени съ свима знацы внутренѣ благодарности, коясе икадъ видѣти може, у лице мотрїо, быо э обаче несматраюћи што э онъ себе у битки онако храбра показао, тако слабъ, да э онъ едва више на ногахъ стаяти могао. Пробирао э два тры кратъ дабы устао, али башъ отнюдъ нїе могао, такосу врло нѣгове голени и руке отъ везаня отечене быле, и нѣму излишну болѣзнь проузроковале. Рекаосамъ нѣму дакле, да мирно сѣди, и Петку казао, да нѣгове голени онако исто, како годъ што э и нѣговоме отцу, ракїомъ истре и испере.

И тосамъ видѣо, како э благо и чувствително ово созданїе, свакога мїнута и чешће їошћъ, колико э годъ дуго кодъ Шпанїера быо, главу на страну искрећао, дабы видѣо, ели отацъ нѣговъ на оному испому мѣсту и у оному испому стаю, у коему э онъ нѣга оставїо. Напослѣдокъ нїе могао онъ нѣга усмотрити, и абїе съ та-

 ковомъ

ковомъ хитростїю къ нѣму онамо отлетїо, дасамъ я едва примѣтити могао, да ноге нѣгове на землю стаю. Кадъ э онамо дошао, нашао є отца, дасе онъ къ земли сложїо, да отпочинѣ; Петко э дошао абїе къ мени опетъ натрагъ, и я реко Шпанїеру, дабысе онъ съ Петкомъ помагао, и къ чуну ишао, и отудъ къ нашему обиталищу пренестисе, гдиħу я послѣ за нѣга бригу имати. Петко обаче аки фришки и млади момакъ узео э Шпанїера самъ на леħа и отнесаога э до чуна, метнуо э нѣга съ ногама у нутра, и послѣ сасвимъ тихо на край чуна доле, подигаога э їоштъ мало, пакъ послѣ нѣга сасвимъ до свога отца намѣстїо. Затимъ изишао є фришко изъ чуна и отиснуога э съ брега, и повезао э чунъ покрай брега хитрїе нежели штосамъ я ходити могао, башъ акое и вѣтаръ доста яки быо, и овимъ начиномъ, довезао э онъ ны безбѣдно у савитакъ нашега убѣга. Овде э онъ ны у чуну оставїо, и повратїосе натрагъ, да и другїй чунъ довезе. Кадъ э башъ покрай мене ишао, запитаосамга, куда хоħе онъ да иде? — Gehen mehr Boot hollen, идемъ да выше чунова довеземъ, рекао э онъ, и съ тимъ као вѣтаръ отишао; ербо доиста нити марвинче

винче нити человѣкъ нису могли съ ниме упоредъ терчати, и скоро тако равно, као штосамъ я сувимъ онамо дошао, было э већь и другїй чунъ у нашему убѣгу. Овде э онъ мене превезао и отишао э, да нашимъ новимъ гостемъ изъ чуна изићи помогне; алису они тако слаби были, да ни еданъ ходити нїе могао и сирома Петко нїе већь знао, шпаће съ нима започети.

Ясамъ абїе зато мыслїо овой нужди помоћи. Даосамъ ныма чрезъ Петка казати, да они само на брегу мирно сѣдећи останутъ, и кадъ э онъ натрагъ дошао, начинилисмо абїе нѣки начинъ носила, и такосмо ихъ обадвоицу отнесли. Али кадсмо већь къ внѣшнѣй страни зида нашега града дошли, былисмо їоштъ у већой бѣди нежели прће. Ербо ны преко зида пренести нїе можно было, а зидъ продрети нисамъ я никоимъ начиномъ хотео. Ясамъ дакле абїе къ тому средство изнашао, и дѣло предузео, и прће него штосу 2: часа прошла, скрпилисмо отъ старихъ парусовъ еданъ приличанъ шаторъ и нѣга съ гранѣмъ покрили, на ономъ мѣсту међу нашимъ внѣшнимъ зидомъ и ономъ младомъ шумомъ, коюсамъ я насадїо. Подъ о-

вимъ начинилисмо ныма два кревета отъ матерїала, когасмо имали, то есть отъ добре пирїнчне сламе съ простирачемъ, дабы они лежати могли, и покривачемъ за свакїй креветъ.

Садъ э островъ веѣь населѣнъ быо, и мыслїосамъ себе врло богата отподданниковъ быти. Веселое было оно разсмотренїе, коесамъ я често о томъ имао; и како я садъ себе едному Кралю сравнити могу. Перво: цѣли островъ быо э мое притяжателство; тако дасамъ безсумнѣно право Господства надъ нымъ имао. Второ: народъ мой быо э мени сасвимъ подложанъ. Ясамъ быо Самовластни Господинъ и Законодатель; сви они моралису мени за животъ свой благодарити, и былису готови у нуждному случаю свой собствени за мене жертвовати. Но само то што э примѣчанїя достойно было, дасу мои подданицы, ако ихъ выше и нїе, нежели троица было, и сви троица различнога закона (вѣре). Мой храбрїи Петко быо э Луторанъ (Proteſtant) нѣговъ отацъ Поганикъ и человѣкоядецъ (Kannibal:) А Шпанїеръ Римо-Каѳоликъ: но преко свега ясамъ совѣсти свободу у моему Кралѣвству дозволїо; но ово мимогредъ.

Кад-

Кадсамъ вечь моя два слабомощна избавлѣна роба подъ кровъ у безбѣдностъ донео, и ныма креветъ, на коемуѣеду почивати, уредіо, предузеосамъ такожде о средствахъ къ препитанію за ны мыслити. Первое э было, штосамъ учиніо, заповѣдіосамъ Петку еднога годишнѣга ярчића изъ мога особнога чопора заклати, и послѣ изсѣкаосамъ стражній трупъ на комаде, рекаосамъ Петку, да то кува и готови и тако уготовилисмо мы обадвоица нашимъ гостемъ прекрасанъ ручакъ отъ меса и чорбе (у коюсамъ я пирінча метнуо:) и почастилисмо наше слабомощне госте. И будући да э све изванъ обиталища мога готовлѣно было, (ербо у нутра мое ограде редкосамъ ватру ложіо:) тосмо дакле све сло у нови шаторъ, гдисамъ я такожде еданъ асталъ донести дао, унели, кодъ когасамъ и я сѣо и съ ныма ручао, ны понуѣаваюћи, како годъ штосамъ болѣ знао, дабысу охотно и сладко ручали. Петко э при ручку мой толмачъ быо, особито кодъ нѣговога отца, а доиста такоћеръ и кодъ Шпанїера, ербо э Шпанїеръ языкъ дивяковъ врло добро говорїо.

Послѣ какосмо ручали или много выше вечерали, заповѣдіосамъ Петку, да сѣ-

дне

дне у еданъ чунъ и наше мушкете и друга оружїя донесе, коесмо изъ недостатка времена на военомъ полю оставили были, и супра данъ заповѣдїосамъ нѣму такожде сва мертва тѣлеса дивяковъ закопати, коясу танети издроблѣна подъ жаромъ солнца лежала и већь нама несносна бывати почела. Такожде да имаде и оне останке варварскога ручка, коихъ э, како штосамъ знао, тамо много разбачени лежало, закопати; ербо да то самъ учинимъ, ніе за мене башъ отнюдъ могуће было, зашто я отъ гнусности, кадсамъ путемъ онимъ проћи морао, нисамъ на мѣсто оно ни погледати могао. Ово све совершїо э онъ точно и тако добро, дасе отъ тога више ни найманѣга трага видѣти ніе могло, или дасу кадъ годъ дивяцы онде были, и я нѣга никако другоячіе нежели мѣсто запустѣнїя на ћошку шуме именовати нисамъ могао, кадсамъ кадъ кадъ у предѣлъ онай дошао.

Затимъ започеосамъ све мало помало себе съ моима двѣма новима подданици у разговоръ упуштавати. Найпре стаосамъ питати Петковога отца, шта онъ за оне дивяке мысли, коису отъ насъ на чуну умакнули, и мыслили онъ, да нећедули они

съ

съ онаковомъ силомъ, коей мы нећемо моћи противостати, опетъ овамо доћи? перво нѣгово мнѣнїе было э то, да дивяци никоимъ начиномъ бурю преживити нису могли, коя э цѣлу ноћь, кадсу они отишли, траяла, него дасусе подавили, или южнѣ къ онимъ брегомъ отерани быти морали, гди они тако исто извѣстни бытису могли, дањеду изѣдени быти, како годъ да бы и моремъ похищени были и подавилисе. А што бысу чинили были, кадбысу невредими на суво дошли, рече онъ, да казати незнаде; но међу тимъ опетъ мысли онъ, дасу они средствомъ онаго начина, коимсмо мы на ны ударили, и лармомъ и ватромъ у шакови страхъ и ужасъ ставлѣни были, дањеду они башъ доиста народу ныному казати, да они, коису годъ остали, нису отъ руке человѣческе, него отъ саме мунѣ и грома погинули, и обадва представљша лица (то есть Петко и я) былису два небесна духа или Адске Фурїе (нечисти дуси) коису свыше дошли да насъ свїю у прахъ учине, а не люди съ оружїемъ. То онъ отъ туда знаде, како што э рекао, ербо э онъ то отъ свїю ны у оной буни еданъ другому викаюће и говореће чуо; зашто они то себи никоимъ начиномъ нису предста-

вити

вити могли, како да человѣкъ ватру бацати и громъ испущавати, и руку недижући тако далеко убити можетъ, као штосе случило И овай стари дивякъ имао э доиста право; ербо како штосамъ я послѣ другимъ начиномъ искусїо, нису дивяцы никада више къ предѣламъ оне пустинѣ дошћи усудилисе. И быћеду о повѣсти они четворице люди (ербо какосу обстоятелства являла, онису цѣло срећно у ныну землю дошли) тако уплашени, даћеду мыслити, да сваки, коисе годъ усуди на овай дяволскїй островъ отићи, бытиће ватромъ и жупеломъ Боговъ спалѣнъ и истреблѣнъ!

Али да я ово башъ извѣстно знати нисамъ могао, їоштъ дуго времена у непрестаному страху живитисамъ морао, и быосамъ непрестано съ цѣломъ войскомъ моїомъ у преправности и позорству! ербо кадсмо већь насъ четворица были, тобысе я у свако време усудїо было ны стотину на средъ поля дочекати и побѣдити.

И будући да већь отъ нѣколико времена никакови чунови нисусе появили, то дакле и страхъ отъ ныногa овамо доласка престао э, и ясамъ опетъ на прећашнѣ мое мысли дошао путешествїе къ сталной земли предузети, къ чему э мене їоштъ и

Пет-

Петковъ отацъ увѣрїо, да я себе, ако онамо поћи хоћу, нѣгове волѣ ради, на найкрасніе прїемлѣніе и дочеканѣ нѣговога народа свободно ослонити могу.

Но послѣ мудрога разговора, когасамъ съ Шпанїеромъ держао, попустила э опетъ мало моя прећашня теплота. Ясамъ истина отъ нѣга разумѣо, да 16: нѣгови земляка и Португиза, коису при кораблѣкрушенїю тамо дотерани и бачени были, съ дивяцы мирно живутъ, алиће ныма доиста доста горко пасти храну снискавати и доиста башъ и сами животъ сачувати. Далѣ, вопрошаваосамъ нѣга о свима особнима обстоятелстви нынога путешествїя и разумѣо, дасу они отъ едне Шпанске лађе были, коя э отъ Рio де ла Плата у Хафану ишла, онде товаръ свой, кои э особито изъ кожа и сребра состояо истоварити, и штабысе тамо отъ Европейскога добра и хеспапа добити могло сасобомъ донесла; да э она 5 Португалски Матроса (Галїаша) имала, коя э ны изъ друге пропадше лађе прїимила, и да э 5 ныни собствени люди, када э лађа найпре пропала, удавилосе; а они 16 дасу съ великимъ трудомъ и погибелїю, и скоро полакъ мертви отъ глади къ Каннібалскимъ бре-

го-

говомъ дошли, гдисусе свакога часа бояти морали изѣденимъ быти.

Далѣ рекао э онъ мени, дасу они нѣчто мало оружія кодъ себе имали, и кое э ныма сасвимъ неупотребително было, ербо нису ниши баруша, ниши олова имали, зашто э вода савъ барушъ нынъ до само нѣчшо мало покварила, и коебысу были само у едному набою, акобысу шшо годъ за храну добиши хшели, попрошили.

Далѣ запишаосамъ нѣга, шшо онъ мысли, какоће до послѣдка съ нѣговимъ содружници онде быши, и нисули они їошшъ онда на бѣгсшво ныно мыслили. Онъ э казао мени, дасу они о шомъ чесшо совѣшъ держали; али да они ниши лаћу, ниши халаша себи шакову начиништи, ниши каковаго средсшва къ препишанію имали нису, шо дакле нїе ништа друго, нежели сузе и опчаяніе досадъ свагда конацъ свїю ныни совѣщанія было.

Шша онъ о шомъ мысли, запишаосамъ нѣга далѣ, кадбы они совѣшъ ко избавлѣнію ошъ мене прїимили; и не были шо найболѣ пошло, кадбы они сви овамо дошли? и међу шимъ рекаосамъ нѣму съ полнимъ просшодушїемъ, ясе боимъ, да я ошъ ынога издашелсшва невѣрносши и злихъ

пред-

предсрѣтенїй небы свободанъ быо, кадбы животъ мой у руке ныне ставїо; ербо благодарность есть велика добродѣтель, коя обаче свимъ человѣкомъ нїе сасвимъ природна; и люди непоступаю свагда съ еднимъ онако, како што э онъ заслужїо, него много више онако, како што користъ и прилика нына донесе. И то рекаосамъ я, былобы врло тешко, кадбы я орудїе нынога освобожденїя быо, а они бы мене послѣ робомъ у новой Шпанїи учинили, гди еданъ Англезъ, какова быга годъ нужда или случай онамо донести могли, свагда съ животомъ своимъ опроститибысе морао. И свагда бысамъ волїо себе дивякомъ предати и изѣсти дати, нежели у немилосердне ногте шпански попова пасти, и себе на Інквїзїцїу вуѣи дати. Далѣ рекаосамъ я, да бы зато добаръ стаяо, кадбы они сви овде были, и съ толико много руку могли-бысмо еданъ чамацъ начинити, коибы доволно великъ быо насъ свїю или страноюжнѣ у Бразїлїу, или страно-сѣвернѣ къ Шпанскимъ островамъ и бреговомъ донеши. Али акобы они мене за благодарность, штосамъ ныма оружїе у руке дао, съ насилствїемъ у нынъ собствени народъ отвели; то бы я за добро мое зло прїимїо,

и

и мое станѣ былобы їошть чемерніе нежели преѣе.

Онь э мени на то съ многимъ простодушїемъ и искренностїю отговорїо, да э станѣ ныно тако врло бѣдно, кое они тако врло чувствую, да онъ мысли, да бы они башъ и сами помысль о таковому чему презирали и омерзѣвали онаковога человѣка непрїятелски и враждебно предсрѣсти, кои бы ныному освобожденїю найманѣ што годъ помогао. Ако э мени дакле поволно, то хоѣе онь съ старимъ дивякомъ онамо къ ныма отиѣи и о томъ разговоритисе, пакъ послѣ опетъ натрагъ доѣи, и мени отговорь донести. Они дакле да имаду уговорь съ тѣлесномъ заклетвомъ присягнути, кога онь съ нима учини, да они всячески подъ моїомъ рукомъ аки верховнога повелителя и вожда спаяти, такожде съ святима тайнама и Евангелїемъ заклетисе мени вѣрнимъ быти ни у какову Хрїстїанску землю поѣи, гди я соизволїо небы; и тако овому концу намѣренїя да имаде отъ ны собственоручно подписани уговорь донести.

На то рекао э онъ мени, даѣесе онь мени найпре самъ заклети, да онъ, докле э годъ живъ, мене оставити неѣе, ако я нѣга

не

не оттустимъ; и акобысе найманя невѣрность између нѣгови земляка приключила, на страни моей до послѣднѣ ђапи крви стапи.

Али отъ таковога чега неваљсе ништа ни страшити, рекао э онъ мени далѣ, ербосу они сви избрани и честни люди, кои у найвеђой нужди, коясе и кадъ помыслити може, спеню; зашто они ниши оружія ниши одѣянія, ниши средства къ препитанію, неимаду, кое они отъ дивяковъ за милость прїимити небы морали безъ сваке надежде и кадъ више у отечество свое доћи; и да э башъ о томъ увѣренъ, дађеду они, ако я освобожденіе ныно предузмемъ кодъ мене живити и умрети.

На ова увѣренія дакле заключїосамъ напослѣдокъ намѣреніе предузети ныма, ако можно буде, на помоћь доћи, и старога дивяка съ Шпанїеромъ ради уговора къ нима послати. Кадъ э веђь къ путу све приправлѣно было, дошао э Шпанїеръ самъ на єданъ помысль, изъ кога э на єдной страни сама мудрость, а на другой толико много искреносши свѣтлило, да самъ я съ тимъ башъ нуждно и доволянъ быши и нѣговому совѣту слѣдовати, избавлѣніе нѣговихъ содружниковъ їошшъ на едно

полъ

полѣ године отложити морао. Случай э био овай.

Онѣ э реци еданѣ мѣсецѣ дана дуго кодѣ насѣ био. И међу овимѣ временемѣ показаосамѣ я нѣму, каковимѣ начиномѣ я сѣ помоћїю провидѣнїя Божїя себи храну и содержанїе есмь прискорбљавао; онѣ э такожде велики имутакѣ мога пирїнча и ечма видѣо, кое э доиста за мене и излишно было; али нїе, акосе мы крайнѣ опасно неспомогнемо, за мое домаће дружство, кое э већь у 4. лица состояло, доволянѣ: и їоштѣ бы манѣ доволянѣ био, ако бы нѣгови земляци, коихѣ, како шпо э онѣ рекао, їоштѣ свагда 14. у животу овамо дошли, и їоштѣ бысмо манѣ имали нашу лађу сѣ тимѣ снабдѣти, акобы мы какову за наше путешествїе гдигодѣ у какову Хрїстїанску землю отѣ Америке начинити хотѣли. Онѣ держи дакле за мудро и паметно, како што э рекао, кадбы я нѣму и оной другой двоици їоштѣ выше ныве за толико сѣтве, колико я за посѣвѣ опредити могу, ускопати и урадити наложїо, и да мы їоштѣ едну жетву дочекамо, дабысмо, кадѣ земляци нѣгови дођу, сѣ доволнимѣ житомѣ снабдѣни были; и они о недостатку хлѣба небысу у искушенїе пали

отѣ

отъ уговора свога отступити, или дасу изъ едне бѣде у другу дошли вѣровали. Ясамъ знао, какосу сынови Израйлеви, акосусе съ почетка и врло о избавлѣнїю своему изъ Егѵпта радовали, но тога ради опетъ на Бога самога, кои э ны избавїо, роптали, кадсу у пустыни недостатокъ хлѣба (гладъ) терпѣли.

Ово э предупрежденїе башъ у право време доведено было, и нѣговъ совѣтъ было э тако полезанъ, дасамъ я съ предлогомъ и совѣтомъ нѣговимъ тако исто добро кагодъ и съ вѣрностїю нѣговомъ задоволянъ быти морао. Мысмо дакле сви четворица абїе дѣло предузели землю копати онако, како што э съ нашимъ древенимъ халатомъ поћи могло; и у едно мѣсячномъ времену, при коего э концу време сѣтве было, толикосмо землѣ прекопали и урадили, дасмо 22 мерице ечма, и 16 пуни бокала Пирїнча посѣяти могли, то э дакле сѣме было, когасмо на конацъ сѣтве у потребити могли. И доиста нисмо ни ечма доволно на нашу собствену храну за 6. мѣсецы оставили, гдисмо мы башъ на жетву нашу чекати морали; отъ времена онога броећи, кадсмо сѣтву нашу особито отдѣлили, ербо мысли-

ти

ти неваля, да жито у овой земли цѣло полѣ године лежеће остаетъ.

Садъ, кадъ э насъ већь доволно было, отъ дивяковъ ништа више боятисе, него ако бы они башъ у сасвимъ чрезвичайномъ множеству дошли, то дакле ходилисмо безъ сваке бриге по цѣлому острову, и гдинамъ э годъ ићи нужда была. Мысли наше дакле былесу мећутимъ свагда на освобожденїе наше управлѣне; было э дакле найманѣ за мене неможно, да не бы я на средства о томъ мыслїо. Къ овому намѣренїя концу тражїосамъ я и бележїо древета, коясамъ за наше намѣреніе услужна и способна держао и налагаосамъ Петку и нѣговому отцу такова сваливати, а Шпанїеру, коемусамъ я мысли мое о овой вещи већь сообщїо быо, повѣрїосамъ надзирателство и попеченїе башъ самога дѣла. Показаосамъ ныма, съ каковимсамъ я тешкимъ и неутрудимимъ дѣломъ, каково велико дрво у особите платине испословао, и показаосамъ ныма то исто чинити, доксу они 12 велики платина отъ доброга растовога дрвета реци 2 стопе широке и 35 дугачке испословали. Каковога э неисказаного труда то стаяло, можемо себи лако представити. Такожде имаосамъ и за то бригу мой мали

чопоръ

чопорЪ питоми коза, колико э годЪ могуће, умножити. У овому намѢренїю заповѢдїосамЪ Петку и Шпанїеру еданЪ данЪ на ловЪ изићи, и я и Петко (ербосмо мы порядочно у свима нашима дѢли еданЪ другога меняли) ишлисмо други данЪ, и овимЪ начиномЪ прибавилисмо 20 млади коза, коесмо сЪ другима питомима воспитати хотели. Ербо коликосмо годЪ крати стару кою козу убили, свагдасмо младо яре сачували, и у нашЪ чопорЪ довели. Пређе свїю други вещи даосамЪ я, ербо э садЪ време грожђе сушити дошло, таковога толико множество на солнцу обѢсити, дасамЪ мыслїо, мыбысмо отЪ нѢга, кадбысмо у Аликанту были, гдисе найвыше суварка]прави, бо*тЪ* и до 80 буради напунити могли. И ово э чинило їоштЪ покрай хлѢба нашега такожде едно отЪ нашихЪ главнихЪ средствЪ препитанїя, ербо э оно едно врло кормително и здраво ело было.

СадЪ э већь и жатва дошла, и ако и нїе башЪ найбогатїя, коюсамЪ я на острову доживїо, была, тосмо мы опетЪ толико много жита добили, коликосмо годЪ требовали; ербо отЪ 22*ва* крста ечма отуклисмо мы 220 мѢрица, и спроћу тога їоштЪ и много пирїнча. ОтЪ овага бысмо башЪ до

будуще жатве свагда доволно имали, башъ акобы и сви они 16тъ Шпанїера кодъ мене были, и то бы такожде излишно доволно было съ тимъ къ каковомъ годъ брегу свѣта (то есть Амерїке) доћи, кадбысмо само къ путу сасвимъ приправни были. Кадсмо веħь жито наше у свободу подъ кровъ донесли, то э дакле валяло кошаре плести, ербосмо таковихъ много отъ потребе имали жито у такове сасути и сачувати. Шпанїеръ показаосе при свому дѣлу врло фришакъ и способанъ, и мене често кудяше, да я къ овому начину дѣла ништа за утверħенѣ нисамъ начинїо, къ чему я обаче никакове нуждности нисамъ видѣо. И садъ, кадсмо веħь имутка за све наше ожидаеме госте доволно имали, да э осамъ Шпанїеру дозволенїе онамо къ сталной земли поħи, да искуша, штоħе онъ онде съ своима онде оставшима земляцы расправити моħи. Даосамъ нѣму писмено умѣрену заповѣсть никога оттудъ собомъ неузети, кои не бы у нѣговомъ и старога дивяка присутствїю заклетисе хтео, на острови живущему и находящемуся лицу; кое э толико благо и добро было, ны ради нынога освобожденїя овамо послати, никада никакови вредъ или убитакъ учинити, и

про- а

противо нѣга воевати или нѣга напасти: но много више нѣму у свимъ таковимъ нападенїямъ спомоществовати и защицавати, и куда бы годъ пошли нѣга као вожда и началника свога признавати, и нѣговимъ заповѣстемъ сваку покорность отдавати. Све ово да имаде писмено сочинѣнно и отъ руке ныне подписано быти. Али какоће то быти моћи, знаюћи я да они нити пера нити мастила имаду, то э доиста еданъ вопросъ быо, о коему мы отнюдъ ни помыслили нисмо.

Съ овомъ уредбомъ снабдѣни пошлису дакле Шпанїеръ и стари дивякъ Петковъ отацъ у едному отъ они чунова, на коемусу они дошли, или многовише довучени были, да бы аки робови отъ дивяковъ овде изѣдени были.

Даосамъ свакому по едну мушкету съ Нѣмецкимъ Тетїкомъ, и реци 8 набоя баруша и олова, и при томъ ныма препоручїо врло штедећи съ тимъ поступити, и никаковога употреблѣнїа окромъ у найнуждньемъ случаю отъ того учинити.

Све ово учинїосамъ я съ великимъ услажденїемъ, ербо э то перва прилика была, коюсамъ я отъ 27 година и нѣколико дана къ моему избавлѣнїю дѣйствително у-

чинїо. Ясамъ ны съ толико много хлѣба суварка снабдѣо, кое они у много дана потрошити нису могли, и даосамъ такожде и за ныне земляке отъ обадвога на 8. дана. И тако поздравїосамъ и желїосамъ нима благополучанъ путь и рекаосамъ, да поћи могу, послѣ какосамъ съ ныма напредъ знаменїе уговорїо, коећеду при ныномъ натрагъ возвращенїю на катарку заденути и развити, да бы я їоштъ у отдалѣнїю, и преће него штоћеду они къ брегу приспѣти, по знаменїю ны абїе познати могао.

Отишлису дакле башъ онай данъ, кадъ э полномѣсячїе было, съ добримъ вѣтротъ; и по моему численїю у мѣсецу октомврїю, но я себе їошть нисамъ могао на мой дневни-брой, ербосамъ еданъ данъ изгубїо быо, тако сасвимъ ослонити, а такожде и у числу година нисамъ їошть онда извѣстанъ быо, дабысе усудити смѣо за правилность ныну добаръ стати, акосе башъ послѣ при извидѣнїю хесапа и нашло, дасу оне совершено и полно правилне быле.

Я їошть ни пуни 8 дана на ныно натрагъ пришествїе нисамъ чекао, кадсе на еданъ кратъ сасвимъ рѣдки и неожидаеми случай приключїо, какови можетъ быти їошть ни у каковой повѣсти нїесе никадъ чуо.

Еданъ

Еданъ кратъ уютру спаваосамъ мирно у моей колиби, кадъ э на еданъ кратъ мой Петко къ мени безъ душе терчећи дошао и повикао: Herr! Herr! ſie ſind gekommen, ſie ſind gekommen! Господине! Господине! онису дошли! онису дошли! Ясамъ абїе изъ кревета скочїо и безъ бриге о свакой погибели пошаосамъ и тако фришко, како штосамъ годъ могао, бацїосамъ халине на себе, крозъ малу шумицу, коя э (мимогредъ говорећи) у времену пространомъ већь густа и велика шума нарасла была, на полѣ, неузевши, кое никада изоставлао нисамъ, ни оружїе мое сасобомъ. Али каково э велико у дивлѣнїе было то мени, кадсамъ я очи мое къ морю бацїо, и чамацъ сь у правляемимъ малимъ парусомъ, реци само їоштъ едно полъ друге Англїйске мїлѣ удалѣнъ, у право къ брегу пловуцъ видѣо. И тосамъ абїе примѣтїо, да онъ не отъ стране сталне землѣ, него отъ южнога края острова идетъ. На то зовнуосамъ Петка и рекаосамъ нѣму, дасе сакривенъ содержава; ербо ово нису они люди, кое мы очекивамо, їоштъ знати не можемо, есули они друзи или врази наши.

Перво э было, штосамъ овде! учинїо, узеосамъ мой пусулъ и попеосамсе по лѣ-

ствици

ствици на верхъ брда горе, какосамъ, кад самсе штагодъ бояо, свагда чинити обичествовао, да бы невидѣнъ све іошть болѣ мотрити могао.

Едва штосамъ ногомъ моїомъ на брду стао, гдисамъ абїе сасвимъ ясно едну лађу усмотрїо, коя э полъ трећу мїлю југоисточнѣ отъ мене, али не више него полъ другу мїлю, отъ брега на мачки стаяла. Ова э како, штосамъ я сасвимъ ясно видѣти могао, една Англїйска лађица, или Англїйски вооружени чамацъ быо (Schaluppe).

Страхъ и трепетъ, кой э у овому часу мене обяо, неможесе описати, и іошть манѣ радость лађу какову видѣти, а наимено такову, о коей причину вѣроваписамъ имао, и былабы съ моима земляцы а слѣдователно съ моима пріятели поселѣна; али у равно време дођоше мени и нѣка тайна сумнѣнія у сердце, о коима никакову истину сказати незнамъ, алису она мене позоръ на себе имати поострила. Перво паломїе на умъ, штабы какова Англїйска лађа у овой части свѣта тражити имала; ербо ово нїе путь быо никаковой части свѣта, гди Англези какову терговину имаду, знаосамъ ито, да нїе на морю никакове бурѣ было, коябы

ны

ны овамо бацити могла; ако бы башъ истино Англези были, то э дакле башъ права истина, да они ни у каковому доброму намѣренїю овамо неидутъ; и за мене хоће болѣ быти, да я оспанемъ онай койсамъ, нежели да у руке разбойниковъ и убїйцахъ паднемъ.

Нишко дакле да непрезире тайне знаке увѣщанїя о каковой погибели, кое онъ кадъ кадъ, башъ акосе то и немогуће быти чини, добива, да мы дѣйствително такова тайна увѣщанїя имадемо, немогу я башъ нимало отрећи, коясу у себи самимъ нѣкомъ мѣромъ позорлива. Дасу она извѣстна изявлѣнїя невидимога свѣта и обхожденїя сѣ дуси о томъ сумняти неможемо, и да ныно намѣренїе ясно видится насъ о погибели уващавати, зашто дакле небысмо мы ны аки благодѣтелно существо держали (шта она прочее была да была) и вѣровали, дасу они кѣ нами зя нашу ползу и добро послани?

Садашнѣ приключенїе укрѣплява мене на ново у той мысли, какосу истинна моя мнѣнїя о овой вещи была. Ербо кадъ я овимъ тайнимъ увѣщанїемъ небы на позорѣ учинѣнъ быо, то бы необходимо изгулѣнъ

и

и у далеко горему стаю быти морао, нежели пређе, како штоћесе абїе видѣти.

Я нисамъ башъ на брду дуго ни быо, кадсамъ усмотрїо, дасе чамацъ къ брегу приближава, као дабы каковъ убѣгъ за угодно пристанїе тражїо; и будући да нису далеко горе повезли, то дакле нису онай мали убѣгъ или пристанище, гдисамъ я пређе са сплавови моими пристаяо, ни видѣли, него отишли сѣ ныимъ чамцемъ управо горе къ равнини брега. Срећомъ моїомъ было э то їоштъ едно полъ мїлѣ далеко отъ мене; ербо и наче, тако да рекнемъ, былибысу башъ управо предъ мои врати стали, и мене затимъ скоро изъ мога града истерали, и їоштъ къ тому све, штобысамъ годъ имао, поробили. Кадсу већь на брегу были, быосамъ сасвимъ увѣренъ, дасу Англези, или найманѣ боля часть отъ ныхъ; двоицу держаосамъ за Холлендере, но послѣ показалосе, дасамъ фаліо. Ны у числу было э 11*тъ* люди, међу коймасу тройца безъ оружїя, и какомисе учинило, свезани были; и кадсу перви четворица или петорица на брегъ искочили, то дакле узелису ову тройцу аки робове изъ чамца на полѣ. На едному отъ ныхъ могаосамъ сожалителне знаке и изображенїя прошнѣ,

жало-

жалости, и отчаянїя, коясу досамога излишества ишла, примѣтити; а ону другу двоицу, кои, кокомисе учинило, нису тако врло оскорблѣни были, видѣосамъ, дасу кадъ кадъ руке къ Небу дигли.

О овому взору быосамъ я сасвимъ смущенъ, и нисамъ знао башъ штаћу ошъ тога чинити. Петко э повыкао къ мени, колико э годъ могао, Англїйски: Herr! da ſiehſt du Engliſchmanns eſſen Gefangene ſo gut, als Wildmanns! — Господине Англези ядутъ свое робове, како годъ и дивяцы! — Шта? Петко шта? Мыслишъ ты, даћеду они ны изѣсти? — Ja ja werden ſie aufeſſen! — Есть, есть, хоћеду ихъ изѣсти. — Нїе, нїе Петко, него само даћеду ихъ убити; тосе боимъ я; али ны изѣсти доиста нећеду, за то теби добаръ стаяти могу.

Цѣлога овога времена нисамъ їошть ни еднога помысла имао, штаће та ствaрь свойствено значити, него само о овомъ взору отъ чуда трепещущъ стаяо и свакїй часъ очекивао, кадћеду она тры роба убїени быти; еданъ кратъ већсамъ дѣйствително еднога отъ овихъ бездѣлниковъ усмотрїо руку съ великимъ сѣчивомъ (како што морепловцы называю) или мачемъ вооружена на еднога отъ ови бѣ-

дни

дни люди дигнути, и нисамъ друго мыслїо, него даће онъ већь мертавъ кь земли пасти; о коемъ взору сва крвь у жилахъ моихъ тећи э престала.

Садсамъ сердечно желїо, дабысамъ Шпанїера и дивяка, кои э съ нимъ отишао, кодъ себе имао; или дабы гдигодъ какови путь знао, невидѣнъ на еданъ пушћани хитацъ кь ныма близу доћи, и она три бѣдна человѣка избавити, ербо :видѣти нисамъ могао, дасу они оружїя собомъ имали. Али э то мени опетъ другимъ начиномъ по желанїю моему пошло.

Послѣ какосамъ немылостиви поступокъ ови яростни морепловцевъ спроћу они трїю бѣдны люди видѣо, тако равно и тосамъ усмотрїо, дасу ови бездѣлницы сѣмо и овамо по брегу ходили, аки дабы предѣлъ овай разсмотрити хотѣли: и преко тога и тосамъ видѣо, дасу ови троица люди свободу имали ходити свудъ по произволенїю; али они сви троица сасвимъ смутни сѣлису на землю, и былису као очаяницы.

Ово э мене на оно перво време опоменуло, кадсамъ я на брегъ овай дошао, и стаосамъ около себе гледати, какосамъ себе за изгублѣна держао, какосамъ дивячно

но около себе мотрїо, и каковасамъ страшна мнѣнїя и ожиданїя имао, и какосамъ цѣлу ноћь на дрвєту преноћїо изъ страха, да небы отъ дивыхъ звѣровъ растерганъ и изѣденъ быо.

Тако као што я ону ноћь ни о каковой помоћи нисамъ знао, кою э мени провидѣнїе Небесно опредѣлило, лађу бурею и припливомъ ближе къ брегу дотерало, и мене изъ нѣ толико дуго съ средствами препитанїя и другими потребностми снабдѣло: то дакле и ова троица бѣдна и изоставлѣна їоштъ ништа о томъ нису знали, како э извѣстно, и како э близу ныхъ избавлѣнїе и спасенїе ныно было, и какосу они већь башъ дѣйствително у состоянїю безбѣдности были; и то башъ у оно време, кадсу себе сасвимъ изгублѣне держали, и себе свїю средєтвъ ко избавлѣнїю за полно лишене мыслили.

Тако мало видимо мы, што э у свѣту предъ нама, и толико много причина имадемо себе радостно, веселога сердца, великому Творцу свѣта повѣрити, кой созданїя своя никада у тако сасвимъ изоставлѣному стаю изгубитисе недопушта, да они небы їоштъ свагда такожде и онда, кадъ нина обстоятелства найгора быти

явля-

вляюся, нѣму за штогодъ благодарити причину имали, и често ближе кодъ избавлѣнїя стоятъ, нежели штосу мыслили; и башъ често онимъ истимъ средствомъ, кое э пропасть ныну содѣйствовати мыслило, избавлѣнїе свое получаютъ.

Припливъ быо э у найвышему степену, кадсу ови люди на брегъ дошли, и доксу они отъ части коекудъ проходили, и предѣлъ разгледали, забавилисусе они заборавлѣнимъ начиномъ толико дуго, да э приливъ вечь толико много отишао, да э чамацъ нынъ сѣдечь на суву остао.

У чамцу оставилису два матроса, коису, како штосамъ я послѣ видѣо, ербосу много ракїе пили, добро заспали были. Али еданъ изъ мечу ны, коисе э прече пробудїо и чамацъ твердо на суву сѣдящъ видѣо, да онъ нѣга отурити неможе, выкао э оне други, коису сѣмо и овамо разсѣяни были, на кое они сви абїе къ чамцу снидошесе: али ево бѣде! на овой страни быо э брегъ меканога и угнѣтаемога песка, и чамацъ тако тежакъ быо, да све крѣпости ныне нису быле доволнѣ нѣга на пловъ довести.

Као правїи пловцы, кои изъ мечу свїю други люди найманѣ мудрости и предвидѣнїя

ка-

каковога притяжаваю, оставилису то тако да остане, пакъ на ново по Предѣлу блудити почели, — Laſt doch ſtehen Hanns! остави Іоанне! (чуосамъ еднога отъ ныхъ изъ чамца вычуѣи:) Онъ хоѣе съ первимъ припливомъ опетъ къ пловитви способанъ быти, као и досадъ! и сада говоръ нынъ нїе мени нинайманѣ сумнѣ изоставїо, башъ сасвимъ знати, каковису они люди были.

Цѣло ово време содержаваосамсе я сасвимъ сакривенъ, и никадсе усудїо нисамъ себе далѣ отъ града мога удалити, нежели до моега позорителнога мѣста близу верха отъ брда; и быосамъ сердечно радостанъ, кадсамъ видѣо, дасамъ себе овако лепо и твердо оградїо. Знаосамъ и то, да они чамацъ нынъ преѣе іо сами на пловъ добити немогутъ, и даѣе меѣу тимъ веѣь мракъ быти, слѣдователно и я выше храбрости и свободе имати на нына движенїя и поступке моприти и ныне разговоре, акобы кое имали, чути.

Меѣу тимъ приправїосамъ себе съ веѣомъ позорностїю їоштъ найпре на битку, ербосамъ знао да я садъ сасвимъ съ другимъ непрїятелѣмъ посла хоѣу имати, нежели первый кратъ. Даосамъ такожде Пепку, когасамъ веѣь за едногъ преизрядногъ стрѣл-

ца съ нѣговомъ пушкомъ учиніо, запо-вѣсть себе добро съ оружіемъ снабдѣти. Ясамъ узео две птичарице, а нѣмусамъ дао 3 мушкете. Видъ или образъ мой быо е доиста верло страшанъ видѣти. Быосамъ у мое страшне отъ козїй кожа скроене халине обученъ съ великомъ отъ такове исте коже капомъ на глави, како штосамъ горе описао; обнаженъ при бедри высящъ мечь и два пиштоля за поясомъ и на свакомъ рамену по една пушка висяща.

Мое намѣреніе было ѳ, како штосамъ казао, ништа непредузети, доклесе годъ сасвимъ несмеркне. Али опетъ около 2: сата послѣ полудне, кадъ ѳ врућина највећа была, усмотріосамъ, дасу они сви у шуму отишли, и како штосамъ мыслїо, спавати легли. Они троица бѣдни и помоћи лишени люди, кои су верло о ужасному своему случаю смутни были, нису спавати могли, сѣдилису у ладу подъ еднимъ древетомъ четверть мїлѣ далеко отъ мене, и како штосамъ смотріо; подоста отъ другихъ отдалѣни.

Оваком добромъ приликомъ заключїосамъ дакле ныма явитисе и извѣстіе о ныномъ стаю отъ ныхъ разумѣти. Абїе пошаосамъ у горе описаному стаю онамо

къ

къ ныма. Мало подадѣ замномъ ступао э мой храбрый Петко, кои э тако исто ради многога оружія страшанъ быо, али опетъ ніе овако сасвимъ дяволу подобно као я изгледао.

Дошаосамъ дакле невидѣнъ толико близу къ ныма, коликосамъ годъ могао, и преће него штосу они мене видѣли, повикаосамъ гласно къ ныма Шпански: Ткосте вы Господо моя? На овай гласъ скочилису сви, алисусе їоштъ десетъ крати выше уплашили, кадсу они страшни стасъ вида, когасамъ я представляо, предъ собомъ видѣли. Они ни слова неотговорише, али кадсе мени учинило, да башъ они бѣжати хотѣдоше, повыкаосамъ я ныма Англїйски, моя Господо! небойтесе ништа отъ мене; можетъ быти, да имате прїятеля верло близу, о коему никада помыслили нисте. — То онъ дакле мора невидимъ къ намъ отъ Неба посланъ быти, рекао э еданъ отъ ны мени доста мужествено равно и шеширъ съ главе снимаюћи; ербо люди немогутъ намъ у станю нашему ништа помоћи.— Свака помоћь съ выше отъ Неба прихо ди, мой Господине, рекаосамъ я нѣму. Али хоћетели вы едному страному лицу казати, какобысе вамъ помоћи могло? ер-

босе

босе мени дөиста чини, дасте вы у великой нужди. Ясамъ васъ видѣо, кадсте на суво дошли, и какосте еднога отъ оны безчеловѣчниковъ молили, коису съ вама дошли, и тосамъ видѣо, да э еданъ башъ вечь мечь дигао быо, да васъ погуби.

Съ сузами, коесу нѣму преко лица текле, трепещущъ и аки сасвимъ изванъ себе, рекао э овай добри человѣкъ: говоримли я съ Божествомъ или съ каковимъ человѣкомъ? ели истини человѣкъ или Небесни Ангелъ? — Немойтесе о томъ ништа бринути Господине! рекаосамъ я нѣму, кадбы Богъ вами Ангела на помоћь хотѣо послати, тобы онъ у лепши халина, и сасвимъ другимъ оружїемъ вами предстао, нежели што мене овде видите. Само васъ любезно молимъ. Ясамъ человѣкъ и башъ Англезъ, и есамъ благонаклонъ, како што сами видите, вами помоћи. Я само еднога служителя имамъ, али оружїя и што къ тому надлежитъ доволно: кажите намъ простодушно, можемоли мы вами помоћи? и како ствaрь съ вама стоитъ.

То э Господине, рекао э онъ, дуго казивати, а наше убїйце стоятъ близу насъ. Дакле у две тры речи и кратко. Ясамъ Господинъ отъ едне лаће быо; и мои

люди

люди скочилису, и започелису ребелїю противъ мене, и едвасамъ ихъ съ великимъ трудомъ къ тому склоніо, да мене неубїю. Напослѣдокъ, то есть, донелису мене овде на ово пусто мѣсто съ овима двѣма людма, отъ коихъ э еданъ корманошъ а другїй э путникъ, на суво; и овде ништа другога неочекуемо нежели погинути, ербо мы мѣсто ово за пусто держимо, їоштъ незнамо, шта о нѣму мыслити имадемо.

Гдису дакле овы безчеловѣчницы ваши непрїятели? рекаосамъ я, незнатели, камосу отишли? — Ондесу они Господине рукомъ на едну густу шумицу показуюћи; сердце мое отъ страха стрепи, ако они видѣли или насъ говореће чули будутъ; ако та несрећа буде, тоћеду они насъ башъ свїю потући.

Имадули они оружїя сасобомъ, запитаосамъ я. Само два комада отговорїо э онъ, а трећису у чамцу оставили. — Добро дакле, а друго све само мени изоставите. Онису сви, како што я видимъ заспали; тобы врло мало труда стаяло ны свїю потући, али э болѣ да мы ны свїю заробимо? — Али међу ныма имаду два верло опака бездѣлника, отговорїо э онъ мени, коима едва безбѣдность и милость позво-

 литисе

литисе можетъ; кадбысмо само ову двоицу дочепати могли, то несумнямъ послѣ нимало, да другїи къ должности своей вратилисе небы. Ясамъ запитао нѣга, каковису то люди? — У овому отдалѣнїю я ны описати немогу, рекао э онъ мени, али хоће заповѣдемъ моимъ у свима случаи полно послушанъ быти. — Добро! дакле, да идемо каковимъ путемъ, гди они насъ нити видѣти, нити чути могутъ, дасе небы пробудили, и тако хоћемо ствaрь далѣ разсудити. Такосу дакле радостно самномъ пошли, докле э годъ насъ шума отъ очїю ныни непрїятеля сакривала.

Али Господине, рекаосамъ я, ако я избавлѣнїе ваше на себе прiимимъ, хоћетели вы само у два уговора самномъ ступити? И преће него штосамъ я нѣму то предложити могао, пресѣкао э онъ мое слово: Онъ и лаћа кадъ э опетъ предобїемо, даћеду у свима случаи самой моей заповѣсти подложни быти; аколи лаћа небы обладана была, то да хоће онъ самномъ, у кою бы я годъ часть свѣта нѣга послати хотео, живити и умрети; и то исто рекоше и обећаше и она друга двоица.

Садъ дакле добро: моихъ уговоровъ есу само два. Перво доклесу годъ они овде на

остро-

острову кодъ мене, мораду они власти покорни быти; и ако я ныма оружіе у руке дадемъ, таково абіе, како я захтемъ, опетъ натрагъ дати да имутъ, нити мени, нити моимъ сожителѣмъ на острову найманѣ штете или убитка причинити, и међу тимъ заповѣдемъ моимъ покорность отдавати.

Второ. Будетли лађа завоевана, да имате обѣщати мене и служителя мога безъ сваке плаће у *Англію* отвести.

Отъ овога уговора дао э онъ мени све возможно увѣреніе, кое икадъ какови честни человѣкъ измислыти можетъ; и не само овимъ тако крайнѣ праведнимъ изисканіямъ, дађесе онъ точію склонити дати, него іошт и сами животъ свой на вѣкъ аки даръ отъ мене почитовати, и то при свихъ способахъ докле годъ живитъ признавати.

Добро дакле, овде имате 3: мушкете за васъ съ потребнимъ барутомъ и оловомъ; али кажитеми башъ управо, што мыслите; шта далѣ чинити валя? зато показао э онъ сву возможну благодарность, и све проче на мене ослоня. Све штосе овде предузети може, рекаосамъ я нѣму, есть доиста врло погибелно; но я међу

тимъ держимъ за найболѣ средство на еданъ кратъ на ны опалити и ватру дати, докле їоштъ спаваю. Ако еданъ или другїй абїе на первый удараць мертавъ неостане, и хотеобысе предати, то мы нѣму животъ поклонити можемо; а проче ударце нека провидѣнїе Небесно управля.

Онъ э врло смирено рекао, даѣему врло жао быти, ако ихъ убїемо, и акосе то премѣнити може; али преко свега они ободвоица былибы опетъ неисправлѣни бездѣлницы и причина и почетакъ сваке невѣрности и буне на лаѣи; и акобы ихъ живе умакнути испустили, тобысмо опетъ свагда изгублѣни были, ербо бысу они опетъ на лаѣу отишли и све лаѣаре овамо довели, и насъ свїю живота лишили. Добро дакле, нуждность сама потверждава овде мой совѣтъ, и то э дакле цыгли еданъ путь и средство жизнь нашу спасти. А кадсамъ я нѣму казао, да я никада то видѣти и къ тому нисамъ склонѣнъ, кровь пролити, то рекаосамъ я ныма стваръ ныну самимъ чинити, како имъ драго, и како за добро наѣу, и да я иначе ништа чинити незнамъ.

Усредъ овога нашега разговора, чулисмо, дасу нѣкои отъ ныхъ вечь пробудилисе,

лисе, и абїе затимъ видѣлисмо, дасу двоица већь на ноге устали. Запитаосамъ нѣга, нїели еданъ међу овима отъ они подбадача, кои ребелїю дижу? Нїе ни еданъ, рекао э онъ. Добро дакле, рекаосамъ я нека идутъ, и ны э провидѣнїе само, како мыслимъ, пробудило себе у овому часу спастти. И ако вамъ они другїи умакну, тоће дакле ваша сама кривица быти.

Съ овима моима речма возбужденъ узео э онъ мушкету, коюсамъ я нѣму дао, у руке, заденуо э пиштоль за поясъ, такожде и свакїй нѣговихъ содружниковъ узео э оружїе у руке. Обадвоица нѣговихъ содружниковъ, коису напредъ ишли, учинили-су нѣки шумъ, на коесе еданъ лаћаръ, кои э устао быо, осврашїо, и кадъ э ны идуще видѣо, къ другимъ повикао: Али э то већь касно было, ербо у тому истому часу опалише обадвоица содружницы Капетанови, а међу тимъ э онъ самъ удараць свой мудро сачувао. Онису обаче тако добро свое предмѣте потрефили, да э абїе еданъ отъ оне двоице Ребелїантовъ на мѣсту мертавъ остао, а другїй смертно уранѣнъ быо. Али да онъ абїе мертавъ нїе остао, пошао далѣ и выкао э за другима жалостно за помоћь. Али э Капетанъ къ

нѣму

нѣму говорећи фришко дошао, већь э касно за помоћь выкати; болѣ э да онь Бога на помоћь зове, дабы онь нѣму нѣгова беззаконія опростїо, и съ тимъ нѣга съ кундакомъ по глави тресну̏о, да онь више никакове речи далѣ непроговори. Садсу были дакле їоштъ троица у содружеству, и еданъ быо э такожде, али лако уязвлѣнъ. Међу тимъ дошаосамъ и я на то, и кадсу они погибель ныну видѣли, да отнюдъ ніе можно ныма противостати, сталису они за милость молити. Капетанъ э рекао, даће имъ животъ поклонити, ако они нѣга увѣре, даћеду они предателство и невѣрность, коимсу себе повине учинили презрѣти, и заклетисе, нѣму вѣрно спомоществовати лаћу опетъ добити, пакъ послѣ у Ямайку, откудасу и дошли, опетъ напрагъ возвратитисе. Они дакле дадоше нѣму сва возможна увѣренія свое искрености, коясусе икадъ захтевати могла, и онъ э склонѣнъ быо, ныма вѣровати и животъ поклонити, на противъ чега я ништа чинити нисамъ могао; него само затимсамъ настаяо, да онъ ны, доклесу годъ овде на острову, и у ногахъ и у рукахъ свезане держитъ.

Докъ

Докъ э то све тако траяло, послао-самъ мога неустрашимога Петка съ Капе-тановимъ Корманошемъ къ чамцу, таковы дочепати у руке, и весла и парусъ опяти, кое э такожде и было. Абїе затимъ до-шлису їоштъ троица отъ разсѣяни мо-репловцевъ, коисусе нынѣмъ срећомъ отъ други отдѣлили были, на гласъ пушке, ко-гасу чули, напрагъ, и кадсу свога Капетана, кои э мало преће нынъ робъ био; већъ аки побѣдителя предъ собомъ видѣли, бы-лису абїе покорни себе свезати дати, и наша побѣда была э полно совершена.

Садъ већъ ништа далѣ остало нїе, него да мы, Капетанъ и я наша обстояпелства ближе еданъ другому познати дадемо. Ясамъ дакле почетакъ учинїо и нѣму цѣло житїе мое исказао, кою э онъ съ таковомъ по-зорностїю, коя э заудивлѣнїе была, слушао; особито зачудїосе онъ о чудесномъ начину, какосамъ я съ средстви препитанїя и бару-томъ снабдѣнъ био, и дѣйствително у-вукласе э нѣму повѣсть моя, ербо э она са-свимъ порядокъ чудесни была, дубоко у серд-це. А кадъ э онъ свое разсмотренїе о мени на себе окренуо, и размыслїо, дасамъ я ов-де, какосе нѣму учинило, башъ зато сохра-нѣнъ био; дабы у овому часу животъ нѣ-

говъ

говъ избавїо, потекоше нѣму сузе преко лица аки бисеръ една за другомъ, и онъ нїе могао далѣ ништа говорити.

Кадсе већь повѣсть ова окончала, увесамъ нѣга и двоицу нѣгови люди у мое собе, и то онимъ истимъ путемъ, коимсамъ на полѣ излазїо, то есть: преко верха обиталища, овдесамъ ны съ онимъ, штосамъ кодъ руке имао, угостїо, и све показао, штосамъ себи у времену мога долгога пребыванѣ на овому мѣсту за мою потребу и угожденїе измыслїо и начинїо.

Све штосамъ я ныма показао, све штосамъ ныма говорїо, было э ныма за врло велико удивлѣнїе; али отъ свію други вещи чудїосе Капетанъ о устроени мога града, и какосамъ я мое обиталище тако совершено съ лѣсомъ отъ дрвета сакрїо, коя кадсу већь 20: година посаћена была, и дрвета или садъ овде много брже нежели у *Англїи* растутъ, већь у велику и густу шуму претвориласе, дасе крозъ ню нигди никоимъ начиномъ проћи нїе могло, нежели на оной едной страни, гдисамъ я мою малу скрозъ проходящую стазицу оставїо. Ово э рекаосамъ ныма, мой градъ и Резїденцїа была, али я їошть къ тому едно другого лѣпно мѣсто увеселенїя имадемъ, као

што

што и многїи Прїнцови имаду, глисамъ я, кадмисе захтело, отићи могао себе увеселити, и коећу нѣму такожде приликомъ и временеммъ показати. А садъ э наша вещъ разсмотрити, какоћемо лаћу опетъ предобыти. Онъ э у тому согласанъ самномъ быо, али каково средство кь тому предузети валя, рекао э онъ, да башъ отнюдъ незнаде, ербо їоштъ свагда 2б: глава на лаћи имаде, кои кадсусе већь еданъ кратъ у овакову опаку ребелїю упустили, чрезъ коюсу они сви по законамъ земалскимъ животъ проиграли и съ тимъ очаянїемъ быћеду їоштъ выше ожесточени крайнѣ себе защищавати, ербо они добро знаду, да како у *Англїю* или у кою *Англїйскихъ* Колонїяхъ донешени будутъ, ништа друго нежели вѣшала очекивати имутъ; и число наше бытиће врло слабо на ны ударити.

Ясамъ о томъ, што э онъ говорїо, нѣкїй часъ мыслїо, и нашаосамъ, да э овай совѣтъ врло разуманъ быо, и да што скорїе штогодъ изнаћи морамо, како годъ люде на лаћи изъ ненада у замку довући, тако исто ныма кь брегу приступити и насъ надвладати всячески воспятствовати. Овоми э абїе на паметъ дошло, лаћари чудећисе, кудасу ныни содружницы съ чамцемъ

цемъ доспѣли, хоћеду башъ извѣстно на другому чуну къ брегу доћи и ны потражити, и кадбы можетъ быти вооружени дошли, тобы они отъ насъ крѣплшїй были. Ово э врло паметно было, како што э онъ мыслїо. Далѣ рекаосамъ я, дабы найболѣ было, што бысмо учинили, кадбы нынъ чамацъ, кои на суву лежи, разбили тако, да они нѣга выше небы потребовати могли.

Кадъ све отонудъ на полѣ узмемо, онъ може дакле свагда онако лежећь остати, кадсе онъ само нинашто више употребити не може. Отишлисмо дакле на чамацъ и узелисмо све оставше оружїе и штосмо годъ друго тамо нашли, на полѣ; едну чупуру ракїе, едну са сладкомъ Англїйскомъ ракїомъ, нѣчто мало симита, еданъ рогъ за барутъ, и едну велику груду шећера отъ 5. до 6то фунти у едномъ комаду платна завїену. Све э ово мени добро дошло было, особито обаче ракїя и шећерь, отъ коихъ већь доста отдавно ништа имао нисамъ. Послѣ кадсмо све већь оттуда изнели на полѣ, (весла, катарку, парусъ и думенъ былису већь їошть пређе снимлѣни) провалилисмо велику яму на средъ лађе, да небы они, ако бы ихъ и

мио-

много дошло, насъ преобладати и чамацъ опетъ съ мѣста кренути не бы могли.

Доиста да рекнемъ, ясамъ їошт свагда слабу нядежду имао, даћемо мы лаћомъ обладати моћи: мое намѣреніе было э то, кадбысу они само безъ чамца отићи морали, то бысе друго све опетъ послѣ лако начинити могло, до они подъ вѣтромъ лежащихъ острова на нѣму отплити, и съ нашима пріятели Шпаніери путуюћи разговоритисе, ербосу ови мени їошт свагда у памети стаяли.

Послѣ какосмо уредбу нашу учинили, и перво са свомъ снагомъ чамацъ толико високо на суво извукли, да припливъ съ найвишомъ водомъ нѣга отплинути не може; и їошт къ тому велику рупу, коясе ніе лако зачепити могла, у чамцу провалили, и совѣтовалисе, штаћемо далѣ чинити; ондасмо чули, да э лаћа на морю еданъ топъ опалила, и видѣлисмо, да э знаменіе на полю на катарки за видѣніе изнешено было, да бы съ тимъ чамцу знаменіе дали опетъ къ лаћи натрагъ поћи, али всуе никаковъ чамацъ ніесе кренуо више!

Напослѣдокъ кадсу они видѣли, да э све ныно пуцанѣ и знаменія показиванѣ всуе было, и чамацъ никакови некрећесе,

усмотрилисмо средствомъ нашега пусула, да они други чамацъ на воду спустише и къ брегу повезошесе; а кадсу къ брегу ближе дошли, видѣлисмо ясно, да 1от5 люди у чамцу имаде и да ови оружïе са собомъ имутъ.

И будуѣи да э лаѣа ныиа скоро 2· мïлѣ далеко отъ брега лежала, моглисмо мы ны дакле врло лако къ нама идуѣе видѣти, и башъ у лицу све люде познати: Ербо э припливъ ны малко восточнѣ отъ первога ныиога чамца отбацïо, дакле моралису подъ брегомъ до онога мѣста возити, гдису они други пристали были и гдïе чамацъ лежао.

Овимъ начиномъ дакле ималисмо мы ны управо предъ очима и Капетанъ э све люде у чамцу познао, и мени извѣстïе о ныномъ карактеру и нарави дао. Троица меѣу ныма, рекао э онъ, дасу врло добри младиѣи, коису башъ извѣстно отъ они други къ овой ребелïи страхомъ, преѣенѣмъ и насилствïемъ развращени и приморани были.

Али верховни корманошъ спроѣу мога, кои э, како што быва, найстарïи Оффïцïръ меѣу ныма, и сви прочи такосу неваляни и опаки, коисе икадъ меѣу цѣлимъ мореплов-

пловства людствомъ наћи могу, и былибы башъ безъ сумнѣ при ныномъ новомъ предвзятїю до самога отчаянїя доведени себе бранити, онъ дакле изъ овога узрока боисе врло, даћеду они насъ надвладати и несрећне учинити.

Ясамъ нѣму смѣюћисе рекао, люди нашега станя мораю верху дѣиства страха превознесени быти; ербо да мы већь садъ видимо, да свако станѣ, коесе икадъ помыслити може, болѣбы было, нежели оно, кое мы очекивати можемо, то морамо дакле слѣдство, было оно смерть или животъ, свагда аки избавлѣнїе разсмотравати. Ясамъ нѣга запитао, шта онъ дакле о моему жувоту мысли, и немыслили да онъ заслужава труда нѣга на играчку метнути, и себе еданъ кратъ отовудъ избавити? Гдїе садъ Господине она ваша прећашня вѣра, дасамъ я за избавити и спасти животъ вашъ овде сохранѣнъ быо, и коя э вами у кратко предъ тимъ толико много бодрости дала? Мени съ моe стране чинисе, да само една вещь кодъ цѣле ствари недостае. Шта э то кажитеми? рекао э онъ, то штосте вы казали, да међу мыма четворица честни люди имаде, коебы сачувати валяло; ербо кадбысу сви отъ оне опаке

стра-

стране были, то бысамъ морао мыслити, да э ны свїю провидѣнїе Божїе опредѣлило у руке наше предати. Далѣ ослонитесе на то, да ткогодъ отъ они люди на суво доће, тай э доиста нашъ, и мора, какогодъ што нѣгово обхожденїе спроћу насъ заслужи, живити или умрети.

И будући дасамъ я ово съ постоянимъ гласомъ и неустрашимимъ и бодримъ сердцемъ изговорїо, усмотрїосамъ, да э то нѣга чрезвичайне бодрости напоило. И тако приправилисмо себе полни радости и дерзновенїя къ нашему намѣренїю. Заключилисмо дакле, како чамацъ усмотримо, робове наше еднога отъ другога раставити, и већсмо ихъ дѣиствително у полну безбѣдность ставили.

Двоицу отъ ови, коима Капетанъ нїе повѣренїя имао, послаосамъ я чрезъ Петка и еднога отъ оне двоице избавлѣнихъ у мою яму, гдису они доста далеко удалѣни были, и мы ништа боятисе неимадосмо, даћеду они видѣни или чувени быти, или бы путь на полѣ изъ шуме наћи могли, ако бы имъ срећа послужила отрѣшитисе. Тамосу они дакле свезани спаяли, датасу ныма средства къ препитанїю и обѣщано было, акосе они за време кратко мирно содер-

держе, даѣеду само за 2. дана свободу свою добити ; аколи имъ дяволъ мира недаде и ныма то у память доѣе да побѣгнутъ, тоѣеду они безъ сваке сумнѣ абїе живота лишени быти. Онису дакле вѣрно обѣщали робство свое съ терпѣнїемъ поднести, и признаше нѣга съ благодарностїю, дасу они тако предсрѣтени были хлѣба и свеѣе добити, (ербо э Петко ныма свеѣа дао, коесмо мы сами правили и ови ни о чему ништа знали нису, нежели да э Петко ны на уходу яме чувао).

Іоштсу болѣ они други робови предсрѣтени были. Двойца отъ ови моралису такожде свезани быти, коима Капетанъ самимъ вѣровати нїе хотео! двоица обаче былису на Капетанову препоруку и на ныно торжествено обѣщанїе самномъ живити или умрети, у службу мою прїимлѣни. Съ ныма и съ ономъ тройцомъ честни люди, коесамъ я избавїо, броилисмо мы сви за едно 7. люди, и былисмо сви добро съ оружїемъ снабдѣни. Садъ я дакле нинайманѣ сумняо нисамъ, да мы неѣемо съ ономъ десетоницомъ, коесмо очекивали, врло добро посао совершити и особито, кадъ э Капетанъ казао, да меѣу ныма 3. и до 4. честна мужа имаду.

Ка-

Какосу ови дакле на оно мѣсто, гдїе нынѣ други чамацъ лежао, дошли, дошлису сѣ чамцемъ нынимъ на песакъ горе и изишлису на суво, и чамацъ на суво насукали, коесамъ я врло радо видѣо. Ербосамсе страшїо, да они чамацъ у отдалѣнїю на мачки неудержу и нѣколико люди тамо неоставу чамацъ чуваши; гди мы небысмо у состоянїю были, нынога чамца дочепатисе.

Перво штосу учинили, кадсу вечь на брегу были, было э то, дасу сви кѣ оному другому чамцу оттерчали; и ласносе видѣти могло, дасусе они чрезвичайно зачудили, кадсу чамацъ отъ свега, што э на нѣму было, опустѣнъ и велику рупу у средъ нѣга нашли.

Кадсу вечь нѣкое време о томъ разсмотренїе держали, почелису два и до три кратъ изъ свега герла викати, да бы искушали, хочедули ны ныни содружницы чути, али ево бѣде то э све всуе было. Затимъ собралисусе сви у кругъ густо, опалилису сви на еданъ кратъ пушке, коесмо и мы башъ добро чули, како отзивъ (ехо) изъ шума гласъ отъ пушака повторава. И то э врло мало ныма помогло; они штосу у ями были, нису доиста отъ тога ништа чути могли, о томусмо увѣ-

рени

рени были, а они коису подъ нашимъ хранѣнїемъ были, акосу то башъ и сасвимъ добро чули, усудиписе нису смѣли отговоръ на то дати.

Онису о томъ у таково чудо дошли, дасу они, како штосу намъ послѣ казали, вѣчь заключили были сви опетъ натрагъ къ лађи ныной поћи, и содружникомъ своимъ сказати, дасу люди овде сви убїени и чамацъ до конца разлупанъ, онису дакле тога ради вѣчь чамацъ башъ дѣиствително на воду опетъ довукли, и сви у нѣга ушли.

О овому поступку ныному быо э Капетанъ крайнѣ устрашенъ и смутанъ, мыслећи онићеду опетъ къ лађи ныной отићи и послѣ съ лађомъ на море отплити, а содружнике свое за изгублѣне казати, и тако лађу свою на вѣкъ изгубити, кою э онъ мыслїо, дађемо ю задобиши натрагъ. Али э онъ, и съ друге стране скоро опетъ у такови исти страхъ дошао.

Они съ чамцемъ своимъ їоштъ нису далеко отъ брега удалѣни ни были, кадсмо мы ны опетъ свїю за едно скуплѣне видѣли. Али сасвимъ себе другоячїе содержаваюћи; (коесу они доиста међу собомъ уговорили были) онису 3. человѣка у чамцу оставили,

а другису на брегъ изишли, и потражилису по предѣлу свое содружнике.

Ово э гнусни заметакъ у нашему хесапу быо, ербо садъ нисмо знали, штоћемо чинити. Ербо они *7мъ* на брегу заробити ніе намъ ни къ чему помоћи могло, акобысмо чамацъ умакнути испустили, заштоће онъ къ лаћи отићи, кояће послѣ абіе мачке извући, и на пловъ отићи; и ондабы надежда наша лаћу опетъ задобити сасвимъ изгублѣна была.

Мы дакле никаково друго средство имали нисмо, нежели терпѣливо ожидавати и гледати, штоће намъ далѣ слѣдство на руку дати моћи. Они седморица люди изышлису на брегъ, и тройца, коoису у чамцу остали, отиснулису нѣга подалеко отъ брега, и спустилису мачку, да бы на содружнике свое чекали, и тако мы нисмо могли у чамацъ къ ныма доћи.

Они, коису на брегъ изишли, содержавалисусе на близу еданъ до другога, и пошлису управо къ верху бердашца, подъ коимъ э градъ мой быо, и мысмо ны ясно видѣти, ако они насъ и нису примѣтити могли. Намъ бы врло драго было, кадбысу они ближе насъ дошли были, и мы на ны ватру дати

мо-

могли; или да бысу далѣ отишли были, дабысмо мы ны на полѣ добити могли.

Кадсу они на верхъ берда дошли, гдису они далеки путь у долине и шуме, коесу къ сѣверной части острова найниже стаяле, прегледати могли; диглису велику вику, и викалису тако непрестано, доклесу годъ могли. Отъ брега удалитисе или еданъ отъ другога растатисе нису они посвой прилики хтели; ербосу они подъ едно дрво сѣли и вещь ову меѣу собомъ далѣ разсуждавали. Мы више ништа желили нисмо, нежели да бы они хтели спавати леѣи: али ево бѣде, онису много више отъ страха погибелїю напунѣни были, нежели дабысе усудили леѣи спавати, башъ ако и нису знали, какове погибели страшитисе мораю.

При способу овога нынога совѣтованїя учиніо э мени Капетанъ еданъ зрѣли и мудри предлогъ. Безсумнѣ, рекао э онъ мени, даѣеду они їоштъ еданъ кратъ ватру дати, дабысу содружницы ныни чути могли: пакъ онда, рекао э онъ, башъ кадъ они пушке избацу, на ны живо ударити, и такоѣедусе они извѣстно предати, и мы ны безъ кровопролитїя заробити можемо. Овай предлогъ было э мени поволянъ: само э

морало по быти, кадъ већь доста близу будемо, на ны ударити прће, него што бы они пушке набити могли.

Али ово нїе тако пошло, како штосмо мы мыслили, и стаялисмо дуго времена незнаюћи, штоћемо започети. Найпослѣ рекаосамъ я ныма, да бы мнѣнїе мое было прће ништа непредузети, докле годъ ноћь небуде. И акосе не бы они къ чамцу ныному повратили, мы бысмо можетъ быти гдигодъ путь наћи могли, да бысмо међу ни и међу чамацъ дошли, и тако гдигодъ каковомъ ни будъ преваромъ оне изъ чамца на брегъ измамити.

Мысмо чекали ако башъ и съ великимъ нестерпѣнїемъ доста времена, да бысу они отишли, и былисмо о ныномъ долгомъ закоснѣнїю врло нестерпѣливи. Найпослѣ видѣлисмо, дасу они послѣ долгога совѣщанїя међу собомъ сви устали, и путь свои къ морю предузели. Учинимисе, да э ны велики страхъ о погибели, коейсу они овде подвержени были, на заключенїе довео быо опетъ на лађу поћи, и содружнике свое за изгублѣне обявити, и тако свое предузето путешествїе съ лађомъ и безъ ны предузети.

Тосамъ помыслїо, како я ны видимъ, да они къ брегу идутъ, како што э и было. Капетанъ, кадсамъ а нѣму мысли мое казао, быобы скоро отъ страха о томъ у несвестицу пао. Алисамъ абїе хитрость превари измыслїо ны опетъ натрагъ домамити, кое э мени и преизрядно преуспѣло.

Заповѣдїосамъ Петку и Капетановомъ корманошу западнѣ на страну преко малога савитка или залива на оно мѣсто поћи, гдису дивяцы онда дошли были, кадсамъ я Петка избавїо; и кадъ већь едно полъ мїлѣ далеко будутъ, абїе, како гдигодъ на каковъ узвитакъ доћу, изъ свега герла, какогодъ што могутъ, викати да имутъ, и толико дуго чекати, докле неусмотру, дасу морепловци башъ ны чули; и како крикъ и гласъ нынъ отъ овихъ отвѣтствованъ будетъ, опетъ викати започети, пакъ онда съ онога мѣста отступити, трагъ замешнути и свагда отговарати, кадъ годъ они вичу, и ны овимъ начиномъ толико далеко на островъ и у шуме домамити, колико э годъ можно, пакъ послѣ опетъ разними странпутицами окренутисе и къ мени доћи.

Онису башъ хтели у чамацъ ући, кадсу Петко и корманошъ изъ гласа викати стали,

ли, коесу они абїе чули, и къ ныма отговораюћи покрай брега южнѣ на гласъ, когасу чули, потекли, алы себе на еданъ кратъ отъ савитка отоке удержане видѣли, преко кое они, ербо э вода врло високо нарасла была, прећи немогоше. Повикалису дакле за чамцемъ, да бы ны превезао, како штосамъ я доиста їошћъ и найпре мыслїо.

Превозећисе они, усмотрїосамъ я, да, кадсу съ чамцемъ подобаръ комадъ у отоку савитка горе, и равно у нѣку зашкулину убѣга у нутра ушли были, они еднога отъ оне троице у чамцу бывше съ собомъ узеше, а другу двойцу опетъ у чамцу оставише, послѣ какосу чамацъ о едномъ маломъ паню кодъ брега свезали и утвердили.

Ово э дакле было оно, штосамъ я желїо. Абїе узеосамъ я оставивши Петка и Капетановогъ корманоша (думенћїю) кодъ нынога дѣла — проче све сасобомъ, и тако прешлисмо преко отоке тайно, да они насъ видѣти нису могли, ударилисмо на ону двоицу у чамцу преће, нежели штосу они насъ смотрили. Еданъ отъ ови лежао э на брегу, а другїй быо э у чамцу. Онай, кои э на брегу быо, полакъ спаваюћи а полакъ буданъ хтео э башъ устати, кадъ э Капе-

петанѣ, кои э напредѣ ишао, кѣ нѣму потерчао и нѣга абїе кѣ земли поразїо, и затимѣ ономy у чамцу повикао: дасе предати имаде, илиѣе абїе животѣ изгубити.

Еднога человѣка преволети дасе преданїе требовало много говора, кадѣ э онѣ 5 люди на себе и свога содружника убїена видѣо: и преко тога быо э овай, каконамсе учинило, еданѣ отѣ оныхѣ, кои нїе као прочи на невѣрству участїя имао, и даосе дакле їоштѣ лакше преволети не само себе предати, него їоштѣ послѣ и искрено кѣ нашей страни придружити.

Меѣутимѣ учинилису Петко и Капетановѣ думенѣїа свою вещь сѣ прочима врло добро, ербосу ови ны непрестанимѣ виканѣмѣ и отзиванѣмѣ отѣ еднога берда кѣ другому, и отѣ едне шуме кѣ другой мамили, докле годѣ они несамо штосусе сердечно утрудили, него їоштѣ и на таково мѣсто доѣи премамилисе, гдису увѣрени были, да они башѣ извѣстно кѣ чамцу своему до сутона доспѣти немогутѣ. И наши люди былису доиста доволно утруждени, кадсу веѣь кѣ намѣ натрагѣ дошли.

Садѣ намѣ веѣь нїе ништа далѣ остало, нежели у темности на ны вребати, пакѣ онда сасвимѣ свободно на ны ударити.

Те-

Текаръ послѣ многи часовъ, како э Петко веħь къ мени натрагъ дошао быо, дошлису они къ ныному чамцу натрагъ, и моглисмо оне перве, преħе него штосу сасвимъ онамо дошли были, стражнимъ выкаюħе чути, и ове послѣднѣ моглисмо чути, како они тужеħисе отговараю, какосу отъ многога хода трудни и скоро ошантавили, и како нїе можно, да бы они берже иħи могли, кое э мени врло радостно чути было.

Найпослѣ дошлису веħь къ чамцу: али чудо ныно нїе описати могуħе, кадсу они чамацъ твердо на суву у отоки сѣдящъ, отпливъ уступлѣнъ и обадвоицу своихъ содружниковъ оттуду удалѣне видѣли. Мысмо ны тужителнимъ начиномъ еданъ другому выкаюħе и сказиваюħе чути могли, дасу они на нѣку дяволску чародѣиствену Аду дошли. И или мора жителя на ей быти, отъ коихħеду они сви убїени быти: или сами дявола и хаветиня, коиħеду ны у воздухъ диħи и све растергати.

Онису опетъ започели викати, и викалису своимъ содружникомъ многократно, и често именемъ, али све всуе, отговоръ никаковъ на то нїе изслѣдовао. Мало затимъ моглисмо мы ны при послѣднихъ солне-

чнихъ

чнихъ лучахъ сутона сѣмо и овамо терчеће и равнѣ отчаяникомъ подобне руке плескаюћи видѣти, кадъ кадъ отишлису и сѣлису у нынъ чамацъ, дабы отпочинули, пакъ опетъ на брегъ дошли и терчали сѣмо и овамо, и тако непреривно часъ ово, часъ оно предузимали.

Мои люди былибысу ради, кадбысамъ я ныма допустїо быо у мраку на ны на еданъ кратъ и внезапу ударити; алисамъ я то болѣ уредїо на ны съ користїю напасти и съ тимъ ны уязвити, и мало убити, коликое могуће: особито нисамъ я хтео животъ ни еднога мои люди у погибель метати, ербосамъ знао, дасу сви други съ оружїемъ врло добро снабдѣни были.

Заключїосамъ дакле їоштъ мало чекати и видѣти, нећедулисе они растати. Поступїосамъ дакле дабысе ны їоштъ извѣстнїе дочепати могао, съ моимъ засѣдомъ ближе, и заповѣдїосамъ Петку и Капетану, да на ногахъ и рукахъ (четвероножке) колико годъ ближе могутъ, да не бы видѣни были, онамо къ нима допужутъ, и преће на ны неопалити, доклесе гогъ доволно близу не прикуче.

Они у овому стаю нису дуго ни были, кадъ э верховный думенћїа, кои э найглав-

нїи

нїи коловоћа ове цѣле ребелїе быо, и себе измећу свїю найпакостнїега и неваляшїега показао, їошть съ двоицомъ отъ ове чете на ны дошао. Капетанъ, кадъ э већь найвећега овако доволно у своей власти видѣо, быо э тако возбужденъ, дае едва толико терпѣнїя имао нѣму ближе приступити дати, да э онъ нѣга извѣстно трефити могао; ербосу они нѣга досадъ само поговору познавали. Али кадсу они ближе дошли, скочилису Петко и Капетанъ на еданъ кратъ и опалилису пушке на ны.

Верховный думенжїа осшао э на мѣсту мертавъ; а ближи до нѣга танетомъ крозъ тербу протрескань, и пао э абїе къ земли, ако э онъ башъ текарь послѣ 2. часа умро; и трећи э, како э годъ терчати могао, побѣгао.

На гласъ первога ударца пошаосамъ я абїе съ цѣлимъ моимъ полкомъ онамо, кои э већь садъ 8. люди быо, а наймено: я аки Фелдмаршалъ, храбри Петко мой Генералъ Лаитенантъ, Капетанъ и нѣгови двойца люди, и она тройца воени робови, коимсмо оружїе повѣрили.

Колико э насъ у числу было, они нису знали, ербосу отъ насъ у мраку нападени были, и ясамъ заповѣдїо оному отъ ныхъ

у

у чамцу оставшему человѣку, кои э садъ већь на нашой страни био, ны именемъ зовнути, дабы искушали, нећемоли ихъ къ разговору, и послѣ можетъ быти къ погодби приволети моћи. То э пошло дакле какосмо годъ мы желили, и моглосе э доиста при онаковомъ станю, у коемусу они онда были, такожде лако мыслити, даћеду они врло охотно приправни быти, у сваки уговоръ вступити. Онъ э дакле повикао еднога измећу ны изъ свега гласа: Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ! Ѳомъ шмїтъ отговорїо э на то абїе: и повыкао э, тко зове? Нисили ты? Робїнзонъ? — ербо, какомисе учинило, онъ э нѣга по гласу познао. Есть, есть, отговорїо э онай другїй, за име Божїе Ѳомъ шмїтъ баци твое оружїе безтрага и предайсе, или вы сви у овому часу сынове смерти будете!

Комућемо мы насъ предати? гдису они, отговорїо э Ѳомъ шмїтъ — овдесу они! овдесу! рекао э овай другїй; нашъ Капетанъ и 50. люди, кои васъ већь читава 2. сата тераю. Вїллъ Фрїс есть ранѣнъ а ясамъ заробљѣнъ, и акосе вы не предате, тосте доиста сви пропали.

Али хоћедули они нама пардонъ дати? рекао э Ѳомъ шмїтъ, тако хоћемосе дакле

пре-

предати. — Ако вы то обѣщаете, рекао э Робїнзонъ, тоѣу я дакле онамо иѣи и запитати. Онъ э дакле питао Капетана, и Капетанъ э самъ отговарао: ты Ѳомо шмїте ты познаешъ добро мой гласъ; ако ваша оружїя положите и себе предате, тоѣе вамъ дакле животъ свима поклонѣнъ быти, окромъ Вїллъ Актїна.

Ахъ за волю Божїю, повикао э Актїнъ, Господине Капетану! штосамъ я учиніо? та и онису други еви тако опаки были као и я! — кое (мимогредъ) нїе истина была; ербо овай Актїнъ быо э первы; кои э абїе съ почетка буне и ребелїе руку на Капетана дигао и нѣга найгоре и найнепристойнїе предсрѣо, ербо э онъ нѣму многе поругателне, и безчестне речи изговореѣи руке свезао. Но Капетанъ э остро рекао, дасе онъ абїе на милость или немилость предати и оружїе положити имаде, а друго све хоѣе на самой милости Губернера стоятти, кога э мене мыслїо, ербосу мене и другїи сви Губернеромъ називали.

Съ еднимъ словомъ положилису они сви оружїе и молилису за животъ свой, на косамъ я онога человѣка, коисе съ нима разговарао и їоштъ тройцу другу къ нима послао и свїю свезати заповѣдїо. Затимъ по-

пошла э моя велика войска отъ 50 люди, коя особито числећи и ову тройцу не изъ више нежели изъ 8: люди состояше, и покорила э ны свїю съ чамцемъ за едно подъ свою власть, само я, и їоштъ еданъ самномъ изъ особни владѣтелни, и полїтїчни причина себе видѣти дали нисмо.

Перво дакле, штосмо чинити имали, было э то чамацъ опетъ поправити и на завоеванїе лаће мыслити. Капетанъ, коисе садъ съ нима сасвимъ поволи разговарати могао, баџїо э ныма ныно безчеловѣчно предвзятїе и злобу ныногa їоштъ далшега намѣренїя на очи, и какоћеду они напослѣдокъ башъ необходимо у нужду и неволю, и можетъ быти башъ на сама вѣшала доведени быти.

Онисусе сви врло раскаятелни показали, и молише сердечно за нынъ животъ. Штосе тога дотиче, рекао э онъ ныма, да они нису нѣгови, него Губернатора и властителя отъ острова робови. Онису мыслили, дасу ны на какову пусту Аду довели, али э Богъ изволїо, да то тако буде, дасу они нѣга на поселѣни островъ довели, и Губернаторъ башъ прави Англезъ быти мора. Онъ можетъ ни свїю обѣсити дати, ако само воля нѣгова буде, али э онъ

сви-

свима ныма пардонъ дао, то дакле намѣрава онъ свїю у Англїю послати, да онде прїимутъ награжденїе, коесу нына славна дѣла заслужила; кромѣ еднога Актїна, коему онъ на заповѣсть Губернера казати мора, дасе онъ къ смерти приправити имаде, ербоѣе онъ супра обѣшенъ быти.

Ако э онъ то башъ и све самъ измыслїо быо, то э ово опетъ желаемо дѣиствїе имало. Актїнъ э пао на колѣна и молїо э Капетана, да бы онъ толико милостивъ быо кодъ Губернатора за нѣга молити, да бы нѣму животъ поклонїо, и сви други молилису за волю Божїю, да ны Губернаторъ небы у Англїю послао.

Садъ э мени на паметъ дошло, да э време мога избавлѣнїя вечь кодъ куће, и даће врло ласно быти ове лупеже до шога склонити, дакеду они себе къ обладанїю лаће употребити дати. Ясамъ мећу тимъ отстрагу у мраку стаяо, да они видѣти небы могли, каковога страшнога Губернатора они имаду, и послѣ завнуосамъ Капетана къ себи. Кадсамъ викнуо, кое э у доста великомъ отдалѣнїю было, имао э еданъ отъ наши люди налогъ Капетану казати: Господинъ нына Ексцелленцїа Господинъ Губернаторъ васъ позиваю, и абїе отговорїо

э

э нѣму Капетанъ: Скажи ныной Ексцелленцїи, яћу абїе овай часъ на служби быти. Ово э ны іоштъ више у ныной мысли укрѣпило; и мыслилису сви вообще већь извѣстно, да э Губернаторъ съ 50 люди већь сасвимъ близу.

Кадъ э Капетанъ къ мени дошао, казаосамъ нѣму планъ намѣренїя мога лаћу завоеваши, кои э нѣму врло поволянъ быо, и абїе заключїосамъ нѣга слѣдующи данъ произвести.

Дабы дакле нѣга съ већимъ вѣжествомъ способности произвести, и доброга слѣдства сасвимъ извѣстни были, рекаосамъ я нѣму, да мы робове раздѣлити морамо. Онъ дакле да имаде онамо отићи, Акпїна и іоштъ найгору другу двоицу узеши и свезане у яму, гди и они другїи лежатъ, послати. Ово э было Петку и онима двоицы людма наложено, коису съ Капетаномъ на суво дошли.

Онису дакле ове у яму аки у тавницу отвели, али доиста и было э врло страшно мѣсто особито за люде нынога станя.

Оне друге заповѣдїосамъ къ моему лѣтнѣму мѣсту увеселенїя, какосамга називао, довести, о коемусамъ већь обилно описанїе учинїо. Да э ово мѣсто ограћено и

они

они свезани были, то э мѣсто дакле доста постояно было, и они и безъ тога ради свога обхожденїа моралисусе у паметъ узети.

Къ овима послаосамъ сутра данъ Капетана, дасе съ нима разговори и ны искуша, пакъ онда мени да кажетъ, немыслили онъ, дасе ныма повѣрити може съ нима къ лаћи поћи и таковую напасти. Онъ э съ ныма говорїо о увређенїю, коесу они нѣму учинили и о ныномъ садашнѣму состоянїю. Истина да э Губернаторъ ныма животъ поклонїо штосе садашнѣга преступлѣнїя допицало, аколи онъ ны у Англїю пошлѣтъ, тоћеду они башъ извѣстно сви обѣшени быти. Аколи они нѣму садъ у нѣговому праведному предвзятїю спомогателни будутъ лаћу опетъ завоевати, то хоће онъ дакле кодъ Губернатора издѣиствовати, да ныма ништа зло случитисе неће.

Ово лако представити можемо, како э радостно овай предлогъ отъ люди ныиога стања прїимлѣнъ быо. Онису пали сви предъ Капетаномъ на колѣна и обѣщалису съ страшномъ заклетвомъ, даћеду нѣму до капи крви вѣрни быти, и животъ свой аки даръ отъ нѣга почитовати, и съ нимъ до крайнѣ части свѣта поћи; и докле годъ

живутъ,

живутъ, хоћедуга за свога правилнога отца признавати.

Добро дакле! рекао э Капетанъ. Дакле я идемъ и принестићу то Губернатору, штосте вы мени сказали, да видимъ, штоћу учинити моћи, да бы нѣгово дозволеніе къ тому добити могао. Онъ э донео мени извѣстіе о наумнѣнію, у коему э ны нашао, и да онъ башъ извѣстно вѣруетъ, даћеду они вѣрни быти. Мы обаче дабысмо сасвимъ безбѣдни были, рекаосамъ я нѣму, да онъ іошћъ еданъ краљъ онамо къ ныма отиде, петорицу отъ ныхъ отдѣли: и ныма само толико скаже: да мы о людству никакова недостатка неймамо, то вы добро видите; яћу дакле ови 5 люди аки спомоћнике сасобомъ узети, Губернеръ обаче хоће ону двойцу и ону тройцу, коису већь као робови у градъ послани, на мѣсто овихъ 5: вѣрности ради у залогу удержати, акобысе ови усудили при нашемъ предвзятію невѣрность какову учинити, то дакле они петорица у залогу сѣдящіи поруцы хоћеду сви еданъ до другога живи на брегу обѣшени быти.

Ово э врло остри изгледъ имало и ны увѣрило, да Губернаторъ никакове шале непроводи. И међутимъ ныма никаково

друго средство нïе остало, нежели понуѣенѣ или предлогъ овай прïимити, и ово э како робовомъ, тако їоштъ выше Капетану на сердцу лежало и тиштало ону пепорицу преволети, дабысу они дужность свою вѣрно чинили.

Наша власть и сила къ нашему предвзятïю есть овако раздѣлена была 1) Капетанъ нѣговъ думенѣïа и онай путникъ 2) Затимъ она двоица робови отъ перве чете, коимасамъ я по увѣренïю Капетанову о честности ныной свободу даровао, и оружïе повѣрïо. 3) Она обадвоица друга, коесамъ досадъ у сѣницы моей свезане держао, али на рѣчь Капетанову освободïо. 4) Ова петорица, коису найпослѣ освобождени; тако да э ны 12 у числу было, кромѣ оныхъ, коису аки емцы у ями хранѣни были.

Ясамъ запитао Капетана, хоѣелисе онъ смѣти усудити съ | овимъ людствомъ на лаѣу ударити? ербо штосе Петка и мене дотицало, то дакле ради они 7: робова небы добро было, да и мы съ ныма поѣемо, и имаѣемо доста посла воспятствовати, дасе они заедно собрали небы, и ны съ средствами| препитанïя снабдѣвати.

Што-

Штосе оне петорице у ями дотицало, намыслїосамъ такове свезане держати; и Петко морао э ны 2: кратъ съ еломъ и пиħемъ снабдѣвати, и заповѣдїосамъ думенжїи и оному путнику, да они ело до нѣкоего извѣстнога мѣста донесу, гди э Петко то узео и робовомъ у яму уносити морао.

Было э у присутствїю Капетановомъ, кадсамъ я себе оной двоицы поруковъ первый кратъ показао, кои э ныма казао, дасамъ я оно лице, кое отъ Губернатора заповѣсть имаде на ны позорствовати, и да э воля Губернаторова, дасе они бездозволенїя мога съ мѣста кренути недерзну. Аколи они то усудитисе учине, тоħеду они абїе у градъ отведени и у гвожħе бачени быти. И будуħи да они мене никада аки Губернатора видѣти нису могли, тосамъ я дакле свагда къ ныма у другому виду долазїо, и при свакомъ способу съ ныма о власти Губернатора, о воинству и граду говорїо: и: т: д:

Капетанъ дакле садъ веħь никакове тягости предъ собомъ нїе имао, нежели обадва чамца приправити, рупу у оному другому запушити, и люде на нѣга уредити. Отъ онога другога чамца учинїо э онъ путника Капетаномъ и дао э нѣму 4: чело-

вѣка. А онъ самъ, нѣговъ думенжїа, и їошть петорица другихъ ушлису у другїй чамацъ. Онису ствари свое тако добро уредили, дасу башъ около полноћи къ лаћи дошли. Кадсу већь толико близу дошли были, дасу ны већь у лаћи чути могли, стао э Капетанъ къ ныма именемъ Робїнзонъ выкапи и казапи, дасу они люде нашли и у чамацъ довели, али э дуго траяло, доксу они ны нашли и т: д: и тако непреривно съ ныма спрдапи, докле годъ нису съ праве стране къ лаћи дошли. Овдесу скочили Капетанъ и нѣговъ думенћїа съ оружїемъ у рукахъ на лаћу горе, и абїе манѣга думенћїю, и дунћерина отъ лаће (шектора) кундакомъ отъ пушака утукли, при коемсу люди наши ы ма изрядно и вѣрно служили. Свїю другихъ, коису по крову лаће лежали, дочепалисусе они абїе, и башъ хотѣлису врапаоца отъ крова запворити и съ тимъ оне друге, койсу унутра были, задержапи, кадсу они изъ другога чамца съ преднѣ части лаће продрли, и преднѣ крѣпости и враша, коясу у кухиню водила, дочепалисе, и троицу люди, коесу онде нашли, заробили.

Кадсу съ тимъ готови блыи и на крову съ поля све свободно было, заповѣдїо э Капетанъ Думенћїи съ троицомъ людма у собу

собу продрети, гдїе новый Капетанъ спавао. Али э овай, кадъ э ларму чуо, већь устао быо, и себе їоштъ съ трима людма покрай себе съ оружїемъ снабдѣо. Кадъ э већь Думенћїа врата съ силомъ изставїо и на землю свалїо, бацїо э Капетанъ съ троицомъ свои люди ватру међу ны, ранїо э Думенћїю нашега и нѣму танетомъ скоро руку смрскао, и їоштъ двоицу нѣгови люди, али никога нїе на мѣсто убїо.

Думенћїа э за помоћь повыкао, и несматраюћи што э уязвлѣнъ, ушао э опетъ у собу унутра, и танетомъ изъ пиштоля новому Капетану тако главу протрескао, да э нѣму тане кое э на уста ушло, кодъ уха опетъ, на полѣ изишло, и онъ далѣ ни слова говореће къ земли погрузїося. Затимъ сви другїи предалисусе абїе, и лаћа э већь дѣйствително безъ изгублѣнїя выше люди преобладана была.

Како э лаћа овимъ начиномъ већь заробљѣна была, дао э Капетанъ 7 топопа аки међу нама уговорени знакъ побѣде опалити, коимъ э онъ мени о исходу предвзятїя вещи дати морао. Помыслити лако можемо, какосамъ я радостань быо знакъ овай чути башъ до 2: сата уютру на брегу стражећи и чекаюћи.

По-

Послѣ какосамъ ово знаменїе ясно чуо, легаосамъ спавати, а будући да э данъ овай за мене врло тежакъ и труда полнъ быо, спаваосамъ врло добро, докле нисамъ звукомъ отъ топа уплашенъ быо. Скочїосамъ абїе горе и чуемъ, да мене ткогодъ именемъ Губернаторе! Губернаторе! выче. Ясамъ абїе гласъ Капетановъ познао и попесамсе на брдашце, гди э онъ стаяо и рукомъ лађу показујући мене загрлїо. Драгоцѣнный друже и избавителю мой, рекао э онъ затимъ, онде э лађа ваша; ербо э она сасвимъ ваша, и све што э на лађи, и мы сви, и све есть ваше. Ясамъ абїе очи бацїо онамо, и усмотрїосамъ ю рецы едно полъ мїлѣ далеко отъ брега приставшу; ербосу они абїе, какосу лађу завоевали, мачке извукли, и будући да э лепо време было, у право спроћу наустїя малога убѣга опетъ мачке спустили и съ лађомъ стали, а Капетанъ, ербо э припливъ высоко ишао, съ своимъ малимъ чамцемъ близу онога мѣста, гдисамъ я первый кратъ съ моимъ сплавомъ дошао, и тако управо предъ мои врати стао.

Съ почетка быобысамъ скоро отъ ужаса и чуда у несвѣстицу пао; ербосамъ видѣо дѣйствително освобожденїе мое оче-

видно

видно у рукахъ, све къ тому готово и приправно, и велику лађу, коя э само на то очекивала мене повести онамо, куда я захтевати будемъ, и съ почетка нисамъ у состоянїю было за дуго времена ни едну речь проговорити; а кадъ э онъ мене на руке свое узео, держаосамсе добро за нѣга, иначебы доиста на землю пасти морао.

Онъ э страхъ мой абїе примѣтїо, и извадїо э флашу изъ жепа и мени лѣкарство за укрѣплѣнїе сердца дао, кое э онъ къ овому намѣренїю ссобомъ донео. Послѣ напитка овога сѣосамъ на землю и прошло э їошть доста часа, доксамъ опетъ кою рѣчь проговорити могао.

Цѣлога овога часа было э ова̀й добрїй мужъ како годъ и я изванъ себе, само што нїе тако у чуду было као я, и изговорїо э тысящу дружескихъ и прїятнихъ вещи мене разговорити и опетъ у совѣсть довеспи: али тако э велика и силна волна радости у персѣхъ моихъ была, да э она сва одушевлѣнїя моя у смущенїе довела. Напослѣдокъ протрглась она у саме грозне сузе, и ясамъ запимъ опетъ говорити почео.

Сэдсамъ я нѣга опетъ отъ мое стране умилно загрлїо, и то аки избавителя мога, и купно обадвоица чувствовалисмо не-

описану сладость радости. Ясамъ нѣму рекао, да я нѣга аки мужа, кои э отъ Бога самога мене освободити посланъ, почитуемъ, и цѣла вещь ништа друго, нежели порядокъ сами чудеса быти видится. И дасу овакове вещи, као штосу ове, явна свидѣтелства, коя мы отъ тайне деснице провидѣнїя имадемо, коя свѣтомъ влада и управля, и явно доказателство, да око безконечне власти и всемогућства, и у найсакривенїе затворе (уголъ) свѣта видитъ и проницаетъ, и бѣдному и страждущему помощь послати можетъ, како произволитъ.

Но я при свему нисамъ заборавїо сердце мое къ Богу благодарно возвысити. И коебы сердце изостављало было онога Бога славити, кои не само што э чудеснимъ начиномъ за еднога человѣка у оваковой пустыни и у оваковому бѣдному спаню попеченїе имао нѣга съ храномъ снабдѣвати, него о коему їоштъ и признати моramъ, да свако избавлѣнїе и помоћь отъ нѣга самога сасвимъ приходитъ?

Овако нѣко време еданъ съ другимъ забављаюћисе рекао э Капетанъ, да э нѣка мала укрѣплѣнїя за мене сасобомъ донео, каковихъ э на лађи имао, и коя ови бездѣлницы

ницы, доклесу они нѣгови Господари были, їошть опустили нису. Затимъ повыкао э гласно къ чамцу, и заповѣдїо своимъ людма, дабысу вещи, коесу за Губернера опредѣлене, на суво изнели. И доиста то э такови даръ быо, башъ као дабы я дѣйствителни какови Губернаторъ быо, а не онакови, коиѣе сь ныма поѣи, него непрестано на острову осташи и ны безъ себе оправитибы имао.

Перво, донесао э онъ едну флашу преизрядне мирисливе воде: (кордїалъ) 6 велики флаша медерскаго вїна свака отъ 2 мѣре, 2 фунте доброга дувана, 12 комада насолѣнаго говеѣега меса, и 6 комада свинскога меса, еданъ пунъ жакъ грашка, и рецы 100 фунти симипа.

Донесао э еданъ велики сандукъ шеѣера, еданъ бѣлога фїнога брашна, еданъ пунъ жакъ лїмуни, и їоштъ множество други вещи. Али преко тога їоштъ и што э мени тысящу крати милїе и дражїе нежели све проче было, што э онъ мени полъ туцета чисти и нови кошуля, 6: врло добри марама на вратъ 2: пара рукавица, еданъ паръ цыпела, еданъ шеширъ, еданъ паръ чарапа, и едне нѣгове халине донео, коесу їоштъ врло добре и мало ношене быле, сь еднимъ словомъ онъ э мене отъ главе до ногу одену.

Лако

Лако дакле помыслити можемо, каковъ э ово благодѣтелни и радостни даръ за еднога человѣка моега станя быти морао. Али у свѣту ништа гадніе, хапльвіе и неугоднїе нїе быти могло, нежели штосу ове халине мени быле, кадсамъ ихъ первый кратъ обукао.

Кадъ э вечь ова церемонїя прошла и све ове изрядне вещи у мое малое обиталище донешене быле, почелисмо совѣтъ держати, штоћемо съ робови, кое имадемо, чинити? ербо э доиста то и разсмотренія требовало, ели такове съ собомъ узети или не: особито двоица изъ мећу ны, о коимасмо знали, дасу неисправляеми и крайнѣ упорни и опаки были, и о коима э Капетанъ казао, дасу то онакови бездѣлницы, коисе никаковомъ добротомъ предобити немогутъ. И ако онъ ны съ собомъ узме, то дакле иначе быти неможе нежели у гвожћу и свези, дабы ны у первой Англійской коллони (поселѣнію) у руке земалской правди аки преступнике предали, видѣсамъ дакле, да и самъ Капетанъ отъ ны страха имаде.

Затимъ рекаосамъ нѣму, да ако онъ мени повѣри вещь, даћу я до тога довести моћи, даћеду они нѣга сами молити, и обо-

двоица

двоица ови люди, о коима онъ говори, овде на острову заостати. Тобы мени отъ свега сердца драго было, рекао э Капетанъ.

Добро дакле, яћу по ны послати и съ ныма у име твое говорити. Послаосамъ дакле Петка и она обадва порука (ербосу ови већь освобождени были зато, штосу содружницы ныни обѣщанїе свое исполнили) къ моей ями или подруму, и даосамъ они 5 люди онако, како штосу свезани были, къ моей сѣницы горе довести и ны тамо чувати, докле я онамо доћемъ.

Затимъ мало времена дошаосамъ я у моему новому одѣянїю онамо, и садъ опетъ називаосамсе Губернаторомъ, кадсмо већь сви собрани были и Капетанъ кодъ мене, даосамъ робове предъ себе довести и рекаосамъ ныма: я о вашему злобному и пакостному поступку спроћу вашега Капетана полно извѣстїе имадемъ, и знадемъ какосте съ лаћомъ побѣћи и їоштъ выше бездѣлїя и убїйства чинити хотѣли: Али э провидѣнїе то на другу страну обратило, дасте вы у ваше собствене замке уфаћени, и сами башъ у ону яму, коюсте другому копали, пали.

Ясамъ казао ныма, да э лаћа на заповѣсть мою удержана была, и да она предъ

бре-

брегомъ на мачки стоитъ, и даћеду они скоро видѣти, да э нынъ Капетанъ плаћу пріимїо, кою э бездѣлїе нѣгово заслужило, ербоћеду они нѣга на найгорнѣй мопки среднѣ капарке высяща видѣти.

Штосе васъ дотиче, радбы я дакле знати, што вы на противъ тога отговорити знадете, да я васъ небы башъ као у самому дѣлу уфаћене разбойнике обѣситидао; како што и сумнятисе неможете, да я власть къ тому имадемъ.

Еданъ отъ овихъ отговорїо э у име св.ю други, да они ништа далѣ неимаду казати, него кадсу заробљѣни были, да э Капетанъ ныма свима вообще животъ даровао, и сви дакле милости просятъ умилно. Но ясамъ ныма отговорїо, да незнамъ какову милость ныма указати имамъ: ербо штосе мене дотиче, ясамъ намѣренъ островъ съ свима моима людма изоставити и съ Капетаномъ у Англїю поћи: а штосе Капетана касаетъ, то онъ ны иначе неможетъ, нежели аки робове у гвожћу оковане у Англїю повести, и ныма тамо ради учињѣнѣ ребелїе и бѣжаня съ лаћомъ процесъ на вратъ бацыти, изъ чега, како што и вы нуждно знати морате, есу вѣшала неошаятелно слѣдство. Я дакле незнамъ, штобы за

ны

ны найболѣ было, ако они волѣ небы имали спасенїе свое овде на острову наћи. Ако то буде, тоѣе дакле за то быти, дабы я свободу имао ны овде оставити. И ако они тако мысле овде заостати, тобы и я кѣ тому склонѣнъ био ныма животъ поклонити. Онису сви ово съ великомъ благодарностїю признали, и рекоше, да хоћеду много радїе усудитисе овде остати, нежели себе у Англїю повести, и тамо обѣсити дати, дакле э то тако изостало.

Капетанъ э међу нимъ нѣко э тягости учинїо, аки да онъ ны овде небы оставити смѣо. На коесамъ я на Капетана себе мало сердита показао и нѣму рекао, дасу то мои а не нѣгови робови, и кадсамъ ныма веђь толико милости обѣщао, то хоћу дакле и рѣчь мою да одержимъ. Недопаднелисе нѣму ово позволѣти, тоћу я ны абїе у свободу ставити, како штосамъ ихъ и нашао, и ако нѣму и то по воли нїе, онда можетъ ихъ онъ опетъ у робство узети, али ево питаня, ако ихъ уфатити можетъ.

Овдесу они сви себе врло благодарне показали, и ясамъ свима свободу даровао и заповѣдїосамъ, дасе они у шуми сви на оно мѣсто соберу, откудсу и дошли, и яћу имъ оружїе съ барутомъ и оловомъ, и нѣ-

ка

ка упутствованїя оставити, какоћеду они овде сасвимъ добро живити моћи, само ако хотели буду.

Затимъ приправїосамъ себе сасвимъ на лађу поћи, казаосамъ обаче Капетану, дађу я їоштъ ову ноћь овде остати, дабы све вещи мое уредити могао, а онъ да идетъ на лађу све тамо уредити, и сутра уютру по мене чамацъ овамо послати, и такожде међу тимъ новаго Капетана на лађи обћесити дати, дабы нћга сви другїи видћти могли.

Кадъ э Капетанъ отишао, даосамъ я ны опетъ свїю у мое обиталище собрати и упустїосамсе сђ ныма у постояни разговорђ о ныному стаю. Рекаосамъ ныма, менисе чини, дабы ово, штосамъ казао, ныно найлепше избранїе было, ербо доиспа ако Капетанъ ны сђ собомъ отведе, то мораю они башъ извћстно висћти: показаосамъ ныма затимъ нынога Капетана на лађи обћшена, и рекаосамъ, да и они то исто безсумнћ очекивати имутъ.

Кадсу они већь сви свою готовостъ овде изостати изяснили, рекаосамъ ныма, дађу имъ нћка извћстїя о моему овде бывшему животу, и средства на руку дати, какоћеду животъ свой овде врло угоданъ учинити

Ова
Кнѣвіта
принадлежіи
Андрiи Лекунiта





Binder sc.

Отшествїе изъ Острова.

нити моћи. Исказаосамъ ныма цѣлу повѣсть и качество овога мѣста, мое овде дошествіе, града мога строеніе, начинъ какосамъ хлѣбъ пекао, грожђе сушіо, кратко, све што э годъ ныма отъ потребе овде сасвимъ угодно живѣти моћи. Такожде казаосамъ ныма повѣсть о онихъ 16 Шпанїеровъ, кое они овде очекивати имутъ; за коесамъ я овде писмо оставїо и съ коимсу они мени торжествено обѣщати морали братски и единодушно живѣти.

Оставїосамъ ныма такожде све мое оружіе, то есть 5 мушкети, 3 птичарице и 3 меча съ еднимъ буренцетомъ барута, коесе їоштъ нашло, ербо послѣ перве 2 године верлосамъ мало барута требовао и о свемусамъ ныма добаръ совѣтъ дао.

Кратко да рекнемъ: ясамъ ныма цѣлу повѣсть живота мога исказао и обѣщао ныма, даћу Капетану говорити, дабы онъ ныма їоштъ 2 буренца барута и што годъ башченога сѣмена оставїо, даосамъ ныма такожде и онай жакъ грашка, кога э мени Капетанъ за ело донео, и наложїосамъ ныма таковъ сѣяти и умножавати.

Послѣ како э то све овде совершено было, оставїосамъ я ны другїй данъ на острову, и отишаосамъ на лађу. Съ почешка

хоте-

хотелисмо абїе пловити, но и ову ноћь їошть неизвукосмо мачке. Слѣдующи данъ врло рано допливалису двоица отъ оны петорица, коису на острову остали къ лаћи, и почелисусе о онима троицы врло тужити, и молилису за волю Божїю, дабысмо ихъ на лаћу прїимили, ербоћеду ихъ она троица цѣло убити.

Капетанъ э себе показао, аки да небы то безъ мене у нѣговой власти было, обаче какосу они свято исправлѣнїе обѣщали, былису прїимлѣни, и послѣ запимъ живо бапинама бїени, крозъ воду вучени были, за коимъ ови раскошницы послѣ сасвимъ честно и мирно владалисусе.

Послѣ нѣкоего времена пошаосамъ у време приплива съ онима обѣщанима вещма на чамцу къ брегу, къ чему э їошть и Капетанъ на мое прошенїе ныне сандуке и халине издао, и коесу они съ великомъ благодарностїю прїимили. Ясамъ ны бодрости напоїо говорећи ныма, акосе способъ случи, да я ныма лаћу послати могу, коябы ны прїимила, то я ны заборавити нећу.

Кадсамъ веће разлученїе отъ острова мога узео, донеосамъ такожде велику отъ козіе коже капу, коюсамъ начинїо, мою солнечну обрану, и еднога моихъ папагаевъ

аки

аки свяше мощи воспоминанїя на лађу; такожде нисамъ и новце узети заборавїо, о коимсамъ горе сказао, и коису толико дуго време сви кодъ мене неполезни лежали, дасу већь сасвимъ захерђали и поплѣснивили и едва выше за сребро познавати были, докле годъ я ны нисамъ малко протрео и очистїо, при томсу были и они новцы, коесамъ на Шпанской лађи нашао.

И тако изоставїосамъ овай островъ 19 Декемврїа (како штосамъ у лађарскому брою нашао 1686: на коемусамъ 28: лѣта 2: мѣсеца и 19: дана живїо, и наимено изишаосамъ изъ овога второга робства у онай исти данъ мѣсеца, у коемусамъ на барки изъ *Салее* отъ морскога харамїе побѣгао.

У овой лађи дошаосамъ послѣ долгога путешествїя 11го Іунїа лѣта 1687: у Англїю послѣ 35: лѣтнога отсутствїя.

Кадсамъ у Англїю дошао, быосамъ свакому странъ, аки да небы овде никада никому познанъ нибыо. Моя благодѣтелница и вѣрна хранителница, коейсамъ я новце мое повѣрїо, живила э їошть, али э и велику несрећу у свѣту претрпила, была э већь други кратъ удовицомъ и врло у нищету пала. Ясамъ ню тога ради што э она мени дужна полно утѣшїо, и рекао, да она о томъ ни-

 какове

какове бриге неима, ясамъ ей много више изъ благодарности за нѣзино пређашнѣ попеченїе и вѣрность спрећу мене, колико э годъ мой мали капїталъ допустїо, помогао, кои э доиста їошть онда врло маленъ био. Увѣрїосамъ ню обаче, да я нѣзину пређашню доброту спрећу мене никада заборавити нећу. Кое башъ и дѣйствително заборавїо нисамъ, какосамъ я већь доволно имао, да ей помоћи могу, коећу на надлежащему мѣсту сказати.

Затимъ отишаосамъ у *Іоркъ Сїръ*, али родители мои и цѣла фамїлїа већсу сви изумерли были, до 2: сетре и двое дѣце мое браће, коесамъ у животу застао: и будући дасу мене већь отдавно за мертва држали, и на мене отнюдъ ништа нїе броено, тако дакле да нисамъ нинайманѣ помоћи или укрѣплѣнїя за себе нашао; и оно мало новаца штосамъ їошть имао, нїе доволно досягнути могло мене у свѣту подигнути.

Истина добїосамъ нѣку пробу благодарности, кою доиста очекивао нисамъ. Лаће Капетанъ, когасамъ я тако щастно отъ штете освободїо, и коегосамъ лаћу я и нѣзинъ товаръ различними предузетими средствами полно избавїо, дао э притяжапелѣмъ преизрядно извѣстїе о начину и по-

ступ-

ступку, коимсамъ я лађу и на ей животъ находящагося людства спасао, дасу они мене къ ныма доћи замолили, и мени їоштъ съ другима купцы, коису при томъ користъ имали, не само велику похвалу о овой благощастно произведеной побѣди, него їоштъ и лепъ даръ отъ 200 фунти Штерлїнговъ поклонили.

Послѣ какосамъ я различна разсмотренїя о стаю мога живота учинїо, и како мало све ово мени помоћи можетъ у свѣту опетъ дигнутисе: заключїосамъ дакле путешествїе *у Лїзабону* учинити, да видимъ, не были каково извѣстїе о стаю мога сада у Бразилїи и штосе съ моимъ ортакомъ случило, добити могао, кои э мене већъ отъ много година безъ сумнѣ за мертва держао.

У овому намѣренїю отишаосамъ дакле у *Лїзабону*, гдисамъ слѣдующега мѣсеца Апрїлла дошао. Мой храбри Петко свудъ э самномъ путовао, и у свима способи вѣрнѣйшій слуга показиваосе.

Кадсамъ већъ у Лїзабону дашао, нашаосамъ распитиваюћи на мою велику радостъ мога старога благодѣтеля Капетана, кои э мене при брегахъ Афрїканскихъ къ себи на лађу прїимїо. Онъ э већъ доста остарїо быо, отъ морскога живота престао

и лаћу сыну своему, кои такожде нїе отвише младъ быо, предао, и кои э їоштъ свагда Бразїлїанску терговину водїо. Насъ двойца едва шпосмо еданъ другога познати могли; алисе онъ опетъ мене скоро опоменуо, кадсамъ я нѣму казао, ткосамъ я.

Послѣ нѣки сердечни поздравлѣнїя нашега старога познанства извѣстїосамсе я скоро, како шпосе лако мыслити може, о моему саду и моему ортаку. Овай стари мужь рекао э мени, да већь отъ 9. година скоро у Бразїлїи нїе быо, него то може казати, да кадъ э онъ послѣдни кратъ отонудъ пошао, да э нѣга онде їоштъ у животу оставїо; но обадвоица мое части надзиратели, коюсамъ я ныма дао, есу умерли. Међу тимъ надасе онъ, даћу я опетъ врло добаръ гласъ о расплодѣнїю и напредку мога сада чути. Ербо на обще разширении гласъ, дасамъ я кораблѣкрушенїе терпїо и удавлѣнъ быо, дасу онда отъ нѣга поставлѣни надзиратели хесапъ о приходу мое части у саду Кралѣвскому хесапћїи (численику) дали, и овай э у случаю, да ако я никада више натраґъ небы дошао и право на то учинїо, едну трећу часть отъ тако-вога Кралю дати, а оне друге две части Августинскому манастиру, да бы за помо-

ћь

ѣь сирота и за обращенїе Индїановъ у Каѳолїчески законъ употребили. Али како бы я или ткогодъ отъ моихъ появїосе и право на то учинїо, то бы ове две части опетъ абїе попунѣне быле, само окромъ годишнихъ Интересовъ, кои э на Богоугодный путь употреблѣнъ быо. Али э онъ мене увѣрїо, дасу кралѣвски земни хесапѣїа и монастирскїй туторъ и хесапѣїа прекоцѣлога овога времена велику бригу носили; годишнѣ вѣрно и правый хесапъ о приходу мое части издавати морали, отъ чегасу такожде готовъ новацъ свагда исправно исплаѣено прїимали. Запитаосамъ нѣга, незнали онъ мени казати, коликосе вѣѣь садъ мой умножити могао, и мыслили онъ, ели то труда заслужава запимъ мотрити, и нѣули я, ако онамо отидемъ, какова препятствїя къ притяжанїю мога правилнога наслѣдїя о половици наѣи?

Колико э много, предначео э онъ далѣ, садъ преуспѣо, то онъ башъ истино сказати не можетъ, али толико добро знаде, да э мой содружникъ отъ оне друге половине, коюэ онъ самъ у живао, сасвимъ и чрезвичайно богатъ постао, и да э онъ, коликосе опоменути можетъ, чуо, како э она треѣа часть кралѣва отъ мога участїя,

стїя, коя э опетъ другому монастиру дата, на 200 годишнихъ Мідоровъ износила. Н могули я мирно къ притажанію мое части доћи, то не бы никакови вопросъ ни быо, єрбо э ортакъ мой їоштъ живїо, кои бы правилно наслѣдїе мое освѣдочити могао, а и кромѣ тога морало э име мое у земному регїстру записано быти. Казаоми э такожде и то, дасу наслѣдници моихъ обадвоице бывшихъ надзирателя врло честни и богати люди, и онъ мысли, да не само штоћеду они спомогателни быти мене у притяжаніе увести, него даћу я їоштъ и обылну сумму новаца за мой хесапъ у руку ныни наћи, како годъ и приходъ отъ кирїе, кои є, доклесу їоштъ родители ныни живи были, ныма преће 12 година, колико се онъ опоминѣ, преданъ быо.

Ясамъ себе о овомъ удивителна и неудоволна показао, и запитаосамъ старога Капетана, како э то быти могло, дасу надзирателисъ моимъ добромъ тако играписе могли, на коесамъ я, како што онъ знаде, тестаментъ уредїо, и нѣга самога португискога Капетана за мога главнога наслѣдника поставїо?

То есть истина, рекао э онъ; али да моя смерть извѣспна нїе была, то дакле

нїе

нїе ни онъ могао съ тестаментомъ као властникъ поступити, доклесе годъ башъ извѣстно небы дазнало, да я више у животу нисамъ. Онъ э такожде тестаментъ мой написати дао, и на нѣга право учинїо, и кадбы онъ быо извѣстни гласъ о животу или смерти моей добити могао, то бы онъ Инженїю (тако називаю Португалцы и Шпанїери шећерну воденицу) чрезъ полномоћнике у притяжанїе узео, и нѣговому садъ у Бразїлїи живућему сыну то учинити заповѣсть дао.

Али предначео э овай стари мужь, їошћъ едну новину имамъ вамъ казати, коя вамъ можетъ быти неће тако угодна бити, као што э проче было. Вашъ орћакъ и ваши надзиратели наимено вѣруюћи као и савъ прочи свѣтъ, дасте вы већь мертви, предложилису мени у име ваше приходъ 6. или 8. перви година прорачунити, и есу мени исплатили; и будући да э дѣло онда велике расходе изискивало (ербо э валяло шећерну воденицу созидати и робове купити) то дакле нїе задуго онако велики быти могао, као што э послѣ было. Но међу тимъ хоћу я вамъ о свему, штосамъ годъ прїимїо и на штосамъ прїимљѣно употребїо, хесапъ дати.

Послѣ

Послѣ нѣколико дана донесао э мени овай честни пріятель исчисленіе о приходу перви 6. година отъ мога сада моега ортака и сонадзирателей подписанъ. Издатокъ земни быо э свагда у добру и хеспапу, то есть дуванъ у балама, шећерь у сандуцы, слатка ракія, сирупъ и прочая: као полза и користь шећернихъ садовъ, и видіосамъ изъ овога хесапа, да э приходъ сваке године обилно приращавао. Али како што э Капетанъ казао, да э расходъ съ почетка великъ быо, то э дакле и приходъ доста маленъ быши морао. Но преко свега казао э мени мои добри стараць, да э онъ мени іошть 470 Мідора дужанъ, и іошть кромѣ тога бо: сандука шећера и 15 сугубы бала дувана, кое э съ нѣговомъ лаћомъ пропало, кадъ э онъ около 11. година мога отсутствія при нѣговомъ дома возвращенію у Лізабони кораблѣкрушеніе терпіо.

Затимъ извадіо э едну стару кесу, и дао э меии 200 Португиски Мідора у злату равно съ писменимъ изясненіемъ аки соучастника на нѣговомъ и нѣговога у Бразіліи находящагося сына лаћеному участію, аки полно увѣреніе ради оставшега, што ми іошть дужанъ остае.

Ясамъ

Ясамъ доиста о честности и дружеству овога нищега мужа верло и возбудително сожалѣнъ быо, нежели да бы то отерпѣти могао. И кадсамсе опоменуо, шта э овай человѣкъ за мене учинїо, и како э онъ мене милостиво и искрено у сви способи предсрѣтао, а особито каковъ э онъ честни и прїятни другъ и садъ спроћу мене быо, едвасамъ себе о томъ, што э онъ мени исказао, отъ плача удержати могао. Запитаосамъ нѣга найпре, ели садашнѣ станѣ нѣгово дозволява толико наваца безъ какове нѣгове теготе издати? Нѣчто мало теготно, рекао э онъ, морамъ истину сказати; но међутимъ туђису новци, и яћу ны можетъ быти їоштъ нуждніе требовати, нежели онъ самъ.

Све што э годъ овай честни старацъ говорїо, было э крайнѣ сожалително, и едвасамъ нѣга безъ плача слушати могао, кадъ э онъ говорїо. Кратко, узеосамъ 100 Мїдоровъ, и заискаосамъ мастило и перо нѣму квїту о томъ дати. Затимъ даосамъ нѣму остало натрагъ и рекаосамъ, ако я икада у притяжанїе моега сада и добра дођемъ, тоћу я нѣму доиста и ово све опетъ возвратити, како штосамъ послѣ башъ и дѣиствително учинїо. А преписку

ради

ради участїя нѣговога сына на лаћи ни-коимъ начиномъ узети нисамъ хтео. Ако я новаца потребовати будемъ, рекаосамъ я, то знамъ, даће онъ толико честанъ быти и мене исплатити, аколи неузтребуемъ и тако срећанъ будемъ, до онога, о чему онъ мени надежду даетъ, доћи, то я отъ нѣга никада више ни еднога грошића прїимити нећу.

Кадъ э то већь прошло было, запитао э мене добри стараць, смѣли онъ мени казати, што я чинити имамъ, да бы наслѣдіе и право на моему саду одержао? рекаосамъ нѣму, да бы найболѣ средство было, да я самъ онамо отидемъ. То я учинити могу ако хоћу, рекао э онъ; аколи нећу, то имаде и кромѣ тога средстви доволно моя права удержати, и себи приходъ непосредствено приобщити и на мою ползу употребити. И будући дасу башъ лаће предъ Лїсабономъ у Бразїлїю пловити готове лежале, дао э онъ име мое у явни Регїстеръ увести съ своимъ присягнутимъ свидѣтелствомъ, да я їоштъ у животу и оно исто лице есмь, кое э за уреждење реченога сада найпре Кралѣвске землѣ купило.

Послѣ

После како э све ово отъ еднога Нотаріуса потверждено и къ тому їошть полномоцїе приложено было, рекао э онъ мени, све ово їошть съ еднимъ отъ нѣгове руке писмомъ на нѣкога купца у мѣсту, кога э онъ познавао, послати, и учиніо э мени затимъ понуѣенѣ кодъ нѣга толико дуго остати, докле годъ о томъ извѣстїе натрагъ не доѣе.

Ништо честнїе помыслитисе нїе могло, нежели цѣли поступокъ на ово полномоцїе. Ербо преѣе нежели што э 7. мѣсеци прошло, добїосамъ я отъ наслѣдниковъ моихъ сонадзирателей, то есть онога терговца, на коегосамъ трошакъ я на море отишао, велику свезку, у коейсамъ слѣдующа писма и папїре нашао.

Перво: цѣли и полни хесапъ о приходу Кїрїе мога сада отъ онога лѣта, кадсу отцеви ныни съ моимъ старимъ Португискимъ Капетаномъ на 6. година уговоръ заключили; и послѣ овога хесапа остало э за мене 1174. Мїдоровъ.

Второ: Хесапъ отъ 4 године, доклесу їошть ствари у свои руку держали, преѣе нежели што э власть управлѣнїе аки отъ добра еднога изгублѣнога человѣка на себе прїимила, и будуѣи дасе сумма о моему

му участїю отъ онихъ мѣшутимъ умноженихъ приходовъ отъ сада на 3241 Мїдоровъ относила.

Треће: Хесапъ отъ Пріора (Игумена) Аvгустинскога Монастира, кои э користъ и ползу већь 14. година уживао; а будући да онъ нїе у состоянїю было хесапъ учинити, колико э на болницу (шпїталъ) употребїо, себе опетъ честно изяснїо, да э їоштъ 872 Мїдоровъ пріимїо, кое їоштъ нїе раздѣлїо, и кое э онъ за мой хесапъ оставїо: штосе э обаче Кралѣвскога участія дотицало, отъ тога нїе ништа повраћено.

Была э такожде една посланица отъ мога орпака приложена, кои э мени сердечно щастїе желїо, дасамъ я їоштъ у животу; и мени извѣстїе дао, какосе добро поправило и колико э годишнѣ доносило, їоштъ и съ особнимъ назначенїемъ свакога юпра землѣ, кое э къ тому принадлежало; како э раћено, и колико э робова о томъ пословало и проч. И послѣ како э 22 креста назначїо, явїо э мени, да э равно толико и Богородицедѣво очитао, да бы пречистой дѣви благодарїо, што э она мени животъ сачувала, такожде и позваоме врло молително, дабысамъ онамо дошао, и мое добро у мою власть узео, и мѣшутимъ нѣму запо-

повѣ-

повѣсть послао, да бы онъ добра моя предуговорити могао, ако я скоро доћи небы могао, и заключїо э съ сердечнимъ своимъ и нѣгове цѣле фамїлїе почитанїемъ писмо. Ово э писмо такожде съ даромъ отъ 7 Леопардскихъ кожа украшено было, кое э онъ, какосамъ я мыслїо, изъ Афрїке преко друге онамо послате лаће, коя э срећнїе путешествїе имала, нежели я, добїо. Послаомїе такожде 5. сандука пуне израднога конфекта и 100. комада у цѣлости и нѣчто маћѣ отъ Мїдоровъ.

Съ овомъ истомъ флоттомъ послалису такожде и они обадвоица купци мои уреждени надзиратели 1200 сандука шећера, 800 бала дувана, и проче отъ цѣлога хесапа у злату.

Садсамъ башъ истинито казати могао, да э послѣдокъ Іова быо болi, нежели почетакъ. Неможесе описати, како э мени при прочитанїи овога писма сердце играло, а особито кадсамъ я сва моя богатства тако окрестъ себе видѣо. Ербо дасу Бразїлске лаће тако све у дружству дошле, тосамъ я дакле чрезъ ове исте лаће, коесу мени писма донеле, такожде и добра моя добїо, и овесу већъ невредиме преће у Тагусъ дошле, нежели шпосамъ я посланице

у

у руке добїо. Кратко побледїосамъ и скоро да у несвестицу паднемъ, и кадъ не бы овай добри человѣкъ спѣшећи съ сердечнимъ средствомъ укрѣплѣнїя мени на помоћь дошао быо, мыслїосамъ, ова изненада пришедша радость былабы естество мое надвладала, и я бы на мѣсту мертавъ остати морао.

Но їошъ и послѣ тога нѣколико сати было э мени врло зло, доклесу по лѣкара послали, кои, кадъ э праву причину мое болести разумѣо, мени абїе кровь пустїо, закоимсамъ я облегчанїя осѣтїо и болѣ быо; али доиста кадъ мени овимъ начиномъ не бы штогодъ помогнуто было, то бы я башъ и послѣ скоро умрети морао.

Ясамъ садъ већь Господинъ отъ 50000 фунти штерлинговъ постао у злату, и имаосамъ велико добро, како шпосамъ нѣга и назвати могао, у Бразїлїи, кое э 1000 фунти на годину доносило, и тако стално и безбѣдно было, како годъ и каковъ спаилукъ гди годъ у Англїи, съ еднимъ словомъ, ясамъ себе садъ у онаковому стаю видѣо, кое и самъ постигнути нисамъ могао, какосамъ у нѣга дошао, или какобысе у уживаню таковога наћи могао.

Перво

Перво штосамъ учинїо, было э награжденїе мога благодѣтеля, комесамъ отъ почетка за све благодарити имао, мога доброга старога Капетана, коисе у моей великой нужди спроћу мене сожалителанъ, и благъ у почетку, и честанъ и искренъ на концу показао; рекаосамъ нѣму, да я съ провидѣнїемъ Божїимъ, кое сасвими вещми управля, за мое цѣлое щастїе никому другому нежели нѣму самому благодарити имамъ, и да я садъ, како штосамъ отдавно желїо, у моей власти имамъ нѣму стократно све возвратити, кое и учинити хоћу. Найпре даосамъ нѣму они 100 Мїдора, коесамъ отъ нѣга прїимїо; затимъ послаосамъ по Нотарїюса и даосамъ нѣму главно отпущенїе или Квїту отъ они 470 Мїдоровъ, коихъ э онъ мени дужанъ быти признао, на совершени и крѣпки начинъ написати; пакъ послѣ даосамъ полномощїе сочинити, коимсамъ я нѣга за Господина и и прїемника моихъ годишнихъ приходовъ отъ мога сада наименовао, и моему ортаку даосамъ на знанѣ нѣму хесапъ отдавати и приходъ на обикновенной флоти у мое име на нѣга пошиляти, їоштъ съ придатомъ клаузуломъ, (вмѣстителномъ) да онъ, докле э годъ живъ, отъ мога добра 100

Мї-

Мїдоровъ и послѣ нѣга сынъ нѣговъ такожде 50; прїимати имаде: и такосамъ квїтїрао мога незаборавлѣнаго и любезнаго старца о свему.

Садсамъ мыслити имао, кудаћу путь мой предузети, и штоћу съ овимъ добромъ, кога э мени провидѣнїе Божїе оваковимъ начиномъ у руке дало, започети? и доиста то э мени више бриге учинило, нежели штосамъ у моему самоћному животу на острову имао, гди ништа више нисамъ потребовао, нежели штосамъ имао, и ништа више имао, нежели штосамъ потребовао: али садсамъ већъ тако велико бреме на себи имао, и мораосамъ затимъ мыслити, какоћу то у безбѣдность донести. Садъ нисамъ имао яму, у коюбы новце мое сакрїо, или каково друго мѣсто, гди бы оны безъ браве и ключа лежати, захрѣати и поплеснивити могли, нежели дабысе ткогодъ о томъ побринуо: садъ доиста знао иисамъ, гдићу ихъ метнути, или кому ихъ вовѣрити имамъ; едно прибѣжище, коесамъ їошъ имао, быо э стари Капетанъ, о коегосамъ честности я башъ полно увѣренъ быо.

Абїе затимъ учинимисе, да полза моя мене у Бразїлїю поћи позива, али я о томъ

їошъ

іоштъ мыслити нисамъ могао тамо поћи, докле годъ дѣла моя несовершимъ и добро мое у безбѣдности неоставимъ. Съ почетка мыслїосамъ на мою стару удову прїятелицу, на коея честность и искренность спроћу мене, као штосамъ знао, ослонитибысе могао: али э она была већь врло стара и тако сиротна, и коликосамъ я знао, дугомъ обтерећена; съ еднимъ словомъ нїе никаково друго средство за мене остало, нежели башъ самъ у Англїю натрагъ поћи и добро мое сасобомъ понести.

Но међу тимъ прошло э опетъ нѣколико мѣсеци, доклесамъ себе къ тому преволѣти могао. И међу тимъ стаосамъ такожде, кадсамъ већь мога первога благодѣтеля Капетана полно къ нѣговому удовольствїю наградїо, о томъ мыслити мою бѣдну удовицу такожде съ награжденїемъ помоћи, коея мужь мой перви благодѣтель, и она, докле э годъ у власти нѣзиной было, моя вѣрна управителница и учителница была. Перво штосамъ затимъ учинїо, было э, дасамъ я на еднога Лїзабонскога терговца нѣговога содружника писати дао, нїози несамо векслу исплатити, него ню їоштъ и потражити, ей у име мое у готову новцу 100. фунти штерлинговъ да-

ти, и съ нїомъ самомъ башъ говорити, и у нѣзиной бѣди и нищети ню съ тимъ утѣшити, да я, ако живъ будемъ, за ню такожде и у напредакъ старатисе хоћу. У то исто време послаосамъ моимъ обадвема сестрама, кое истина да нису никакове нужде терпиле, али нису башъ ни у найболѣму стаю были, свакой по 100. фунти штерлинговъ. Една отъ ови была э удовица, а друга имала э мужа, кои ню нїе башъ найлепше предерѣтао.

Изъ међу свїю мои сродника и познаника нисамъ могао ни еднога изнаћи, коему бысе усудїо капїталъ мой вовѣрити, дабы у Бразїлїю поћи, и такови безъ бриге остати могао: кое э мени много немира проузроковало.

Добїосамъ волю у Бразїлїю отићи и себе, будићи дасамъ и безъ тога тамо окућенъ био, онде утемелити, али нѣке препоне ради закона, коесу у мени были и о коимаћу я їошћъ выше говорити, удержалесу мене примѣтително. отъ овога намѣренїя. Засадъ башъ нїе законъ био, кои э мене отъ тога удержавао онамо поћи, ербо како што я изъ тога никаковога размышлѣнїя чинїо нисамъ отъ закона землѣ оне яванъ быти, коликосамъ дуго онде био, то дакле нисадъ ни-

нисамъ отъ тога ништа мыслїо, но међу тимъ мысліосамъ отъ нѣкоего времена честно о томъ; као и пређе, и кадсамъ на то помыслїо, да я међу ныма живити и умрети имамъ, ондасамсе почео раскаяваши, дасамъ себе за Римо Каѳолїка издао, и мысліосамъ, да то нїе башъ найболи законъ, у коему умрети валя.

Али засадъ башъ да рекнемъ, нїе то главни узрокъ было, кои э мене удержавяо, да я у Бразїлїю небы отишао, него да я башъ дѣйствително знао нисамъ, кому я мой Капїталъ вовѣрити имамъ. И тако э дакле при заключенїю остало у Англїю поћи, гдисамъ я о пришествїю моему мое какове годъ сроднике наћи надаосе, коибысу мени вѣрни были, дакле приправїосамъ себе сь цѣлимъ моимъ добромъ къ путешествїю у Англїю готова.

Дабы обаче све їошт на предъ у пристойность довео, заключїосамъ, ербо Бразилїанска флота опетъ онамо ићи хотяше, правилна и вѣрна извѣстїя и хесапе, коясамъ отонуду добїо, пристойно отговорити. Писаосамъ наипре Игумену Августїнскога Монастира писмо полно сердачне благодарности за нѣгово праведно поступленїе и за издатокъ отъ 872 мїдоровъ,

кое онъ їошть нїе издао быо, и отъ коихсамъ нѣга замолїо 500 Монастиру и 372 по нѣговому мнѣнїю нищимъ и убогимъ раздѣлити, при чему равно и себе молитви добрыхъ отцевъ препоручити нисамъ заборавїо.

За тимъ писаосамъ такожде и моимъ сонадзирателемъ благодарствену посланицу тако обвязателно, коликое годъ она почитанїя пристойности и честности изискивала. Дарова никакови, ербо такови ни требовали нису, нисамъ ныма послао.

Напослѣдокъ писаосамъ такожде и моему орпаку, учинїосамъ нѣму благодарность за нѣгово прилѣжанїе, сь коимъ э садове поправїо и нѣгову честность о умноженїю главнога добра, даосамъ нѣму такожде извѣстїе ради далшега управлѣнїя на моему талу по указу моему старому Капетану даннаго полномощїя, и на нѣга све, што годъ принадлежи, пошиляти, докле годъ онъ отъ мене далю наредбу нечуетъ, и увѣрїосамъ нѣга при томъ, да намѣреніе мое нїе само онамо доћи, него їошть и на цѣли остатокъ мога живота тамо окућиписе. Овой посланицы приложїосамъ еданъ честни даръ отъ нѣколико комада Талїанскога свилена-га матерїяла за нѣгову Госпожу и дщери,

ербо

(ербо да э онъ девояка имао, чуосамъ отъ Капетановога сына) съ двима комади найлепше Англїйске чое, коесамъ у Лїзабони добити могао, 5 комада церне кадїфе и нѣколико драгоцѣне брабантске златне чипке.

Кадсамъ већь овимъ начиномъ све вещи мое у исправность ставїо, товаръ мой платїо, и савъ мой хесапъ у добре измѣне посланице премѣнїо, быо э дакле вопросъ, кои я путь у Англїю предузети имамъ? и коликосамъ врло къ морю привикнуо быо, по садашни кратъ имаосамъ особно омерзѣние водомъ у Англїю неићи, башъ ако отъ тога и причину никакову доказати могу, но оно э тако велико было, да я, акосамъ већь сшвари мое на лађу и донео быо, опетъ намѣренїе мое и два и три кратъ премѣнїо.

Можетъ быти, да э то къ тому причина была, штосамъ я већь доволно на морю несрећанъ быо, но я опетъ повторавамъ, штосамъ горе рекао, нишко да не презираетъ крѣпко побужденїе своихъ собственихъ мнѣнїяхъ у падежахъ овакове важности. Две отъ они лађи, коесамъ я избрао быо, наимено выше, нежели друге, у едну вещи мое натоварити, а у другой съ лађаромъ мое персоне ради погодбу учинити,

нити, ове обадве лађе былесу несрећне, ербо э една отъ Англійски морски харамія отята и обладана, а друга разбиласе на тако называему мѣсту Штартъ, или сакривенима седрама кодъ Торбаїа, и сви люди подавилисе, тако дакле, дабы я на свакой овой лађи (на коей већма, тешкосе можетъ сказати) крайнѣ нещастанъ быо.

Овако себе собственима мыслима мучећи наваліо э мой стари Капетанъ, коемусамъ све повѣріо, башъ озбилски на мене водомъ у Англію неићи, него или сувимъ у Гроїну савитка отъ Бічкаїе до Рошела, откуда э послѣ врло лако путешествіе у Галаисъ и Доверъ, или Мадрідъ узети и тако цѣли путь преко Француске сувимъ учинити.

И будући да я и безъ тога пропиво свакога воденога пута кромѣ: отъ Галайса у Доверъ: преволѣнъ быосамъ, заключіосамъ дакле твердо цѣли путь преко сува учинити, и я неспѣшећи и трошкова не штедећи при томсамъ остао, и овай путь быо э врло пріятанъ и угоданъ. Дабы мени овай путь іошт ъ красніи и угодніи учинѣнъ быо, довео э мени мой стари Капетанъ еднога младога Англеза сына нѣкоего у Лїзабони живущега Англійскога купца, кои э радъ быо са-

самномъ путовати. И кромѣ овога прибавилисмо мы іошть двоицу Англїйски терговаца и два Португїйска млада Господина (отъ коихъ э еданъ само до Паріза съ нами путоваши хотѣо) тако да насъ у дружству 6 и 5 служителя бяше, ербо она обадвоица терговцы, и обадвоица Португизи послуживалисусе парь и парь съ еднимъ служителѣмъ, дабысу штогодъ трошка ушшедили, ясамъ обаче іошть еднога Англїйскаго Галїяша покрай мога Петка за служителя прїимїо, ербо э Петко отъ выше странъ быо, него дабы онъ мѣсто и службу еднога служителя на овому путешествїю чинити могао.

Овимъ начиномъ дакле отпшаосамъ я изъ Лїзабоне на путь, и будући да э цѣло содружество наше на коны и добро воружено было, тосмо мы дакле нѣку малу чету чинили, надъ коїомсу они мени честь показали, и мене Капетаномъ своимъ наименовали, ербосамъ я међу иыма найстаріи быо, и два служителя имао, и башъ главни поводъ овога цѣлога путешествїя быо.

Онако, као шпо я читателю досадъ съ никаковимъ моимъ морскимъ повседневнимъ описиванѣмъ нисамъ тяготанъ быо, то дакле ненамѣравамъ и никаковимъ сувимъ пу-

путуюћи быти, али опетъ нѣка приключенїя, коясу насъ на овому досадному и тешкому путу предсрѣла, неваля да изоставимъ.

Кадсмо у Мадрїдъ дошли, хотѣлисмо, ербосмо сви страни были, нѣкое време овде задержатисе, дабысмо дворъ Шпанскїй и друго, што бы видѣнїя достойно было, видѣли; али будући да э лѣто већь при концу было, моралисмо далѣ поспѣшити, и оставилисмо Мадрїдъ у полакъ Октомврїа, али кадсмо на границу отъ Наваре дошли, былисмо на многихъ мѣстахъ съ тимъ гласомъ уплашени, да э на Французской страни толико много снѣга пало, дасу многи путницы принуждени были у Помпелону натрагъ возвратитисе послѣ крайнѣ погибели и суетнога труда далѣ поступати моћи.

Кадсмо башъ у саму Помпелену дошли, видѣлисмо, да э то башъ истино тако, и мени, коисамъ я топлу клїму и у земля онакови живити навикао быо: гди доиста едва и халина на тѣлу терпитисе можетъ, была э зима ова зѣло несносна, и равно тако нагла, како годъ и вредителна за мене, коисамъ само преће 10 дана изъ старе Кастелїе дошао, гди э погода, не само што э топла, него

йошъ

їоштъ врло жестока была, и тако у кратко време затимъ вѣтаръ отъ пиренейскихъ планинъ чувствителанъ дуао, кои э тако остро лютъ и хладанъ быо, да человѣкъ нѣга сносити ни э могао, и быосамъ у погибели премрзнути и можетъ быти и ручне и ножне персте изгубити.

Моему сиромаху Петку было э їошпъ и горе, кадъ э планине сасвимъ великимъ снѣгомъ покривене видѣо, и хладно време чувствовао, каковога онъ їоштъ никада у своему животу нити э видѣо, нити э чувствовао.

У време нашега бытїя у Помпелони почело э їоштъ къ тому тако нагло и тако дуго снѣжити, дасу люди почели говорити, зима э прѣше времена дошла, и путови, коису и предъ тимъ доста зли были, дасу вѣчь сасвимъ непроходими. Снѣгъ э на нѣки мѣспи толико высокъ лежао, да мы башъ прочи нисмо могли, и да онъ и кромѣ тога нїе онако, као у сѣвернимъ земляма твердо смерзнутъ быо, то дакле нїесе могло ни корачай поћи, да не бы погибели подлежали живи погребени быти. Моралисмо дакле найманѣ 20 дана у Помпелони остати. Садъ обаче кадъ э вѣчь зима сасвимъ наступила, и никакове надежде къ болѣму времену ни э

было,

было, (ербо э садъ иайлюћа зима у цѣлой Европи была, коясе отъ много година приключила нïе:) учинïосамъ я предлогъ, да мы сви у Фонтарабïю и оттуду на лађи у Бордуксъ идемо, кое э едно врло мало путешествïе было.

Доклесмо мы то тако совокупно совѣщавали, дошлису двоица Французске Господе, коису на Французкой страни при уходамъ тако исто задержани были, како годъ и мы на Шпанской, коису обаче путевожда нашли были, кои э ны напречацъ преко землѣ до близу верха отъ Ланжедока чрезъ онакове путове преко планине водïо, да они отъ снѣга многога препятствïя нису имали, а гдису и нашли у множеству снѣга быо э онъ, реклису они, доволно твердо смерзнутъ, да э онъ ны и ныне конѣ одержати могао.

Мысмо дакле абіе по овога путевожда послали, кои э намъ казао, да хоће то на себе прïимити насъ онимъ истимъ путемъ провести, дасе небы отъ снѣга никакове погибели страшити имали, само да морамо обилно вооружени быти себе отъ дивихъ звѣровъ хранити моћи; ербо у време овога великога снѣга даюсе често множество куряковъ при отези планина видѣти, и

коису

коису изъ недостатка хране и глада, ербо э земля сва снѣгомъ покривена, сасвимъ люти и помамни. Напротивъ овакови созданія, као штосу ови, реклисмо мы, дасмо доволно и оправно вооружени, ако онъ насъ само противо нѣкоего вида отъ двоеножни курякова увѣрити можетъ, о коимасу намъ казали, дасе мы особито при отези планинъ на Француской страни врло много страшити морамо.

Онъ э насъ увѣрїо, дасе мы на оному путу, коимъ поћи имадемо, ни за едну таковихъ погибелей бринути неимамо; мысмосе дакле абїе согласили овому путевожду слѣдовати, то исто учинилису такожде и они 12 Господара съ своима служители, коису, како штосамъ казао, їоштъ преће отићи хотѣли, алисусе опетъ вратити морали.

Мы дакле сви заедно изъ Помпелоне съ нашимъ путевождомъ 5 Ноемврїа на путъ отидосмо, и доиста доволно нисамсе начудити могао, кадъ э онъ намѣсто, штобы у напредакъ управо путемъ, коимемо мы изъ Мадрїда дошли были, съ нама преко 20: мїля опетъ натрагъ пошао, закоимъ, кадсмо већь преко две рѣке прешли, и на равну и чисту землю дошли были, опетъ у нѣкой топлой клїми, гдїе предѣлъ красанъ

и

и никакова снѣга видѣти нïе было, себе нашли. Али на еданъ кратъ окренуосе онъ къ лѣвой страни, и приближïосе нѣкимъ другимъ путемъ къ планини, и колико э страшна гудура и пропасть видѣти была, то э онъ опетъ толико заметница, странпутица и савïяня учинïо, дасмо мы башъ да рекнемъ непримѣтително преко верха планине прешли, да нама нïе снѣгъ отъ выше тяготанъ быо, и на еданъ кратъ показао э онъ намъ прекрасне и плодоносне предѣле отъ Ланжедока, и Гасконе сасвимъ зелене цвѣтуще, акосу они їоштъ и доста предъ нама далеко удалѣни были, и мы до ны їоштъ много тешкога пута предъ собомъ имали.

Но међу тимъ было э намъ опетъ мало тешко, кадъ э еданъ кратъ цѣли еданъ данъ и цѣлу ноћь снѣжило, да мы башъ ни кренутисе нисмо могли, но путевождъ нашъ рекао э намъ, да мы тога ради свободно весели будемо, и да неће дуго трајати, пакћемо мы већь онде быти. И доиста видѣлисмо, да мы сваки данъ выше доле и далѣ къ сѣверу долазимо, нежели преће, мысмо насъ на нашега путевожда ослонили и пошлисмо далѣ.

Было

Было э рецы 2 сата предъ вечерь, нашъ вождъ быо э нѣчто предъ нама, и намъ не башъ у очїю, кадъ на еданъ кратъ три страшна куряка, и за ныма еданъ медведъ изъ нѣкога просѣлнога пута искочише, кои э до нѣке густе шуме досязавао. Два отъ куряковъ скочилису за вождомъ, и кадбы онъ само еданъ четверть сата отъ насъ удалѣнъ быо, тобы они нѣга безъ сумнѣ растергали и изѣли были, и то прѣе, нежели штобы мы нѣму на помоћь доћи могли. Еданъ отъ овихъ обѣсїосе о нѣговому коню, а другїй напао э башъ на самога нѣга съ таковомъ яростїю, да онъ нїе времена или присутствїя душевнога доволно имао, ни пиштоль свой извући, него само што э започео храбро выкати, и насъ звати. Ясамъ фришко Петку заповѣдїо, кои э до мене найближе быо, онамо отрчати, да видитъ, штосе случило. Како э Петко вожда усмотрїо, почео э выкати изъ гласа, како годъ и онай, о Господине! о Господине! но преко свега онъ аки дерзновени юноша, као што э и быо, потерчао э управо онамо къ вожду и пробїо э куряку, кои э на нѣга ограисао быо, танетомъ главу!

Срећа э тога бѣднога человѣка была, што э то мой храбрый и неустрашими

Петко

Петко быо, ербо овай, кои э оваковимъ звѣровомъ у земли нѣговой навыкао быо, нїесе отъ ны ни найманѣ страшїо, него э юначки на звѣра пошао и нѣга, како штосмо сви видѣли, абїе къ земли поразїо; коебы кои другїй у оваковому одолѣнїю пуцаюћи или куряка незгодїо, или человѣка танетомъ потрефїо.

Али дерзновенїега человѣка, као мене, моралобы то зла и опака учинити, и доиста пало э све цѣло наше дружство у немиръ и усмутню, кадсмо мы на гласъ Петковога пиштоля отъ свїю страна страшнѣйше урликанѣ куряковъ, и то отъ отзива (*exo*) планинъ тако укрѣплѣна чули, данамсе учинило, као дабы овде излишно множество куряковъ было, и доиста морало э ихъ быти много, да мы небы узрока имали отъ ныхъ плашитисе.

Међу тимъ кадъ э Петко већь еднога куряка убїо, оставїо э онай другїй коня, на кога э быо напао абїе, и побѣгао э у шуму. Срећомъ да э овай другїй коня кодъ главе щепао быо, гдїе нѣга гвожће у зубе бо-ло, да онъ коню нїе великога вреда учинїо. Али вождъ нашъ быо э већма повређенъ, ербо э нѣга овай яростни звѣрь два кратъ угризао; сданъ кратъ на руцы, а другїй

мало

мало-више отъ колѣна, и онъ э башъ у о-ному смущенїю съ коня опровергнутисе хо-тео, кадъ э Петко онамо дотрчао и куря-ка утукао.

Тосе лако помыслити може, дасмо мы сви на гласъ Петковога пиштоля, штосмо скорѣе могли, поспѣшили и тако хитро я-шећи терчали, колико э годъ намъ іоштъ врло хрђави путь дозволїо, дабысмо ви-дѣли, што э было. Какосмо крозъ дрвета, коясу намъ іоштъ видѣнїе усмотрити во-спятствовала, яшећи протерчали были, видѣлисмо башъ ясно, што э было, и како э храбри Петко нашега бѣднога вожда ви-тески освободїо, колико мы башъ ома раз-знати нисмо могли, какови э то звѣръ быо, кога э онъ убїо.

Али іоштъ никада нїе битка тако ви-тиски, и на овакови чудадостойни начинъ вождена была, као ова, коя э међу Петкомъ и медведомъ ислѣдовала; и коя э намъ сви-ма (акосмосе башъ съ почетка и уплашили были) велику радостъ учинила, коясе и кадъ помыслити може. Онако као што э мед-ведъ тешки и незграпни звѣръ, и не она-ко као курякъ на ногахъ берзъ, кои э лакъ и скоръ, то онъ опетъ два особна свои-ства иматъ, по коймасе онъ обыкновено

кодъ

кодъ свїю свои дѣла и движенїя управля. Перво человѣкъ ніе нѣговъ порядочни залогай или похищенїе, окромъ мораобы нѣга сасвимъ какови необыкновени гладъ къ тому принудити, и како э садъ случай, гдїе снѣгъ сасвимъ сву землю покрїо быо. Пакъ їоштъ и онда нећe онъ на человѣка тако лако ограйсати, ако человѣкъ на нѣга преће не нападне. Сретнели нѣга тко годъ у шуми, тоће онъ нѣга и онда съ миромъ отпустити, ако тко у нѣга недирне, али опетъ мора человѣкъ спроћу нѣга врло любезанъ быти и нѣму съ пута изступити; ербо э онъ врло тугаливи Господинъ, и нећe башъ и никакову прїнцу ны едну стопу съ пута скренути. И башъ акосе тко годъ отъ нѣга дѣиствително страшитъ, есть найболѣ средство кудъ годъ на другу страну гледати и своимъ путемъ управо иѣи; аколи стане и почне на нѣга живо гледати, то онъ многократно за нѣко поруганїе держитъ, дакле болѣ манигасе! Бацилисе ткогодъ за нымъ и потрефига, башъ акобы то и само съ перста дебело парче штапића было, то онъ себе онда за крайнѣ поругана держи, и све оставитъ, пакъ отмщенію своему слѣдуетъ; ербо ако честь нѣгова увреждена будетъ,

то

то онъ всячески хоће удовлетвореніе да имать, и то есть перво нѣгово свойство. А друго у томъ состоитъ, да онъ онога, кои нѣга већ еданъ кратъ увреди, никада данъ и ноћь неоставля, докле годъ отмщеніе свое неугаси, и нѣга непреривно тера, доклега годъ не стигне.

Кадъ э већ мой храбри Петко вожда нашега освободїо, и нѣму башъ съ коня съ яшити помоћи хотѣо, ондасмо мы дошли онамо; ербо э человѣкъ како уплашенъ, тако и угризенъ, али опетъ већма уплашенъ, нежели повређенъ быо. Али на еданъ кратъ видѣлисмо, да медведъ опетъ изъ шуме идетъ. Овай быо э доиста врло страшни звѣрь и тако велики, каковога я їошть никада у моему животу видѣо нисамъ. Свисмо доста у страху были, кадсмога видѣли: али кадъ э нѣга мой витизъ Петко усмотрїо, могласе башъ явно радость и храбрость у лицу нѣговому видѣти. О! о! о! повикао э онъ три кратъ едно за другимъ показующи на звѣра, Sie geben mir die Erlaubniß, ich mit ihm anbinden, ich sie gut was zu lachen mach, допуститеми, дасе я съ ныме счепамъ, яћу вамъ штогодъ смѣя учинити.

Чудїосамсе овога юношу тако весела видѣти, и рекаосамъ, будало! та медведѣ тебе съ кашомъ и съ кикомъ! — прогутати. Mich auffreſſen? mich auffreſſen? мене прогутати? мене прождрети? рекао э Петко два кратъ. Ich ihn aufeſſen, ich ihnen was gutes machen will zu lachen. Яћу нѣга прождрети и вамъ штогодъ смѣха учинити. И тай часъ сѣо э на землю, и свукао ципеле съ ногу. Фришко затимъ навукао э еданъ паръ шлїопара или лаки ципела, кое э у жепу имао, дао э моему другому служителю свога коня, пакъ э онда као вѣтаръ съ свойомъ пушкомъ онамо отплетїо.

Медведъ ишао э сасвимъ полагано, и ніе захтевао ни съ кимъ ништа имати, докле годъ Петко, кадъ э већь близу нѣга было, као дабы нѣга медведъ разумѣти мотао, викати стао: Hör doch! Hör doch! ich mit dir ſpreche! — чуешъ! чуешъ та я съ тобомъ говоримъ! — мысмо слѣдовали у нѣкоему отдалѣнїю, ербосмо већь на Гасконской страни планине доле были, и у еду густу шуму дошли, гдїе земля равна и доста простирана была, акосу башъ древета сѣмо и овамо разсѣяна стояла.

Петко, кои э медведу све устопце слѣдовао (како што э речено) быога э већь

ћь скоро стигао, и бацїосе за нымъ съ еднимъ доста повеликимъ каменомъ, и трефїога э башъ у главу: али съ тимъ онъ нѣму нїе веће никакове штете учинїо, него толико, као да бысе башъ и на зидъ какови бацїо; но преко свега онъ э съ тимъ опетъ намѣренїе свое постигао; ербо э Петко тако отъ страха свободанъ быо, да э онъ то само изъ намѣренїя учинїо, да бы медведъ къ нѣму пошао, или нѣга потерао, и онъ нами смѣя начинити могао, као што э обѣщао.

Како э медведъ каменъ ощутїо и Петка видѣо, окренуосе и абїе съ ћаволскима корачаи за нымъ терчати почео, и тако хитро ишао, да бы конь каковїй у среднѣму терчаню доволно посла имао съ ниме сравнитисе. Садъ э почео и Петко терчати, што э годъ болѣ могао, и летїо э у право къ нами, као да бы помоћи кодъ насъ тражїо; чега ради мы сви, да бы нѣга избавили, ватру на медведа бацити хтедосмо. Међутимъ быосамъ я врло сердитъ, да э онъ звѣра, кои э преће съ миромъ путемъ своимъ ишао нечинећи намъ никакову обиду, садъ нама свима на вратъ довукао, а особито разсердїосамсе на то, да э онъ садъ што э онъ предъ звѣромъ бѣжати почео.

Ты псето! ели то она забава, коюсу ты нами учинити хтео? таки да идешъ овамо, и узми твога коня, да мы звѣра на хрпу стровалимо. —Nein nit ſchießen! Не, немойтега убити! повикао э онъ, кадъ э мене говорећа чуо. Still ſtehen ich za lachen machen. Мирно стойте, садћу я смѣхъ начинити, и потерчао э обикновеною хитростїю своїомъ свагда два корачая далѣ и преће, него што э медведъ ишао. Затимъ окренуосе фришко къ нами, и кадъ э еданъ велики растъ, кои э къ нѣговому намѣренїю способанъ быо, усмотрїо, мануо э рукомъ на насъ, да бысмо за нымъ слѣдовали, ускорїо э корачае свое, оставїо э пушку реци 5 корачаи отъ дрвета на земли лежащу, и попеосе, што э скорїе могао, на дрво.

Медведъ є абїе къ дрвету дошао, а мысмо у нѣкоему отдалѣнїю за нымъ ишли. Перво э было, што э онъ учинїо, да э онъ кодъ пушке стоећи остао, онюшїо э пушку, пакъ опетъ ю онде оставїо, пакъ несматраюћи на свою излишну тегоћу, попеосе као мачка горе на дрво. Ясамъ доиста о лудости (ербомисе тако чинило) моја Петка съ почетка сасвимъ занешенъ быо, и свагда їоштъ нисамъ могао, кадбы башъ животъ на томъ стояо быо, кодъ цѣле

вещи

вещи ни найманѣ што годъ смѣя доспойно наћи, докле нисмо медведа на дрво пенятисе видѣли, кадсмо ближе онамо дояшили были.

Кадсмо већь къ дрвету дошли были, видѣлисмо Петка на найкрайнѣй части едне велике гране сѣдяща, и медведа рецы на половицу за нымъ. Како э медведъ далѣ онамо дошао, гдіе грана слабія бывати почела, повикао э Петко къ нами: Ha! nu ſoll ſie ſeh, wie ich will lehrn den Bär tanzen! Ха! садћете видѣти, какоћу я медведа играти учити! затимъ стао э онъ граномъ нихати и трести. Медведъ затимъ быо э у магадіо, стао э обаче малко мирно, осврашіосе э, да види, какоће опетъ натрагъ умакнути моћи. Садъ башъ моралисмосе дойста громко смѣяти. Петко обаче іоштъ за дуго нїе могао съ нымъ готовъ быти. Кадъ э Петко нѣга мирна стоећи видѣо, повикао э іоштъ еданъ кратъ къ медведу; мыслећи да медведъ Англїйски говорити знаде; Was? willſt nit weiter kommen? bitte dich doch, komm näher! Шта? нећешъ далѣ доћи? та доћи баремъ ближе! затимъ престао э онъ гибати и замаивати граномъ, и медведъ, башъ као да бы нѣга разумѣвао быо, пошао э малко далѣ; затимъ почео э

онъ

онъ опетъ нихати граномъ, и медведъ морао э опетъ стати.

Мыслилисмо ето, да э садъ башъ право време было нѣму обикновенну ћушку дати, и повикалисмо кь Петку, дасе онъ мирно содержава, мы хоћемо, да убіемо медведа; но онъ э сердечно молити почео, да мы то неучинимо. O bitte! bitte! повикао э онъ, nicht ſchießen, ich ſelber ſchießen gleich. О молимъ васъ! молимъ! немоите пуцати, ћу самъ садъ абіе пуцати. Кратко да реknемъ, Петко э играо толико, и медведъ стояо э тако готовъ на скокъ, дасмо мы доиста смѣха доволно имали; али себе іошть сасвимъ представити нисмо могли, штаће напослѣдокъ изъ тога да буде. Најпре мыслилисмо, даће онъ медведа као крушку съ гране да стресе, алисмо видѣли, да є медведъ о томъ опетъ памећанъ быо; ербо онъ ніе никада толико далеко ишао, да бы онъ съ гране баченъ быти могао, негосе іошть свагда више съ своима широкима ногама и канћама за грану тверће хватао. Мы іошть нисмо могли себи представити, какоћесе најпослѣ ова Петкова играчка съ медведомъ окончати.

Али э Петко фришко опъ насъ сумню опузео. Ербо кадъ э видѣо, дасе медведъ

врло

врло яко за грану цепао, и нїесе преволетн дао далѣ доћи; рекао э онъ, Gut, gut! du nicht weiter kommſt; ich gehen, ich gehen! du nicht kommſt zu mich, ich komm zu dich. Добро, добро! Ты нећешъ далѣ да идешъ, яћу ићи, ићи! кадъ ты къ мени нећешъ, ето мене дакле къ теби. И затимъ опишао э на найкрайнїи и таны край гране, коясе савиши дала, и спустїосе врло мудро и полагано преко нѣ доле и толико, докле э доста сниско бьо, да э сѣ дервета на землю на ноге скочити могао, узео э затимъ пушку, истао э мирно подъ дерветомъ

Добро Петко, рекаосамъ, штоћешъ садъ чинити? та зашто не пуцашъ и нѣга већь еданъ кратъ доле несвалишъ? Nicht ſchießen рекао э онъ, ich ſchießen; ich nit Tod ſchießen; ich warten noch zu lachen mach. Невала пуцати, яћу пуцати, нећуга убити; яћу чекати, да їошть выше смѣха начинимъ. То э онъ доиста и учинїо, како штоћемо абїе видѣти. Ербо кадъ э медведъ видѣо, да э нѣговъ непрїятель отишао, пошао э и онъ сѣ оне гране, на коїой э онъ стояо, натрагъ, али э и времена къ тому узео, и при свакомъ далѣму поступку или корачаю мотрїо э около себе добро. И тако э най-

послѣ

послѣ къ деблу дервета дошао, и затимъ све далѣ напрашке по деблу доле, за коесе онъ папцима добро фатао, и тако полагано свагда едномъ ногомъ движеніе чинећи. У овому стаю и башъ преће, нежели што э онъ стражнима ногама на землю стао, притерчао э Петко къ нѣму онамо, наслоніо нѣму наустіе отъ пушке у ухо и убїо э медведа на мѣсту.

Садсе Петко окренуо, да види, смѣемолисе мы, и када э изъ лица нашега видѣо, да э то нами поволно, почеосе и самъ изъ гласа смѣяти, и рекао: овако мы убїямо медведе у нашой земли. Тако убїяте вы медведе, рекаосамъ я нѣму, та вы неймате никакови пушака. Истина неимамо пушака, рекао э онъ, али имамо много велики стрѣла.

Истина да э ово за насъ лѣпа забава была, алисмо мы їоштъ ссагда у дивячному предѣлу были, и нашъ вождъ быо э врло уязвлѣнъ тако, дасмо едва знали, штаћемо започети, такожде и урликанѣ куряковъ мутилосе по моей глави врло крѣпко, и доиста шумъ, когасамъ я кадъ годъ при брегахъ Афрїканскихъ чуо, и о чемусамъ већь што годъ казао, нїесе съ овимъ ни сравнити могао.

Ово

Ово дакле и приближенїе ноћи позвало э насъ поћи, иначе бысмо морали, као што э Петко хтео, кожу овога великога звѣра съ собомъ узети, коя э и доста вредна была сохранѣна быти. Но мы ималисмо їоштъ три мїлѣ пута, и нашъ вождъ навалїо э быо на насъ, да идемо: мысмо дакле то оставили тако, и предузелисмо нашъ путь далѣ.

Земля э їоштъ свагда снѣгомъ покривена была, ако и нїе башъ онако високо и погибелно, као у планинама, и скитающися звѣри былису, како штосмо послѣ чули, доле у шуме на равнину дошли, да бысу отъ глада принуждени што годъ хране нашли, и многосу несреће у сели и мѣсти учинили, гдису они житељ напали, много ныни оваца и коня и такожде и сами люди подавали.

Моралисмо їоштъ еданъ врло погибелни предѣлъ проћи, како што намъ э нашъ вождъ казао, и ако їоштъ курякова у земли имаде, то мы ны доиста наћи морамо. Ово э была една мала съ обадве стране съ горама окружена равница, и дугачки уски продоръ, крозъ коисмо мы проћи морали, кадбысмо крозъ шуму ићи хтели, пакъ

онда

онда текаръ дошли бысмо у село, гди бысмо ноћити морали.

Было э около полъ часа предъ заходомъ солнца, кадсмо у перву шуму и мало послѣ захожденїя, кадсмо на равнину дошли. У первой шуми ништа нисмо видѣли, окромъ на едной малой равнини у средъ шуме, коя нїе отъ 200 корачаи дужа была; 11 курякова преко друма у полной спѣшности еданъ за другимъ, као да бы какови добитакъ усмотрили были, и за нымъ терчали, онамо идуще видѣли. Они насъ нису усмотрили и у нѣколико мїнута умакнулису изъ лица нашега.

На то рекао э нами нашъ вождъ, кои э мимогредъ говорећи главни лумповъ быо, дасе у доброму станю содержавамо, ербо онъ мысли, даће їоштъ више курякова предъ насъ на путь изићи.

Держалисмо дакле оружїе наше готово и очи отворене; нисмо обаче никакови куряка више видѣли, докле нисмо крозъ шуму, коя э около полъ мїлѣ дугачка была, на равнину дошли. Какосмо овде дошли, ималисмо узрока доволно приправни быти. Перви предмѣтъ, когасмо овде нашли, была э една мерцина коньска, коюсу куряци удавили; ербо э ны реци читаво тесте їоштъ

кодъ

кодъ дртине было, сказати немогу, дабысу ели, ербосу месо їоштъ пређе све изѣли были, но много више моралису башъ саме кости глодати.

Дакле нисмо за паметно держали ны кодъ нынога ручка узнемирити, а и они на насъ нисусе особно осврађали. Петко э радъ био на ны ватру бацити, али я никоимъ начиномъ то допустити нисамъ хтео; ербосамъ я добро примѣтїо, дађемо мы скоро їоштъ више посла добити, него штосмо садъ мыслили. Мы нисмо были їоштъ ни половицу равнине прошли, кадсмо съ лѣве стране отъ насъ куряке у шуми страшно урликаюће чули; и абїе видѣлисмо ихъ и 100 управо на насъ идуће и сви у полку, а боля часть у правой лїнїи тако правилно, аки нѣка войска, коябы отъ искусни Офїцїировъ поведена была. Я доиста едвасамъ знао, каковимъ начиномъ мы ны дочекати имамо; видѣосамъ, да овде никаковога другога средства нейма, него да мы сви себе у едну заключену Лїнїю ставимо. И тосмо абїе тако учинили; да бысмо обаче што скорїе и свагда еданъ за другимъ пуцати могли, заповѣдїосамъ, да свагда еданъ точїю на еданъ кратъ опаливати и ватру давати имать, а другїи, кои опалили нису,

свак-

свагда у готовости стояти имуть курякомъ втору ватру дати, ако бысу їоштъ далѣ на насъ пошли. Они, коису найпре вечь пушке избацили были, нису морали абїе опетъ пушке набїяти, него э сваки съ пиштолѣмъ своимъ у приправности стаяти морао; ербо э свакїй отъ насъ съ едномъ пушкомъ и двема пиштоли вооруженъ быо. На овай начинъ дакле могла э свагда половица отъ насъ 6. ударцовъ у едно време учити. Но меѣу тимъ мы ово за садашни кратъ отъ потребе нисмо имали. Ербо на перви ударацъ отъ пушака стао э непрїятель, како годъ отъ звука тако и отъ ватре уплашенъ стоећи, четири отъ ны, коису танети башъ у главу потрефлѣни были, осталису мертви, и многи други былису ранѣни и отишлису, како штосмо мы по трагу познати могли, крваво отовудъ. Примѣтїосамъ, дасу они стали и себе нису абїе у бѣгство дали. Садми э на умъ пало, дасамъ кадъ годъ чуо, како и найдивїи звѣрови точїю отъ гласа человѣческога себе у бѣгство ставляю. Заповѣдїосамъ дакле, да цѣло наше дружство изъ свега гласа, како годъ можетъ, викати почнетъ, и видїосамъ абїе, да э ово мнѣнїе башъ истино было. Ербо они на нашу вику почелисусе

абїе

абіе освраћати и натрагъ вући. Даосамъ затимъ іоштъ едну салву за ныма опалити, на кою они у полному бѣгству у шуму побѣгоше.

Затимъ добилисмо мы времена наше пушке опетъ набити, и да небысмо съ тимъ времена губили, набіялисмо пушке путуюћи. Али едва штосмо пушке набили и себе у приправность ставили, кадсмо съ лѣве стране у той истой шуми страшни звукъ и урликанѣ чули; само да э то нѣчто малко далѣ отъ онога пута было, коимсмо мы ићи морали.

Садъ э већь ноћь наступила и почело доста мрачно бывати, кое э вещь за насъ іоштъ горе учинило. И будући да э вика све већа бывати почела, тосмо дакле лако знати могли, да э то урликанѣ и лаянѣ ови пакленски звѣрова было, и на еданъ кратъ видѣлисмо два три чопора корякова, еданъ съ лѣве стране, еданъ отстрагу за нами, и еданъ предъ нами идущій тако, дасмо сасвимъ отъ ны окрожени были. И будући да они на насъ ограисали нису, тосмо и мы дакле путешествіе наше тако скоро предузели, како годъ штосу кони наши ходити могли, кое мы, ербо э путь врло херћавъ быо, ни мало далѣ, нежели

еданъ

еданъ по добаръ касъ учинити могосмо. Овимъ начиномъ добилисмо дакле найпослѣ просѣкъ шуме предъ собомъ, крозъ коисмо при послѣднѣмъ краю равнине проћи морали. Алисмосе врло уплашили, кадсмо башъ при уходу тѣснога просѣка, и кадсмо башъ у нѣга ући хтели, велико множество куряковъ стоеће видѣли.

И на еданъ кратъ кодъ другога просѣка шуме чулисмо звукъ отъ пушке, и кадсмо онамо погледали, видѣлисмо еднога коня съ седломъ и уздомъ, кои э као вѣтаръ оттудъ бѣжећи истерчао, и отъ 6 и до 7 корякова у полной спѣшности теранъ быо. Истина конь э далеко напредъ быо: али да мы вѣровати нисмо могли, даће онъ то тако дуго одержати моћи, то дакле и сумнялисе нисмо, да они нѣга стигнути неће̂ду, као шпосе э и случило.

Овдесмо доиста ужасну сцену (позориште) видѣли. Ербо кадсмо мы у уходъ поялшили, откуду э конь онай изишао быо, видѣлисмо мерцыну другога коня, и двоицу отъ ови бѣснуеми звѣрова разстергани люди, отъ коихъ э еданъ по прилики онай бытн могао, когасмо мы пуцаюћи чули, ербо э избачена пушка башъ близу нѣга лежала,

ла, глава нѣгова обаче и горняя часть тѣла была э већь сасвимъ изѣдена!

Ово э доиста насъ страха и ужаса тако напунило, да мы већь садъ незнадосмо, куда поћи имамо. Но звѣрови довелису насъ фришко на заключеніе, ербо у надежди добитка и похищенія скупилисусе они сви около насъ, и мыслїосамъ, да э ны до зоо было. На нашу велику срећу лежалису сасвимъ близу ухода у шуми нѣка велика дрвета, коясу прошедшега лѣта посечена и свалѣна была, и само на одвозъ чекала. Међу ова дрвета увеосамъ я мой мали полкъ унутра, и овде ставилисмосе сви за едно дугачко лежаще стабло у редъ, за коимсамъ заповѣдіо свима сѣ коня сяшити и дерво аки заклонъ предъ собомъ удержати, и у едному троеуголїу или фронту (конѣ унутра) приправни стояти.

Тосмо дакле тако учинили и врло э добро за насъ было, дасмо то тако учинили: ербо никаково бѣснуеміе и жешће нападеніе неможесе помыслити, нежели штосу овде куряцы на насъ учинили. Онису сѣ страшнимъ шумомъ на насъ ударили, и скочилису на дрвета, коясу, како штосамъ казао, наша обрана и заклонъ была горе, као дабы башъ на похищеніе свое скочити хо-

тѣли.

тѣли. Ову ярость моглису, како штосе э намъ учинило, наши коны, коесу они за нами стоеће видѣли, проузроковаши, ербосу ови добитакъ похищенія были, за коимсу они мыслили. Заповѣдїосамъ дакле нашимъ людма, као и преће, то есть свагда трећїй человѣкъ пушку да опали, и онису доиста тако добро нишанили, дасу абїе на первый ударацъ (салву) нѣколико курякова убили. Али э садъ веће нужда была непреривну ватру содержаваши, ербосу они башъ аки дяволи навалили были, зашпосу свагда они стражни перве съ силомъ напредъ турали.

Послѣ вторе салве наши пушака учинисе намъ, да они мало престадоше, и надаосамсе веће, дагедусе они оповудъ отвући: али э то само едно тренуће ока траяло, ербо они запимъ опетъ на насъ ударише. Опалисмо такожде и све наше пиштолѣ, и овомъ четверогубомъ ватромъ убилисмо ихъ рецы 17: и до 18: и їоштъ два кратъ толико смертно ранили, но несматраюћи на то дошлису и ударилису они опетъ на насъ.

Я нисамъ радъ было мой послѣдни набой тако фришко избацыти. Повыкаосамъ дакле мога служителя (нїе мога Петка, ербо э онъ у већему дѣлу было, зашто э онъ съ

найве-

найвећомъ хитлености у средъ ватре сраженія и мою и свою пушку набіяо.) Зовнуосамъ дакле мога другога служителя и рекаосамъ даюћи нѣму мой рогъ съ барутомъ, да иде на дерво, и колико э годъ оно дугачко, по нѣму потезу барута да поспетъ, и ню, колико годъ можетъ, широку да начини. Онъ э то учиніо, и само што э толико времена имао себе оттудъ уклонити, кадсу куряцы онамо дошли, и већь нѣкои горе скочили. Затимъ узеосамъ я еданъ праздни пиштоль, донеосамга на барутъ, отдапео тетикъ и тако барутъ упалio, изъ чегае тако называеми текущій огнь произишао. Они куряцы, коисусе већь на дрво попели были, былису оттудъ опровержени, и 6 или 7 палису, или скочили, или много выше силомъ ватреномъ забунѣни међу насъ. Овы у едному магновенію ока былису поражени овде, а они други тако верло и нагло отъ свѣтлости огня уплашени, кои э ноћь (ербо э већь сасвимъ скоро мрачно было:) іошть страшнію чиніо, натрагъ поступили.

Затимъ заповѣдіосамъ наше послѣднѣ пиштолѣ у едной салви избацыти, и затимъ сталисмо сви, штосмо годъ гласніе могли, выкапи; абіе окренушесе куряцы на-

трагъ и мысмо абїе искочили на полѣ и напалисмо рецы едно 20 уязвлѣни, коисусе по земли вукли, и почелисмо ихъ сабляма сѣћи. Ово э дакле намѣренїю нашему полно соотвѣтствовало. Ербо э якъ и урликанѣ овихъ быо отъ ныни содружника болѣ разумлѣнъ тако, дасу они найпослѣ сви побѣгли и насъ оставили.

Мысмо рецы бо курякова убили, и кадбы данъ быо, то бысмо мы ны їоштъ выше утукли были. Послѣ како э сраженїя полѣ отъ наши непрїятеля очищено было, предузелисмо мы нашъ путь далѣ, ербосмо їоштъ скоро едну мїлю ићи морали.

Путуюћи чулисмо мы ови похитителни звѣрова често у шумахъ лаюће, и кадъ кадъ мыслилисмо, даћемо башъ и видѣти кое, али да э снѣгъ очи наше засѣнявао, то дакле и извѣстно знати нисмо могли. Текаръ послѣ еднога сата дошлисмо у варошъ, гдисмо преко ноћи остапи хотѣли, гдисмо све у крайнѣму страху и све воружено застали; ербо былису куряцы и нѣколико медведовъ на ово мѣсто напали, и жителѣмъ таковїй страхъ задали; како што-

су

су себе и принуждене видѣли данѣ и ноћѣ а особито ноћомѣ стражу держати, дабы како марву свою, тако и сами себе сачувати могли.

Слѣдующи данѣ нашаосе нашѣ вождѣ врло зло, и нѣгови удови отѣ шеготе рана тако отечени, да онѣ далѣ поћи ніе могао. Мысмо дакле принуждени были овде новога вожда узети и у Тулосе поћи, гдисмо мы топли воздухѣ, плодоносни и угодни предѣлѣ, и нити снѣга, нити куряковѣ или иначе штогодѣ таково нашли. кадсмо обаче нашу повѣсть у Тулосу исказали, казалису намѣ, да э то у оной великой шуми при отези планинѣ особито обаче, када снѣгѣ на земли лежитѣ, зѣло обикновена вещь. Али особито радису были знати, каковѣ э то путевождѣ быти морао, коисе усудити могао насѣ у оваковой зими онимѣ путемѣ повести, и увѣрилису насѣ, да мы за велику срећу казати можемо, што мы сви нисмо истергани и изѣдени были. Али кадсмо мы казали, какосмосе мы уредили были, и наше конѣ у среду узели, то

имъ отнюдъ нïе поволно было, и реклису, дасмо мы оваковимъ начиномъ їошть верло добро прошли, ербо коньсу башъ онай предмѣтъ, кои куряке тако желателно бѣснуеме чинитъ, зашто они у коньма залогай свой видятъ, а иначе онисе башъ дѣйствително отъ пушке плаше; и будући дасу они чрезвичайно гладни, и башъ изъ тога узрока тако яростни были, то э дакле желя нына къ коньма доћи ны противо сваке погибели нечувствене учинила. И кадъ мы небы оваковомъ непреривномъ ватромъ, и съ преваромъ текућега огня ны надвладали были, то бысмо мы башъ необходимо сви на комаде рестергани были. А кадбысмо свагда мирно на наши коны сѣдећи остали были, онда они люде, кадъ на коньма сѣдятъ, не сасвимъ онако за похищенïе свое разсмотраваю, као иначе, кадбысмо мы найманѣ, реклису они далѣ, сви заедно спали и наше конѣ изоставили, то бы они онда тако желателни были конѣ изѣспи, да бысмо мы сасвимъ безбѣдно оттуду побѣћи могли,

и

и їошть кадсмо пушке сасобомъ имали, и насъ толико много заедно было.

Я найманѣ отъ мое стране нисамъ ни-никада овако дуго у погибели быо, као овай кратъ. Ербо кадсамъ я до 300 такови дявола урликающе и съ явнимъ отмщенїемъ насъ прогутати къ намъ идуће видѣо, и нигдисе сакрити или побѣћи знао, мыслїосамъ самога себе већь сасвимъ изгублѣна быти. Мога живота нисамъ радъ выше никада преко они планина путовати, и волеобы тысящу мїля водомъ учинити, башъ акобы и извѣстно знао, дабы сваке недѣлѣ по едну бурю претерпѣти морао.

На овой страни преко Французске нїесе ништа особно случило, и небысамъ знао ништа особно о томъ сказати, што други путници већь 10 крати сказали нису. Изъ Тулоса отишаосамъ у Парїзъ, и себе онде особно дуго незадержаваюћи у Галаїзъ, и дошаосамъ найпослѣ 14 Іаннуарїа благощастно у Доверъ.

Садсамъ већь намѣренїе мога путешествїя сасвимъ достигао, и у кратко време

ви-

видѣосамъ сва моя нова откривена богатства щастно кодъ себе, ербо премѣне посланице, коесамъ сасобомъ донесао, былесу абїе све готово и полно исплаћене.

Моя главна совѣтница тайна, по] коїомсамсе я садъ найвыше управляо, была э моя добра стара удовица, коей изъ благодарности за ону помоћь, коюсамъ я ей послао, никакови трудъ, никаково попеченїе мене ради тешко нїе было, и ясамъ себе у свему и свачему на ню сасвимъ ослоніо тако, дасамъ садъ већь ради безбѣдности мога имѣнїя совершено миранъ быо, и доиспа быосамъ отъ почетка башъ до самога конца сасвимъ чрезвичайно благополучанъ, едну жену овакове искренне и неложне честности за пріятелицу имати.

Садсамъ заключїо мое имѣнїе у руке ове честне Госпоже предати и опетъ у Лїзабону и оттуду у Бразїлїю поћи. Али э садъ мени опетъ друга препрећка на путь стала, и ово э была законъ. Спроћу Каѳолїческога закона имаосамъ їоштъ у време мога странствованїя и особито у моему са-

самоћному жнвоту нѣко сумнѣнїе; и тосамъ знао, да садъ неваля ни мыслити у Бразїлїю поћи, и їошть манѣ себе тамо окућити, ако явно законъ овай прїимити не бы хотео, онда бысамъ дакле волю имао жертва мое науке и просвѣщенїя, и мученикъ за законъ быти, и у рукахъ святыя Інквїзїцїи умрети. Заключїосамъ болѣ кодъ куће остати и мой садъ, како перву прилику добїемъ, абїе продати.

Къ овому намѣренїя концу писаосамъ моему старому прїятелю у Лїзабону, кои э мени на то отговорїо, да онъ такови онде врло лако продати можетъ. Хоћули я нѣму дозволѣти такови у име мое онимъ двоици купцемъ [наслѣдникомъ мога бывшега надзирателя у Бразїлїи, кои башъ у мѣсту самому живутъ, и вредность сада совершено знаютъ, такожде како штосамъ я знао, былису и врло богати, и коићеду садъ, како што онъ мысли, врло радо купити, ны понудити, и онъ нимало несумнясе, даћу я 4. и до 5. тысяща талира више нежели иначе изъ тога прїимити.

Съ

Съ тимсамъ я врло радо удоволянъ быо, и замолїосамъ нѣга садъ мой ныма понудити, кое э онъ и учинїо; и у времену 8. мѣсеци, кадъ э лаћа оттуду натрагъ дошла, добїосамъ я отъ нѣга извѣстїе, дасу ови понуду нѣгову прїимили, и 33000 талїра на еднога ниныхъ споразумѣниковъ у Лизабони мене исплатити послали.

Ясамъ подписао ону на мене изъ Лїзабоне послату купеческу посланицу и послаосамъ ю моему честному старцу, отъ когасамъ я спроћу мога 32800 таліра прїимїо, при чемусамъ я такожде учинїо, да нѣму на цѣло време нѣговога живота 100 Мїдоровъ, и равно нѣговому сыну 50 такожде, докле годъ живи, отъ сада мога плаћано имати да будетъ.

* * *

Дакле садсамъ већь перву часть повѣсти мое издао, живота полногъ премѣни случаевъ и приключенїяхъ, и полна такови многоставни нападенїя, коясе рѣдко у свѣту

шу наћи могутъ, и кои э, хотясе онъ безразсудно започео, опетъ много щастнїе окончао, нежели штосамъ я икада надатисе могао.

Сватко э садъ мыслити морао, даћу я кодъ оволико великога щастїя богатства коесамъ садъ имао, свега белая оканутисе, и себе никаковимъ новимъ погибелемъ подвергаваши; и у другима обстоятелстви моралобы то тако башъ и быти, али ясамъ већь еданъ кратъ немирному животу навикао, нисамъ никакове фамїлїе имао, или много сродника, и акосамъ башъ и богатъ быо, нисамъ опетъ многога познанства учинїо. Истина дасамъ већь имѣнїе мое у Бразїлїи продао быо, но я опетъ ову землю изъ главе мое избацити нисамъ могао, и имаосамъ велику волю усудитисе їоштъ еданъ скокъ онамо учинити. И особито нисамъ могао крѣпкому побужденїю противо стати острovъ мой їоштъ еданъ кратъ видѣти и чути, ели Шпанїери онде живутъ и какосу они бездѣлницы, коесамъ онде оставїо, ны предсрѣтали.

Моя

Моя вѣрна пріятелица удовица, истина да э мене отъ тога пута живо отвраћала, и до тога э и тако далеко издѣйствовала, дасамъ я скоро пунихъ 7. година мирно когъ куће остао. У траяню овога времена пріимїосамъ обадвоицу мое сыновце, дѣцу еднога отъ мое браће, подъ свою руку и надзирателство. Старїега, кои э самъ нѣчто мало добра имао, воспитаосамга нѣговому стању сходно, и опредѣлїосамъ нѣму їоштъ еданъ прилогъ или талъ послѣ мое смерти. Онога другога учинїосамъ Капетаномъ отъ лађе; и будући дасамъ нѣга їоштъ у нѣговомъ 5 годишнѣмъ возрасту аки еднога храброга, ватренога, и дерзновенога юношу видѣо, даосамъ дакле нѣму едну добру лађу и послаосамга на море. И овай юноша развратїо э мене послѣ, колико самъ я већь старъ быо, самога опетъ на нова чудивища усудитисе изићи.

Но мећупимъ ясамъ себе опетъ овде удомїо. И преће свїю други вещи оженїосамсе, и то нити на мою штету, нити на досаду или неудоволствіе каково. Имаосамъ

съ

съ ньомъ трое дѣце, два сына и едну дщерь. Али кадъ э жена моя умерла, и сыноваць мой съ полнимъ щастїемъ съ пута изъ Шпанїе куѣи дошао, даосамсе опетъ отъ мое склонности скитатисе, и нѣговога непреривнога прошенїя превариши, дасамъ я као приватни купецъ у восточну Индїю на нѣговой лађи отишао. Ово э было у лѣту 1694-му.

На овому путешествїю посѣтїосамъ мое ново поселѣнїе на острову, надгледаосамъ мое наслѣднике Шпанїере, чуосамъ цѣлу повѣсть нынога живота, и онихъ бездѣлниковъ, коесамъ онде оставїо; какосу они зло съ почетка Шпанїере предсрѣтали; какосу они послѣ часъ согласни, часъ несогласни были; за часъ соединилисе, а за часъ опетъ расталисе, и какосу найпослѣ Шпанїери принуждени были, силу и власть противо ны употребити; какосу ны Шпанїери покорили; и какосу опетъ человѣчески ны предсрѣтали. Да рекнемъ една повѣсть, кадбысе я у то упустити хтео, коя бы тако о многоставностехъ и

чуде-

чудеснихъ пруключенїяхъ, како годъ и моя собствена богата была. Особито о нынихъ сраженїяхъ съ дивяцы, коису много крати на островъ дошли были, и о поправлѣнїю, коесу Шпанїери на острову самому уредили, и какосу 5. отъ ныхъ усудилисе онамо къ сталной земли прећи, и 11. Люди и 5. жена аки робове съ собомъ довели, отъ коихсамъ я при моему пришествїю 20 дѣце на острову застао

Овдесамъ реци до 20. дана изостао, снабдѣосамъ ны са свима потребностми, особито оружїемъ, барутомъ, оловомъ, халинама, халатомъ, и съ двима рукодѣлцы, коесамъ изъ Англїе съ собомъ довео, то есть съ еднимъ дунћериномъ и съ еднимъ ковачемъ.

Послѣ раздѣлїосамъ землю међу ныма, при чемусамъ я свойствено право отъ цѣлога острова за себе самога удержао; и ныма обаче по содержанїю тако умѣрене части дао, дасу они съ тимъ доволни были; и послѣ кадсамъ међу нима све у порядокъ ставїо, и отъ ны обѣщанїе добїо ово мѣсто

ето никада оставити; отишаосамъ отъ овуда опетъ на путь.

Путуюћи нисамъ ни Бразїлїю мимоишао, и послаосамъ отовуда едну по велику лађу (Schalluppe) коюсамъ овде купїо, іошћъ съ више люди на островъ онамо, међу овима было э 7. жена, коесу како за дѣло тако и за супружества станѣ за онакове, кои бы ихъ узети хтели, способне быле. Англезомъ обѣщаосамъ нѣколико жена изъ Англїе, и іошћъ съ еднимъ товаромъ другихъ потребностехъ, акоћедусе они съ прилѣжанїемъ кь землѣдѣлїю и домоспроенїю склонити, за коесе я у слѣдству више старати немогу, послати. Ови люди поступилису такожде врло честно и прилѣжно, послѣ какосу обладани и покорени были, и већь сваки за себе особну землю и притяжанїе имао. Послаосамъ ны ма такожде 5 крава, отъ коихсу три стеоне быле, изъ Бразїлїе съ нѣколико оваца и свиня, коесусе послѣ, кадсамъ я опетъ онамо дошао, чрезвичайно умножиле быле.

Све

Све ово и съ извѣстїемъ, какосу 300. дивяковъ на островъ дошли были, на ны напали, и ныне садове и ныве разрушили, и какосу они два кратъ съ цѣлимъ овимъ множествомъ сраженїе имали, найпре избїени и еданъ отъ ныхъ погинуо; какосу они опетъ послѣ, кадъ э буря чунове ныни непрїятеля на морю сокрушила, скоро сви оставши отъ глада испаяли, или иначе истреблѣни были, и они садове свое опетъ обновили и у притяжанїе узели, и їошть свагда на острову живутъ; све ово говоримъ я, и їошть съ другима чудеснима приключенїяма, коясу мене самога їошть у послѣдни 10. лѣта предсрѣла, можетъ быти, даћу я у будуща їошть еданъ кратъ свѣту позната учинити.

Конецъ перве части.

BIBLIOTEKA

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р18 Сро II 10.2